

ЖИЗНЬ ВЕРИ

2

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том второй

С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ

ВОКРУГ ЛУНЫ

ВВЕРХ ДНОМ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художник
Л. ЧЕРНЫШЕВ

Составитель
В. НИКИТИН

В35 **Верн Жюль**
Собрание сочинений: В 20 т. Т. 2: С Земли на Луну; Вокруг Луны: Романы / Пер. с фр. М. Вовчок. Вверх дном: Роман / Пер. с фр. Е. Лопыревой. — М.: ТЕРРА, 1997. — 384 с.

ISBN 5-300-01305-6 (т. 2)

ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828–1905) — всемирно известный французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, научные дерзания, вера в беспредельные возможности разума, способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все это определяет творчество Ж. Верна.

Во второй том Собрания сочинений включены романы «С Земли на Луну», «Вокруг Луны» и «Вверх дном».

УДК 82/89
ББК 84(4 Фр)

ISBN 5-300-01305-6 (т. 2)

ISBN 5-300-01303-X

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997

С ЗЕМЛИ
НА ЛУНУ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Пушечный клуб».

Во время гражданской войны в Соединенных Штатах новый чрезвычайно влиятельный клуб возник в Балтиморе, главном городе штата Мэриленд. Мы знаем, с какою силой пробудился тогда военный дух американцев — этого народа предпринимателей, купцов и механиков. Простые торговцы бросали свои прилавки и внезапно превращались в капитанов, полковников и генералов, отлично обходясь без дипломов военных училищ Вест-Пойнта; они быстро сравнились в «военном искусстве» с европейскими своими собратьями и, подобно им, не жалея ядер, миллионов, а главное, людей, стали одерживать победу за победой.

А в артиллерийской науке — в баллистике — американцы, на диво всем, даже превзошли европейцев. Нельзя сказать, чтобы их приемы стрельбы достигли большего совершенства, но они создали орудия необычайных размеров, бывшие на неслыханные до тех пор расстояния. В искусстве настильного, навесного и ураганного огня, флангового, продольного и тылового обстрела англичане, французы и пруссаки достигли высокого совершенства; но их пушки, гаубицы и мортиры кажутся простыми пистолетами по сравнению с колоссальными орудиями американской артиллерии.

Впрочем, тут нечему удивляться. Янки — первые механики в мире; они словно рождаются инженерами, как итальянцы — музыкантами, а немцы — метафизиками. Естественно, и в артиллерийскую науку они внесли свою смелую, подчас дерзкую изобретательность. Отсюда — их гигантские пушки, гораздо менее полезные, чем их швейные машины, но столь же удивительные и вызывающие еще большее восхищение. Всем известны необыкновенные огнестрельные орудия Паррота, Дальгрена и Родмена. Их европейским коллегам Армстронгу, Пализеру и Трей-де-Болю оставалось только преклониться перед своими заморскими соперниками.

Во время кровопролитной войны северян с южанами артиллеристы пользовались особенным почетом. Американские газеты

с восторгом возвещали об их изобретениях, и, кажется, не было такого мелкого лавочника или невежественного booby¹, который день и ночь не ломал бы голову над вычислением сумасшедших траекторий.

А когда у американца зародится идея, он ищет товарища, который разделит бы ее. Если во мнениях сойдутся трое, то один из них немедленно избирается председателем, а двое других — секретарями. Если их четверо, то назначается архивариус — и готово «бюро». Если их пятеро, то созывается «общее собрание» — и клуб учрежден!

Так было и в Балтиморе. Первый, кто изобрел новую пушку, вступил в союз с первым, кто согласился эту пушку отлить, и с первым, кто взялся ее высверлить. Так возникло «ядро» «Пушечного клуба». Через месяц клуб насчитывал уже 1833 действительных члена и 35 365 членов-корреспондентов.

Всякому желающему вступить в члены клуба ставилось *conditio sine qua pop²*, он должен был изобрести или, по меньшей мере, усовершенствовать пушку, а в крайнем случае какое-нибудь иное огнестрельное оружие. Нужно, однако, сказать, что изобретатели пятнадцатизарядных револьверов, нарезных штуцеров и сабель-пистолетов не пользовались особым почетом. Артиллеристы всюду и везде их затмевали.

— Уважение, которое они приобретают,— провозгласил однажды один из самых ученых ораторов «Пушечного клуба», — прямо пропорционально «массам» их пушек и «квадратам расстояний», которые пролетают их снаряды.

Еще немного — и можно было бы распространить Ньютонов закон всемирного тяготения на всю духовную жизнь.

Легко себе представить размах американской изобретательности после учреждения «Пушечного клуба». Военные орудия начали принимать колоссальные размеры, а снаряды стали перелетать через все дозволенные расстояния, иной раз разрывая в клочки безобидных прохожих. Все эти изобретения скоро оставили далеко позади скромные по своим размерам европейские орудия. Вот цифры.

Прежде, «в доброе старое время», ядро в тридцать шесть фунтов весом могло прострелить на расстоянии трехсот футов лишь тридцать шесть лошадей, поставленных поперек его пути, или шестьдесят восемь человек. Это была младенческая пора артиллерийского искусства. С тех пор снаряды далеко улетели вперед. Например, пушка Родмена была на расстоянии семи миль, и ее ядро, весом в полтонны, легко могло «скосить» сто пятьдесят лошадей и триста человек. В «Пушечном клубе» был даже возбужден вопрос, не произвести ли этот смелый опыт. Но если лошади и согласились бы подвергнуться подо-

¹ Простак, болван (англ.).

² Непременное условие (лат.).

бному испытанию, то среди людей, к сожалению, охотников не нашлось.

Во всяком случае, эти орудия были весьма смертоносны: при каждом их выстреле сражавшиеся падали целыми рядами, словно колосья под ударами косы. И какими жалкими по сравнению с такого рода снарядами показалось бы и знаменитое ядро, которое в 1587 году в битве при Кутра сразило двадцать пять человек, и то, которое в 1758 году при Цорндорфе убило сорок пехотинцев, и, наконец, австрийская пушка, поражавшая в битве при Кессельдорфе каждым своим выстрелом семьдесят человек. Что значили теперь наполеоновские пушки, убийственный огонь которых решил судьбу сражений при Иене и Аустерлице? Все это были лишь первые цветочки! В битве при Геттисберге конический снаряд, выпущенный из нарезной пушки, разом уложил сто семьдесят три южанина, а при переправе через реку Потомак один родмоновский снаряд отправил в лучший мир двести пятнадцать южан. Следует также упомянуть об огромной мортире, изобретенной Дж. Т. Мастоном, выдающимся членом и непременным секретарем «Пушечного клуба»; действие ее было крайне губительным: при ее испытании оказались убитыми триста тридцать семь человек; правда, все они погибли от взрыва самой мортиры!

Что еще остается добавить к этим красноречивым цифрам? Решительно ничего. Поэтому никто не станет оспаривать следующих вычислений статистика Питкерна: разделив число жертв артиллерийского огня на число членов «Пушечного клуба», он установил, что на каждого члена приходится «в среднем» по две тысячи триста семьдесят пять с дробью убитых!

Если вдуматься в эти цифры, то станет ясно, что единственной заботой этого ученого общества было истребление рода человеческого (хотя и в филантропических целях) путем усовершенствования боевых орудий, которые были приравнены к орудиям цивилизации. Это был своего рода союз ангелов смерти, которые в жизни, однако, отличались весьма добродушным нравом.

Необходимо, однако, добавить, что янки, как люди мужественные, не ограничивались одними вычислениями и нередко платили собственной жизнью ради торжества своего дела. Среди членов «Пушечного клуба» имелись офицеры всех рангов от поручиков до генералов; военные всех возрастов: и новички в военном деле, и старые служаки, поседевшие на боевом посту. Немало их полегло на поле брани, и имена их занесены в почетную книгу «Пушечного клуба», а у большинства других, вернувшихся с войны, остались неизгладимые следы их храбрости. В клубе можно было видеть целую коллекцию костей, деревянных ног, искусственных рук, ручных протезов с крючком, каучуковых челюстей, серебряных черепов и платиновых носов. Упомянутый выше статистик Питкern вычислил

также, что в «Пушечном клубе» приходилось меньше чем по одной руке на четырех человек и лишь по две ноги — на шестерых.

Но храбрые артиллеристы не придавали значения таким «мелочам» и по праву гордились, когда газеты сообщали, что в новом сражении число убитых и раненых превысило раз в десять число выпущенных снарядов.

Настал, однако, день, — печальный, досадный день! — когда оставшиеся в живых перестали убивать друг друга и был подписан мир. Прекратились выстрелы, замолк грохот мортир; надолго заткнули пасти гаубиц; пушки с опущенными жерлами были размещены по арсеналам, ядра сложены в пирамиды. Постепенно изгладились кровавые воспоминания; на полях, щедро удобренных человеческим мясом и напоенных кровью, роскошно разрослись хлопковые плантации; износились траурные платья, затихли страдания, и члены «Пушечного клуба» были обречены на полную бездеятельность.

Правда, иные неугомонные изобретатели продолжали еще проектировать невиданных размеров гранаты. Но что значила теория без практики? Залы «Пушечного клуба» мало-помалу опустели, в передних дремали лакеи, кипы газет на столах покрывались плесенью, из темных углов доносился заунывный храп, и члены клуба, еще недавно такие шумные, засыпали от скуки, предаваясь в одиночестве платоническим мечтам об успехах артиллерии.

— Прямо в отчаяние можно прийти! — жаловался однажды вечером в курительной комнате храбрый Том Гантер; он протянул свои деревянные ноги к камину, не замечая, что концы их понемногу начали обугливаться.

— Решительно нечего делать! И надеяться не на что! Что за унылое существование! Где то время, когда всякое утро нас будили веселые выстрелы пушек?

— Миновали счастливые дни! — отозвался ретивый Билсби, машинально пытаясь развести руками, которых у него не было. — Славное было житье! Бывало, изобретешь гаубицу, едва успеют ее отлить, и марш с нею на пробу прямо по неприятелю! Потом вернешься в лагерь — и Шерман тебя похвалит, либо сам Мак-Клеллан тебе руку пожмет! А теперь генералы вернулись в свои конторы и вместо снарядов выпускают... безобидные кипы хлопка из своих складов! Клянусь святой Барбарой, будущее артиллерии в Америке рисуется мне в самом мрачном свете!

— Верно, Билсби! — воскликнул полковник Блемсбери. — Какое жестокое разочарование!.. Зачем побросали мы свои мирные занятия, покинули свой родной Балтимор, зачем обучались военному делу? Зачем совершали мы геройские подвиги на поле битвы? Неужто только для того, чтобы через два-три года все на-

ши труды пошли прахом?.. Сиди теперь без дела да позевывай, сунув руки в карманы!

По правде сказать, воинственному полковнику трудно было бы подтвердить свои слова соответствующим жестом: карманы-то у него были, но рук не осталось.

— Никакой войны даже не предвидится! — вздохнул знаменитый Дж. Т. Мастон, почесывая свой гуттаперчевый череп железным крючком, заменявшим ему руку. — Ни единого облачка на горизонте... а между тем в артиллерийской науке столько еще пробелов! Кстати сказать, сегодня утром я закончил чертежи новой мортиры — горизонтальный разрез и схему; орудие это может в корне изменить законы войны!..

— В самом деле? — воскликнул Том Гантер, которому невольно представилась картина «пробы» последнего изобретения достопочтенного Масто́на.

— В самом деле! — отвечал Мастон. — Но, спрашивается, ради чего я столько работал, ломал голову над сложными вычислениями? Не напрасно ли я трудился? Народы Нового Света точно сговорились жить в вечном мире. Наша воинственная «Трибюн» пророчит человечеству самое мрачное будущее в связи с увеличением народонаселения, принимающим прямо-таки неподозволительные размеры.

— Вы забываете, Мастон, — возразил полковник Блемсбери, — что в Европе продолжают войны, — там еще не угасла национальная вражда.

— Ну так что же?

— Ну так можно попытаться там что-нибудь предпринять, если только они примут наши услуги...

— Что вы, что вы! — воскликнул Билсби. — Заниматься баллистикой на пользу иностранцам?

— Это все-таки лучше, чем вовсе ею не заниматься! — заявил полковник.

— Разумеется лучше! — вставил Мастон. — Но об этом и думать не стоит.

— Почему же? — удивился полковник.

— Да потому, что у них, в Старом Свете, понятия о военной карьере для нас, американцев, совсем не приемлемые. Этим людям даже в голову не приходит, что можно сделаться главнокомандующим, не начав службы с чина подпоручика... Ведь это все равно что утверждать, будто нельзя быть хорошим наводчиком, если не умеешь сам пушки отливать! А это сущая...

— Нелепость! — подхватил Том Гантер, кромсая охотничьим ножом ручку своего кресла. — Итак, при настоящем положении дел нам остается только сажать табак или перегонять китовый жир!

— Как! — воскликнул Мастон громовым голосом. — Неужели мы состаримся и умрем, не посвятив последние годы жизни усовершенствованию огнестрельных орудий? Нам не

представится случая испытать дальнобойность наших пушек? Небо не озарится больше огнем наших залпов? Неужели никогда не возникнут международные осложнения, которые позволят нам объявить войну какой-нибудь заморской державе? Неужели французы так-таки не потопят ни одного нашего корабля? Неужели англичане не нарушат ни разу международного права, — ну, например, не вздернут трех-четырех наших земляков?

— Нет, Мэстон, — возразил полковник Блемсбери, — не упадет нам подобного счастья! Нет! Не произойдет ни одного инцидента, а если и произойдет, мы не сумеем им воспользоваться. Национальная гордость в Соединенных Штатах слабеет с каждым днем; скоро все мы сделаемся сущими бабами!..

— Да, нам нередко приходится унижаться! — согласился Билсби.

— Больше того — нас унижают! — воскликнул Том Гантер.

— Истинная правда! — подхватил с новой силою Мэстон. — В воздухе носятся тысячи поводов к войне, а войны все нет как нет! Наше правительство заботится о сбережении ног и рук у людей, которые не знают, что им делать со своими конечностями. А зачем далеко искать повода к войне: разве Северная Америка раньше не принадлежала англичанам?

— Без сомнения! — воскликнул Том Гантер, яростно размишывая своим костылем угли в камине.

— Если так, — продолжал Мэстон, — то почему бы Англии в свою очередь не принадлежать американцам?

— Вот это справедливо! — вырвалось у полковника Блемсбери.

— А пойдите-ка предложите это президенту Соединенных Штатов! — крикнул Мэстон. — Как он вас примет, а?

— Плохо примет! — процедил Билсби сквозь последние четыре зуба, уцелевшие от войны.

— Клянусь честью, — воскликнул Мэстон, — пускай на следующих выборах он не рассчитывает на мой голос!

— И наших он не получит! — дружно подхватили воинственные инвалиды.

— Итак, — заключил Мэстон, — вот мое последнее слово: если мне не дадут возможности испытать мою новую мортиру на настоящем поле битвы, я выхожу из членов «Пушечного клуба» и уезжаю из Балтимора. Лучше похороню себя заживо в саваннах Арканзаса.

— И мы последуем за вами, — подхватили товарищи отважного Дж. Т. Мэстона.

Таково было положение дел в клубе; брожение умов становилось все сильнее, клубу уже грозила опасность скорого распада, но одно неожиданное событие предотвратило эту катастрофу.

На другой день после описанной беседы каждый из членов клуба получил следующее циркулярное послание:

«Балтимор, 3 октября.

Председатель «Пушечного клуба» имеет честь уведомить своих сочленов, что на общем собрании 5-го числа текущего месяца он сделает сообщение, способное вызвать у них самый живой интерес. Вследствие этого он покорнейше просит членов клуба, отложив свои очередные дела, пожаловать на это заседание.

С сердечным приветом

ваш Импи Барбикен, П. П. К.».

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сообщение председателя Барбикена.

5 октября, в восемь часов вечера, целая толпа теснилась в залах клуба, в доме № 21 на Юнион-сквере. Все без исключения члены клуба, проживавшие в Балтиморе, сочли долгом явиться на приглашение своего председателя. Сотни иногородних членов-корреспондентов выходили из курьерских поездов, прибывавших в Балтимор. Как ни велик был зал заседаний, он не мог вместить всех стремившихся туда попасть; ученый люд наводнил соседние залы и коридоры, занял даже половину наружного двора. Огромная толпа «посторонних лиц» теснилась у дверей клуба, всякий старался пробраться вперед, чтобы поскорее что-нибудь узнать о важном сообщении председателя Барбикена; граждане толкались, мяли друг другу бока, протискиваясь с энергией и непринужденностью, характерными для народа, воспитанного в духе «selfgovernment»¹.

Иностранец, который в этот вечер очутился бы в Балтиморе, ни за какие деньги не смог бы проникнуть в центральный зал «Пушечного клуба». Кроме действительных членов и членов-корреспондентов, никто не имел права доступа в него, даже самые значительные в городе лица и местные власти были вынуждены стоять в толпе горожан на дворе клуба и ловить на лету новости, которые время от времени передавались из внутренних помещений.

Огромный hall² клуба представлял любопытное зрелище. Этот обширный зал на редкость соответствовал своему назначению. Легкие его своды — искусно отштампованное железное кружево — держались на высоких колоннах из отвесно поставленных пушечных стволов; устоями для колонн служили толстые мортиры. Стены были живописно украшены затейливыми узорами из мушкетов, мушкетонов, аркебузов, карабинов и другого огнестрельного оружия, старинного и новейшего. Тысячи револьверов, соединенных наподобие люстр, жирандоли из пистолетов и канделябры из связанных пучками ружей раз-

¹ Самоуправления (англ.).

² Зал (англ.).

ливали яркий газовый свет. В этом изумительном освещении выделялись модели пушек, бронзовые орудия, простреленные мишени, металлические доски, пробитые снарядами «Пушечного клуба», всевозможных видов прибойники и банники, пирамиды ядер, гирлянды гранат — словом, все, имевшее отношение к артиллерии.

Эти художественно сгруппированные коллекции производили впечатление скорее декоративных принадлежностей, чем устрашающих орудий смерти.

На почетном месте, за великолепной витриной, красовался осколок пушечной «тарели», разбитый, изломанный, скрученный от действия пороховых газов, — драгоценный остаток пресловутой мортиры Дж. Т. Масто́на.

Председатель восседал в глубине зала, на обширном помосте, окруженный четырьмя секретарями. Кресло его, поставленное на покрытом резьбой пушечном лафете, имело внушительный вид мортиры с тридцатидвухдюймовым жерлом, установленной под углом 90° и подвешенной на осях так, что во время жары председатель всегда мог освежиться, покачиваясь в ней как в *rocking-chairs*¹. Председательский стол заменен был большим куском листового железа, лежавшим на шести старинных морских пушках; чернильницей служила превосходно вырезанная граната, а председательский звонок издавал выстрелы вроде револьверных. Но во время жарких дискуссий даже и этот своеобразный звонок еле покрывал своими залпами голоса пылких артиллеристов.

Перед президиумом расположены были зигзагами в виде крепостных валов и окопов скамьи аудитории, где сидели члены «Пушечного клуба»; в этот вечер не без оснований можно было сказать, что весь гарнизон «Пушечного клуба» находился в боевой готовности. Члены клуба были все в сборе. Они слишком хорошо знали своего председателя и были убеждены, что он не стал бы их беспокоить без крайне уважительной причины.

Импи Барбикен был человек лет сорока, спокойный, холодный, суровый, обладавший серьезным, сосредоточенным умом, точный, как хронометр, с непоколебимым характером и железной волей; он, правда, не отличался рыцарскими наклонностями, но любил приключения и вносил свой практический дух в самые рискованные предприятия. Это был типичный представитель Новой Англии, северянин-колонизатор, потомок «круглоголовых», роковых для династии Стюартов, неумолимый враг «господ» южных штатов, этих бывших кавалеров Старой Англии. Словом, это был янки с головы до ног...

Барбикен нажил большое состояние, торгуя лесом. Когда вспыхнула война, он был назначен начальником артиллерии; на этом посту он прославился рядом изобретений и удивительной

¹ Качалка (англ.).

смелостью своих идей. Отважный новатор, он значительно содействовал успехам артиллерии и производил свои опыты в беспримерно широком масштабе.

Это был мужчина среднего роста, сохранивший в целости все свои конечности, что являлось редкостью в «Пушечном клубе». Резкие черты его лица, казалось, были вычерчены при помощи наугольника и рейсфедера, и если, как говорят, можно угадать характер человека, всмотревшись в его профиль, то профиль Барбикена неоспоримо доказывал его энергию, смелость и хладнокровие.

В данную минуту он сидел молча и неподвижно в председательском кресле, поглощенный своими мыслями; на лоб его был надвинут черный шелковый цилиндр, который словно привинчен к голове американца.

Барбикен не обращал никакого внимания на шумный говор окружавших его людей, хотя они задавали друг другу вопросы, высказывали всякого рода предположения; некоторые в упор смотрели на председателя, напрасно стараясь разгадать его тайну, но лицо Барбикена оставалось невозмутимым.

Наконец часы в зале заседаний громко пробили восемь. Барбикен мгновенно встал во весь рост, точно подброшенный пружиной; зал сразу умолк, и оратор заговорил несколько торжественным тоном:

— Уважаемые коллеги! Слишком затянувшийся бесплодный мир уже долгое время обрекает членов «Пушечного клуба» на печальную бездеятельность. После нескольких лет блестящего оживления нам пришлось прекратить все наши работы и сразу остановиться на пути прогресса. Я не боюсь объявить во всеуслышание, что для нас крайне желательна какая бы то ни было война, которая сразу дала бы нам в руки оружие...

— Да, война! Необходима война! — крикнул пылкий Дж. Т. Мастон.

— Слушайте, слушайте! — раздалось со всех сторон.

— Однако война при нынешних обстоятельствах невысказана, — продолжал Барбикен, — и как бы ни жаждал ее почтенный оратор, только что прервавший мою речь своим пламенным восклицанием, еще долгие годы протекут, прежде чем на поле битвы снова загремят выстрелы наших орудий. С этим фактом надо примириться и на другом поприще искать выхода для пожирающей нас жажды деятельности.

Собрание почувствовало, что председатель сейчас затронет основную тему своей речи. Внимание удвоилось.

— Вот уже несколько месяцев, уважаемые сочлены, — продолжал Барбикен, — как я задал себе вопрос: нельзя ли нам, не выходя за пределы нашей специальности, отважиться на какое-нибудь выдающееся предприятие, достойное девятнадцатого столетия, и не позволят ли высокие достижения баллистики с успехом его осуществить? Долго я думал, искал, тру-

дился, вычислял и пришел к убеждению, что нам удастся осуществить одно предприятие, которое во всяком другом государстве показалось бы несбыточным. Проект задуманного дела разработан мною во всех подробностях. Он-то и составит предмет моего сообщения. Дело это достойно вас, достойно славного прошлого «Пушечного клуба» и без сомнения произведет шум на весь мир.

— А большой шум? — спросил какой-то пылкий артиллерист.

— Да, очень сильный шум, даже в буквальном смысле этого слова, — ответил Барбикен.

— Не перебивайте! — раздались голоса.

— Уважаемые коллеги, — снова начал Барбикен, — прошу вас теперь уделить мне все ваше внимание.

По собранию пробежал нервный трепет. Поправив уверенным жестом свой цилиндр, Барбикен продолжал спокойным голосом:

— Каждый из вас, конечно, не раз видел Луну или по крайней мере слышал о ней. Не удивляйтесь, что я заговорил об этом ночном светиле. Быть может, нам суждено сделаться Колумбами неведомого мира! Поймите меня, поддержите меня — и я поведу вас на завоевание Луны! Мы присоединим ее имя к тем тридцати шести штатам, которые образуют великую державу Соединенных Штатов!

— Да здравствует Луна! — крикнул в один голос весь «Пушечный клуб».

— Луна изучена весьма подробно, — продолжал Барбикен, — уже давно точно определены ее масса, плотность, вес, объем, состав, движение, расстояние от Земли и вообще ее роль в Солнечной системе; лунные карты составлены едва ли не подробнее, чем земные, и фотография дала уже снимки лунных пейзажей несравненной красоты. Одним словом, о Луне нам известно все, что только можно было узнать при помощи математики, астрономии, физики и геологии. Но до сих пор еще нет... прямого сообщения с Луной.

При этих словах аудитория вздрогнула от изумления.

— Позвольте мне, — продолжал Барбикен, — напомнить вам в немногих словах о тех фантазерах, которые пускались в воображаемые путешествия и утверждали, будто проникли в сокровенные тайны спутника Земли. В семнадцатом веке некто Давид Фабрициус хвалился тем, что видел собственными глазами жителей Луны. В тысяча шестьсот сорок девятом году один француз, Жан Бодуэн, выпустил книгу под заглавием: «Путешествие, совершенное на Луну Домиником Гонзалесом, испанским искателем приключений». Почти в то же время Сирано де Бержерак описал экспедицию на Луну в своей книге, которая имела во Франции громадный успех. Позже другой француз, — нужно признать, что французы очень интересуются Луною, — извест-

ный Фонтенель, написал «Множественность миров» — одну из самых блистательных книг своего века. Но наука идет вперед, обгоняя даже фантазию писателей. В тысяча восемьсот тридцать пятом году появилась любопытная брошюра, — взятая из журнала «Нью-Йорк Америкэн», — в которой рассказывалось, что знаменитый астроном Джон Гершель во время своей экспедиции на мыс Доброй Надежды создал настолько усовершенствованный телескоп, да еще с «внутренним освещением», что мог видеть Луну как бы с расстояния восьмидесяти ярдов. Гершель будто бы ясно разглядел на Луне пещеры, в которых жили бегемоты, зеленые горы, окаймленные золотым кружевом роцц, видел баранов с рогами цвета слоновой кости, белых косуль и обитателей, похожих на людей, но с перепончатыми крыльями, как у летучих мышей. Эта брошюра, написанная американцем Локком, имела необычайный успех. Скоро, однако, выяснилось, что это была научная мистификация, и французы первые посмеялись над нею.

— Посмеялись над американцем! — воскликнул Масто́н. — Вот вам и *casus belli*¹...

— Успокойтесь, мой достойный друг! Прежде чем посмеяться, французы сами оказались в дураках, потому что сначала поверили нашему соотечественнику. Чтобы закончить этот краткий исторический обзор, добавлю, что некий Ганс Пфааль из Роттердама, наполнив шар газом, извлеченным из азота и оказавшимся в тридцать семь раз легче водорода, поднялся на нем и достиг Луны через девятнадцать дней. Это путешествие, так же как и все предыдущие, было, конечно, воображаемым, но его сочинил один из любимых писателей Америки, своеобразный фантастический талант. Я имею в виду Эдгара По.

— Да здравствует Эдгар По! — воскликнула аудитория, наэлектризованная речью председателя.

— Я покончил с попытками, которые назову чисто беллетристическими и совершенно недостаточными для установления сношений Земли с Луною. Должен, однако, прибавить, что были и серьезные, научно обоснованные попытки войти в общение с Луною. Так, например, несколько лет назад один немецкий математик предложил снарядить ученую экспедицию в сибирские степи. Там, среди широких равнин, можно было бы при помощи рефлекторов изобразить гигантские геометрические фигуры, и притом настолько яркие, что они будут видны с Луны, между прочим Пифагоров треугольник, который в просторечии называют «Пифагоровы штаны». «Всякое разумное существо, — утверждал геометр, — должно понять научное значение этой фигуры. Поэтому селениты, если только они существуют, ответят подобной же фигурой, и тогда легко будет создать алфавит, кото-

¹ Повод к войне (лат.).

рый даст людям возможность обмениваться мыслями с обитателями Луны».

Так говорил немецкий математик, но его проект не был осуществлен, и до сих пор не установлено никакой связи между Землей и Луной. Однако я убежден, что практический гений американцев установит связи с этим небесным телом. Есть средство достигнуть Луны; средство простое, легкое, верное, надежное,— и о нем я хочу вам сообщить.

Оглушительный шум, целая буря восклицаний приветствовали речь Барбикена. Слушатели все до одного были увлечены, порваны, захвачены словами оратора.

— Слушайте, слушайте! Да замолчите же! — стали кричать со всех сторон.

Когда волнение улеглось, Барбикен заговорил еще более торжественным тоном:

— Вам известно, какие успехи сделала баллистика за последние годы и до какой высокой степени совершенства могли бы прийти огнестрельные орудия, если бы война все еще продолжалась! Вы знаете также, что сила и прочность орудий и метательная сила пороховых газов могут быть безгранично увеличены. Так вот, исходя из этих принципов, я задал себе вопрос: возможно ли из орудия достаточных размеров, достаточной мощности и установленного должным образом пустить ядро на Луну?

При этих словах из тысячи глоток вырвалось единодушное «ох». На минуту наступило молчание, подобное глубокой тишине, предшествующей громовому удару. И действительно, тотчас же разразился гром: гром криков и аплодисментов, такой гам, что от него задрожал весь громадный зал собрания. Барбикен пытался продолжать свою речь, но это было невозможно. Только через десять минут добился он того, что его стали слушать.

— Дайте мне закончить,— хладнокровно продолжал Барбикен.— Я смело приступил к этому вопросу, я обсудил его со всех сторон и, на основании бесспорных вычислений, могу утверждать, что снаряд, обладающий начальной скоростью в двенадцать тысяч ярдов¹ в секунду, при точном прицеле неизбежно должен долететь до Луны. Итак, достойные сочлены, я имею честь предложить вам произвести этот небольшой опыт.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Эффект, произведенный сообщением Барбикена.

Невозможно описать бурный эффект, вызванный речью достойного председателя. Крики! Восклицания! Оглушительный рев! Со всех сторон раздавалось: «Гип! Гип! Ура!» — и прочие междо-

¹ Ярд равен 914,402 мм.

метия, столь распространенные в американском диалекте. Вопили во всю глотку, бешено хлопали, стучали ногами, потрясая стены зала. Залп из всех орудий этого музея не сотряс бы воздуха с такой бешеной силой. Впрочем, тут нечему удивляться. Ведь иные канониры шумят порою едва ли не громче своих пушек.

Среди этого восторженного гама Барбикен сохранял невозмутимое спокойствие. Вероятно, он хотел еще что-то сказать своим сочленам — он поднимал руку, пытаясь водворить молчание, и его звонок давал один оглушительный выстрел за другим. Но их даже не было слышно. Друзья и коллеги сорвали его с кресла и с триумфом понесли на руках; затем им завладела не менее возбужденная уличная толпа.

Американца ничем не удивишь. Говорят, будто слово «невозможно» для французов не существует, но это сказано не по адресу. Только в Америке все кажется простым и легким, а что касается затруднений технического порядка, то их там нет и в помине. Ни один чистокровный янки не позволил бы себе усмотреть какую-либо разницу между проектом Барбикена и его осуществлением. Сказано — сделано.

Весь вечер продолжалось триумфальное шествие при свете бесчисленных факелов. Тысячи людей различных национальностей — ирландцев, немцев, французов, шотландцев, из которых состоит население штата Мэриленд, каждый на своем родном наречии выкрикивали восторженные приветствия, и все эти «виваты», «ура», «браво» сливались в общий невообразимый рев.

И, словно понимая, что речь идет о ней, Луна предстала во всем своем блеске, затмевая ярким сиянием все огни Земли. Глаза всех были устремлены на ее сверкающий диск: одни приветствовали ее, махая рукой; другие называли самыми нежными именами; третьи словно мерили ее взглядом; были и такие, что грозили ей кулаком. За время с восьми часов вечера до полуночи один из оптиков центральной улицы Джонс-Фолл-стрит нажил целое состояние, распродав весь запас своих труб и биноклей. Луну лорнировали, точно даму высшего света. Многие янки уже бесцеремонно называли ночное светило своею собственностью. Казалось, эти отважные завоеватели уже завладели светлокудрой Фебой и она стала составной частью территории Соединенных Штатов. Между тем речь шла покамест лишь о том, чтобы пустить ядро в Луну, — довольно-таки грубый способ установить сношения, однако весьма распространенный в цивилизованных странах.

Городские часы пробили полночь, а восторги толпы все не унимались; их разделяли все классы населения: судьи, ученые, коммерсанты, лавочники, носильщики; люди образованные, как и уличные зеваки, были потрясены до глубины души. Ведь дело шло о всенародном национальном предприятии! Поэтому и в «верхнем» городе, и в «нижнем», и на набережных реки Патапско, и на кораблях, стоявших в доках, толпа пьянела от радости,

джина и виски; все говорили, произносили речи, обсуждали, спорили, аплодировали — все, начиная с джентльменов, небрежно развалившихся на диванах в барах и тянувших из кружек шерри, и кончая портовыми рабочими, напивавшимися пойлом «вырви-глаз» в мрачных тавернах Фелс-Пойнта!

Лишь к двум часам ночи улеглось волнение в городе. Барбикену наконец удалось вернуться домой; он чувствовал себя разбитым, помятым, изломанным. Сам Геркулес изнемог бы от такого испытания.

Улицы и площади постепенно пустели. Поезда четырех железнодорожных линий — Огайо, Сускеганны, Филадельфии и Вашингтона, скрещивающихся в Балтиморе, — увезли иногородних гостей во все концы Соединенных Штатов, и в городе наступило, наконец, сравнительное спокойствие.

Впрочем, было бы ошибкой думать, что в этот достопамятный вечер волнением был охвачен один Балтимор. Все большие города Соединенных Штатов — Нью-Йорк, Бостон, Олбани, Вашингтон, Ричмонд, Кресент-Сити, Сан-Франциско, Чарльстаун, Мобил и другие — от Техаса до Массачусетса и от Мичигана до Флориды отдали дань этой горячке. Ведь все тридцать тысяч членов-корреспондентов «Пушечного клуба» своевременно получили письмо своего председателя и с нетерпением ожидали известий о содержании сенсационного доклада, назначенного на 5 октября. И в тот вечер, как только слова Барбикена слетали с его уст, они тотчас же неслись по телеграфным проводам во все штаты со скоростью двухсот сорока тысяч четырехсот сорока семи миль в секунду. И можно с уверенностью сказать, что не только в тот же вечер, но почти в тот же самый час по всей громадной территории Соединенных Штатов, в десять раз превосходящей территорию Франции, раздалось единодушное «ура» и одновременно в порыве национальной гордости затрепетали сердца двадцати пяти миллионов жителей.

На следующее утро проект Барбикена подхватили полторы тысячи газет и журналов: ежедневных, еженедельных и месячных; они рассмотрели его со всех сторон: физической, метеорологической, экономической и моральной, с точки зрения политических преимуществ и интересов цивилизации. Пресса поставила вопросы: представляет ли Луна уже застывшую планету или на ней происходят еще какие-либо изменения? Похожа ли она на Землю той эпохи, когда наша планета не имела еще атмосферы? Что происходит на той стороне Луны, которая всегда остается невидимой для Земли? И хотя речь шла только о том, чтобы пустить ядро в ночное светило, все считали, что стоят на пороге новых грандиозных опытов; все надеялись, что именно Америке суждено разгадать последние тайны спутника Земли, а некоторые даже опасались, как бы завоевание Луны не нарушило заметным образом политического равновесия Европы.

Но ни один газетный листок не усомнился в возможности осу-

шествовать эту затею; сборники, брошюры, бюллетени, журналы всевозможных обществ — научных, литературных и религиозных — распространялись о достоинствах проекта, а Бостонское общество естествознания, Олбанская американская ассоциация наук и искусств, Нью-Йоркское географическое и статистическое общество, Филадельфийское философское общество, Смитсоновский институт в Вашингтоне послали «Пушечному клубу» не только поздравления, но и предложения денежных сумм и всяческого содействия.

Можно утверждать, что никогда еще ни один ученый проект не имел такого множества сторонников, как барбикеновский: он не вызвал ни колебаний, ни сомнений, ни опасения. Что касается шуток, карикатур и песенок, которые посыпались бы градом на подобный проект — пустить ядро на Луну, — будь он предложен в Европе и в особенности во Франции, — то в Америке не появилось ни одной, ибо авторам их не поздоровилось бы. Есть вещи, над которыми в Новом Свете запрещено смеяться.

Поэтому Импи Барбикен сразу сделался одним из знаменитых граждан Соединенных Штатов, чем-то вроде Вашингтона в научной области. Вот один из примеров того, как далеко может зайти поклонение целого народа одному человеку.

Через несколько дней после знаменитого заседания «Пушечного клуба» антрепренер одной английской драматической труппы, игравшей в балтиморском театре, анонсировал представление комедии «Много шума из ничего». Но граждане Балтимора, усмотрев в этом названии злостный намек на проект председателя Барбикена, ворвались в театр, разломали кресла и заставили злополучного антрепренера уничтожить афиши. Как человек сообразительный, он преклонился перед народной волей, заменил незадачливую комедию другой — «Как вам угодно!» и несколько недель подряд делал неслыханные сборы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ответ Кембриджской обсерватории.

Бурные овации не вскружили голову Барбикену. Не теряя ни минуты, он немедленно собрал своих сочленов в помещении «Пушечного клуба». На этом заседании решено было сперва запросить ученых относительно астрономической стороны предприятия, а получив их ответы, тщательно обсудить всю техническую сторону вопроса, чтобы обеспечить успех великому проекту.

Тотчас же была составлена срочная записка с перечнем специальных вопросов, которую направили в обсерваторию города Кембриджа, в штат Массачусетс. В этом городе был некогда основан первый в Соединенных Штатах университет, который славится своей обсерваторией. Там работают самые крупные ученые Северной Америки; там находится мощный телескоп, кото-

рый позволил Бонду определить природу туманности в созвездии Андромеды, а Кларку — открыть спутник Сириуса. Это знаменитое учреждение во всех отношениях заслуживало доверия «Пушечного клуба».

Два дня спустя ответ, которого ждали с великим нетерпением, был уже в руках председателя Барбикена.

Он гласил следующее:

«ДИРЕКТОР ОБСЕРВАТОРИИ В КЕМБРИДЖЕ —
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ «ПУШЕЧНОГО КЛУБА» В БАЛТИМОРЕ.

Кембридж, 7 октября.

Немедленно по получении 6 октября Вашего запроса на имя обсерватории в Кембридже от имени членов «Пушечного клуба» в Балтиморе, было созвано экстренное заседание совета обсерватории и постановлено сообщить вам следующее:

На обсуждение были предложены нижеследующие вопросы:

1. Возможно ли, чтобы пушечное ядро долетело до Луны?
2. Каково точное расстояние от Земли до ее спутника?
3. Какова будет продолжительность полета снаряда, пущенного с достаточной начальной скоростью, и в какой момент должен быть пущен снаряд, чтобы он мог достигнуть Луны в определенной точке ее поверхности?

4. В какой именно момент Луна будет находиться в положении наиболее благоприятном для того, чтобы ядро достигло ее поверхности?

5. В какую именно точку небесной сферы следует нацелить пушку, из которой будет пущен снаряд на Луну?

6. В какой точке небосвода будет находиться Луна в момент, когда выстрелит пушка?

Ответ на первый вопрос: «Возможно ли, чтобы пушечное ядро долетело до Луны?»

Да, снаряд может долететь до Луны, если удастся придать ему начальную скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду. Вычисления подтверждают, что такая скорость вполне достаточна. По мере удаления от Земли сила притяжения будет изменяться обратно пропорционально квадрату расстояния, то есть если расстояние увеличится в три раза, притяжение уменьшится в девять раз. Таким образом, вес ядра будет быстро уменьшаться и, наконец, станет равным нулю — в тот момент, когда сила притяжения ядра Луною окажется равной силе притяжения его Землей, то есть ядро проделает сорок семь пятьдесят вторых всего пути. В этот момент ядро потеряет свой вес, и если оно пролетит еще дальше, то упадет на Луну, попав в сферу лунного притяжения. Поэтому теоретическую возможность опыта можно считать вполне доказанной; фактическая же его успешность будет зависеть исключительно от силы орудия.

Ответ на второй вопрос: «Каково точное расстояние от Земли до ее спутника?»

Луна описывает вокруг Земли не круг, а эллипс, в одном из фокусов которого находится наша планета; вследствие этого Луна в разное время находится в различных расстояниях от Земли; наибольшее расстояние называется апогеем, наименьшее — перигеем. Как известно, разность между наибольшим и наименьшим расстоянием довольно велика, так что ею нельзя пренебрегать. В самом деле, в своем апогее Луна отстоит от Земли на 247 552 мили, а в перигее — всего на 218 657 миль; разница между двумя расстояниями достигает 28 895 миль, то есть одной девятой части пути снаряда. Поэтому в основу вычислений надо брать кратчайшее расстояние до Луны.

Ответ на третий вопрос: «Какова будет продолжительность полета снаряда, выпущенного с достаточной начальной скоростью, и в какой момент должен быть выпущен снаряд, чтобы он мог достигнуть Луны в определенной точке?»

Если бы ядро все время сохраняло первоначальную скорость 12 тысяч ярдов в секунду, оно долетело бы до Луны приблизительно в девять часов; но так как скорость ядра непрерывно убывает, то, как показывают вычисления, понадобится 300 тысяч секунд, то есть 83 часа 20 минут, чтобы ядро достигло точки, где притяжение ядра Землею и притяжение его Луною окажутся равными между собой; начиная с этой точки ядро будет падать на Луну в течение 50 тысяч секунд, то есть 13 часов 53 минуты и 20 секунд. Поэтому ядро следует выпустить за 97 часов 13 минут и 20 секунд до прохождения Луны через намеченную точку ее пути.

Ответ на четвертый вопрос: «В какой именно момент Луна будет находиться в положении наиболее благоприятном для того, чтобы ядро достигло ее поверхности?»

На основании вышесказанного необходимо прежде всего определить время, когда Луна будет находиться в перигее, а также момент, когда она будет в зените; тогда расстояние убавится еще на величину земного радиуса, то есть на 3919 миль; поэтому длина пути снаряда окончательно определится примерно в 214 976 миль. Но хотя Луна и каждый месяц бывает в перигее, она не всегда находится в этот момент в зените. Подобное совпадение повторяется через большие промежутки времени. Поэтому необходимо дожидаться момента нахождения ее в перигее и в зените. К счастью, такое совпадение произойдет 4 декабря будущего года: ровно в полночь Луна будет в своем перигее, то есть в наименьшем расстоянии от Земли, и в тот же момент окажется в зените.

Ответ на пятый вопрос: «В какую именно точку небосвода следует нацелить пушку, из которой будет выпущен снаряд на Луну?»

Из предыдущих указаний явствует, что пушку нужно целить в зенит того места, где будет произведен выстрел; следовательно, направление выстрела будет перпендикулярно к плоскости горизонта, и таким образом снаряд быстрее освободится от действия

земного притяжения. Но, чтобы Луна могла пройти через зенит данного места, надо, чтобы географическая широта этого места не превышала градуса отклонения этого светила, другими словами — оно должно находиться между 0° и 28° северной или южной широты. Во всяком другом месте придется целить под острым углом, и это явится крайне неблагоприятным условием для успеха опыта.

Ответ на шестой вопрос: «В какой точке небосвода будет находиться Луна в момент, когда выстрелит пушка?»

Так как в течение суток Луна передвигается по небу с запада на восток на $13^\circ 10'35''$, то в момент выстрела она должна находиться западнее зенита на расстоянии, в четыре раза превышающем ее суточный путь, то есть на $52^\circ 42'20''$; это как раз то расстояние, которое она должна пройти во время полета ядра. Кроме того, необходимо принять во внимание отклонение ядра от вертикального направления вследствие вращательного движения Земли. К моменту, когда ядро достигнет Луны, она отклонится на расстояние, равное шестнадцати земным радиусам, что в применении к лунной орбите составляет примерно $11'$. Эти $11'$ следует прибавить к цифре, выражающей отклонение Луны от зенита, что составит в круглых числах 64° . В общем, в момент выстрела луч зрения от данного места к центру Луны должен составить угол в 64° с вертикалью данного места.

Из этого вытекает следующее:

1. Пушка должна быть установлена в местности, находящейся между 0° и 28° северной или южной широты.

2. Пушка должна быть нацелена в зенит этой местности.

3. Снаряд должен обладать первоначальной скоростью 12 тысяч ярдов в секунду.

4. Выстрел должен произойти 1 декабря следующего года в 10 часов 46 минут 40 секунд вечера.

5. Снаряд достигнет Луны через 4 дня, то есть 4 декабря, ровно в полночь, когда центр Луны будет проходить через зенит.

Посему членам «Пушечного клуба» надлежит безотлагательно приступить к необходимым работам и к указанному сроку быть совершенно наготове; если они пропустят 4 декабря, им придется ждать 18 лет и 11 дней, пока вновь не совпадет нахождение Луны в перигее с прохождением ее через зенит.

Совет Кембриджской обсерватории предоставляет себя в полное распоряжение членов «Пушечного клуба» для разрешения всяких теоретических астрономических вопросов и в настоящем письме присоединяет свои поздравления к поздравлениям всей Америки.

За членов совета

Дж. М. Бельфаст,
директор обсерватории в Кембридже.

Если бы наблюдатель, одаренный бесконечно острым зрением, очутился в том неведомом центре, вокруг которого обращается вселенная, в эпоху, когда мир находился еще в хаотическом состоянии, он увидел бы неисчислимые мириады атомов, которые заполняли все космическое пространство. Но мало-помалу в течение бесчисленных веков произошли перемены: проявился закон всемирного тяготения, под влияние которого подпали блуждающие атомы; эти атомы стали соединяться, группируясь в силу химического средства; так возникли молекулы, образовавшие скопление материи — туманности, которыми усеяны глубины небес. Эти скопления материи тотчас получили вращательное движение вокруг центральной точки. Этот центр, состоящий из разрыхленных молекул, начал также вращаться вокруг своей оси; причем, по непреложным законам механики, по мере того как уменьшался вследствие сжатия его объем, движение его ускорялось, и в результате этих двух непрерывно действующих факторов в туманности образовалось центральное ядро — главная ее звезда.

Внимательно вглядываясь, наблюдатель заметил бы, что и остальные молекулы, образующие скопление материи, проходят через те же стадии, точно так же сгущаются в результате все ускоряющегося вращательного движения, образуя несметное число звезд, вращающихся вокруг центрального светила. Так возникло звездное скопление, или туманность. Таких туманностей насчитывают в настоящее время до пяти тысяч.

Одна из этих пяти тысяч туманностей, получившая название Млечного Пути, насчитывает восемнадцать миллионов звезд, каждая из которых является центром своего «мира».

Если бы наблюдатель остановил свое внимание на одном из этих восемнадцати миллионов светил, довольно скромном и не особенно ярком, на звезде четвертой величины, которая носит гордое название Солнца, — он увидел бы, как она последовательно проходит все стадии процесса, приводящего к возникновению космических тел.

Сперва он увидел бы, как Солнце, еще газообразное, состоящее из подвижных молекул, вращается вокруг своей оси, постепенно сгущаясь. Согласно законам механики, это движение должно было все ускоряться по мере уменьшения объема, и должен был наступить момент, когда центробежная сила преодолеет силу центростремительную, притягивающую молекулы к центру.

Тогда наблюдатель стал бы свидетелем нового явления: находящиеся в зоне экватора несчетные молекулы отлетели бы от Солнца, как камень от пращи, и приняли бы форму колец, наподобие тех, которые окружают Сатурн. Но эти кольца космиче-

ской материи при быстром вращении вокруг центральной массы в свою очередь должны были разорваться и превратиться во вторичные туманности, из которых и возникли планеты.

Если бы наблюдатель сосредоточил свое внимание на планетах, он увидел бы, что они повторяют все стадии, пройденные Солнцем, и на определенном этапе вокруг них образуется одно или несколько колец, дающих начало светилам низшего порядка, так называемым спутникам (сателлитам).

Таким образом, небесные тела, начиная с первых дней мироздания, претерпевали целый ряд превращений; из атомов образовались молекулы, из молекул — туманности, из туманности — центральная звезда, из центральной звезды — Солнце, из Солнца — планеты и из планеты — ее спутники.

Солнце как бы затеряно в безбрежном пространстве звездной вселенной, а между тем, как установлено астрономами, оно входит в состав звездной туманности, носящей название Млечного Пути. Правда, Солнце — центр отдельного «мира», но оно кажется ничтожным перед неизмеримыми безднами неба. Впрочем, для нас оно все-таки огромно, ибо его объем в миллион четырехста раз больше объема земного шара. Вокруг Солнца вращаются восемь планет, вышедших из его недр в первые дни творения. Ближайшая из них — Меркурий, затем по мере удаления от Солнца следуют Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун. Кроме того, в пространстве между Марсом и Юпитером вращаются по определенным орбитам другие тела меньших размеров, быть может, осколки планеты, некогда рассыпавшейся на тысячи кусков; таких астероидов до последнего времени обнаружено в телескоп девяносто семь.

У некоторых из этих приближенных Солнца, удерживаемых им на эллиптических орбитах в силу великого закона тяготения, в свою очередь имеются спутники: у Урана и Сатурна — по восемь, у Юпитера — четыре, у Нептуна, вероятно, два, у Земли — один; это светило, одно из самых незначительных в солнечной системе, называется Луной, — и нужен был смелый гений американцев, чтобы возникла мысль о завоевании нашего спутника.

Ночное светило, вследствие близости своей к Земле и правильного чередования фаз, наряду с Солнцем издавна привлекало внимание жителей Земли. Но на Солнце больно смотреть, слишком яркий его свет всегда заставлял людей опускать глаза.

Белокурая Феба более человечна и благосклонно дает любоваться своей скромной прелестью; ее свет мягок для глаз, она не горда, хотя порой и затмевает своего брата, лучезарного Аполлона, а ему никогда не позволяет затмевать себя. Магометане давно оценили по достоинству верную подругу Земли и исчисляли время по обращению Луны вокруг Земли.

Народы древности почтили особым культом эту девственную богиню. Египтяне называли ее Изидой, финикийцы именовали ее Астартой, у древних греков она была Фебой, дочерью Латоны и

Юпитера, и они объясняли ее затмения таинственными свиданиями Дианы с красавцем Эндимионом. Если верить мифологии, немейский лев разгуливал по лунным долинам еще до появления своего на Земле, и поэт Агезианакс, цитируемый Плутархом, воспел в своих стихах полные неги очи, прелестный нос и пленительные уста лучезарной Селены.

Но если древние разгадали характер, темперамент, словом, моральные качества Луны, все же и самые мудрые из них оставались совершенными невеждами в области селенографии.

Так, жители Аркадии уверяли, что предки их жили на Земле еще в ту эпоху, когда Луны и в помине не было; Симплиций считал ее неподвижной и подвешенной к хрустальному небосводу, а Таций — осколком солнечного диска; для ученика Аристотеля Клеарка она была гладко отполированным зеркалом, отражающим воды океана, а многие другие полагали, что она лишь скопление паров, выдыхаемых Землею, или же шар, вращающийся вокруг своей оси и состоящий наполовину из огня, наполовину из льда.

Однако и в глубокой древности некоторые астрономы подметили в Луне свойства, которые в наши дни подтвердила наука. В результате пристальных наблюдений они без помощи оптических приборов угадали большинство законов, которым подчинено ночное светило. Так, например, Фалес Милетский за 460 лет до Р. Х. высказал мнение, что Луна получает свой свет от Солнца, а Аристарх Самосский правильно объяснил ее фазы. Клеомен учил, что Луна сияет отраженным светом. Халдей Бероз открыл, что продолжительность обращения Луны вокруг своей оси равна продолжительности ее обращения вокруг Земли, откуда следует, что Луна постоянно обращена к Земле одной и той же стороной. Наконец, Гиппарх за два века до христианской эры обнаружил известную неравномерность в видимом движении спутника Земли.

Все эти открытия с течением времени подтвердились и послужили службу астрономам последующих веков. Птоломей во II веке и араб Абуль-Вефа — в X дополнили наблюдения Гиппарха, объяснив неравномерность движения Луны тем, что орбита ее под воздействием Солнца принимает волнообразные очертания. Затем Коперник в XV веке и Тихо Браге — в XVI подробно описали Солнечную систему и роль Луны в системе небесных тел.

Но если в эту эпоху уже известны были законы движения Луны, то физическое ее строение оставалось еще загадкой. Однако Галилей объяснил световые явления, повторяющиеся при некоторых лунных фазах, тем, что на Луне имеются горы, среднюю высоту которых он определил в 4500 туазов.

Позже данцигский астроном Гевелий низвел высоту этих гор до 2600 туазов, но его итальянский собрат Риччиоли снова повысил их до 7 тысяч туазов.

В конце XVIII века Гершель при помощи сильного для того времени телескопа значительно снизил эти цифры. Он утверждал, что высочайшие вершины Луны имеют не более 1900 туазов в высоту, а средняя высота лунных гор всего каких-нибудь 400 туазов. Но и Гершель заблуждался. Вопрос изучали затем Шретер, Лувилль, Галлей, Несмис, Бианчини, Пасторф, Лорман, Грюйтгейзен. Их труды, а в особенности долголетние наблюдения Бэра и Мэдлера, привели к окончательному разрешению этого вопроса. Благодаря этим ученым в настоящее время точно установлена высота лунных гор. Бэр и Мэдлер измерили 1905 лунных вершин, причем оказалось, что высота шести гор превышает 2600 туазов, а высота двадцати двух превышает 2400 туазов. Высочайшая же вершина возвышается над лунной поверхностью на 3801 туаз.

Постепенно выяснились и другие подробности строения Луны: поверхность ее оказалась испещренною кратерами потухших вулканов, и наблюдения подтвердили общий вулканический ее характер. Затем было установлено отсутствие преломления возле ее поверхности световых лучей, идущих от планет, закрытых ее диском. Отсюда следовало, что на Луне нет воздуха, а стало быть, нет и воды. Таким образом, если и существуют селениты, то, чтобы жить в таких условиях, они должны иметь совершенно особую организацию и сильно отличаться от обитателей Земли.

Мало-помалу благодаря новейшим методам наблюдения и усовершенствованным приборам были обследованы все уголки лунной поверхности, несмотря на значительную ее величину: весь диаметр Луны равен 2150 милям, поверхность ее лишь в тринадцать раз меньше земной, а объем ее в сорок девять раз меньше объема земного шара. Тем не менее от зорких глаз астрономов не ускользнула ни одна из лунных тайн, и неутомимые ученые продолжали вести свои замечательные наблюдения. Так, например, они подметили, что во время полнолуния лунный диск местами покрыт белесоватыми полосами, которые во время других фаз Луны кажутся черными. При более тщательном изучении было установлено, что эти полосы не что иное, как длинные узкие борозды с параллельными краями, примыкающие большей частью к кратерам; длина этих борозд от десяти до ста миль, а ширина — до восьмисот туазов. Единственное, что могли сделать астрономы, — это назвать их лунными трещинами. До сих пор еще не решен вопрос, представляют ли они собою русла высохших рек или имеют другое происхождение. Поэтому американцы поставили себе, между прочим, целью выяснить это явление лунной геологии. Интересовало их также происхождение параллельных валов, обнаруженных в некоторых местах лунной поверхности мюнхенским профессором Грюйтгейзеном, который считал их системой укреплений, построенных лунными инженерами. Эти два темных вопроса и, конечно, целый ряд других мог-

ли быть окончательно разрешены учеными лишь после путешествия на Луну.

Вопрос о лунном свете можно считать окончательно выясненным; известно, что напряженность его в триста тысяч раз меньше силы солнечного света и что лунные лучи не оказывают заметного действия на термометры. Что касается явления, известного под названием «пепельного света», то оно возникает вследствие отражения солнечных лучей от земной поверхности по направлению к Луне; этот пепельный свет дополняет яркий видимый полукруг месяца до полного диска во время первой и последней фазы Луны.

Такова была в общих чертах сумма человеческих знаний о спутнике Земли, когда «Пушечный клуб» поставил себе целью восполнить сведения о Луне со всех точек зрения — космографической, геологической, политической и моральной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

о том, чего невозможно не знать, и о том, чему больше непозволительно верить в Соединенных Штатах.

Предложение Барбикена сразу возбудило самый живой интерес ко всем астрономическим вопросам, касающимся ночного светила. Все принялись ревностно их изучать. Могло показаться, что Луна впервые появилась на горизонте, что раньше никто не видел ее и не замечал. Луна вошла в моду; сохраняя все тот же скромный вид, она стала львицей сезона и заняла — нисколько, впрочем, не возгордясь — первое место среди остальных светил. Газеты тотчас стали угощать своих читателей старинными анекдотами, касавшимися «волчьего солнца»; припомнили, какое значение приписывали ей в древние времена, когда царило невежество; воспевали ее на все лады; казалось, еще немного и начнут цитировать ее крылатые словечки. Америка была охвачена настоящей «селеноманией».

Со своей стороны, научные журналы уделили особое внимание вопросам, связанным с предприятием «Пушечного клуба»; они перепечатали письмо Кембриджской обсерватории, подробно его разъяснили и всецело одобрили.

Одним словом, скоро даже для самого невежественного янки стало невозможным не знать чего-либо касавшегося спутника Земли, и даже самые ограниченные старые миссис должны были отказаться от суеверий на ее счет. Научные сообщения сыпались на них со всех сторон; эти сведения проникали им в мозг через уши и глаза; невозможно было оставаться ослом... в астрономии.

До того времени многие не понимали, как можно измерить расстояние от Земли до Луны. Но тут газеты и журналы воспользовались случаем и разъяснили, что для этого достаточно измерить параллакс Луны. Тем, кому слово «параллакс» казалось

слишком мудреным, растолковали, что это угол между двумя прямыми линиями, проведенными от обоих концов радиуса Земли к центру Луны. Наконец, чтобы рассеять все сомнения, немедленно сообщили, что таким способом среднее расстояние от Земли до Луны определяется в 234 347 миль, причем ошибка не превышает 70 миль.

Тем же, у кого были смутные понятия о движении Луны, газеты твердили ежедневно, что у нее два различных движения: одно — вращение ее вокруг своей оси, другое — обращение вокруг Земли, причем полный оборот в обоих случаях совершается в одинаковый срок, а именно — в $27 \frac{1}{3}$ суток.

Вращение Луны вокруг своей оси создает для нее день и ночь, но это такие сутки, которые продолжаются целый месяц; следовательно, на Луне продолжительность дня, так же как и ночи, — $354 \frac{1}{3}$ часа. Но, на ее счастье, поверхность, обращенная к Земле, освещается нашей планетой, свет которой равен по силе свету четырнадцати лун. Что касается другой, не видимой нами стороны Луны, то там, разумеется, в течение 354 ночных часов царит полная темнота, если не считать бледного света небесных светил. Это явление зависит от того, что время обращения Луны вокруг своей оси точно совпадает с продолжительностью ее оборота вокруг Земли; как установили Кассини и Гершель, точно такое же явление наблюдается и у спутников Юпитера. Весьма вероятно, что оно существует и у всех планетных спутников.

Нашлись, впрочем, малоподатливые, хотя и доверчивые умы, которые вначале не могли понять, что Луна, всегда обращенная к нам одною и тою же стороною, совершая оборот вокруг Земли, за это время обернется и вокруг своей оси.

Таким людям говорили: «Пойдите в свою столовую и начните обходить круглый обеденный стол таким образом, чтобы все время смотреть на его центр. Когда вы окончите свою круговую прогулку, то увидите, что за это время вы сделали полный оборот вокруг себя, потому что ваш глаз последовательно обошел все стороны комнаты. Ну, так вот: столовая — это небо, стол — Земля, а вы сами были Луной!» И они приходили в восторг от этого сравнения.

Итак, Луна показывает Земле всегда одну и ту же сторону; для точности нужно добавить, что вследствие либрации Луны, то есть небольших ее качаний с севера на юг и с запада на восток, люди видят немногим больше половины лунной поверхности, а именно — пятьдесят семь сотых.

После того как рядовой американец приобретал такие же познания, как директор Кембриджской обсерватории, по вопросу о вращении Луны вокруг своей оси, — он начинал живейшим образом интересоваться вращением Луны вокруг Земли, и тут десятки научных журналов спешили ему на помощь. Он узнавал тогда, что небо, с его бесчисленными звездами, можно

сравнить с громадным циферблатом, по которому ходит Луна, указывая точное время обитателям Земли; что от движения ночного светила зависят ее фазы; что полную Луну мы видим тогда, когда она бывает в «противостоянии» с Солнцем относительно Земли, то есть когда все три светила находятся на одной линии, причем Земля между Солнцем и Луной, что новолуние происходит тогда, когда Луна находится в соединении с Солнцем, то есть становится между ним и Землей, и, наконец, что Луна бывает в первой или последней четверти, когда линии, идущие от центра Луны к центрам Солнца и Земли, образуют между собой прямой угол.

Отсюда сообразительный янки мог и собственным умом дойти до заключения, что затмения Солнца и Луны возможны лишь в тех случаях, когда Луна находится в соединении или противостоянии с Солнцем. Действительно, во время соединения Луны с Солнцем Луна может его затмить, а во время противостояния трех светил Земля может вызвать лунное затмение; и если затмения не происходят регулярно два раза в лунный месяц, то это потому, что плоскость орбиты Луны несколько наклонна по отношению к плоскости эклиптики, то есть земной орбиты.

Что касается вопроса о возможной для Луны высоте над земным горизонтом, то исчерпывающий ответ давало письмо Кембриджской обсерватории. Всякий узнал из него, что высота Луны зависит от широты места наблюдения. Однако Луна может достигать зенита, то есть оказаться прямо над головой, лишь для наблюдателей, находящихся между 28° северной широты и 28° южной широты. Отсюда следовало указание, что выстрел в Луну необходимо произвести в одном из пунктов упомянутой зоны, ибо тогда можно стрелять в направлении, перпендикулярном к горизонту, и ядро скорее освободится от влияния земного притяжения. Это указание было очень существенно для успеха всего предприятия, и данный вопрос занимал все умы.

После разъяснений Кембриджской обсерватории даже последние невежды узнали, по какой именно линии Луна движется вокруг Земли, а именно, что она описывает не круг, а эллипс, причем Земля находится в одном из его фокусов. Все другие планеты и их спутники также движутся по эллиптическим орбитам, и теоретическая механика неоспоримо доказывает, что иначе и быть не может. Было также хорошо усвоено, что, находясь в апогее, Луна дальше всего от Земли и, напротив, ближе всего к ней, когда проходит через свой перигей.

Все это волей или неволей узнавал каждый янки, и считалось прямо неприличным не понимать таких простых вещей.

Но если эти астрономические истины распространились быстро и легко, то довольно трудно оказалось искоренить целый ряд заблуждений и необоснованных суеверных страхов.

Так, например, иные почтенные господа утверждали, что Луна некогда была кометою, которая, обращаясь вокруг Солнца по

вытянутой орбите, чересчур приблизилась к Земле и попала в сферу ее притяжения. Этой теорией доморощенные астрономы пытались объяснить опаленный, обгорелый вид Луны, непоправимое несчастье, ответственность за которое они возлагали на Солнце. Но когда им указывали, что у комет есть атмосфера, а у Луны ее нет,— они не знали, что возразить.

Другие обыватели, из трусливого десятка, высказывали опасения насчет местопребывания Луны: они краем уха слышали, что из сравнения наблюдений, сделанных во времена калифов, с позднейшими, оказалось, что движение Луны вокруг Земли несколько ускорилось. Отсюда следовал совершенно правильный логический вывод, что это ускорение должно привести к уменьшению расстояния между двумя светилами, и в конце концов Луна неизбежно упадет на Землю. Однако они утихомирились и перестали тревожиться за судьбу грядущих поколений, когда им разъяснили, что, согласно вычислениям великого французского математика Лапласа, ускорение это весьма незначительно и, достигнув своего предела, сменится таким же замедлением. Таким образом, нечего было опасаться, что равновесие в солнечной системе будет когда-либо нарушено.

Оставалась еще многочисленная категория невежд, которые, не догадываясь молчать о том, чего не знают, утверждали, что они знают все, рассказывая всякие небылицы; и как раз о Луне они знали слишком много. Одни из них были убеждены, что Луна не что иное, как огромное зеркало, глядя в которое люди могут увидеть друг друга из различных мест Земли и даже передавать через него свои мысли. Другие уверяли, что на каждую тысячу новолуний девятьсот пятьдесят сопровождаются большими несчастьями — катаклизмами, переворотами, землетрясениями, потопами и т. п. Они верили в таинственное влияние ночного светила на человеческую судьбу; они считали Луну «настоящим противовесом» земного существования; они думали, что между каждым селенитом и каждым жителем Земли существует некая симпатическая связь; вместе с доктором Мэдом они утверждали, что жизнь нашего организма целиком подчинена влиянию Луны,— вплоть до того, что мальчики рождаются преимущественно во время новолуний, а девочки — в последнюю четверть Луны и пр. и т. п.

В конце концов обывателям пришлось отказаться от этих глупых заблуждений и признать научно доказанные истины, и если отдельные поклонники Луны, разочаровавшись в ее таинственной власти, отвернулись от нее, зато среди самых широких слоев населения Луна приобрела огромную популярность.

Все честолюбие янки сосредоточилось на одной цели: завоевать лунный материк и водрузить звездное знамя Соединенных Штатов на высочайшей его вершине.

Кембриджская обсерватория в письме от 7 октября обсудила вопрос с астрономической точки зрения; теперь оставалось выяснить техническую сторону дела. Вот тут-то и возникали затруднения, которые во всякой другой стране показались бы непреодолимыми. Но для янки это была детская игра.

Председатель Барбикен, не теряя времени, назначил членов исполнительного комитета. Комитет поставил себе целью на трех заседаниях разрешить три основных вопроса: о пушке, о снаряде и о порохе; в комитет вошли четыре лица, хорошо разбиравшихся в вопросах такого рода: сам Барбикен — с решающим голосом в случае разногласий; генерал Морган, майор Эльфистон и, наконец, неизбежный Дж. Т. Мастон, на которого возложили обязанности секретаря-докладчика.

8 октября комитет собрался на квартире Барбикена: улица Республики, № 3. Четверо членов «Пушечного клуба» расселись вокруг стола, где стояли блюда с горами сэндвичей и внушительных размеров чайный прибор; таким образом, это чрезвычайно важное заседание могло продолжаться без перерыва на ужин. Секретарь Мастон привинтил ручку с пером к своему железному крьючку, и заседание началось.

Барбикен взял слово:

— Дорогие коллеги! Нам предстоит разрешить одну из основных проблем баллистики, этой науки из наук, трактующей о движении снарядов, то есть тел, которые, получив известный толчок, устремляются в пространство и далее летят уже в силу инерции.

— О баллистика, баллистика! — восторженно воскликнул Мастон.

— Быть может, было бы рациональнее, — продолжал Барбикен, — посвятить наше первое заседание обсуждению вопроса об орудии...

— В самом деле! — вставил Морган.

— Однако, — добавил Барбикен, — после зрелых размышлений я нахожу, что вопрос о снаряде должен быть разрешен в первую очередь, ибо размеры пушки будут зависеть от величины и веса снаряда.

— Прошу слова! — крикнул Мастон.

Слово было ему охотно предоставлено ввиду его блестящих заслуг в недавнем прошлом.

— Дорогие друзья! — начал он вдохновенно. — Наш председатель вполне прав, ставя вопрос о снаряде раньше всех остальных. Ведь ядро, которое мы пустим в Луну, это наш вестник, наш посол, и я прошу позволения взглянуть на этот вопрос с точки зрения чисто моральной.

Новая точка зрения на снаряд сразу же возбудила любопыт-

ство членов комитета, и они стали слушать речь Масто́на с удвоенным вниманием.

— Достойные коллеги! — продолжал Масто́н. — Я буду краток; не стану касаться ядра физического — снаряда, который убивает, буду говорить лишь о ядре математическом, о ядре моральном. Ядро, по моему мнению, — это самое яркое проявление власти человека; именно в ядре сосредоточивается все его могущество! Создав ядро, человек больше всего приблизился к творцу вселенной.

— Превосходно! — воскликнул майор Эльфистон.

— В самом деле, — продолжал оратор, — если бог сотворил звезды и планеты, то человек создал ядро, достигающее предельной скорости на земле; ядро — это небесное тело в миниатюре, ведь светила — не что иное, как огромные ядра, летящие в мировом пространстве. От бога исходит скорость электричества, скорость света, скорость звезд, скорость комет, скорость планет, скорость их спутников, скорость звука, скорость ветра! Но от нас исходит скорость ядра, в сто раз превосходящая скорости поездов и самых резвых лошадей!

Масто́н был в экстазе; в его голосе звучали лирические ноты, — он пел священный гимн снаряду.

— Хотите цифры?! — продолжал он. — Вот они — самые красноречивые! Возьмите скромное ядрышко в двадцать четыре фунта весом; хотя оно и движется в восемьсот тысяч раз медленнее электрического тока, в шестьсот сорок тысяч раз медленнее света и в семьдесят шесть раз медленнее движения Земли вокруг Солнца, — все же при вылете из пушки оно несется быстрее звука, оно пролетает двести туазов в секунду, две тысячи туазов — в десять секунд, четырнадцать миль — в минуту, восемьсот сорок миль — в час, двадцать тысяч сто миль — в сутки; то есть летит со скоростью, с какой вращаются точки экватора вокруг земной оси: за год оно пролетело бы семь миллионов триста тридцать шесть тысяч пятьсот миль. До Луны оно долетело бы в одиннадцать дней, до Солнца — в двенадцать лет, а до Нептуна, то есть до границ Солнечной системы, — в триста шестьдесят лет. Вот чего могло бы достичь это скромное ядро — изделие наших рук!.. Что же будет, если мы создадим скорость в двадцать раз большую, то есть семь миль в секунду! О чудное ядро! Дивный снаряд! Я мечтаю о том, что там — в вышине — тебя примут с почестями, достойными посланника Земли!

Эта напыщенная речь вызвала громовое «ура». Масто́н, взволнованный, опустил в кресло; коллеги стали горячо его поздравлять.

— А теперь, — сказал Барбикен, — уплатив щедрую дань поэзии, приступим вплотную к разрешению вопроса.

— Мы готовы, — откликнулись члены комитета, поглощая бутерброд за бутербродом.

— Вы знаете, какую проблему нам предстоит разрешить, —

продолжал председатель, — требуется придать снаряду скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду. Я полагаю, что это нам удастся. Однако теперь нужно вспомнить, какие скорости были уже практически достигнуты. Генерал Морган не откажется сообщить относящиеся сюда данные.

— Мне это ничего не стоит, — отвечал генерал, — тем более что во время войны я был членом комиссии, производившей испытания орудий. Могу прежде всего сказать, что пушки Дальгрина выпускали ядра на расстояние до двух тысяч пятисот туазов с начальной скоростью в пятьсот ярдов в секунду.

— Хорошо. А колумбиада Родмена? — спросил Барбикен.

— Колумбиада Родмена, при испытании в форте Гамильтон близ Нью-Йорка, пустила ядро весом в полтонны на расстояние шесть миль, со скоростью в восемьсот ярдов в секунду — результат, которого никогда не могли добиться Армстронг и Пализер в Англии.

— Ох, уж эти мне англичане!.. — воскликнул Мاستон, погрозив в сторону востока своим железным крючком.

— Итак, — спросил Барбикен, — восемьсот ярдов — это наибольшая первоначальная скорость, достигнутая пушечным снарядом?

— Да, — ответил генерал.

— Должен, однако, сказать, — вставил Мастон, — что если бы моя мортира не разорвалась...

— Но она разорвалась... — перебил Барбикен с приветливой улыбкой. — Поэтому примем за исходную точку начальную скорость в восемьсот ярдов. Требуется увеличить ее в двадцать раз. Отложив до другого заседания обсуждение способов, которыми может быть достигнута требуемая скорость, я предложу вашему вниманию, дорогие коллеги, вопрос о размерах, какие нужно дать ядру. Разумеется, тут дело идет уже не о ядре весом в какие-нибудь полтонны.

— А почему нет? — спросил майор.

— Потому что это ядро, — перебил Мастон, — должно быть очень крупных размеров, иначе оно не обратит на себя внимание жителей Луны... если только таковые существуют.

— Конечно, — отвечал Барбикен, — но на это есть еще более важная причина.

— Что вы хотите сказать, Барбикен? — спросил майор.

— А то, что мало выстрелить в Луну, отложив всякие другие попечения, надо еще наблюдать за полетом снаряда до того момента, когда он попадет на Луну.

— Что?! — в один голос воскликнули майор и генерал, пораженные этим заявлением.

— Без сомнения, — твердо отчеканил Барбикен. — Иначе наш опыт останется безрезультатным.

— Но в таком случае, — спросил майор, — наш снаряд должен иметь огромные размеры?

— Ничуть. Соболаговолите выслушать. Вы знаете, какой степени совершенства достигли теперь зрительные приборы; телескопы, в которые наблюдают Луну, дают увеличение в шесть тысяч раз, то есть приближают Луну к нам на расстояние всего сорока миль. А на таком расстоянии предметы длиною в шестьдесят футов уже хорошо видимы. Если бы не слабый, отраженный свет Луны, этого зеркала Солнца, препятствующий дальнейшему увеличению, можно было бы пустить в ход гораздо более мощные телескопы.

— Ну, так чего же вы хотите? — спросил генерал. — Неужели вы думаете сделать снаряд диаметром в шестьдесят футов?

— Вовсе нет.

— Так вы хотите, быть может, сделать лунный свет более ярким?

— Именно так.

— Вот это здорово! — воскликнул Дж. Т. Мэстон.

— Это очень просто, — отвечал Барбикен. — В самом деле, если уменьшить толщину атмосферной оболочки, через которую приходится смотреть на Луну, разве лунный свет не станет для нас более ярким?

— Очевидно, так, — согласился Эльфистон.

— Ну так вот! Чтобы получить подобный результат, достаточно установить наш телескоп на высокой горе. Так мы и сделаем.

— Сдаюсь, сдаюсь, — сказал майор. — Вы удивительно умеете упрощать задачу!.. А какое же увеличение надеетесь вы таким образом получить?

— Увеличение в сорок восемь тысяч раз; тогда мы увидим Луну как бы на расстоянии всего пяти миль, а с такого расстояния можно разглядеть предметы длиной в девять футов.

— Отлично! — воскликнул Мэстон. — Следовательно, наше ядро будет диаметром в девять футов.

— Вот именно.

— Позвольте, однако, заметить, — снова возразил майор Эльфистон, — что при этом получится такой огромный вес, что...

— Постойте, майор! — прервал его Барбикен. — Прежде чем обсуждать вес ядра, позвольте мне вам напомнить, что наши предки достигали прямо чудес в этой области. Конечно, не может быть и речи о том, что баллистика не прогрессирует, но да будет вам известно, что в средние века добивались результатов, смею сказать, еще более удивительных, чем наши.

— Рассказывайте! — недоверчиво протянул Морган.

— Докажите свои слова! — воскликнул пылкий Мэстон.

— Нет ничего проще, — спокойно ответил Барбикен, — могу привести несколько примеров. Так, в тысяча пятьсот сорок третьем году, при осаде Константинополя Магометом Вторым, метали каменные ядра, которые весили тысячу девятьсот фунтов и были, конечно, солидных размеров.

— Ой, ой! — воскликнул майор. — Тысяча девятьсот фунтов — это внушительный вес!

— На Мальте, в рыцарские времена, одна из пушек форта Сент-Эльм метала ядра весом в две тысячи пятьсот фунтов.

— Не может быть!

— Наконец, по словам одного французского историка, при Людовике Одиннадцатом была мортира, метавшая ядра весом всего в пятьсот фунтов, но эти ядра вылетали из Бастилии, куда глупые люди сажали умных, и долетали до Шарантона, куда люди с умом сажали безумных.

— Превосходно! — заметил Мастон.

— Что же мы видим в настоящее время? — продолжал Барбикен. — Пушки Армстронга выбрасывают ядра лишь в пятьсот фунтов, а колумбиады Родмена — снаряды в полтонны. Выходит, что увеличилась дальность полета снарядов, но вес их уменьшился. Мы же должны пойти в другом направлении и, воспользовавшись успехами науки, удесятерить вес ядра Магомета Второго и мальтийских рыцарей.

— Так и должно быть, — ответил майор. — Какой же вы предлагаете употребить металл для нашего снаряда?

— Я думаю, просто чугун, — сказал генерал Морган.

— Фу!.. Чугун! — воскликнул Мастон с глубоким презрением в голосе. — Это слишком вульгарно для снаряда, предназначенного для Луны.

— Не будем слишком притязательны, мой достойный друг, — ответил Морган, — сойдет и чугун.

— Но позвольте! — снова возразил майор Эльфистон. — Вес ядра пропорционален его объему; следовательно, снаряд диаметром в девять футов будет иметь чудовищный вес.

— Да, если он будет сплошной, — ответил Барбикен, — и нет, если он будет полый.

— Полый! Так это будет бомба?

— И туда можно будет вложить депеши, — подхватил Мастон, — и образчики наших земных произведений!

— Да, бомба, — ответил Барбикен, — нам необходима бомба! Сплошное ядро в сто восемь дюймов диаметром весило бы более двухсот тысяч фунтов, вес, бесспорно, чрезмерный. Но так как снаряд должен обладать достаточной прочностью, я предлагаю сделать его весом в двадцать тысяч фунтов.

— Какова же должна быть толщина его стенок? — спросил майор.

— Если держаться установленной пропорции, — заметил Морган, — то при диаметре в сто восемь дюймов стенки должны быть по крайней мере в два фута толщиной.

— Это слишком много, — ответил Барбикен. — Речь, заметьте, идет не о том, чтобы пробивать металлическую броню; надо, чтобы стенки снаряда могли выдержать напор пороховых газов. Итак, вот в чем задача: какую толщину должны иметь стенки чу-

гунной бомбы, чтобы она весила не более двадцати тысяч фунтов? Наш искусный математик, славный Масто́н, нам сейчас же это вычислит.

— Что может быть проще! — ответил почтенный секретарь комитета.

Он быстро набросал несколько алгебраических формул; из-под его пера вылетали разные π и x , возведенные в квадрат, потом он извлек в уме кубический корень и сказал:

— Стенки будут толщиной всего в два дюйма.

— Разве этого достаточно? — усомнился майор.

— Нет, — ответил Барбикен, — очевидно, нет.

— Но что же тогда делать? — в недоумении спросил Эльфи-стон.

— Надо взять не чугун, а другой металл, — ответил Барбикен.

— Медь? — спросил Морган.

— Нет, медь слишком тяжела; я вам предложу нечто лучше.

— Что же именно? — спросил майор.

— Алюминий, — ответил Барбикен.

— Алюминий?! — хором воскликнули его коллеги.

— Ну да, друзья мои. Вы знаете, что известному французскому химику Анри Сент-Клер-Девиллю удалось в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году получить алюминий в значительных количествах. Этот драгоценный металл обладает белой сребристой, неокисляемой золотом, ковкостью железа, плавкостью меди, легкостью стекла; его очень легко обрабатывать; он чрезвычайно распространен в природе, так как является главной составной частью множества горных пород; к тому же он в три раза легче железа, и он как будто создан для того, чтобы послужить материалом для нашего снаряда.

— Да здравствует алюминий! — крикнул секретарь комитета с обычным своим шумным восторгом.

— Но, дорогой президент, — заметил майор, — алюминий, кажется, слишком дорог?

— Это было раньше, — отвечал Барбикен, — вначале, при его открытии, фунт алюминия обходился от двухсот шестидесяти до двухсот восьмидесяти долларов, затем цена упала до двадцати семи долларов, а теперь можно иметь фунт алюминия за девять долларов.

— Однако и девять долларов за фунт, — сказал майор, который не легко сдавался, — цена огромная!

— Без сомнения, дорогой майор, но ее нельзя назвать недоступной.

— Сколько же будет весить такой снаряд? — спросил Морган.

— Вот результат моих вычислений, — ответил Барбикен, — снаряд диаметром в сто восемь дюймов и со стенками толщиной

в двенадцать дюймов, сделанный из чугуна, весил бы семьдесят семь тысяч четыреста сорок фунтов, а если его отлить из алюминия, вес его сократится до девятнадцати тысяч двухсот пятидесяти фунтов.

— Очень хорошо! — воскликнул Мастон. — Это как раз нам подходит.

— Хорошо-то оно хорошо, — возразил майор, — но, считая по восемнадцать долларов за фунт, снаряд этот обойдется...

— Сто семьдесят три тысячи двести пятьдесят долларов, — я это отлично знаю. Но не беспокойтесь, друзья мои, у нас будет достаточно денег для нашего предприятия, за это я ручаюсь.

— Золото дождем польется в нашу кассу, — добавил Мастон.

— Ну, как же вы решите вопрос об алюминии? — спросил председатель.

— Принято! — ответили члены комитета.

— Что касается формы снаряда, — добавил Барбикен, — то она не имеет особого значения, так как снаряд, миновав земную атмосферу, будет лететь в пустом пространстве. Поэтому я предлагаю форму шара. Пусть себе наша бомба вращается вокруг своей оси, сколько ей угодно.

На этом закончилось первое заседание комитета, на котором окончательно решен был вопрос о снаряде. Дж. Т. Мастон был в восторге при мысли о том, что селенитам будет послана алюминиевая бомба.

— Пусть эти господа получают надлежащее понятие о земных обитателях!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

История пушки.

Постановления, принятые на заседании 8 октября, повсюду произвели огромное впечатление. Люди робкого десятка даже пугались при мысли, что в пространство будет пущена бомба весом около двадцати тысяч фунтов. Спрашивали себя: какова же будет пушка, которая вытолкнет такой снаряд, да еще с начальной скоростью, соответствующей подобной массе? На эти вопросы должен был победоносно ответить протокол второго заседания комитета.

На следующий день вечером комитет «Пушечного клуба» снова заседал перед горю бутербродов и над целыми морями чая. Тотчас началось обсуждение, причем на этот раз обошлись без всяких вступительных речей.

— Дорогие коллеги, — сказал Барбикен, — сегодня нам предстоит заняться вопросом о пушке: определить ее форму, длину, материал и вес. Размеры ее окажутся, вероятно, колоссальными, но я надеюсь, что наш индустриальный гений справится со всеми трудностями. Выслушайте же меня и не скупитесь на самые резкие возражения. Я их не боюсь!

Что-то вроде одобрительного мычания раздалось в ответ на это заявление.

— Вспомним,— продолжал Барбикен,— на чем мы вчера остановились в наших прениях; вопрос стоит теперь так: требуется дать первоначальную скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду бомбе диаметром в сто восемь дюймов и весом в двадцать тысяч фунтов.

— Задача именно такова,— подтвердил майор Эльфистон.

— Итак, продолжай. Когда ядро пущено в пространство, что с ним происходит? Оно подвергается действию трех независимых сил: сопротивления среды, притяжения Земли и толчка, который привел снаряд в движение. Рассмотрим эти три силы каждую в отдельности. Сопротивление среды, то есть воздуха, почти не окажет действия. В самом деле, атмосфера простирается на высоту всего каких-нибудь сорок миль. При скорости в двенадцать тысяч ярдов снаряд пролетит это расстояние в пять секунд, и за такой короткий промежуток времени можно пренебречь сопротивлением среды. Перейдем теперь к притяжению Земли, то есть к весу снаряда. Мы знаем, что этот вес будет непрерывно изменяться обратно пропорционально квадратам расстояний. Вот чему учит нас физика: всякое тело, при свободном его падении вблизи поверхности Земли, проходит в первую секунду пятнадцать футов; если бы это тело падало с Луны на Землю, то есть с расстояния двухсот пятидесяти семи тысяч пяти сот сорока двух миль, то в первую секунду оно прошло бы всего пол-линии. А это граничит с неподвижностью. Итак, нужно преодолеть силу земного притяжения. Как же мы этого достигнем? Только силою напора пороховых газов.

— Вот главное затруднение,— сказал майор.

— В самом деле, немалое,— ответил Барбикен,— но его можно преодолеть, ибо необходимая нам сила толчка зависит лишь от длины орудия и от количества пороха, которое ограничено силой сопротивления стенок орудия. Поэтому давайте сегодня обсуждать размеры пушки. Разумеется, сила сопротивления стенок пушки может быть доведена почти до бесконечной величины, так как наша пушка не предназначена для передвижения.

— Это очевидно,— вставил генерал.

— До сих пор,— продолжал Барбикен,— длина самых больших орудий, например наших колумбиад, не превышала двадцати пяти футов; поэтому многих удивят размеры, какие мы должны будем придать нашей пушке.

— Еще бы! — выпалил Мастон. — Что до меня, я настаиваю, чтобы пушка была длинной по крайней мере в полмили!

— В полмили! — воскликнули генерал и майор.

— Да! В полмили! И этого еще мало!..

— Ну, Мастон,— возразил Морган,— вы уже хватили через край!..

— Да нет же,— возразил пылкий секретарь,— и я не знаю, на каком основании вы обвиняете меня в преувеличении...

— Потому что вы уж слишком далеко залетели!..

— Так знайте же, милостивый государь,— торжественно заявил Мастон,— знайте, что артиллерист, как и его снаряд, не может залететь слишком далеко!

Дело дошло бы до ссоры, если бы не вмешался председатель:

— Успокойтесь, друзья мои, и давайте обсуждать вопрос. Разумеется, пушка должна быть очень велика, потому что при удлинении орудия возрастает продолжительность напора газов, развивающихся при воспламенении пороха, но нам совершенно ни к чему переступать границы...

— Совершенно верно,— вставил майор.

— Каковы же правила, которыми руководствуются в подобных случаях? Обычно длина пушки в двадцать — двадцать пять раз превышает диаметр ядра, а вес ее в двести тридцать пять — двести сорок раз превышает его вес.

— Этого мало! — воскликнул неистовый Мастон.

— Вы правы, дорогой друг; и в самом деле, если придерживаться такой пропорции, то для снаряда диаметром в девять футов и весом в тридцать тысяч фунтов потребуется орудие длиной в двести двадцать пять футов и весом в семь миллионов двести тысяч фунтов.

— Это до смешного мало,— снова перебил Мастон.— Уж лучше нам взять тогда пистолет!

— Я с вами согласен,— сказал Барбикен,— а потому предлагаю учетверить эту длину, то есть построить пушку длиной в девятьсот футов.

Генерал и майор начали было возражать, но, несмотря на это, предложение Барбикена, при горячей поддержке секретаря «Пушечного клуба», было окончательно принято.

— Теперь,— сказал Эльфистон,— решим вопрос о толщине стенок.

— Я полагаю, шесть футов,— ответил Барбикен.

— Вы, конечно, не предполагаете ставить такую махину на лафет? — спросил майор.

— А вышло бы великолепно! — воскликнул Мастон.

— Но это невыполнимо,— возразил Барбикен.— Нет, я думаю отлить орудие прямо в земле, связать его толстыми обручами из кованого железа и замуровать в массивных каменных стенах; таким образом эти стены, а также окружающий их грунт будут участвовать в общем сопротивлении. Когда пушка будет отлита, придется обточить ее канал и тщательно калибровать, чтобы не допустить потери газа между снарядом и стенками пушки; тогда вся двигательная сила пороха пойдет на толчок...

— Ура! Ура! — крикнул Мастон.— Пушка готова!

— Нет еще,— возразил Барбикен, жестом успокаивая своего нетерпеливого друга.

— Это почему?

— Потому что мы не определили еще формы нашего орудия. Будет ли это пушка, гаубица или мортира?

— Пушка! — ответил Морган.

— Гаубица! — воскликнул майор.

— Мортира! — крикнул Мастон.

Прения готовы были перейти в довольно горячий спор, так как каждый начал перечислять преимущества своего излюбленного орудия, но председатель быстро остановил спорщиков.

— Друзья мои, — сказал он, — сейчас я вас примирю: наша колумбиада соединит в себе все три типа огнестрельных орудий. Это будет пушка, потому что пороховая камера будет иметь тот же диаметр, что и канал. Это будет гаубица, потому что она выпустит бомбу. Наконец, ее можно назвать мортирой, потому что мы установим ее под углом в девяносто градусов и неподвижно укрепим в земле, вследствие чего будет избегнута всякая отдача и снаряду сообщится вся двигательная сила, какая разовьется в пороховой камере.

— Принято, принято! — в один голос воскликнули члены комитета.

— Позвольте еще вопрос, — сказал Эльфистон, — эта гаубица-мортира-пушка будет нарезная?

— Нет, — отвечал Барбикен, — ни в коем случае. Требуется огромная начальная скорость, а вы прекрасно знаете, что из нарезного канала снаряд выходит с меньшей быстротой, чем из гладкоствольного.

— Это верно.

— Ну, теперь мы уже с ней покончили! — снова воскликнул Мастон.

— Нет, еще не совсем, — возразил Барбикен.

— Что же еще?

— Мы еще не знаем, из какого металла будет орудие.

— Так давайте сейчас же решать!

— Я это и хотел вам предложить.

Тут каждый из членов комитета проглотил по десятку бутербродов, запил их кружкой чая, и обсуждение возобновилось.

— Достойные коллеги, — начал Барбикен, — наше орудие должно обладать огромной прочностью, несокрушимой твердостью, полной огнеупорностью и совершенной неокисляемостью.

— В этом не может быть сомнения, — ответил майор, — и так как придется употребить значительное количество металла, то нетрудно сделать и выбор.

— В таком случае, — сказал Морган, — предлагаю для колумбиады наилучший сплав из всех нам известных, а именно: на сто частей меди двенадцать частей олова и шесть — латуни.

— Друзья мои, — ответил Барбикен, — этот сплав дает прекрасные результаты, но он слишком дорог, и обработка его затруднительна. Поэтому я предлагаю употребить другой матери-

ал, тоже высокого качества, но более дешевый, а именно чугун. Вы согласны со мной, майор?

— Вполне согласен,— отвечал Эльфистон.

— В самом деле,— продолжал Барбикен,— чугун дешевле бронзы в десять раз, он отлично плавится, его можно легко отливать в глиняные формы; притом он быстро обрабатывается. Это экономия денег и времени. Словом, это отличный материал. Помнится, во время войны, при осаде Атланты, чугунные пушки делали по тысяче выстрелов каждая, стреляя каждые двадцать минут, причем ни одна из них не испортилась.

— Однако чугун очень хрупок,— заметил Морган.

— Да, но сила его сопротивления очень велика; во всяком случае, наша пушка не разорвется, ручаюсь вам.

— А если и разорвется, то это не позор,— нравоучительно изрек Мэстон.

— Разумеется,— согласился Барбикен.— Итак, я попрошу нашего уважаемого секретаря вычислить вес чугунной пушки длиною в девятьсот футов, с внутренним диаметром в девять футов и при толщине стенок в шесть футов.

— Сию минуту! — ответил Мэстон.

И, как накануне, он на память, с изумительной быстротой, выписал все нужные ему формулы; через минуту он сказал:

— Орудие будет весить шестьдесят восемь тысяч сорок тонн.

— При цене чугуна в два цента за фунт оно будет стоить...

— Два миллиона пятьсот десять тысяч семьсот один доллар.

Мэстон, майор и генерал с тревогой взглянули на председателя.

— Господа,— ответил Барбикен, — мне остается повторить то, что я уже сказал вам вчера: будьте покойны, за миллионами дело не станет!

Этой уверенной фразой председателя закончилось заседание; следующее собрание было назначено на ближайший вечер.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вопрос о порохе.

На очереди оставался вопрос о порохе. Публика с волнением ожидала его разрешения. Размеры снаряда и длина орудия были уже намечены, какое же количество пороха понадобится для выстрела? Никогда еще в мировой истории не воспламенялось сразу такое огромное количество взрывчатого вещества.

Считается общеизвестным — и до сих пор это часто повторяют, — что порох был изобретен в XIV веке монахом Шварцем, который заплатил жизнью за свое великое изобретение. Но теперь уже доказано, что предание это должно быть отнесено к числу средневековых легенд. Пороха никто собственно не выдумал; он происходит непосредственно от «греческого огня», в состав кото-

рого также входили сера и селитра. Вначале это была смесь горючая, но с течением времени она превратилась в смесь взрывчатую.

Однако если все образованные люди прекрасно знают легенду об изобретении пороха, то лишь немногие ясно представляют себе его механическую силу. Между тем это необходимо знать, чтобы уяснить себе важность данного вопроса для членов комитета.

Один литр пороха весит приблизительно два фунта (900 граммов); воспламеняясь, он производит четыреста литров газа; свободно расширяясь при температуре 2400°, газы могут занять пространство в четыре тысячи кубических литров. Таким образом, объем пороха относится к объему образовавшихся из него при взрыве газов, как 1 к 4000. Отсюда легко представить тот страшный напор, который должны произвести эти газы, когда они сжаты в пространстве в четыре тысячи раз меньшем их нормального объема.

Все это было отлично известно членам комитета, и, открыв заседание 10 октября, Барбикен предоставил слово майору Эльфистону, который во время войны был главным начальником пороховой части.

— Дорогие друзья,— сказал этот выдающийся специалист,— приведу вам сначала бесспорные цифры, которые должны послужить основанием для наших заключений. Ядро в двадцать четыре фунта, о котором нам третьего дня в столь поэтических выражениях упоминал достопочтенный Мэстон, выбрасывается из орудия при помощи всего шестнадцати фунтов пороха.

— Достоверна ли эта цифра? — спросил Барбикен.

— Абсолютно достоверна,— ответил майор.— На заряд пушки Армстронга, выпускающей снаряд в восемьсот фунтов, идет только семьдесят пять фунтов пороха, а колумбиада Родмена, при заряде в сто шестьдесят фунтов пороха, посылает ядро весом в полтонны на расстояние шести миль. Эти данные вне всяких сомнений: я лично подписывал в артиллерийском комитете соответствующие протоколы.

— Совершенно верно,— подтвердил генерал.

— Так вот какой вывод можно сделать из этих данных,— продолжал майор,— количество пороха в пушке не увеличивается пропорционально весу ядра. В обыкновенных пушках на ядро в двадцать четыре фунта идет шестнадцать фунтов пороха, то есть вес пороха составляет две трети веса ядра; но это соотношение не является постоянным. Так, например, заряд пороха для ядра в полтонны должен был бы равняться тремстам тридцати трем фунтам, а между тем, оказывается, достаточно всего ста шестидесяти фунтов, то есть меньше половины указанного количества.

— К какому же заключению вы приходите? — спросил председатель.

— Дорогой майор,— вмешался Мастон,— если довести вашу теорию до логического конца, то выйдет, что при очень большом весе ядра можно при выстреле совсем обойтись без пороха...

— Мой друг Мастон сохраняет свою шутливость даже в самых серьезных вопросах,— возразил майор,— но пусть он успокоится: для нашей колумбиады я предложу такое количество пороха, которое вполне удовлетворит его артиллерийское самолюбие. Однако прежде всего я считаю необходимым указать, что во время войны после ряда опытов количество пороха на заряд было сокращено до одной десятой веса ядра.

— Совершенно верно,— подтвердил Морган.— Однако прежде чем решить, какое количество пороха необходимо для выстрела, я полагаю, надо столкнуться насчет сорта пороха.

— Я предлагаю крупнозернистый порох,— ответил майор,— он воспламеняется быстрее, чем мелкозернистый.

— Это так,— заметил генерал,— но он очень вредит орудию и быстро засоряет его канал.

— Вот еще! Эти недостатки могут иметь значение только для пушки, которая должна долго стрелять, а наша колумбиада выстрелит всего один раз. Нам не угрожает опасность, что пушка разорвется, и необходимо, чтобы порох воспламенился мгновенно, ибо тем полнее будет механическое его действие.

— Можно сделать несколько запалов,— предложил Мастон,— чтобы одновременно воспламенить порох с разных сторон.

— Конечно, можно,— ответил Эльфистон,— но это чрезвычайно затруднит управление пушкой. Поэтому я снова предлагаю крупнозернистый порох, который устраняет все эти затруднения.

— Пусть будет так,— согласился генерал.

— Для заряда своей колумбиады,— продолжал майор,— Родмен употреблял крупный порох с зернами величиной в каштан; входивший в его состав уголь приготовлялся из древесины ивы, которую пережигали в чугунных котлах. Этот порох тверд на ощупь, блестящ, не оставляет никакого следа на руке, содержит значительное количество водорода и кислорода, воспламеняется мгновенно и, несмотря на свою разрушительную силу, почти что не засоряет орудие.

— Ну что же,— заявил Мастон,— мне кажется, тут нечего колебаться. Я предпочитаю этот порох всякому другому.

— Даже золотому порошку? — с язвительной усмешкой спросил майор.

Вместо ответа его вспыльчивый друг погрозил ему своим железным крючком.

До сих пор Барбикен не вмешивался в прения. Он предоставлял говорить другим, а сам слушал. Очевидно, он обдумывал какую-то свою идею. Поэтому он ограничился тем, что спросил:

— А сколько, по-вашему, потребуется пороха, друзья мои?

- Пятьсот тысяч! — заявил майор.
- Восемьсот тысяч! — крикнул Мастон.

На этот раз Эльфистон не решился упрекнуть своего коллегу в преувеличении. В самом деле, требовалось добросить до Луны снаряд весом в двадцать тысяч фунтов, для чего надо было сообщить ему начальную скорость в двенадцать тысяч ярдов в секунду. На минуту все смолкло.

Молчание прервал Барбикен.

— Дорогие друзья, — начал он спокойным голосом, — я исхожу из основного положения, что сила сопротивления стенок нашей пушки, установленной особым образом, беспредельна. Итак, я удивлю вас и даже уважаемого коллегу Мастона: он был слишком робок в своих расчетах, — я предлагаю удвоить предложенные им восемьсот тысяч фунтов.

— Миллион шестьсот тысяч фунтов?! — воскликнул Мастон, подскочив от изумления.

— Да, не меньше.

— Но в таком случае выходит по-моему: пушка должна быть длиною в полмили.

— Очевидно, так, — подтвердил майор.

— Миллион шестьсот тысяч фунтов пороха, — продолжал секретарь комитета, — будут занимать пространство около двадцати двух тысяч кубических футов. Ваша пушка, имея объем всего в пятьдесят четыре тысячи кубических футов, будет наполнена порохом до половины, но тогда ее канал не будет обладать достаточной длиной, чтобы расширение пороховых газов оказало нужное действие на снаряд...

Возразить было нечего. Мастон был прав. Взгляды всех оставались на председателе.

— Тем не менее, — сказал Барбикен, — я настаиваю на таком именно количестве пороха. Подумайте хорошенько, миллион шестьсот тысяч фунтов пороха разовьют шесть миллиардов литров газа. Шесть миллиардов! Слышите?

— Но что же тогда делать? — спросил генерал.

— Очень просто; необходимо сократить это громадное количество пороха, но без ущерба для его двигательной силы.

— Прекрасно! Но каким же образом?

— Я вам сейчас скажу, — спокойно отвечал Барбикен. Слушатели так и впились в него глазами.

— В самом деле, ничего нет легче, — продолжал Барбикен, — как сократить в четыре раза объем пороха. Разумеется, всем вам известно то любопытное вещество, из которого состоят ткани растений и которое называется клетчаткой.

— Ах! — воскликнул майор. — Я вас понимаю, дорогой Барбикен.

— Это вещество, — продолжал председатель, — встречается в природе в совершенно чистом виде, например в хлопке, который не что иное, как пух, покрывающий семена хлопчатника.

При соединении на холоде с азотной кислотой клетчатка превращается в вещество, совершенно нерастворимое, быстро воспламеняющееся и обладающее громадной взрывчатой силой. Не так давно, в тысяча восемьсот тридцать втором году, это вещество открыл французский химик Браконно, назвавший его ксилоидином. В тысяча восемьсот тридцать восьмом году французский химик Пелуз изучил различные свойства этого вещества, и, наконец, в тысяча восемьсот сорок шестом году Шонбейн, профессор химии в Базеле, предложил его в качестве пороха для военных целей. Этот порох был назван азотистой хлопчаткой...

— Или пироксилином,— заметил Эльфистон.

— Или гремучей ватой,— добавил Морган.

— Неужели ни один американец не причастен к этому открытию? — воскликнул Мاستон, задетый в своем патриотизме.

— К сожалению, не могу назвать ни одного,— отвечал майор.

— Однако, чтобы удовлетворить Мастона,— продолжал председатель,— я скажу, что один из наших сограждан немало поработал над изучением пироксилина. Вам известно, что коллодий, который является очень важным материалом, применяемым в фотографии, не что иное, как пироксиллин, растворенный в смеси серного эфира и спирта, а коллодий открыл Мейнард, когда он был еще студентом-медиком в Бостоне.

— Да здравствует Мейнард и хлопчатобумажный порох! — крикнул шумливый секретарь «Пушечного клуба».

— Вернемся к пироксилину,— продолжал Барбикен.— Вам известны его свойства, и они для нас драгоценны; изготовление его необычайно просто: стоит погрузить хлопок на пятнадцать минут в дымящуюся азотную кислоту, затем промыть в большом количестве воды, потом высушить, и — готов пироксиллин.

— В самом деле, нет ничего проще,— заметил генерал.

— К тому же пироксиллин совершенно нечувствителен к сырости,— и это особенно драгоценное для нас свойство, потому что заряжать нашу пушку придется несколько дней подряд. Сверх того пироксиллин воспламеняется при ста семидесяти градусах, а не при двухстах сорока, и быстрота его разложения, сгорания и взрыва так велика, что можно поджечь его, положив на кучу обыкновенного пороха, и пироксиллин сгорит до конца, прежде чем порох успеет воспламениться.

— Превосходно,— заметил майор.

— Однако он дороговат.

— Пустяки! — воскликнул Мастон.

— Наконец, пироксиллин придает снаряду скорость, в четыре раза превосходящую скорость от обыкновенного пороха. Я добавлю даже, что если к пироксилину примешать калийной селитры в пропорции восемь к двум, то его взрывчатая сила увеличится в еще большей степени.

— Но разве это необходимо? — спросил майор.

— Не думаю,— ответил Барбикен.— Таким образом, вместо миллиона шестисот тысяч фунтов пороха достаточно взять четырехста тысяч фунтов гремучей ваты, и так как можно без всякой опасности спрессовать пятьсот фунтов хлопчатника в пространстве двадцати семи кубических футов, то весь наш пороховой заряд займет в канале колумбиады не более тридцати кубических туазов. Таким образом, снаряду придется пролететь в канале семьсот футов под напором шести миллиардов литров газов, прежде чем он выпалит из пушки по направлению к ночному светилу.

При этой тираде Мастон не в силах был сдержать свой восторг,— он ринулся в объятия своего друга почти со скоростью пушечного снаряда и, конечно, сокрушил бы его, если бы Барбикен не был построен из материала, способного выдержать даже удар бомбы.

Этим инцидентом закончилось третье заседание комитета. Барбикен и его отважные коллеги, для которых, казалось, не существовало ничего невозможного, разрешили сложные вопросы о снаряде, об оружии и о порохе. План был готов, оставалось только его выполнить.

— Ну, это уж мелочи, сущие пустяки! — изрек Дж. Т. Мастон.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Один недруг на двадцать пять миллионов друзей.

Американское общество вникало с напряженным интересом в малейшие подробности предприятия «Пушечного клуба». Следили день за днем за всеми прениями комитета. Вся подготовка к великому опыту, все цифры, все механические трудности, которые предстояло одолеть,— одним словом, весь ход дела захватывал всеобщее внимание.

Целый год должен был пройти от начала работ до их завершения, но в этот промежуток времени предстояло осуществить ряд волнующих задач: избрать место для производства работ, выкопать шахту, отлить колумбиаду, наконец произвести крайне опасную операцию зарядки,— все это возбуждало любопытство общественных масс. Все знали, что снаряд, выпущенный из колумбиады, исчезнет из поля зрения в течение каких-нибудь десятих долей секунды. А как полетит он в пространстве? Как достигнет Луны? Лишь немногие счастливицы увидят полет ядра собственными глазами. Понятно поэтому, что для широкой публики чрезвычайно интересны были во всех деталях приготовления к великому опыту.

Кроме того, произошло неожиданное событие, усилившее общественный интерес к научной стороне дела.

Мы уже знаем, какую бесчисленную армию почитателей и друзей приобрел Барбикен благодаря своему проекту. Однако,

несмотря на свою необычайную силу, партия Барбикена не могла включить в свои ряды всех поголовно. Нашелся человек — единственный на все Соединенные Штаты, — который стал протестовать против предприятия, затеянного «Пушечным клубом»; при всяком удобном случае он выступал с целым рядом горячих опровержений, а натура человеческая такова, что Барбикен был более чувствителен к нападкам одного противника, чем к шумным одобрениям всех остальных.

Между тем ему отлично была известна причина вражды этого человека, так как она была давнего происхождения и носила личный характер; он знал, что взаимная их неприязнь зародилась на почве самолюбивого соперничества.

Однако председатель «Пушечного клуба» никогда не видел в глаза своего ожесточенного недруга, и это — к счастью для обоих, потому что встреча их, наверное, повлекла бы для них самые печальные последствия. Этот противник был такой же ученый, как Барбикен, гордая, смелая, горячая, упорная натура, — словом, чистокровный янки. Звали его капитан Николь. Жил он в Филадельфии.

Многие, вероятно, помнят, какое любопытное соперничество возникло во время гражданской войны между снарядом и броней военных кораблей: ядро призвано было пробивать броню, а броня должна была сопротивляться ядру. Это повело к коренному преобразованию военного флота в штатах Северной и Южной Америки. Ядро и броня сражались не на жизнь, а на смерть, причем ядро все увеличивалось, а броня все утолщалась. Военные суда, ошестинившись внушительными орудиями, шли в бой, защищенные непроницаемой броней. «Мерримак», «Монитор», «Рам-Тен-несси», «Векгаузен» метали огромные ядра в неприятельские суда, предварительно покрывшись толстой броней. Они делали другим то, чего не желали себе, — основное, глубоко безнравственное правило, к которому сводится все искусство войны.

Барбикен во время войны прославился отливкой снарядов, а капитан Николь — созданием самой прочной в мире брони. Один из них день и ночь отливал в Балтиморе ядра, а другой ночь и день ковал в Филадельфии броню. Они ставили перед собой прямо противоположные цели.

Не успевал Барбикен придумать новый снаряд, как Николь изготовлял уже новую броню. Целью жизни Барбикена было пробивать насквозь броню, а целью жизни Николя — препятствовать ему в этом. Отсюда и зародилось их постоянное соперничество, которое скоро перешло в личную вражду.

Николь мерещился Барбикену даже во сне в виде непроницаемой брони, о которую он сам разбивался на мелкие куски, а Барбикен являлся Николю в кошмарах в виде страшного снаряда, который его, Николя, пробивал насквозь.

Хотя оба ученые двигались по двум расходящимся линиям,

они, наверное, когда-нибудь встретились бы вопреки всем аксиомам геометрии, и тогда эта встреча кончилась бы дуэлью. К счастью для этих столь полезных родине граждан, их всегда разделяло расстояние в пятьдесят — шестьдесят миль, и друзья ставили перед ними такие преграды, что им так и не пришлось столкнуться.

Трудно было бы сказать, кто из этих двух изобретателей превзошел другого, так как результаты их деятельности еще не получили точной оценки. Казалось, однако, что в конечном счете броня должна была уступить ядру. Впрочем, сведущие люди еще сомневались в этом. При последних испытаниях цилиндрико-конические снаряды Барбикена вонзались в броню Николя, как булавы в воск. В тот день филаделфийский изобретатель торжествовал победу, не скупясь на презрительные выражения по адресу своего соперника, но вскоре должен был признать, что слишком поторопился: Барбикен заменил свои цилиндрико-конические снаряды простыми бомбами весом в шестьсот фунтов, и эти бомбы, несмотря на свою малую начальную скорость, сломили, пробили и разнесли в куски броню, выкованную из лучшего металла.

Так обстояло дело, и победа, казалось, должна была остаться за ядром, но вдруг война кончилась, и как раз в тот самый день, когда Николь доделывал новую броню из кованой стали. Это был своего рода шедевр,— броне этой не страшны были никакие снаряды в мире. Капитан Николь привез новую броню на вашингтонский полигон и послал Барбикену предложение пробить ее. Барбикен отказался ввиду прекращения военных действий.

Взбешенный отказом, Николь предложил испытать его броню какими угодно снарядами — круглыми, коническими, полыми, сплошными,— хотя бы самых чудовищных размеров. Председатель «Пушечного клуба» опять отказался, очевидно, опасаясь подорвать свою славу.

Упорство противника вывело Николя из себя; он решил соблазнить Барбикена, предложив ему неслыханно льготные условия: стрелять в его броню с расстояния двухсот ярдов. Барбикен снова отказался. Тогда со ста ярдов? Нет, Барбикен не согласен даже с семидесяти пяти ярдов.

«В таком случае я предлагаю пятьдесят ярдов,— объявил капитан через газеты,— я согласен даже на двадцать пять ярдов, и я сам буду стоять позади моей брони».

Барбикен ответил, что не будет стрелять даже и в том случае, если капитан Николь станет не позади, а впереди своей брони.

После такого ответа капитан Николь окончательно вышел из себя и разразился потоком оскорблений. Он стал утверждать, что все дело в трусости, что человек, который отказывается выстрелить из пушки, несомненно, боится предлагаемого ему опыта и что вообще современные артиллеристы, стреляющие друг в друга с расстояния в шесть миль, подменили личную храбрость

математическими формулами, а человек, который предлагает встать спокойно позади своей брони, выказывает не меньше храбрости, чем тот, кто стреляет ядрами по всем правилам искусства.

Барбикен не отозвался на эти обвинения; быть может, он даже не знал о них, потому что в то время был всецело поглощен вычислениями и обдумыванием своего великого предприятия. Но гнев капитана Николя дошел до предела, когда Барбикен сделал свое знаменитое сообщение в «Пушечном клубе». Тут сказались и острая ревность к успеху соперника и сознание полного своего бессилия. В самом деле, чем можно затмить колумбиаду в девятьсот футов длиной? Мыслимо ли выковать броню, которая задержала бы снаряд весом в 20 тысяч фунтов? Капитан Николь сперва был потрясен, уничтожен, сокрушен этим чудовищным снарядом, потом он оправился, встал на ноги и решил раздавить проект Барбикена тяжестью своих опровержений.

Он ожесточенно напал на затею «Пушечного клуба», он строил в редакции множество писем, и газеты охотно их печатали. Он старался уничтожить путем научных выкладок значение проекта Барбикена. Раз начав войну, он не брезговал никакими средствами, даже самыми неблагоприятными и недобросовестными.

Прежде всего Николь яростно обрушился на цифровые данные «Пушечного клуба»; он доказывал при помощи алгебры, что формулы Барбикена неверны; обвинял его даже в незнании основных начал баллистики. Среди других ошибок Николь отметил, что невозможно сообщить какому бы то ни было телу скорость в 12 тысяч ярдов в секунду; затем он утверждал, на основании собственных вычислений, что даже при такой скорости ядро колумбиады не вылетит за пределы земной атмосферы, ибо вес его чересчур велик. Оно не поднимется и на высоту восьми лье! Больше того, даже при указанной скорости, если считать ее достаточной, бомба не выдержит напора газов, которые разовьются при воспламенении одного миллиона шестисот тысяч фунтов пороха; а если и устоит против давления, то во всяком случае не выдержит высокой температуры, расплавится при вылете из колумбиады и упадет кипящим металлическим дождем на головы легковверных зрителей.

Но Барбикен, не обращая ни малейшего внимания на эти нападки, спокойно продолжал свое дело.

Тогда Николь повел нападение с другой стороны; он стал уверять, что предприятие Барбикена не только бесполезно со всех точек зрения, но к тому же чрезвычайно опасно — как для граждан, которые портят своим присутствием это предосудительное зрелище, так и для городов, находящихся вблизи от этой злосчастной пушки. Кроме того, если ядро не долетит до Луны — что не подлежит сомнению, — то оно неизбежно упадет на Землю, а в таком случае энергия падения подобной массы, помноженной на

квадрат ее скорости, вызовет ужасающую катастрофу в данном пункте земного шара. Поэтому в данных обстоятельствах, не посягая на свободу действий граждан, следует поставить вопрос о необходимости вмешательства со стороны правительства, ибо нельзя рисковать жизнью множества людей в угоду фантазиям одного человека.

Отсюда видно, до каких преувеличений дошел капитан Николь. Однако он оставался в полном одиночестве. Никто не верил его зловещим пророчествам. Он мог кричать сколько ему угодно, мог даже надорваться от крика — от этого не было никакого толку. Николь очутился в положении адвоката, дело которого заранее проиграно; его слышали, но не слушали, и он не отбил у председателя «Пушечного клуба» ни единого приверженца, а сам Барбикен не счел даже нужным возражать своему сопернику.

Доведенный до крайности и не имея возможности драться с Барбикеном на дуэли, он решил биться с ним об заклад. И вот в ричмондской газете «Энквайрер» появился следующий вызов Барбикену на ряд пари с постепенно возрастающими ставками. Он держал пари:

1. Что «Пушечный клуб» не соберет суммы, достаточной для осуществления его предприятия на 1000 долларов
2. Что отливка чугунной пушки в девятьсот футов длиной практически невыполнима и потому не удастся «Пушечному клубу» на 2000 долларов
3. Что невозможно будет зарядить колумбиаду, потому что давление вызовет взрыв пироксилина на 3000 долларов
4. Что при воспламенении пироксилина колумбиаду разорвет на 4000 долларов
5. Что ядро не пролетит даже шести миль в высоту и упадет на Землю через несколько секунд после выстрела на 5000 долларов

Отсюда видно, до какого азарта довело капитана Николь его отчаянное упрямство. Ведь речь шла о целых пятнадцати тысячах долларов!

В ответ на свой вызов капитан Николь получил запечатанный конверт, заключающий великолепное по своей краткости письмо:

«Балтимор, 18 октября.

Держу.

Барбикен».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Флорида и Техас.

Еще один важный вопрос оставался нерешенным: надо было выбрать местность, благоприятную для опыта. Согласно указаниям Кембриджской обсерватории, выстрел необходимо было

направить перпендикулярно к плоскости горизонта, то есть целить в зенит, а между тем Луна бывает в зените лишь в тех местах, которые расположены между экватором и 28° широты. Итак, предстояло точно определить местность, где должна была происходить отливка гигантской колумбиады.

На 20 октября было созвано общее собрание членов «Пушечного клуба». Барбикен принес великолепную карту Соединенных Штатов, составленную З. Бельтропом. Но не успел он развернуть карту, как Дж. Т. Мاستон с обычной своей горячностью попросил слова.

— Уважаемые коллеги,— начал он,— вопрос, поставленный на нынешнем заседании, имеет громадное национальное значение — он дает нам случай совершить поистине патриотический акт!

Члены «Пушечного клуба» переглянулись, недоумевая, куда клонит оратор.

— Никто из вас,— продолжал он,— конечно, не допустит и мысли, что можно поступиться славой своего отечества, и если существует право, на которое могут исключительно претендовать Соединенные Штаты, то это право — на отливку колоссального орудия «Пушечного клуба» в своих пределах! Но при существующих обстоятельствах...

— Дорогой Мастон...— перебил его председатель.

— Позвольте мне развить свою мысль,— продолжал оратор.— При существующих обстоятельствах мы должны выбрать место, достаточно близкое к экватору, для того чтобы произвести наш опыт в благоприятных условиях...

— Не угодно ли вам...— снова прервал его Барбикен.

— Я требую свободы слова,— возразил неукротимый Мастон,— и настаиваю на том, чтобы территория, с которой полетит наш победоносный снаряд, принадлежала Соединенным Штатам!

— Правильно! — слышались голоса.

— Ну так вот! Поскольку наши границы недостаточно далеко простираются к югу, поскольку на юге непреодолимой преградой является для нас океан, поскольку нам необходимо искать двадцать восьмую параллель за пределами Соединенных Штатов, в соседней стране, то вот вам и законный *casus belli*. Итак, я требую, чтобы была объявлена война Мексике!

— Да нет же! Нет! — раздалось со всех сторон.

— Нет?! — завопил Мастон.— Меня изумляет такое слово в этих стенах!

— Но послушайте же...

— Ни за что! Ни за что! — крикнул в ответ запальчивый оратор.— Рано или поздно эта война неизбежна, и я требую, чтобы она была объявлена немедленно.

Раздались выстрелы председательского звонка.

— Мастон,— заявил Барбикен,— я лишаю вас слова.

Мастон пытался еще что-то возразить, но соседям удалось его удержать.

— Я сам того мнения,— сказал Барбикен,— что наш опыт должен быть произведен только на территории Соединенных Штатов. Но если бы мой нетерпеливый друг не помешал мне высказаться, если бы он потрудились взглянуть на карту, он сам убедился бы, что совершенно незачем объявлять войну нашим соседям, так как границы Соединенных Штатов в некоторых местах простираются за двадцать восьмую параллель к югу. Вот посмотрите, мы имеем в своем распоряжении всю южную часть Техаса и Флориды.

Тем и закончился инцидент; скрепя сердце Мастон вынужден был согласиться. Итак, было решено, что колумбиада будет отлита или в Техасе, или во Флориде. Но какое соперничество должно было вызвать это постановление между городами этих двух штатов!

Пересекая территорию Америки, двадцать восьмая параллель проходит по полуострову Флорида и разделяет его на две приблизительно равные части. Проходя через Мексиканский залив, она замыкает дугу, образуемую берегами штатов Алабама, Миссисипи и Луизиана. Затем она идет через Техас, отрезая у него угол, пересекает границу Мексики, где проходит через Сонору и Калифорнию, после чего теряется в волнах Тихого океана. Таким образом, только те части Техаса и Флориды, которые расположены южнее этой параллели, удовлетворяли географическим условиям, указанным Кембриджской обсерваторией.

Флорида в южной своей части не имеет значительных городов, но зато усеяна крепостями, построенными в защиту от кочующих индейцев. Один лишь город Тампа мог претендовать благодаря своему удобному положению на выбор «Пушечного клуба».

В Техасе, напротив, городов больше и они крупнее: Корпус-Кристи в Ньюэсском округе, ряд городов, расположенных по Рио-Бразос: Ларедо, Комалитес, Сан-Игнасио — в Уэббском округе; Рома, Рио-Гранде-Сити — в Старрском округе; Эдинбург — в Идальгском округе; Санта-Рита, Эль Панда, Браунсвилл — в Камеронском. Все это были опасные соперники Флориды.

Поэтому, едва лишь газеты огласили постановление «Пушечного клуба», как депутаты Флориды и Техаса устремились в Балтимор; они стали днем и ночью осаждать Барбикена и других влиятельных членов «Пушечного клуба», энергично заявляя свои претензии. Если в древности семь городов оспаривали друг у друга честь быть родиной Гомера, то теперь два штата чуть не объявили друг другу войну из-за прославленной пушки.

Эти «свирепые братья», вооруженные до зубов, расхаживали по улицам Балтимора. При каждой встрече соперников можно было опасаться столкновения, которое грозило самыми пагубны-

ми последствиями. К счастью, благоразумие и осторожность, проявленные председателем Барбикеном, предотвратили эту опасность. К тому же газеты оказались своего рода громоотводом для личных столкновений. «Нью-Йорк геральд» и «Трибюн» встали на сторону Техаса, а защиту интересов Флориды взяли на себя «Таймс» и «Америкэн ревю».

Члены «Пушечного клуба» не знали, кого и слушать.

Техас гордо выдвигал как свой основной козырь то обстоятельство, что в нем двадцать шесть округов, но Флорида возражала, что хотя у нее всего двенадцать округов, но их относительно больше, ибо она в шесть раз меньше Техаса.

Техас кичился своим населением в 330 тысяч жителей, а Флорида отвечала, что ее население гуще, ибо на ее малой территории 56 тысяч жителей. Кроме того, она язвительно спрашивала, почему Техас не хвалится заодно своей болотной лихорадкой, которая ежегодно уносит тысячи жертв? И Флорида была права.

В свою очередь Техас возразил, что кому-кому, а не Флориде попрекать других лихорадками и нездоровым климатом — разве она забыла о своей собственной хронической повальной болезни — «черной рвоте»? И Техас тоже был прав.

«К тому же,— добавляли техасцы через дружественный им «Нью-Йорк геральд»,— надо отдать предпочтение штату, где растет лучший в Америке хлопок, штату, где произрастает лучший зеленый дуб для постройки кораблей, штату, обладающему великолепным каменным углем и богатейшими залежами железной руды, дающей пятьдесят процентов чистого металла».

На это «Америкэн ревю» — защитник Флориды — возражало, что хотя почва Флориды и не столь богата, но представляет гораздо более благоприятные условия для формовки и отливки колумбиады, так как состоит из глины и песка.

«Но прежде чем отливать что-либо в какой-нибудь стране,— отвечали техасцы,— надо до этой страны добраться? А добраться до Флориды — дело нелегкое, в то время как доступ в Техас открыт через Галвестонскую бухту, которая имеет четырнадцать лье в окружности и способна вместить флоты всех государств мира».

«Подумаешь! — восклицали в ответ газеты, дружественные Флориде. — Что это вы нам втираете очки с вашей Галвестонской бухтой, расположенной выше двадцать восьмой параллели? Разве нет у нас бухты Эспириту-Санто,— она лежит как раз на двадцать восьмой параллели, и через нее корабли доходят прямо до города Тампа».

«Хороша бухта, наполовину затянутая песком!» — издевался Техас.

«Сами вы затянуты песком,— отбивалась Флорида. — Уж не скажете ли вы, что Флорида совсем дикая страна?»

«А разве до сих пор не рыскают семинолы по вашим степям?»

«Ну так что же? А разве ваши команчи и апачи — цивилизованные племена?»

Несколько дней подряд продолжалась полемика такого рода, пока Флорида не попыталась перенести спор на другую почву, и в одно прекрасное утро «Таймс» выступил с таким заявлением:

«Так как предприятие «Пушечного клуба» — дело истинно американское, то оно должно быть осуществлено на подлинно американской территории».

Техас взбеленился:

«Как! Да разве мы не такие же подлинные американцы, как и флоридцы? Разве Техас и Флорида не вошли в состав Соединенных Штатов в одном и том же тысяча восемьсот сорок пятом году?»

«Спору нет,— отвечал «Таймс»,— но мы принадлежим американцам с тысяча восемьсот двадцатого года».

«Как бы не так! — возражала «Трибюн». — Вы были сперва испанцами, потом англичанами, и только через двести лет американцы купили вас за пять миллионов долларов».

«Что из того,— отвечали флоридцы. — Краснеть нам не приходится. А разве в тысяча восемьсот третьем году не купили Луизиану у Наполеона за шестнадцать миллионов долларов?»

«Это сущий позор! — завопили депутаты Техаса. — Такой жалкий клочок земли, как Флорида, еще смеет равняться с Техасом! Техас никогда не был продан, он сам завоевал себе свободу, изгнав мексиканцев второго марта тысяча восемьсот тридцать шестого года; он объявил себя федеративной республикой после победы Самуэля Густона, одержанной на берегу реки Сан Джасинто над войсками генерала Санта-Анны. Техас добровольно присоединился к Соединенным Штатам Северной Америки».

«Потому что он испугался мексиканцев», — возражала Флорида.

«Испугался!» С того дня, когда сорвалось это резкое неосторожное слово, положение стало решительно невыносимым. Все в Балтиморе боялись, что враждующие партии схватятся на улицах и начнут резать друг друга. Пришлось учредить надзор за депутатами.

Председатель «Пушечного клуба» не знал, на что решиться. Каждый день на него сыпались дождем докладные записки, документы и даже письма с угрозами. Чью сторону ему принять? С точки зрения пригодности почвы, удовлетворительности путей сообщения и быстроты транспорта права обоих штатов были в общем равны; а политические симпатии и счета не имели отношения к делу.

Надо было покончить с этими колебаниями, с этим замешательством. Барбикен собрал исполнительный комитет «Пушечного клуба» и предложил самый мудрый выход из создавшегося положения.

«Принимая во внимание распри, которые мы наблюдаем между Флоридой и Техасом, можно быть уверенным, что такие же споры возникнут и между городами того штата, который мы выберем. Соперничество между штатами сменится соперничеством между городами. В Техасе целых одиннадцать городов подходят к требуемым условиям, и все они будут оспаривать эту честь и создадут нам множество новых неприятностей. У Флориды же всего один город. Поэтому я предлагаю избрать Флориду, то есть город Тампа».

Это решение сразило депутатов Техаса. Они пришли в неопишуемую ярость и стали бомбардировать видных членов «Пушечного клуба» ругательными письмами. Тогда балтиморские власти прибегли к крайним мерам. Они заказали специальный экспресс, насильно посадили туда упиравшихся техасцев, и те умчались из Балтимора со скоростью тридцать миль в час.

Но, несмотря на спешность отъезда, техасцы успели послать по адресу своих противников последний язвительный упрек.

Напомнив о малой ширине Флориды, представляющей собой полуостров между двумя морями, они предсказали, что она не выдержит сотрясения от выстрела и сразу же взлетит на воздух.

— Ну и пусть себе взлетит! — отвечали флоридцы с лакомизмом, достойным героев древности.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Урби ет орби¹.

Теперь все вопросы — астрономические, топографические и технические — были разрешены, кроме одного — денежного. Для выполнения предприятия «Пушечного клуба» требовалась огромная сумма. Ни какое-либо частное лицо, ни даже отдельное государство не могло располагать миллионами, необходимыми для успеха дела.

Поэтому Барбикен решил, что предприятие нужно превратить из узкоамериканского в международное, то есть обратиться ко всем государствам с просьбой о финансовом соучастии. В самом деле, все страны Земли могли считать своим правом и обязанностью принять участие в походе на Луну. Поэтому открытая в этих целях в Балтиморе подписка распространилась по всему свету — *urbi et orbi!*

Успех этой подписки превзошел все ожидания. А между тем речь шла не о займе, а о бескорыстных в полном смысле этого слова пожертвованиях, ибо никакой прибыли нельзя было ожидать.

Оказалось, что проект Барбикена заинтересовал не одних

¹ Миру и городу (*лат.*).

только американцев; известия о нем перешагнули через Атлантический и Тихий океаны, проникнув одновременно в Европу, Азию, Африку и Океанию. Обсерватории Соединенных Штатов сообщили о задуманном опыте обсерваториям Старого Света. Многие из них, а именно: Парижская, Пулковская, Капштатская, Берлинская, Альтонская, Стокгольмская, Варшавская, Гамбургская, Будапештская, Болонская, Мальтийская, Лиссабонская, Бенаресская, Мадрасская и Пекинская — послали свои приветствия «Пушечному клубу»; остальные благоразумно предпочли выждать результатов опыта.

Что касается Гринвичской обсерватории, то ответ ее был краток: она решительно заявила, что затея Барбикена обречена на полную неудачу. Она вполне разделяла теории капитана Николя, и к ее мнению присоединились остальные двадцать две английские обсерватории. И в то время как различные ученые общества постановили послать делегатов в Тампа — бюро Гринвичской обсерватории без церемоний сняло с повестки дня предложение Барбикена.

В общем же, предприятие Барбикена встретило сочувствие ученого мира и возбудило горячий интерес в широких массах. Это имело огромное значение, так как все эти массы были призваны принять участие в подписке.

18 октября президент Барбикен выпустил красноречивое воззвание ко «всем отзывчивым людям земного шара». Этот манифест, переведенный на все языки, имел большой успех. Подписка была открыта во всех городах Соединенных Штатов, с центральным пунктом в Балтиморском банке — Балтиморская улица, д. 9; кроме того, она принималась во всех странах Старого и Нового Света:

- в Вене — у С. М. Ротшильда,
- в Петербурге — у Штигица и К^о,
- в Париже — в Обществе кредита движимого имущества,
- в Стокгольме — у Тотти и Арфуредсона,
- в Лондоне — у Н. М. Ротшильда и сына,
- в Турине — у Ардуина и К^о,
- в Берлине — у Мендельсона,
- в Женеве — у Ломбара, Одье и К^о.
- в Константинополе — в Оттоманском банке,
- в Брюсселе — у С. Ламбера,
- в Мадриде — у Даниэля Вейсвеллера,
- в Амстердаме — в Нидерландском кредитном обществе,
- в Риме — у Торлония и К^о,
- в Лиссабоне — у Лесена,
- в Копенгагене — в частном банке,
- в Буэнос-Айресе — в банке Мауа,
- в Монтевидео — в отделении того же банка,
- в Вальпараисе — у Мартина Даран и К^о,
- в Лайме — у Томаса Лашамбра и К^о.

Через трое суток после опубликования барбикеновского воззвания подписка в одних только городах Соединенных Штатов дала четыре миллиона долларов. С таким задатком «Пушечный клуб» мог уже приниматься за работу.

Еще через несколько дней газеты сообщили, что и за пределами Соединенных Штатов подписка шла чрезвычайно быстро и успешно.

Некоторые государства проявили значительную щедрость, другие поддавались довольно туго. Все зависело от национально-го темперамента.

Впрочем, цифры красноречивее всяких слов. По официальным данным, занесенным в бухгалтерские книги «Пушечного клуба», подписка дала следующие результаты.

Россия внесла огромную сумму — 368 733 рубля. Этому не приходится удивляться, принимая во внимание интерес русского общества к науке и успешное развитие, достигнутое астрономией в этой стране благодаря многочисленным обсерваториям, главная из которых обошлась государству — в два миллиона рублей.

Во Франции на первых порах осмелили замысел американцев. Луна послужила темой для множества плоских острот и сюжетом для доброго десятка новых водевилей, дурной тон которых соответствовал невежеству их авторов. Но подобно тому, как в доброе старое время французы, накричавшись и напевшись вдоволь, кончили тем, что полностью уплатили налог, так и на этот раз, истощив свое остроумие, они подписались на сумму в 1 253 930 франков. Заплатив такие деньги, они имели полное право немного подурачиться.

Австрия, при всех своих хронических финансовых затруднениях, проявила значительную щедрость, внося 216 тысяч флоринов, принятых с благодарностью.

Швеция и Норвегия дали 52 тысячи ригсдалеров. Для этих стран сумма была весьма значительна, но она была бы еще больше, если бы подписку открыли одновременно в Стокгольме и в Христиании. Дело в том, что по каким-то причинам норвежцы не любят посылать свои деньги в Швецию.

Пруссия, прислав 250 тысяч талеров, тем самым доказала свое сочувствие предприятию «Пушечного клуба». На значительную часть этой суммы подписались ее обсерватории, выразившие горячее сочувствие председателю Барбикену.

Турция выказала немалую щедрость; это и понятно — ведь она лично заинтересована в этом деле, так как ведет счет времени по лунным месяцам и в зависимости от Луны установила свой пост Рамазан. Итак, она расщедрилась на сумму в 1 372 640 пиастров; впрочем, она внесла ее с такой поспешностью, которая заставляет подозревать известное давление со стороны правительства Порты.

Из второстепенных европейских государств на первое место

выдвинулась Бельгия, подписавшаяся на 513 тысяч франков, что составляло 12 сантимов на каждую душу ее населения.

Голландия вместе со своими колониями внесла 110 тысяч флоринов, причем потребовала скидки в пять процентов на том основании, что взносы были сделаны наличными деньгами.

Несмотря на уменьшение своей территории, Дания дала 9 тысяч дукатов и тем самым выразила свое сочувствие научным предприятиям.

Германская конфедерация внесла 34 285 флоринов; большее с нее нельзя было и требовать, да, впрочем, она больше и не дала бы ни гроша.

Несмотря на тиски, в каких она находилась, Италия все же наскребла 200 тысяч лир, пошарив в карманах своих сынов,— правда, пришлось усердно выворачивать их карманы. Будь у нее Венеция, она бы дала больше, но ведь Венеции у нее уже не было.

В Папской области было собрано 7 тысяч римских эку, а в Португалии рвение к науке выразилось в 30 тысячах крузод.

Лептою вдовицы оказался взнос Мексики — всего 86 двойных пиастров, но ведь новоиспеченные империи всегда бывают стеснены в деньгах.

257 франков — таков был более чем скромный взнос Швейцарии. По правде сказать, швейцарцы отрицали практическое значение американского предприятия; они не надеялись посредством ядра установить деловые сношения с ночным светилом и благоразумно отказались вкладывать свои капиталы в столь рискованное предприятие.

В Испании было собрано всего-навсего 200 реалов. Она оправдывалась тем, что ей нужно было заканчивать постройку железных дорог. Но на самом деле, как всем известно, в этой стране смотрят довольно косо на науку. Испания — несколько отсталая страна. Нашлись испанцы, притом из образованных, которые не имели ни малейшего представления о сравнительных массах Луны и снаряда; они боялись, что этот снаряд выбьет Луну из ее орбиты, выведет из строя спутник Земли и вызовет его падение на земной шар. При таких перспективах благоразумнее было воздержаться от взносов. Так они и сделали.

Оставалась Англия. Известно, с каким презрением она отнеслась к воззванию Барбикена. Все 25 миллионов населения Великобритании проявили поразительное единодушие. Их газеты дали понять, что предприятие «Пушечного клуба» противоречит принципу невмешательства, и англичане не подписались ни на один фартинг.

Члены «Пушечного клуба» при этом известии пожали плечами и продолжали свою великую затею.

Иначе отнеслась Южная Америка: Перу, Чили, Бразилия, Ла-Плата и Колумбия внесли 300 тысяч долларов.

В итоге в распоряжении «Пушечного клуба» оказался огромный капитал. Подписка дала следующие итоги:

Отечественная подписка	4 000 000	долларов
Иностранная	»	1 446 675 »
Итого	5 446 675	долларов

Итак, всего-навсего «Пушечным клубом» со всех концов земли было собрано 5 446 675 долларов.

Но пусть никого не удивляет эта огромная цифра. Предстояли колоссальные расходы по отливке и обточке колумбиады, по сооружению каменной кладки, по перевозке рабочих и устройству им жилья в пустынной стране, по постройке зданий и металлургических печей, по оборудованию мастерских, на покупку пороха, на сооружение снаряда и различные взятки; все эти статьи должны были поглотить почти всю сумму. Иные выстрелы во время гражданской войны обходились по тысяче долларов — понятно, что выстрел председателя Барбикена, который должен был составить эпоху в истории артиллерии, вполне мог обойтись в пять тысяч раз дороже.

20 октября был заключен договор с Гольдспрингским заводом, находившимся близ Нью-Йорка; этот завод во время войны поставлял Парроту лучшие его чугунные пушки.

По этому договору Гольдспрингский завод обязывался доставить в Южную Флориду, в окрестности города Тампа, все материалы, необходимые для отливки колумбиады.

Все работы по сооружению колумбиады должны были быть закончены не позже 15 октября следующего года; за каждый день просрочки завод отвечал неустойкой по сто долларов в сутки до того момента, когда Луна снова окажется в том же положении относительно Земли, то есть в течение восемнадцати лет и одиннадцати дней.

Наем рабочих, оплата их труда и все необходимые для работ приспособления также производились акционерной компанией Гольдспрингского завода.

Этот договор был одобрен и подписан в двух экземплярах Барбикеном, председателем «Пушечного клуба», и Дж. Мерчисоном, директором Гольдспрингского завода.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Стонзхилл.

После того как «Пушечный клуб» отверг притязания Техаса, все граждане Соединенных Штатов, где каждый умеет читать, сочли своим долгом изучить географию Флориды. Никогда книгопродавцы не продавали столько специальных книг: «Путешествие во Флориду» Бартрама, «Природа Восточной и Западной Флориды» Ромена, «Территория Флориды» Уильяма и сочинение Клиленда «О культуре сахарного тростника в Восточной Флори-

де». Они быстро разошлись, и пришлось печатать новые издания. Успех был бешеный.

Председателю «Пушечного клуба» было не до чтения: он решил собственными глазами осмотреть нужную ему часть Флориды, чтобы определить место для сооружения колумбиады. Не теряя ни минуты, он предоставил в распоряжение Кембриджской обсерватории сумму, необходимую для изготовления телескопа, и заказал торговому дому «Брэвиль и К^о» в Олбани алюминиевый снаряд; затем он выехал из Балтимора в сопровождении Масто́на, майора Эльфистона и директора Гольдспрингского завода.

На другой день путешественники были уже в Новом Орлеане; там они немедленно пересели на предоставленное им правительством вестовое судно морского министерства «Тампико», которое ждало их под парами. Скоро берега Луизианы скрылись из виду.

Переезд был недолгий. В двое суток «Тампико» прошел 480 миль и достиг берега Флориды. путешественники увидели перед собою землю, низменную, плоскую и с виду совершенно бесплодную. Обогнув целый ряд мысов и бухт, изобилующих устрицами и омарами, «Тампико» вошел в бухту Эспириту-Санто.

Эта бухта разделяется на два рейда: рейд Тампа и рейд Хилсборо, через устье показалась крепость Брук с ее приземистыми батареями, еле заметными над волнами, и затем город Тампа, беспорядочно раскинувшийся в глубине маленькой естественной гавани, образуемой устьем реки Хилсборо.

Там и бросил «Тампико» якорь 22 октября в семь часов вечера, и путешественники тотчас же высадились на берег.

Сильно забилося сердце у Барбикена, когда он ступил на флоридскую землю! Казалось, он ощупывал ее ногой, как архитектор инстинктивно ощупывает стены, чтобы убедиться в их прочности. Дж. Т. Масто́н то и дело поскребывал почву своим железным крюком.

— Господа, мы не должны терять ни одного дня, — сказал Барбикен. — Завтра же утром мы сядем на лошадей и отправимся осматривать страну.

На берегу Барбикена торжественно встретила трехтысячная толпа — все население Тампа, — эту честь вполне заслужил председатель «Пушечного клуба», остановив свой выбор на Флориде. Долго не смолкали шумные приветствия. Но Барбикен поспешил укрыться от оваций в гостинице «Франклин» и заявил, что никого принимать не будет. Роль знаменитости была ему не по душе.

На следующее утро, 23 октября, под окнами гостиницы уже нетерпеливо били копытами маленькие, но полные силы и огня испанские лошадки. Однако вместо четырех лошадей оказалось целых пятьдесят и столько же всадников. Барбикен и его трое спутников, спустившись по лестнице, были поражены при виде

такой кавалькады. Кроме того, Барбикен заметил, что у каждого всадника за плечами был карабин и пистолеты в кобуре седла. Один молодой флоридец тотчас сообщил ему причину такого вооружения.

— Могут повстречаться семинолы, сэр.

— Какие семинолы?

— Индейцы, которые бродят по степи; поэтому мы сочли нужным сопровождать вас.

— Чепуха! — произнес Дж. Т. Мастон, карабкаясь на лошадь.

— Это, знаете, на всякий случай, — добавил флоридец.

— Очень вам благодарен, господа, за ваше внимание, — ответил Барбикен, — а теперь — в путь!

Кавалькада тотчас тронулась и быстро исчезла в облаке пыли. Было пять часов утра; солнце уже ярко сияло, термометр показывал 84° в тени, но порывы свежего ветра умеряли жару.

Путешественники поскакали к югу, вдоль побережья, по направлению к реке Алифия, которая впадает в бухту Хилсборо милях в двенадцати ниже Тампа.

Затем они стали подниматься по правому берегу реки, направляясь на восток. Вскоре бухта исчезла за холмами, и перед ними развернулась флоридская равнина.

Флорида состоит из двух частей. Северная менее пустынна и гуще заселена; там находятся столица штата — Таллахаси и порт Пенсакола, где построен один из самых крупных морских arsenалов Соединенных Штатов. Южная часть, омываемая с одной стороны Атлантическим океаном, с другой Мексиканским заливом, представляет собой узкий полуостров, непрерывно размываемый течением Гольфстрима; это оконечность материка, потерявшаяся среди целого архипелага островов, которую приходится огибать многочисленным судам, идущим по Багамскому проливу. Она стоит как часовой у залива великих бурь.

Флорида занимает площадь в 38 033 267 акров, из которых Барбикену нужен был только один акр в пределах двадцать восьмой параллели, предоставляющий необходимые условия для выполнения его предприятия; поэтому Барбикен внимательно рассматривал поверхность почвы и ее строение. Открытая Хуаном Понсе де Леоном в 1512 году, в день вербного воскресенья, Флорида была сперва названа Цветущей пасхой. Ее песчаные, выжженные берега отнюдь не заслуживали такого поэтического наименования.

Но уже в нескольких километрах от берега характер местности начал постепенно изменяться, и она стала оправдывать свое название: появилось множество ручейков, рек, потоков, прудов и небольших озер; скоро они образовали целую водяную сеть, и можно было подумать, что находишься в Голландии или Гвиане. Потом равнина стала заметно подниматься, и вскоре взору путешественников открылись обработанные поля, где обильно произ-

растали различные северные и южные культуры; тропическое солнце прогревало эти широкие равнины, а воду дождей сохраняла глинистая почва. Кругом расстилались необозримые плантации ананасов, ямса, сахарного тростника, табачные, рисовые и хлопковые. Поражало изобилие этих природных богатств.

Барбикен, казалось, был доволен тем, что местность неуклонно повышалась.

— Дорогой друг,— ответил он на вопрос Масто́на,— для нас важнее всего соорудить нашу колумбиаду на высоком месте.

— Чтобы быть ближе к Луне? — выпалил секретарь «Пущечного клуба».

— Нет,— ответил, улыбаясь, Барбикен.— Несколько метров дальше или ближе к Луне не имеют значения. Но на высоком месте легче производить работы; нам не придется бороться с грунтовыми водами, что потребовало бы целой сети длинных и дорогих труб; с этим обстоятельством надо очень считаться, ведь нам придется вырыть колодец глубиной в девятьсот футов.

— Вы правы,— вмешался инженер Мерчисон,— во время работ надо, насколько возможно, ограждать себя от воды. Но если мы наткнемся на подземные источники — мы выкачаем из них всю воду машинами или же отведем их в сторону. Нам ведь не артезианский колодец копать, узкий и темный, где придется зондировать, бурить и взрывать вслепую. Мы будем работать под открытым небом, на солнечном свете, долбить киркой и заступом, а когда нужно, то и взрывать, так что дело пойдет у нас быстро.

— Однако,— заметил Барбикен,— если мы найдем высокое место, и притом сухое, то избавимся от возни с подземными водами, работать будет легче и постройка окажется прочнее. Постараемся поэтому заложить шахту на месте, которое находилось бы на высоте нескольких сот футов над уровнем моря.

— Вы совершенно правы, мистер Барбикен,— ответил инженер,— и если не ошибаюсь, мы должны вскоре найти подходящее место.

— Ах! — воскликнул Барбикен.— Как бы мне уже хотелось услышать первый удар кирки!

— А я бы хотел услышать последний удар! — воскликнул Масто́н.

— Скоро этого дождетесь,— ответил инженер,— и, поверьте, Гольдспрингскому заводу не придется платить вам неустойку за просрочку.

— Клянусь святой Барбарой, вы хорошо сделаете, если потопитесь,— воскликнул Масто́н.— Ведь платить придется по сто долларов в сутки до тех пор, пока Луна снова не вернется в такое же положение относительно Земли, то есть в течение восемнадцати лет и одиннадцати дней,— знаете ли вы, что это составит шестьсот пятьдесят восемь тысяч сто долларов!

— Нет, сэр, мы этого не знаем, да и знать не желаем.

К десяти часам утра кавалькада была уже милях в двенадцати от берега.

Между тем обработанные поля сменились лесами. Там в тропическом изобилии встречались самые разнообразные породы деревьев. В этих почти непроходимых лесах росли гранаты, апельсины, лимоны, сикоморы, маслины, абрикосы, бананы, огромные виноградные лозы; яркие цветы и разноцветные плоды пленяли своими красками и ароматом.

В густой ароматной тени этих великолепных деревьев перелетали и пели стаи птиц с блестящим оперением. Особенно хороши были ракоетки; перья их сверкали на солнце как самоцветы; казалось, им место не в гнезде, а в драгоценном ларчике.

Майор и Мастон восхищались красотой этой роскошной природы.

Но Барбикен, равнодушный к этим чудесам, спешил дальше; местность не нравилась ему именно вследствие своего плодородия. Хотя Барбикен и не был сведущ в гидроскопии, но он инстинктивно чувствовал воду у себя под ногами, а ему нужна была почва совершенно сухая.

Кавалькада продолжала двигаться вперед. Пришлось переехать вброд через несколько речек, и это было небезопасно, так как они кишели кайманами, иные из которых достигали восемнадцати футов в длину. Отважный Мастон погрозил чудовищам своим железным крючком. Но его жест спугнул лишь пеликанов, чирков, фаэтонов и других водяных птиц, а большие красные фламинго не тронулись с места и продолжали бессмысленно смотреть на людей.

Наконец исчезли болотные птицы и водяные животные; лес становился все более низкорослым и заметно поредел. Потом снова показалась степь с редкими группами деревьев; по временам пробегали стада испуганных оленей.

— Наконец-то! — воскликнул Барбикен, приподнимаясь на стременах. — Вот появились сосны.

— И дикари, — добавил майор.

В самом деле, на горизонте появился отряд семинолов; казалось, они были в волнении, ибо носились то туда, то сюда на своих быстрых конях, потрясали копьями, стреляли в воздух из ружей, но выстрелы были едва слышны путешественникам. Впрочем, семинолы ограничились этой враждебной демонстрацией, не решаясь напасть на Барбикена и его свиту.

Наконец кавалькада очутилась на каменистой возвышенности, занимавшей пространство в несколько акров; солнце заливало широкий простор своими жгучими лучами. Это место заметно возвышалось над остальной степью и, казалось, отвечало всем условиям, нужным для установки колумбиады.

— Стой! — крикнул Барбикен, придерживая лошадь. — Как называется эта местность?

— Мы называем ее Стонзхилл (Каменистый холм),— ответил один из флоридцев.

Не говоря ни слова, Барбикен слез с лошади, взял свои инструменты и начал определять с возможно большей точностью географическое положение места. Перед ним выстроился отряд флоридцев, в глубоком молчании наблюдавших за его действиями.

Солнце как раз проходило через меридиан. Через несколько минут Барбикен закончил свои измерения, написал несколько цифр и сказал, обращаясь к спутникам:

— Эта возвышенность находится на высоте трехсот туазов над уровнем моря. Широта двадцать семь градусов семь минут, долгота пять градусов семь минут. Я полагаю, что сухой и каменистый грунт этого холма представляет весьма благоприятные условия для сооружения колумбиады. Поэтому именно здесь построим мы наши печи, наши склады, жилища для наших рабочих, и отсюда, именно отсюда,— повторил Барбикен, топнув ногой о землю,— наш снаряд полетит в мировое пространство!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Заступ и кирка.

В тот же вечер Барбикен и его отряд вернулись в Тампа. Инженер Мерчисон снова сел на пароход «Тампико», направлявшийся обратно в Новый Орлеан. Он должен был нанять там целую армию рабочих и приобрести большую часть нужных материалов. Члены «Пушечного клуба» остались в Тампа для организации работ первой очереди силами местных рабочих.

Восемь дней спустя «Тампико» вернулся в бухту Эспириту-Санто в сопровождении целой флотилии пароходов. Мерчисону удалось на вербовать полторы тысячи рабочих.

Несколько лет назад, в мрачные времена рабства, он бы только даром потерял труды и время в поисках рабочей силы. Но с тех пор как Америка стала свободной страной, легко можно было найти людей, соглашавшихся ехать куда угодно, лишь бы им хорошо заплатили. «Пушечный клуб» располагал большими суммами и мог предложить рабочим высокую плату, гарантируя целый ряд значительных прибавок. Рабочий, нанявшийся во Флориду, мог рассчитывать на получение по окончании работ некоторого капитала, положенного на его имя в Балтиморский банк. Поэтому рабочие так и хлынули толпой к Мерчисону, и он мог выбирать самых опытных, тщательно проверяя их способности и ловкость. Таким образом, в трудовой легион «Пушечного клуба» попадали лучшие механики, кочегары, литейщики, обжигальщики извести, шахтеры, каменщики и всякого рода чернорабочие, белые и негры, без различия цвета кожи и расы. Многие

из них брали с собой свои семейства. Это было настоящее переселение народов.

31 октября, в 10 часов утра, вся эта толпа сошла на набережную города Тампа. Понятно, какое возбуждение охватило этот маленький городок, население которого за один день почти удвоилось.

Правда, рабочих тотчас же направили в Стонзхилл, но население города Тампа продолжало возрастать, так как туда со всех концов земного шара стали прибывать толпы любопытных.

Потребовалось несколько дней для выгрузки привезенной парходами партии материалов, машин и съестных припасов, а также отдельных, занумерованных частей разборных домиков для рабочих. В это же время Барбикен заложил первые вехи железной дороги, которая проектировалась длиною в пятнадцать миль и должна была соединять Стонзхилл с Тампа.

Известно, в каких условиях американцы строят свои железные дороги: они не боятся ни крутых поворотов, ни больших подъемов, презируют ограды и всякие меры предосторожности; рельсы то взбираются на холмы, то спускаются в долины, идя почти вслепую, то и дело отклоняясь от прямолинейного пути; поэтому дороги обходятся дешево и постройка их несложна; зато поезда нередко сходят с рельсов и валятся под откос.

Сооружение дороги из Тампа в Стонзхилл оказалось самым простым делом, ее построили очень быстро, и она стояла недолго.

Барбикен был душою всего этого трудящегося люда, откликнувшегося на его зов; он всех воодушевлял, внушал им свою энергию, свой энтузиазм, свою глубокую веру в успех. Он поспевал повсюду. Казалось, он был вездесущ; с ним неразлучен был Мэстон, который вертелся вокруг него и жужжал как муха. При нем не возникало ни препятствий, ни затруднений, ни замешательств; Барбикен оказался таким же первоклассным механиком, строителем и горняком, каким мастером он был в артиллерии. Он находил ответы на все вопросы, решения для всех практических задач. В то же время он вел деятельную переписку с «Пушечным клубом» и с Гольдспрингским заводом; днем и ночью, с разведенными парами, «Тампико» ожидал его приказаний на рейде Хилсборо.

1 ноября Барбикен покинул Тампа с первым отрядом рабочих, и уже на другой день вокруг Стонзхилла вырос целый поселок из разборных домиков, который окружили оградой. В рабочем городке вскоре развилась кипучая деятельность, как в любом крупном американском центре. Вся жизнь городка была подчинена строгой дисциплине, и работы были прекрасно налажены.

Пробные бурения, выполненные с возможной тщательностью, позволили определить характер почвы, и уже на 4 ноября

была назначена закладка шахты. В этот день Барбикен созвал всех мастеров и произнес следующую речь:

— Друзья мои! Все вы знаете, с какой целью я призвал вас в эту пустынную область Флориды. Нам предстоит отлить пушку с внутренним диаметром в девять футов, со стенками толщиной в шесть футов, обложить ее каменной кладкой в девятнадцать с половиной футов толщиной; для этого нужно вырыть шахту диаметром в шестьдесят футов и в девятьсот футов глубиной. Эту огромную работу необходимо закончить в течение восьми месяцев. Итак, вам надо вынуть два миллиона пятьсот сорок три тысячи четыреста кубических футов земли, то есть в круглых цифрах по десять тысяч кубических футов в сутки. Вас тысяча человек, и вы легко бы с этим справились, если бы работали на просторе, — но вам придется работать в сравнительно ограниченном пространстве. Тем не менее работа должна быть сделана, и она будет сделана: я рассчитываю на ваше мужество и на ваше искусство!

В 8 часов утра на вершине Стонхилла раздались первые удары кирки, и с тех пор это доблестное орудие ни на минуту не оставалось праздным: рабочие сменялись по четыре раза в сутки.

Как ни грандиозно было это предприятие, оно не превышало человеческих возможностей. Отнюдь нет. Известно, что в свое время были произведены гораздо более трудные работы, где приходилось непосредственно бороться со стихиями, и все же их доводили до благополучного конца. Достаточно упомянуть о «Колодеце праотца Иосифа», сооруженном близ Каира султаном Саладином в эпоху, когда еще не существовало машин, повышающих в сотни раз производительность человеческого труда; а между тем он был прорыт на глубину трехсот футов, до самого уровня Нила. Другой колодец был вырыт в Кобленце при маркграфе Иоганне Баденском — на глубину шестисот футов. В сущности, о чем шла теперь речь? Лишь о том, чтобы увеличить эту последнюю глубину в три раза при ширине в десять раз большей, но именно ширина шахты облегчала процесс работы. Поэтому ни один мастер, ни один рабочий не сомневался в успехе предприятия.

Важное решение, принятое инженером Мерчисоном, с согласия Барбикена, позволило еще ускорить ход работ.

По одному из пунктов договора завод обязывался стянуть дуло колумбиады громадными обручами из кованого железа, которые пришлось бы насаживать в раскаленном виде. Но оказалось, что эти обручи — излишняя роскошь, без которой конструкция вполне может обойтись. Итак, от них отказались. Это дало огромную экономию во времени, ибо стало возможным применить новейшую систему конструкции шахт, при которой каменная ограда колодца строится одновременно с бурением. Этот весьма простой прием избавляет от необходимости подпирать

земляные стены посредством распорных брусьев, ибо их сдерживает каменная кладка, которая сама опускается вниз вследствие своей тяжести.

Этот способ можно было применить лишь после того, как срыли верхний слой почвы и достигли твердого грунта.

4 ноября пятьдесят человек рабочих выкопали в центре ограды, то есть на самой вершине Стонзхилла, круглое углубление диаметром в шестьдесят футов.

Первый слой почвы оказался чем-то вроде чернозема, всего в несколько дюймов толщиной; он был быстро снят. Под ним находился слой мелкого песка толщиной в два фута; его пришлось очень тщательно выбрать, так как он годился на сооружение формы для отливки пушки.

Под слоем песка показалась довольно плотная белая глина, похожая на английский мергель, которая образовывала ярус более метра толщиной.

Затем кирка стала выбивать искры, ударяясь о каменистую породу. Это был слой, образовавшийся из окаменелых раковин, очень твердый и совершенно сухой. Дойдя до него, рабочие достигли уже глубины в шесть с половиной футов, и тут землекопы уступили место каменщикам...

На дне этого углубления было построено дубовое кольцо, подобие диска, скрепленное железными болтами и отличавшееся чрезвычайной прочностью; внутренний его диаметр был равен внешнему диаметру колумбиады. На это кольцо были положены первые слои строительного камня; промежутки между камнями тут же заливались раствором цемента, прочно скреплявшим их. Кладку эту производили, начиная от внешней окружности кольца, к центру; окончив ее, рабочие оказались в колодце диаметром в двадцать один фут.

Когда эта работа была завершена, землекопы снова взяли за свои кирки и ломы и стали выбирать породу из-под деревянного кольца; в образовавшиеся пустоты всякий раз вдвигали подставки чрезвычайной прочности; когда грунт был выбит на два фута из-под всего кольца, убрали одну за другой все подставки; мало-помалу кольцо опускалось, а вместе с ним вся надстроенная кольцевая каменная стена. Работавшие над ее кладкой каменщики проделывали в разных местах отдушины, чтобы дать выход газам, которые неизбежно будут выделяться при отливке пушки.

Все эти работы требовали от рабочих не только чрезвычайной ловкости, но и постоянного напряженного внимания. Уже во время копки под кольцом некоторые рабочие были серьезно ранены осколками камня, бывали даже смертельные случаи. Но энергия рабочих не остывала ни на минуту — ни днем, ни ночью: днем приходилось работать под жгучими лучами солнца, которые в летние месяцы накаливали известковую почву до 99°. Ночью работали при электрическом свете; удары лома о скалу,

грохот взрывов, стук машин, столбы дыма, поднимавшиеся над вершиной Стонзхилла, пугали не только стада бизонов, но и семинолов, которые не смели приближаться к этому страшному месту.

Работы продвигались быстро и планомерно; выемка земли облегчалась паровыми подъемными машинами; неожиданных препятствий не встречалось, бывали только заранее предвиденные затруднения, которые успешно устранялись.

Через месяц шахта была доведена до ста двенадцати футов, то есть до глубины, намеченной планом работ на этот месяц. В декабре эта глубина удвоилась, а в январе утроилась. В феврале рабочим пришлось вести борьбу с почвенной водой, просочившейся сквозь породы. Пустили в ход мощные насосы и аппараты со сжатым воздухом, чтобы выкачать воду, затем забетонировали отверстия источников, подобно тому как останавливают течь в подводной части корабля. Наконец справились и с этим препятствием. Однако вода успела размыть грунт под кольцом, и произошел частичный обвал. Можно себе представить ужасное сотрясение, когда при обвале почвы вместе с кольцом покосилась каменная стена высотой в семьдесят пять туазов. Этот несчастный случай стоил жизни нескольким рабочим.

Потребовалось три недели, чтобы подпереть каменную стену и снова прочно установить кольцевой фундамент. Благодаря искусству, проявленному инженером, а также силе машин, каменная стена, которой угрожала опасность, снова приняла устойчивое положение, и буровые работы продолжались.

К счастью, никаких задержек больше не случилось, и 10 июня — за двадцать суток до окончания срока, назначенного Барбикеном, — шахта достигла условленной глубины в девятьсот футов; оказалась законченной и вся каменная кладка; она установлена была на фундаменте в тридцать футов толщины и шла вверх полым цилиндром.

Председатель и присутствовавшие при работах члены «Пущечного клуба» горячо поздравили и поблагодарили инженера Мерчисона, выполнившего эту титаническую работу с беспрецедентной быстротой.

Все эти восемь месяцев Барбикен ни на одну минуту не покидал Стонзхилла; пристально следя за всеми работами, он вместе с тем проявлял непрестанную заботу о здоровье и благополучии рабочих; благодаря этому удалось избежать эпидемий, которые так легко развиваются при большом скоплении народа и бывают столь опустошительны в этих странах, близких к тропикам.

Правда, несколько человек рабочих поплатились жизнью из-за своей неосторожности, но при столь грандиозных и опасных работах никак нельзя предотвратить несчастные случаи; на такого рода «мелочи» американцы не обращают внимания. Они больше заботятся о всеобщем благе, чем о благе каждого человека в отдельности. Однако Барбикен придерживался противопо-

ложных взглядов, никогда от них не отступая. Поэтому благодаря его заботам, его проницательности, его мудрому вмешательству, его удивительной вдумчивости и гуманности процент несчастных случаев при сооружении шахты не превысил среднего процента таких же случаев в европейских странах, которые славятся своей техникой безопасности, например во Франции, где примерно на каждые 200 тысяч франков, затраченных на работы крупного масштаба, приходится лишь один несчастный случай.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Праздник отливки.

Одновременно с работами по углублению шахты с такой же быстротой производились и подготовительные работы по отливке колумбиады. Если бы иностранец очутился в Стонзхилле, его поразила бы неожиданная картина.

В 600 ярдах от шахты были кольцом расположены 1200 плавильных печей, снабженных отражателями. Каждая была шириной в шесть футов и отделялась от соседней расстоянием в полтуазы. Таким образом, круговая линия печей достигала двух миль в длину. Все они были построены по одному образцу, и их громадные трубы были одинаковой высоты. Зрелище было весьма своеобразное.

Дж. Т. Мэстон находил, что эти сооружения замечательны в архитектурном отношении. Они напоминали ему вашингтонские памятники. Он уверял, что нигде в мире нет зданий красивее этих — даже в Греции. «Впрочем, я никогда там не был», — прибавлял он.

Вспомним, что на третьем заседании комитета решено было отлить колумбиаду из чугуна, а именно из серого чугуна. Действительно, этот сорт чугуна наиболее вязкий и ковкий; он мягче, его легче сверлить и отливать во всякие формы: если же его выплавить на древесном угле, то получается сорт наилучшего качества для пушек, цилиндров паровых машин, гидравлических прессов и вообще изделий, которые должны обладать большой упругостью.

Однако и такой чугун еще недостаточно хорош, если сплавлен только один раз; его очищают, или рафинируют, посредством вторичной плавки, освобождая от последних кремнистых примесей.

Первая плавка железной руды, предназначенной для колумбиады, производилась в доменных печах Гольдспрингского завода; в соприкосновении с углем и кремнеземом, при чрезвычайно высокой температуре, руда выделяет расплавленный металл, который, соединяясь с углеродом, превращается в чугун. Выплавка нужного количества чугуна была закончена. Предстояло отправить его в Стонзхилл. Дело шло о тридцати шести миллионах

фунтов чугуна, перевозка его по железной дороге обошлась бы слишком дорого; она стоила бы столько же, сколько самый чугун. Поэтому решено было зафрахтовать в Нью-Йорке специальные суда и нагрузить их брусками чугуна. Понадобилось не менее шестидесяти восьми судов, по тысяче тонн каждое. 3 мая эта флотилия вышла из Нью-Йорка в Атлантический океан, взяла курс на юг вдоль американского берега, вошла в Багамский пролив, обогнула южную оконечность Флориды, прошла вдоль бухты Эспириту-Санто и, без единой аварии в пути, 10 мая бросила якорь в гавани Тампа. Там вся эта огромная масса чугуна была перегружена с кораблей в вагоны железной дороги и к середине июня благополучно доставлена в Стонзхилл.

Предстояло затем загрузить 1200 печей чугуном и углем. Неудивительно, что печей было так много, — ведь им предстояло выплавить 60 тысяч тонн чугуна. В каждой из них могло поместиться около 114 тысяч фунтов чугуна.

Образцом для стонзхиллских печей послужили печи, отливавшие чугун для пушки Родмена. Это были приземистые печи, имевшие в поперечном разрезе форму трапеции. Топки в этих печах находились с двух сторон и благодаря дымоходам равномерно нагревались на всем своем протяжении. Стены печей были сложены из огнеупорного кирпича, а все внутреннее их устройство сводилось к колосникам для сжигания угля и к подовой плите, на которой складывались бруски чугуна; плите был придан наклон в 25°, для того чтобы расплавленный металл мог свободно стекать в резервуары. От каждого резервуара шел каменный желоб, и все 1200 желобов сходились, как радиусы, к отверстию шахты.

На другой же день после того, как были закончены работы по сооружению стены и по бурению, Барбикен велел приступить к формовке внутреннего канала. Требовалось соорудить в центре шахты цилиндр высотой в девятьсот футов, шириной в девять футов, ось которого должна была совпадать с осью самой шахты. Он должен был заполнить все пространство, предназначенное для канала колумбады.

Этот цилиндр сложили из смеси глинистой земли и песка, к которой подмешивали рубленую солому и сено; промежуток между цилиндрической формой и каменными стенами шахты предстояло потом залить расплавленным чугуном для образования дна и шестифутовых стенок пушки.

Чтобы удержать этот цилиндр в равновесии, его стягивали по мере сооружения железными обручами; кроме того, он закреплялся через равные промежутки толстыми поперечными брусками, глубоко замурованными в каменную толщу шахты. Конечно, при выплавке орудия все скрепления должны были расплавиться и смешаться с жидкой массой чугуна, но это не могло уменьшить прочность колумбады.

8 июля все эти работы пришли к благополучному концу; отливка была назначена на следующий день.

— Это будет очень величественная церемония, — сказал Мастон, обращаясь к Барбикену.

— Без сомнения, — отвечал Барбикен, — но посторонних лиц я туда не допущу.

— Как? Вы не откроете двери для публики? — удивился Мастон.

— Ни за что ее не пушу. Отливка колумбиады дело очень сложное, чтобы не сказать опасное, и я предпочитаю произвести эту операцию при закрытых дверях. Можно будет устроить празднество при выстреле колумбиады, но никак не раньше.

Председатель был совершенно прав; при отливке пушки могли произойти непредвиденные осложнения и аварии, а большое стечение зрителей помешало бы с ними бороться. Надо было обеспечить себе свободу действий. Поэтому никто не был допущен в ограду, кроме делегации «Пушечного клуба», уже прибывшей в Тампа. Среди них были: пылкий Билсби, майор Эльфистон, генерал Морган, Том Гантер, полковник Блемсбери и *tutti quanti*¹; для всех этих лиц отливка колумбиады являлась личным праздником.

Дж. Т. Мастон взял на себя роль проводника приезжих товарищей; он посвятил их во все подробности, таскал их повсюду, на склады и в мастерские, показывал машины и заставил их осмотреть весь круг печей. После осмотра тысяча двухсотой печи они уже не чуяли под собой ног от усталости.

Начало отливки было назначено ровно на 12 часов дня. Поэтому еще накануне в каждую печь заложили 12 тысяч фунтов чугуна в виде брусков, которые были сложены решеткой, чтобы их со всех сторон охватывало пламя, и с самого утра 1200 труб стали извергать клубы дыма и языки пламени; почва кругом сотрясалась и глухо гудела. Для выплавки чугуна требовалось равное весовое количество металла и угля. Следовательно, в печах должны были перегореть 68 тысяч тонн угля; над Стонзиллом разостлалось огромное черное облако, почти затмившее солнечный диск.

Скоро по всей линии печей жара стала невыносимой. Рев пламени напоминал раскаты грома; мощные вентиляторы с оглушительным свистом гнали свежий воздух в эти пылающие горы, насыщая их кислородом.

Для успеха отливки необходимо было произвести ее как можно быстрее, поэтому было условлено, что при сигнальном выстреле из пушки резервуары мгновенно откроются, выпуская расплавленный металл.

Рабочие и мастера стояли каждый на своем посту, ожидая выстрела с нетерпением и, разумеется, не без тревоги. Кроме

¹ И все прочие (*итал.*).

них, внутри ограды никого не было. Мастера-литейщики стояли у самых сточных отверстий.

Барбикен и его коллеги находились на соседнем холмике. Перед ними стояла пушка, которая должна была выстрелить по сигналу главного инженера.

Незадолго до полудня показались первые капли жидкого чугуна; понемногу стали наполняться приемники; наконец весь чугун расплавился; но надо было дать ему немного отстояться, чтобы посторонние примеси всплыли на поверхность.

Пробило двенадцать. Внезапно блеснуло желтое пламя, и раздался звук пушечного выстрела. В тот же миг раскрылись 1200 сточных отверстий, и из них сразу выползли 1200 огненных змей, извиваясь сверкающими кольцами. Они быстро достигли краев шахты и ринулись в нее с ужасающим грохотом и гулом на глубину 900 футов. Это было великолепное, захватывающее зрелище. Земля дрожала; над шахтой закрубились вихри дыма, ибо раскаленный металл мгновенно испарил влагу, скопившуюся на внутренних стенках пушечного канала и на стенах шахты, и пар вырвался наружу через отдушины в каменной кладке. Он устремился вверх густыми спиралями и поднялся на высоту пятисот футов. Индейцы, блуждавшие по степи вдалеке от Стонзхилла, могли подумать, что во Флориде появился новый вулкан, а между тем тут не было ни извержения, ни смерча, ни грозы, ни борьбы стихий — ни одного из тех явлений природы, которые устрашают человека. Нет! Эта масса красных паров, это гигантское пламя, вырвавшееся, точно из кратера, дрожание почвы, похожее на подземные толчки при землетрясении, невообразимый шум, подобный реву урагана, — все было делом человеческих рук; человек вырыл пропасть и низвергал в нее целую Ниагару расплавленного металла!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Колумбиада.

Удалась ли отливка колумбиады? Об этом пока можно было только строить предположения. Правда, все говорило за успех: форма колумбиады поглотила целиком весь выплавленный в печах чугун. Однако не скоро еще удалось непосредственно проверить качество отливки.

Действительно, когда майор Родмен отлил свою пушку в 160 тысяч фунтов весом, пришлось ждать пятнадцать суток, пока орудие окончательно остынет.

Сколько же времени будет скрыта от взоров своих поклонников гигантская колумбиада, окутанная тучей паров? Как долго будет продолжаться ее остывание? Это невозможно было вычислить.

Терпение членов «Пушечного клуба» подвергалось жестоко-

му испытанию. Но ничего нельзя было поделать. Самоотверженный Масто́н едва не изжарился живьем, подбежав слишком близко к шахте. Спустя две недели после отливки над шахтой еще клубился огромный столб дыма, и почва жгла ноги на расстоянии двухсот шагов от вершины Стонзхилла.

Дни шли за днями, неделя следовала за другой, и все еще нельзя было подойти к шахте. Не было никакой возможности ускорить остывание огромного чугунного цилиндра. Оставалось только ждать, и члены «Пушечного клуба» не находили себе места от нетерпения.

— Сегодня уже десятое августа,— сказал однажды утром Масто́н.— До первого декабря остается меньше четырех месяцев! А предстоит еще вынуть форму из колумбиады, калибровать и зарядить пушку. Не успеем к сроку! К пушке нельзя даже приблизиться! Неужели так-таки она никогда и не остынет? Это было бы жестокая шутка!

Напрасно друзья старались успокоить нетерпеливого секретаря. Барбикен молчал, стараясь скрыть кипевшую в нем досаду. Каково было для человека, привыкшего к энергичной деятельности, видеть перед собой препятствие, преодолеть которое могло только время! А время в данном случае являлось самым опасным врагом, от которого приходилось быть в полной зависимости.

Между тем в результате регулярных ежедневных наблюдений были обнаружены некоторые перемены в состоянии почвы. К 15 августа пары стали заметно слабее и значительно реже. Несколько дней спустя почва начала выделять лишь легкий туман — последнее предсмертное дыхание чудовища в его каменной гробнице. Постепенно прекратились сотрясения и гул; непрерывно суживалось кольцо раскаленной почвы вокруг шахты. Мало-помалу смельчаки стали приближаться к шахте. За первые сутки можно было продвинуться на два туаза, через сутки — почти на четыре, и, наконец, 22 августа Барбикен, его коллеги и Мерчисон могли уже встать на край чугунного кольца, сравнивавшийся с поверхностью вершины Стонзхилла.

Без сомнения это было на редкость здоровое место, ибо там не грозила опасность застудить ноги.

— Наконец-то! — воскликнул председатель «Пушечного клуба» со вздохом облегчения.

В тот же день работы возобновились.

Немедленно же начали очищать канал колумбиады, извлекая из него внутреннюю форму. Без усталы работали ломом, киркой и сверлильными машинами. Спекшиеся при высокой температуре глина и песок приобрели чрезвычайную твердость. Но с помощью машин удалось удалить весь этот окаменевший состав, еще не остывший возле чугунных стенок. Отколотые куски тотчас же сваливали в подвесные бадьи, которые поднимались наверх паровой лебедкой. Работа кипела, Барбикен усиленно поддер-

живал в рабочих пыл, пуская в ход весьма веские аргументы в виде долларов,— и уже к 3 сентября от внутренней формы не оставалось и следа.

Вслед за этим началось калибрование пушки.

Были установлены фрезерные машины, которые принялись счищать шероховатую кору, покрывающую поверхность чугуна. Несколько недель спустя внутренняя поверхность гигантской трубы приобрела идеально правильную цилиндрическую форму, и внутренний канал орудия был превосходно отполирован.

Наконец, 22 сентября, то есть меньше чем через год после знаменитого доклада Барбикена, колоссальная пушка, тщательно калиброванная и установленная в вертикальном положении при помощи самых точных инструментов, была в боевой готовности. Оставалось только ждать Луну, но все были уверены, что она не опоздает на свидание.

Радость Мастона была безгранична, и он едва не погиб, неосторожно наклонившись над отверстием пушки, чтобы взглянуть в глубину девятисот футов. Если бы Блемсбери не ухватил его правой рукой, которая, к счастью, уцелела после войны, секретарь «Пушечного клуба», как новый Герострат, нашел бы смерть в бездне колумбады.

Итак, пушка была готова. Ни у кого не оставалось сомнений в прекрасном выполнении ее отливки. 6 октября вынужден был это признать и капитан Николь, а Барбикен записал две тысячи долларов на приход в свою чековую книжку. Можно себе представить чувства капитана Николя! Говорили, что он заболел от досады и гнева. Оставалось, однако, еще несколько пар — в три, четыре и пять тысяч долларов, и если бы он выиграл хоть два из них, он смог бы еще оказаться в некотором барыше. Но не денежные соображения волновали капитана Николя: его самолюбие нанесла страшный удар удача его соперника в отливке пушки, выстрелы которой, пожалуй, пробили бы броню и в десятки туазов толщиной.

Начиная с 23 сентября был открыт для публики доступ в ограду Стонзилла. Разумеется, сразу же нахлынула толпа посетителей.

Еще задолго до того во Флориду стали съезжаться со всех концов Соединенных Штатов несметные толпы любопытных туристов. За эти месяцы вследствие работ, производившихся «Пушечным клубом», город Тампа неимоверно разросся, население его насчитывало уже полтораста тысяч человек. Сеть новых улиц окружила форт Брук, затем была заселена вся длинная песчаная коса, разделяющая рейды залива Эспириту-Санто; новые кварталы, новые площади, целый лес домов вырос на еще недавно пустынных прибрежных песках под раскаленным солнцем Флориды. Образовались акционерные общества, взявшие подряды на постройку школ, церквей, банков и частных домов; меньше чем за год общая площадь города увеличилась в десять раз.

Известно, что янки родятся коммерсантами; их страсть к делам проявляется всюду, куда их ни забросит судьба,— и в тропических и в полярных странах. Поэтому многие из них, приехавшие в Тампа только для того, чтобы посмотреть на работы «Пушечного клуба», быстро сообразили, что здесь можно делать дела. Гавань Тампа чрезвычайно оживилась благодаря рейсам пароходов, зафрахтованных для подвоза рабочих и материалов в Стонзхилл. Вскоре в гавани и на рейдах стали появляться и другие суда разных типов и разного тоннажа, подвозившие грузы, съестные припасы и всевозможные товары; в городе открылись пароходные и маклерские конторы, стала выходить «Шиппинг Газетт», ежедневно отмечавшая прибывавшие в гавань Тампа суда. Население города настолько увеличилось и торговля в нем так развилась, что понадобился сухопутный транспорт, и вскоре Тампа был соединен рельсовым путем с сетью остальных железных дорог Америки.

Железнодорожная линия связала город Мобил с Пенсаклой, крупным южным морским арсеналом; из этого важного пункта она была проложена вплоть до Таллахаси. До того времени существовал лишь небольшой отрезок железнодорожного пути, длиной в двадцать одну милю, между Таллахаси и поселком Сент-Маркс, расположенным на морском берегу. Эта линия протянулась вплоть до Тампа и сразу оживила еще недавно пустынную, унылую область Центральной Флориды. Таким образом, своим процветанием Тампа был всецело обязан идее, зародившейся в один прекрасный день в мозгу Барбикена; благодаря чудесам техники он вскоре уже по праву смог называться большим городом. Его прозвали Мун-сити, то есть Лунагород, и вскоре произошло полное затмение официальной столицы Флориды, которое можно было наблюдать во всех пунктах земного шара.

Теперь понятно, на какой почве возникло ожесточенное соперничество между Техасом и Флоридой, понятна и ярость техасцев, которые были жестоко обмануты в своих надеждах, когда выбор остановился на Флориде. Сообразительные дельцы прекрасно понимали, как выиграл бы их штат от предприятия Барбикена, сколько благ принес бы им выстрел колумбиады. Обойденный и обиженный Техас уже не мог рассчитывать ни на новый крупный коммерческий центр, ни на железные дороги, ни на быстрый прирост населения.

И все эти выгоды должны были достаться жалкому полуострову Флориде, пустынному барьеру между Мексиканским заливом и Атлантическим океаном. Понятно поэтому, что в Техасе Барбикен стал так же ненавистен, как генерал Санта-Анна.

Однако, несмотря на лихорадочную торговую и промышленную деятельность, новоселы города Тампа не переставали интересоваться ходом работ «Пушечного клуба». Каждый удар кирки, все мельчайшие подробности сооружения волновали жителей

Тампа. Между городом и Стонзхиллом установилось непрерывное сообщение, постоянные экскурсии — своего рода паломничество.

Уже летом можно было предвидеть, что ко дню выстрела скопление зрителей достигнет по крайней мере миллиона, так как тесный полуостров наводняли толпы туристов, прибывавших со всех концов земного шара. Европа начала эмигрировать в Америку.

Но, по правде сказать, до сих пор любопытство приезжих удовлетворялось плохо. Многие рассчитывали присутствовать при зрелище отливки, а вместо этого только издали видели дым. Этого было слишком мало для их жадных глаз; но Барбикен никого из посторонних не допустил в ограду. Это вызвало большое неудовольствие и ропот: стали бранить Барбикена, обвиняли его в деспотизме, объявили его поведение «неамериканским».

У ворот стонзхиллской ограды чуть не разгорелся настоящий мятеж. Но Барбикен, как мы уже знаем, оставался непреклонным, и в конце концов его твердость победила.

Однако, когда колумбиада была готова, уже немисливо было держать ворота ограды запертыми — это было бы невежливо в отношении публики и могло вызвать серьезное общественное недовольство. Поэтому Барбикен широко открыл двери стонзхиллской ограды, но, как практичный янки, решил извлечь выгоду из всеобщего любопытства.

Конечно, зрелище гигантской колумбиады было и само по себе заманчиво для публики, но спуск на ее дно был *plus ultra*¹ земного счастья для всякого американца.

Это произвело настоящий фурор!

Женщины, дети, старики — все стремились проникнуть в глубину гигантской пушки, познать ее тайны. За спуск была установлена не малая плата — по пять долларов с пассажира, и тем не менее приток любопытных был так велик, что в течение двух месяцев касса «Пушечного клуба» приобрела полмиллиона долларов.

Нечего и говорить, что первыми посетителями колумбиады были члены «Пушечного клуба», которые вполне заслужили это почетное преимущество.

Торжество спуска в колумбиаду было назначено на 25 сентября. В особой камере на дно пушки спустились: председатель Барбикен, Дж.Т. Масто́н, майор Эльфистон, генерал Морган, полковник Блемсбери, инженер Мерчисон и другие почетные члены клуба, всего десять человек. Невыносимая жара стояла в этой огромной чугунной трубе! Все изнемогали от духоты. Но зато какое веселье! Какой восторг! На массивном каменном дне пушки оказался стол, сервированный на десять человек. Эту

¹ Предел (лат.).

своеобразную столовую освещал а *giorno*¹ мощный электрический прожектор. Разнообразные, самые изысканные блюда, точно с неба, спускались на стол перед пирующими; лучшие французские вина текли рекой, и пир шел горою в пушке, на глубине девятисот футов под землей!

Можно себе представить шумное оживление пирующих! Тост раздавался за тостом. Пили за земной шар, за его спутник, за «Пушечный клуб», Соединенные Штаты, за Луну; называли ее Фебою, Дианой, Селеной, «ночным светилом», «мирною странницей небес». Все эти «ура», усиленные, как рупором, колоссальным металлическим цилиндром, доносились на поверхность земли, точно раскаты грома, и толпа, собравшаяся вокруг Стонзхилла, вторила своими криками десяти знаменитостям, пирующим на дне колумбиады. Мاستон был вне себя от восторга, трудно установить, что именно он делал, но думается, что он больше кричал, чем слушал, и больше пил, чем ел. Во всяком случае, он не променял бы своего места на целое государство, «если бы даже пушку зарядили и выстрелили из нее, разорвав его, Мастона, на тысячи кусков, извергнутых в межпланетное пространство».

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Телеграмма.

Грандиозные работы, предпринятые «Пушечным клубом», можно было считать законченными, а между тем оставалось еще целых два месяца до дня, назначенного для выстрела в Луну. Эти два месяца должны были всем показаться годами! До сих пор газеты ежедневно передавали отчеты о подробностях работ в Стонзхилле; публика быстро раскупала газеты и жадно их проглатывала.

Теперь уже, казалось, нельзя было ожидать новых сенсаций, и все с огорчением думали, что лишатся ежедневных, животрепещущих новостей.

Ничуть не бывало! Событие, самое неожиданное, самое удивительное, самое невероятное, самое неправдоподобное, снова наэлектризовало приунывшие массы населения. Оно поразило весь мир,— до того казалось необычайным!

30 сентября, в 3 часа 47 минут пополудни, на имя Барбикена была доставлена телеграмма, переданная по подводному кабелю, проложенному между Валентией (Ирландия), Нью-Фаундлендом и американским берегом.

Председатель Барбикен разорвал конверт и прочел телеграмму. Несмотря на все его самообладание, у него побелели губы и помутилось в глазах.

¹ По-дневному (*итал.*).

Вот текст этой телеграммы, которая хранится в архивах «Пулечного клуба»:

«Франция, Париж, 30 сентября, 4 часа утра,

Барбикену, Тампа. Флорида.

Соединенные Штаты.

Замените круглую бомбу цилиндро-коническим снарядом. Полечу внутри. Прибуду пароходом «Атланта».

Мишель Ардан».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Пассажиры «Атланты».

Если бы это сногшибательное известие не прилетело по телеграфной проволоке, а пришло по почте в запечатанном конверте и если бы французские, ирландские, нью-фаундлендские и американские телеграфные чиновники не были уже знакомы с содержанием телеграммы, Барбикен не задумался бы ни на минуту. Он просто умолчал бы о письме из весьма понятного благоразумия, опасаясь скомпрометировать свой проект. Ведь эта телеграмма могла оказаться мистификацией, тем более что она исходила от француза. Какому смельчаку могла прийти мысль — отправиться на Луну внутри ядра? И если действительно нашелся такой человек, то разве это не сумасшедший, которому место в желтом доме, а не в снаряде?

Но телеграмму нельзя было скрыть, так как телеграфные служащие не склонны сохранять служебные тайны, и слух о предложении Мишеля Ардана уже начал распространяться по различным штатам. Поэтому и Барбикену не было никакого смысла скрывать телеграмму.

Он тотчас же созвал всех проживающих в Тампа членов клуба и, не выказывая своего отношения к телеграмме Ардана, не касаясь ни единым словом вопроса о доверии, которого она заслуживает, бесстрастно огласил ее краткий текст.

- Невозможно!
- Немыслимо!
- Это просто шутка!
- Над нами издеваются!
- Что за вздор!
- Какая нелепость!

Посыпался град восклицаний, какие служат для выражения сомнений, недоверия, обвинения в глупости и безумии, сопровождаемых обычными в таких случаях жестами. Одни улыбались, другие посмеивались, некоторые пожимали плечами, иные громко хохотали — смотря по настроению.

И лишь у одного Мастона вырвалась великолепная фраза:

- А ведь это идея!
- В самом деле,— ответил майор Эльфистон,— но если

иной раз такие идеи и приходят в голову, это не значит, что можно их осуществлять...

— А почему бы и нет? — горячо возразил секретарь «Пущенного клуба», готовый завязать спор.

Но его товарищи постарались поскорее замять разговор.

Между тем имя Мишеля Ардана уже переходило из уст в уста по всему Тампа. И приезжие и местные жители переглядывались, спрашивали друг друга, подшучивали — не столько над неведомым европейцем, который представлялся им мифом, химерой, сколько над Мастоном, который способен был поверить в существование этого легендарного лица. Когда Барбикен предложил выстрелить снарядом в Луну, всякий нашел это предложение естественным, вполне осуществимым и к тому же весьма интересным вопросом баллистики. Но чтобы разумное существо захотело лететь пассажиром в бомбе, предпринять такое невероятное путешествие, — да это просто фантазия, шутка, фарс, то, что по-английски называется *humbug* и может быть переведено словом «утка».

Насмешки и прибаутки продолжались без перерыва до самой ночи. Можно смело утверждать, что все Соединенные Штаты в этот день хохотали до упаду, что, впрочем, несвойственно стране, где самые невероятные предприятия легко находят защитников, последователей и исполнителей.

Однако предложение Мишеля Ардана, как и всякая новая идея, взбудоражило многие умы. Оно слишком резко расходилось с обычными понятиями. Многие стали говорить: «Как это никому раньше в голову не пришло!» Скоро новая тема, именно вследствие своей странности, приобрела характер навязчивой идеи. Над этим событием стали задумываться. Разве мало было примеров, когда идеи, которые накануне осмеивались всеми, затем блестяще осуществлялись? Почему бы и этому путешествию не осуществиться в один прекрасный день? Но, во всяком случае, человек, который готов рисковать жизнью, не в своем уме, и поскольку нельзя серьезно отнестись к его предложению, то лучше бы он молчал и не волновал целую страну таким диким вздором.

Прежде всего существует ли действительно этот человек? Это еще большой вопрос! Правда, имя Мишеля Ардана было не безызвестно и в Америке! Это имя принадлежало европейцу, о смелых предприятиях которого не раз упоминалось в газетах. Кроме того, телеграмма, отправленная через Атлантический океан, указание парохода, на котором отправился француз, точный срок его прибытия — все эти обстоятельства придавали некоторое правдоподобие необычайному предложению.

Жителям Тампа становилось прямо невтерпеж. Сперва начали собираться отдельные лица, образовались небольшие кружки, затем любопытство притянуло эти группы друг к другу, подобно тому как молекулярное притяжение собирает разроз-

ненные атомы. В конце концов собралась порядочная толпа, которая направилась к жилищу председателя «Пушечного клуба».

Барбикен до сих пор ничем не обнаруживал своего отношения к телеграмме; к мнению Масто́на он, по-видимому, отнесся совершенно безразлично, не высказав ему ни одобрения, ни порицания. Он молчал, выжидая дальнейших событий; но он упустил из виду всеобщее нетерпение. Собравшаяся у него под окном толпа застала его врасплох; он окинул ее недовольным взглядом. Но вскоре поднялся такой шум, такие крики, что Барбикен волей-неволей открыл окно. Пришлось покориться участи знаменитого человека, со всеми сопряженными с ней обязанностями, порою скучными и неприятными.

При его появлении толпа умолкла. Затем выступил вперед какой-то гражданин и поставил ему вопрос ребром:

— Правда ли, что лицо, указанное в телеграмме под именем Мишеля Ардана, едет в Америку? Да или нет?

— Господа! Я знаю об этом столько же, сколько и вы,— ответил Барбикен.

— Но это необходимо узнать точно! — раздались нетерпеливые голоса.

— Поживем, увидим,— холодно ответил Барбикен.

— Нельзя же держать целую страну в напряженном ожидании! — возразил оратор.— Ну что, вы уже изменили чертежи снаряда, как он просит в телеграмме?

— Нет еще, господа, но вы правы: надо выяснить, в чем тут дело. Телеграф всех взбудоражил, так пусть же теперь телеграф даст нам все нужные сведения.

— На телеграф! На телеграф! — закричали кругом.

Барбикен вышел на улицу и в сопровождении огромной толпы отправился на телеграфную станцию.

Через несколько минут была отправлена телеграмма в Ливерпуль, председателю общества корабельных маклеров. Просили ответить на следующие вопросы:

«Что за корабль «Атланта»?

Когда этот корабль покинул Европу?

Имеется ли на борту француз по имени Мишель Ардан?»

Через два часа Барбикен получил официальную справку, не оставлявшую никаких сомнений:

«Пароход «Атланта» вышел из Ливерпуля 2 октября. Направляется в Тампа. На борту находится француз, записанный в пассажирскую книгу под именем Мишель Ардан».

Итак, первоначальная телеграмма подтвердилась. Глаза Барбикена вспыхнули, кулаки судорожно сжались, и он не мог удержаться от гневного шепота:

— Так это правда? Значит, это возможно!.. Значит, этот француз существует! Через две недели он будет здесь... Но ведь это же сумасшедший! Сумасброд! Ни за что не соглашусь на подобное безумство!

И, однако, в тот же вечер он отправил фирме «Брэдвиль и К^о» просьбу задержать до особого распоряжения отливку заказанной бомбы.

Как описать волнение, охватившее всю Америку, сенсацию, затмившую даже эффект, вызванный в свое время сообщением Барбикена? Как изложить все то, что было написано по этому поводу в американских газетах, как они приняли эти новые известия, как стали воспевать на все лады прибытие нового героя Старого Света? Как передать лихорадочное возбуждение, охватившее массы людей, которые считали часы, минуты, даже секунды, оставшиеся до приезда Мишеля Ардана? Как дать хотя бы слабое представление о мучительной работе мозга, подпавшего под влияние навязчивой идеи? Как изобразить все происшедшие перемены — остановку фабричных работ, суматоху на бирже, задержку в порту судов, вызванную ожиданием «Атланты», ежедневное прибытие в бухту Эспириту-Санто все новых паровых и парусных судов, почтовых пароходов, увеселительных яхт и катеров всех видов и размеров. Как сосчитать тысячи любопытных приезжих, которые за полмесяца учетверили население Тампа и принуждены были поселиться за городом, на лугу, в походных палатках? Это задача превосходит все силы человеческие, и было бы безумием попытаться ее осуществить.

Наконец наступило 20 октября. В девять часов утра семафоры Багамского пролива сигнализировали появление густого дыма на горизонте. Через два часа с этими семафорами обменялся сигналами большой пароход. Тотчас же передали в Тампа название «Атланта». В четыре часа дня английский пароход входил в бухту Эспириту-Санто. В пять — он уже на всех парах пронесся по рейду Хилсборо. В шесть — он бросил якорь в гавани Тампа.

Не успел якорь коснуться песчаного дна, как уже несколько сот лодок и шлюпок окружили «Атланту» и пароход был взят на abordаж. Барбикен первым вскочил на палубу и крикнул голосом, в котором звучало волнение:

— Мишель Ардан?

— Здесь! — откликнулся человек, стоявший на юте.

Барбикен молча скрестил руки и вопрошающим взглядом впился в пассажира «Атланты».

Это был человек лет сорока двух, высокого роста, но уже слегка сутуловатый, подобно кариатидам, которые на своих плечах поддерживают балконы. Крупная львиная голова была украшена копной огненных волос, и он встряхивал ими порой, точно гривой. Круглое лицо, широкие скулы, оттопыренные щетинистые усы и пучки рыжеватых волос на щеках, круглые, близюрующие и несколько блуждающие глаза придавали ему сходство с котом. Но его нос был очерчен смелой линией, выражение губ добродушное, а высокий умный лоб изборозжен морщинами, как поле, которое никогда не отдыхает. Наконец, сильно развитой торс, крепко посаженный на длинных ногах, мускулистые, лов-

кие руки, решительная походка — все доказывало, что этот европеец — здоровенный малый, которого, говоря на языке металлургов, природа поскорее выковала, чем отлила.

Последователи Лафатера и Грасиоле легко распознали бы в форме черепа и в физиономии этого человека черты воинственности, то есть мужества во время опасности и упорства в преодолении препятствий; они обнаружили бы также добродушие, любознательность, прирожденное стремление ко всему необычайному; зато совершенно отсутствовали шишки любостяжания, скопидомства и пристрастия к материальным благам.

Чтобы закончить описание внешнего облика пассажира «Атланты», следует отметить широкую, но ладно сидевшую одежду (на его пальто и брюки пошло столько материи, что Мишель Ардан называл себя «смерть сукну»), небрежно завязанный галстук, отложной воротничок, открывавший крепкую шею, и всегда расстегнутые манжеты, из которых выступали мускулистые руки с подвижными пальцами. Чувствовалось, что этот человек не замерзнет в самый жестокий мороз и не похолодеет от страха в час опасности.

Даже на палубе «Атланты» он ни минуты не оставался в покое, был «неустойчив на якоре», как выражаются матросы; двигался среди толпы взад и вперед, жестикулируя, то и дело нервно обкусывая ногти, беседуя со всеми и обращаясь чуть ли не к каждому на «ты». Это был один из редких оригиналов, которых творец создает в минуты особого вдохновения и тотчас же разбирает модель.

Действительно, личность Мишеля Ардана представляла широкое поле для психологических наблюдений и анализа. Этот удивительный человек имел склонность к гиперболам, питая юношеское пристрастие к превосходной степени; все предметы отражались в сетчатке его глаз в сверхъестественных размерах. Отсюда у него беспрестанно возникали большие и смелые идеи; все рисовалось ему в преувеличенном виде, кроме препятствий и человеческих достоинств.

Словом, это была богатая натура; художник до мозга костей, остроумный малый. Он избегал фейерверка острот, зато наносил словесные удары с ловкостью фехтовальщика. Во время диспутов он мало заботился о логике и о формально правильных силлогизмах, в которых никогда не был силен, зато у него были свои излюбленные приемы. Отъявленный спорщик, он поражал противника прямо в грудь аргументами *ad hominem*¹, перед которыми тем оставалось только пасовать; он любил отстаивать с пеной у рта самые безнадежные положения.

У него были свои странности; так, подобно Шекспиру, он любил называть себя «блистательным невеждой» и кичился тем, что презирает ученых. «Они только отмечают удары, когда мы

¹ Личного характера (лат.).

ведем игру», — говорил он. Это был чистокровный цыган, кочующий по странам чудес, склонный к приключениям, но не искатель приключений, сорвиголова, Фазтон, летящий во весь дух на колеснице солнца, Икар, но с запасными крыльями.

Впрочем, он подтверждал свои слова делом и, не раздумывая, ставил на карту свою жизнь. Он очертя голову бросался в самые отчаянные предприятия, всегда готов был сжечь свои корабли, подобно Агафоклу, всякий час рисковал сломать себе шею и тем не менее всегда вставал на ноги, подобно игрушечному ваньке-встаньке.

Одним словом, его девизом было: «Во что бы то ни стало!» Страсть к невозможному, невероятному была его «*ruling passion*»¹, по меткому выражению Попа.

Но достоинства Мишеля Ардана имели и свою обратную сторону. «Кто не рискует, тот не выигрывает», гласит пословица. Ардан не раз рисковал, но ничего не приобретал. Это был беззаботный расточитель денег, своего рода бездонная бочка Данаид. Он был глубоко бескорыстен, и бурные порывы его сердца не уступали смелости идей его горячей головы. Отзывчивый, рыцарски великодушный, он готов был помиловать злейшего врага и охотно продался бы в рабство, чтобы выкупить негра.

Во Франции и во всей Европе очень многие знали этого блестящего и беспокойного человека. Стоустая молва охрипла, день и ночь твердя о нем. Ни от кого не было у него тайн, всем были известны самые интимные подробности его жизни, точно стены его квартиры состояли из прозрачного стекла.

У Мишеля Ардана была также богатая коллекция врагов из числа тех людей, которых он обидел, задевая и бесцеремонно расталкивая, работая вовсю локтями, чтобы проложить себе путь сквозь толпу.

Но в общем это был любимец общества, и к нему относились как к балованному ребенку. Мирились с его причудами; принимали его, каков он есть; все интересовались его смелыми предприятиями и с участием, с тревогой следили за его судьбой. Иной раз, когда приятель старался уговорить его, удерживая от опасного шага, предсказывая близкую гибель, Мишель Ардан с беззаботной улыбкой отвечал, что «лес сгорает только от собственных деревьев», сам не зная, что цитирует одну из самых красивых арабских пословиц.

Таков был этот пассажир «Атланты», подвижный, как ртуть, вечно горящий внутренним огнем, вечно взволнованный. Быть может, его тревожила мысль о том, на какое дело он отваживается в Америке? Ничуть не бывало. Он всегда был возбужден в силу своей нервной организации.

Трудно представить себе более разительный контраст между двумя личностями, чем между французом Мишелем Арданом и

¹ Господствующая страсть (англ.).

янки Барбиеном; и в то же время у них было много общего: оба были предприимчивые, смелые, отважные люди, но каждый на свой собственный лад.

Барбиену недолго пришлось рассматривать приезжего, который своим безумно смелым предложением отодвинул его на второй план. Загремело «ура» и «виват» — толпа приветствовала Ардана. Всякий хотел лично пожать ему руку, и восторг принял такие осязательные формы, что, пожав тысячу рук и едва не потеряв все свои десять пальцев, Ардан счел за лучшее укрыться к себе в каюту.

Барбиен последовал за ним, не произнеся ни слова.

— Вы Барбиен? — спросил его Ардан, когда они остались одни, таким тоном, словно они уже двадцать лет были добрыми друзьями.

— Да, — сухо ответил председатель «Пушечного клуба».

— Ну так здравствуйте, Барбиен! Как дела! Хороши? Ну тем лучше, тем лучше!

— Итак, — спросил Барбиен без всякого вступления, — вы решили лететь?

— Безусловно.

— И ничего вас не остановит?

— Ничто. А вы уже изменили форму вашего снаряда так, как я просил в телеграмме?

— Я ждал вашего приезда. Но скажите, — спросил Барбиен, — вы как следует все обдумали?

— Обдумал ли я? Да разве есть у меня время раздумывать? Мне представился случай побывать на Луне, и я решил им воспользоваться — вот и все! Мне кажется, тут не о чем особенно задумываться.

Барбиен пожирал глазами этого человека, который говорил о своем путешествии на Луну с такой легкостью и беспечностью, без тени беспокойства.

— У вас есть по крайней мере какой-нибудь план? — спросил, наконец, Барбиен. — Вы придумали, как это осуществить?

— Еще как придумал, дорогой Барбиен! Но знаете, что я вам скажу! Я предпочитаю высказаться публично, сразу перед всеми, чтобы потом об этом не было больше речи. Это избавит меня от повторений. Поэтому, если вы не предложите ничего лучшего, созовите ваших друзей, ваших сочленов, весь город, всю Флориду, всю Америку, если угодно, и завтра же я разовью свой план и отвечу на все возражения, которые мне будут представлены. Будьте покойны, я не боюсь возражений! Идет?

— Идет! — ответил Барбиен.

После этих слов председатель «Пушечного клуба» вышел из каюты и громогласно передал предложение Мишеля Ардана теснившейся на палубе толпе. Слова его были встречены радостными возгласами, целой бурей одобрений. Предложение Ардана разрешало все трудности. Завтра каждый сможет вдоволь на-

глядеться на европейского героя. Однако некоторые, наиболее упорные из зрителей, решили не покидать «Атланты» и остались ночевать на палубе. Среди них оказался и Дж. Т. Масто́н; он еще заранее привинтил свой железный крюк к поручням юта, и понадобился бы рычаг, чтобы оторвать его оттуда.

— Вот это герой так герой! — повторял он, захлебываясь от восторга. — Мы все просто бабы по сравнению с этим европейцем!

А председатель «Пушечного клуба», предложив посетителям разойтись, вернулся в каюту Ардана и оставался там до тех пор, пока пароходный колокол не возвестил полночь.

К тому времени оба соперника по славе уже горячо пожимали друг другу руки, и Мишель Ардан говорил «ты» председателю «Пушечного клуба».

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Митинг.

На другое утро солнце, по мнению нетерпеливой американской публики, взошло слишком поздно. Говорили, что такая лень прямо непростительна для светила, которому выпала честь освещать столь знаменательный праздник.

Опасаясь нескромных вопросов, которые могли бы задать Мишелю Ардану, Барбикен хотел по возможности ограничить аудиторию, сведя ее к небольшому числу приверженцев, например членов «Пушечного клуба». Но легче было бы запрудить Ниагару. Пришлось Барбикену отказаться от своего намерения и предоставить своего нового друга всем случайностям, связанным с выступлением перед широкой публикой.

Новое здание Биржи, несмотря на колоссальный зал, не могло бы вместить всех участников собрания, которое принимало размеры многолюдного митинга.

Поэтому выбрали обширный луг близ города; необходимо было устроить там навесы, чтобы предохранить слушателей от жгучих лучей солнца. Материалы для огромного тента — паруса, канаты, реи, запасные мачты — охотно предоставили корабли, стоявшие в порту, и через несколько часов над выжженной равниной уже простиралось полотняное небо, под которым участники митинга могли укрыться от солнца.

Под этим гигантским навесом разместилось 300 тысяч человек, которым пришлось несколько часов задыхаться в страшной духоте, ожидая француза. Из всей этой массы зрителей лишь первая треть могла хорошо видеть оратора и слышать его речь; второй трети было уже плохо видно и совсем не слышно; наконец, последняя треть зрителей ничего не видела и ничего не слышала. Но это не мешало им всем бурно аплодировать оратору. Ровно в три часа дня появился Мишель Ардан в сопровождении

наиболее видных членов «Пушечного клуба». Он шел под руку с Барбикеном — с правой стороны и с почтенным секретарем — с левой. Дж. Т. Масто́н сиял и пылал ярче полуденного солнца.

Ардан взошел на подмости. С высоты эстрады глазам его представился целый океан черных цилиндров. Но он ничуть не смутился и не принял деланной позы; он чувствовал себя как дома: был весел, прост и любезен. В ответ на оглушительное «ура» он отвесил изящный поклон; потом движением руки водворил молчание и заговорил на очень правильном английском языке.

— Господа! — начал он. — Несмотря на страшную жару, мне придется злоупотребить вашим вниманием, чтобы дать кое-какие разъяснения относительно моего плана, который, видимо, вас заинтересовал. Я не оратор, не ученый и даже не рассчитывал говорить публично, но мой друг Барбикен мне сказал, что это доставит вам удовольствие, и я решился выступить. Итак, выслушайте меня хорошенько. Если не ошибаюсь, меня слушают шестьсот тысяч ушей. Прошу меня простить, если я окажусь плохим оратором.

Это безыскусственное вступление очень понравилось слушателям, которые ответили долгим одобрительным гулом.

— Господа! — продолжал Мишель Ардан. — Вы можете свободно выражать мне свое сочувствие или порицание. После этого уговора я начинаю. Прежде всего должен вас предупредить, что вы имеете дело с профаном, с полным невеждой, который не ведет никаких затруднений. Именно поэтому мне показалось, что сесть в снаряд и отправиться на Луну — дело простое, естественное и легкое. Рано или поздно такое путешествие будет совершено. Что же касается средств передвижения, то они просто следуют закону прогресса. Человечество начало путешествовать на четвереньках, потом в один прекрасный день — на двух ногах; затем на телеге, потом в карете, потом в коляске, потом в фургоне, потом в дилижансе, наконец по железной дороге. И что же? Вагоном будущего непременно станет пушечный снаряд. А что такое планеты? В сущности говоря, это снаряды, гигантские ядра, брошенные в пространство рукой творца. Но вернемся к нашей бомбе. Некоторые из вас, быть может, думают, что снаряд колумбиады будет обладать чрезмерной, неслыханной скоростью. Это совсем не так. Небесные светила движутся быстрее; даже Земля в своем движении вокруг Солнца увлекает нас с собой в три раза быстрее. Приведу несколько примеров. Только разрешите мне считать на французские лье, потому что я не привык к вашим американским мерам и боюсь запутаться в своих вычислениях.

Просьба показалась вполне естественной и не вызвала никаких возражений.

Оратор продолжал:

— Я приведу вам, милостивые государи, кое-какие данные о скорости движения различных планет. Должен признаться, что,

несмотря на свое невежество, я хорошо знаю эти астрономические подробности; но через две минуты все вы будете такими же учеными, как я. Знайте же, что Нептун пробегает пять тысяч лье в час, Уран — семь тысяч, Сатурн — восемь тысяч восемьсот пятьдесят восемь, Юпитер — одиннадцать тысяч шестьсот семьдесят пять, Марс — двадцать две тысячи одиннадцать, Земля — двадцать семь тысяч пятьсот, Венера — тридцать две тысячи сто девяносто, Меркурий — пятьдесят две тысячи пятьсот двадцать. Некоторые кометы в своем перигелии пробегают миллион четырехста тысяч лье в час. В сравнении с ними мы — просто праздношатающиеся, тихоходы, ведь скорость нашего снаряда только в первый час достигнет девяти тысяч девятисот лье, а затем начнет все уменьшаться. Скажите на милость, есть ли тут из-за чего приходить в восторг? Разве не очевидно, что не сегодня завтра при помощи света или электричества люди осуществят скорость еще более значительную?

Никто, по-видимому, и не думал сомневаться в этих утверждениях Мишеля Ардана.

— Дорогие слушатели,— продолжал он,— если верить некоторым ограниченным умам (другого слова не могу найти для их характеристики), человечество заключено в заколдованный круг, через который не может переступить, оно осуждено вечно прозябать на своем земном шаре и никогда не посмеет устремиться в межпланетное пространство. Это неправда! Люди будут совершать путешествия на Луну, на планеты и на звезды, как теперь из Ливерпуля в Нью-Йорк,— легко, быстро, спокойно. Межпланетный океан так же хорошо исследуют, как и лунные моря. Расстояние — понятие относительное. Всякое расстояние можно свести почти к нулю!

Несмотря на всеобщую симпатию к герою французу, его смелая теория несколько ошеломила слушателей. Ардан это заметил.

— Кажется, я не убедил вас, мои дорогие хозяева,— продолжал он с любезной улыбкой.— Что ж, давайте разберемся в этом вопросе. Знаете ли вы, в какой срок добрался бы курьерский поезд до Луны? Всего в триста суток! Восемьдесят шесть тысяч четыреста десять лье — что это за расстояние?! Ведь это даже меньше, чем девять раз взятая окружность Земли. Но разве нет моряков или путешественников, которые на своем веку проехали гораздо больше? Не забудьте, что я буду в дороге всего девяносто семь часов! Неужели вы воображаете, что Луна так уж далека от Земли и что надо хорошенько подумать, прежде чем рискнуть на такую экскурсию? А что бы вы сказали, если бы пришлось отправиться на планету Нептун, которая ходит по небу на расстоянии миллиарда ста сорока семи миллионов лье от Солнца? Вот путешествие, которое едва ли кому-нибудь было бы по карману, даже при тарифе в пять су за километр! У самого баро-

на Ротшильда не хватило бы его миллиарда на билет — потребовалось бы еще сто сорок семь миллионов в придачу!

Эта непринужденная манера рассуждать, видимо, очень нравилась собранию; к тому же Мишель Ардан, поглощенный своей темой, говорил с пламенным увлечением, с огромным подъемом. Он чувствовал, что аудитория жадно ловит каждое его слово, и продолжал с восхитительной уверенностью.

— Так вот, друзья мои, и это расстояние от Нептуна до Солнца — сущие пустяки, если сравнить его с отдаленностью звезд. Тут уже пришлось бы брать по меньшей мере числа с девятью нулями, а за единицу принимать миллиард. Прошу извинения, что ударяюсь в такие подробности, но для нас они имеют животрепещущий интерес. Выслушайте, потом судите! Звезда Альфа в созвездии Кентавра удалена от нас на восемь биллионов лье; Вега и Сириус на пятьдесят биллионов; Арктур на пятьдесят два; Полярная звезда на сто семнадцать биллионов; Козерог на сто семьдесят биллионов. Стоит ли после этого говорить о расстояниях между планетами и Солнцем? И вы еще будете утверждать, что такие расстояния существуют? Ошибка! Ложь! Обман чувств! Знаете, что я думаю об этом мире, который начинается нашим лучезарным светилом и кончается Нептуном? Хотите знать мою теорию? Она очень проста! Для меня солнечный мир твердое и однородное тело; планеты, которые его составляют, теснят друг друга, соприкасаются, чуть ли не прилипают друг к другу; а пространства между ними — это промежутки, которыми отделяются друг от друга молекулы самых плотных металлов — серебра или железа, золота или платины! Поэтому я вправе утверждать и повторяю с твердым убеждением, которое, надеюсь, разделяете и вы: «расстояние» — пустое слово, расстояния, строго говоря, вовсе не существуют!

— Здорово сказано! Браво! Ура! — в один голос закричала вся аудитория, наэлектризованная уверенным тоном оратора, его жестами и смелостью идей.

— Правильно! — громче всех вопил Мастон. — Расстояния не существуют!

Яростно жестикулируя, он едва не потерял равновесие и чуть было не свалился с эстрады. Но он кое-как удержался, избежав падения, которое доказало бы ему весьма осязательно и грубо, что «расстояние» — не такое уж пустое слово.

Тем временем Мишель Ардан продолжал с прежним увлечением:

— Друзья мои, я полагаю, этот вопрос нужно теперь считать исчерпанным. Если я не всех еще убедил, то это потому, что, очевидно, был слишком робок в своих доказательствах, не привел еще самых сильных доводов, а этому виной — недостаточность моих теоретических познаний. Как бы то ни было, я повторяю: расстояние от Земли до Луны незначительно и не заслуживает особого внимания со стороны серьезного человека. Могу сказать,

не боясь преувеличения, что в скором времени появятся целые поезда, составленные из вагонов-снарядов, в которых будет очень удобно путешествовать от Земли до Луны. Не будет ни толчков, ни стуков, ни крушений; поезда полетят стрелой к своей цели, «с быстротой пчел» — как выражаются ваши охотники. Не пройдет и двадцати лет, как половина жителей Земли перебывает на Луне!

— Ура! Да здравствует Мишель Ардан! — воскликнули все, даже наименее убежденные.

— Да здравствует Барбикен! — крикнул в ответ скромный оратор.

Это громогласное признание заслуг Барбикена вызвало долги и единодушные аплодисменты.

— Теперь, друзья мои,— продолжал Ардан,— вы, быть может, пожелаете задать мне кое-какие вопросы? Пожалуйста! Хотя мне, профану, и нелегко будет ответить, но все же я постараюсь.

До сих пор председатель «Пушечного клуба» был, по-видимому, очень доволен общим ходом беседы. Ардан толковал о более или менее отвлеченных вопросах и благодаря своему яркому воображению блестяще их излагал. Но надо было отвлечь Ардана, а также аудиторию от вопросов чисто практических, в которых Ардану было бы, конечно, труднее разобраться. Поэтому Барбикен поспешил взять слово и спросил своего нового друга, что он думает относительно обитаемости Луны и вообще планет солнечной системы.

— Ты мне ставишь трудную задачу, дорогой мой председатель! — ответил оратор с улыбкой.— Однако, насколько я помню, на этот вопрос отвечали утвердительно люди большого ума, как Плутарх, Сведенборг, Бернарден де Сен-Пьер и многие другие. Становясь на точку зрения философии природы, я вынужден буду разделить их взгляды и признать, что в этом мире не может существовать ничего бесполезного. На твой вопрос, друг Барбикен, я отвечаю так: если миры могут быть обитаемы, значит, все они или населены, или раньше были населены, или будут населены со временем.

— Замечательно! — воскликнули слушатели первых рядов, задававшие тон всему собранию; их мнение было законом для остальных.

— Нельзя ответить убедительнее и логичнее,— согласился председатель «Пушечного клуба». — Итак, вопрос сводится к следующему: «Обитаемы ли миры?» Что до меня, я склонен в это верить.

— А я так вполне в этом убежден,— отвечал Ардан.

— Однако,— заметил один из членов собрания,— существуют серьезные возражения против обитаемости миров. Во всяком случае, на большинстве планет условия жизни значительно отличаются от соответствующих условий на Земле. Поэтому, ограни-

чиваясь даже одними планетами, можно сказать, что на планетах, удаленных от Солнца, живые существа должны замерзнуть, а на близких к Солнцу они должны сгореть.

— К сожалению, я не имею удовольствия лично знать моего почтенного оппонента,— ответил Мишель Ардан,— но все же попытаюсь ему ответить. Его возражение, конечно, очень основательно, но, мне кажется, его можно с успехом опровергнуть, так же как и все остальные возражения против населенности планет. Будь я физиком, я сказал бы ему: если на близких к Солнцу планетах высокая температура умеряется более слабым выделением внутреннего тепла планеты, то на отдаленных планетах, напротив, это тепло выделяется сильнее,— и, таким образом, на их поверхности может создаться температура, вполне подходящая для существ, организованных наподобие земных. Будь я натуралистом, я сказал бы ему, что целым рядом крупнейших ученых доказана приспособляемость земных организмов к самым различным условиям жизни. Ведь рыбы дышат в среде, безусловно пагубной для других животных. Амфибии ведут двойственную жизнь — явление трудно объяснимое! Некоторые морские животные обитают в очень глубоких слоях воды и выдерживают давление в пятьдесят и шестьдесят атмосфер. Иные низшие организмы совершенно нечувствительны к температуре и встречаются как в горячих источниках, так и в ледяных пустынях полярных океанов! Итак, нужно признать, что природа создает настолько разнообразные, порою непостижимые условия жизни, что ее можно назвать всемогущей. Будь я химиком, я сказал бы ему, что в аэролитах, то есть в телах, образовавшихся вне земной сферы, путем анализа обнаружены следы углерода; а это вещество имеет органическое происхождение и, как доказывают исследования Рейхенбаха, несомненно входило когда-то в состав живых тел. Наконец, будь я теологом, я сказал бы ему, что, согласно учению апостола Павла, божественное искупление распространяется не на одну только Землю, но и на все небесные миры. Но я не химик, не естественник, не физик и не теолог, я полный невежда, я не знаю великих законов, управляющих Вселенной, и должен буду ответить так: мне неизвестно, населены ли другие миры,— потому-то я и хочу полететь на Луну, чтобы убедиться в этом собственными глазами.

Нашлись ли у противника Мишеля Ардана новые возражения, неизвестно. Собрание заглушило его слова, встретив последнюю фразу Ардана криками иступленного восторга. Когда, наконец, водворилось молчание даже в самых отдаленных рядах аудитории, победоносный оратор смог продолжать свою речь и добавил следующее:

— Вы прекрасно понимаете, мои славные янки, что я лишь слегка затронул этот вопрос: я приехал сюда не для того, чтобы читать публичные лекции на эту богатую тему. Есть еще целый ряд доводов в пользу обитаемости миров. Я их оставляю в сторо-

не, позвольте мне остановиться лишь на одном. Людям, которые утверждают, что планеты необитаемы, нужно ответить так: быть может, вы были бы и правы, если бы могли доказать, что Земля — наилучший из миров; но это далеко не доказано, что бы там ни говорил Вольтер. У Земли всего один спутник, а у Юпитера, Урана, Сатурна и Нептуна — к их услугам несколько; это дает этим планетам известные преимущества, которыми отнюдь нельзя пренебрегать. Но что особенно неудобно на Земле — это наклон ее оси к орбите. Отсюда происходит неравенство дней и ночей, отсюда и досадное разнообразие времен года. На нашем злополучном шаре всегда или слишком жарко, или слишком холодно; мы мерзнем зимой, а летом жаримся на гриле. Земля — планета насморков, воспаления легких и всякой простуды! То ли дело на Юпитере, ось которого почти перпендикулярна к плоскости его орбиты! Там для одного и того же места не бывает скачков температуры. Там существует зона вечной весны, зона вечного лета, зона вечной осени, зона вечной зимы. Каждый юпитерианин может выбрать климат себе по вкусу и всю свою жизнь не бояться перемен погоды. Вы, конечно, согласитесь, что это большое преимущество Юпитера по сравнению с Землей, не говоря уже о его длинных годах, которые продолжаются по двенадцати земных лет! Более того, я совершенно убежден, что при таких изумительно благоприятных условиях жизни обитатели этого счастливого «мира» должны быть высшими существами: ученые там более учены, артисты более талантливы, люди злые менее злы, чем на Земле, а добрые еще лучше наших. И, увы, подумать только, чего не хватает нашей Земле, чтобы достигнуть такого совершенства: сущего пустяка! Только оси вращения, менее наклоненной к плоскости орбиты.

— За чем же дело стало? — внезапно раздался неистовый голос. — Объединим наши усилия, изобретем машины и выпрямим земную ось!

Гром рукоплесканий раздался в ответ на это предложение, которое могло прийти в голову лишь Дж. Т. Мастоу. У него всегда была склонность к инженерному искусству, и при его пылком воображении ему ничего не стоило хватить через край. Однако надо признаться — ибо это правда, — что многие поддерживали его восторженными криками. И, разумеется, будь у американцев точка опоры, которую требовал в древности Архимед, они непременно создали бы рычаг, чтобы повернуть Землю и выпрямить ее ось, но, увы, точки опоры как раз и недоставало этим отважным механикам!

Как бы то ни было, но «практическое предложение» Мастоу имело большой успех: оно прервало прения на добрых четверть часа. И долго еще после этого митинга толковали в Соединенных Штатах о смелом проекте пожизненного секретаря «Пушечного клуба».

Казалось бы, на этом и должен был закончиться митинг. Трудно было бы придумать лучшее заключение.

Однако, когда шум, наконец, улегся, послышались следующие слова, произнесенные твердым, суровым голосом:

— Теперь, когда оратор уделит так много времени области фантазии, не угодно ли ему будет вернуться к основной теме? Нельзя ли поменьше вдаваться в теории и прямо перейти к обсуждению технической стороны путешествия?

Все взгляды обратились на говорившего. Это был худощавый, сухой человек, с энергичным лицом, с бородой, подбритой по-американски с боков и густой под подбородком.

Пользуясь движением в толпе, он мало-помалу пробрался в первый ряд слушателей. Скрестив руки, он устремил сверкающий, смелый взгляд на героя митинга. Высказавшись, он умолк. По-видимому, его ничуть не смущали ни тысячи обратившихся на него взглядов, ни ропот порицания, которым собрание встретило его заявление. Не получив сразу ответа, он повторил свои слова тем же суровым голосом, добавив:

— Мы собрались сюда, чтобы говорить о Луне, а не о Земле.

— Вы совершенно правы, милостивый государь! — ответил Ардан. — Прения уклонились в сторону. Вернемся к Луне.

— Милостивый государь, — продолжал незнакомец, — вы утверждаете, что спутник Земли обитаем. Допустим. Но если жители Луны существуют, то они живут не дыша, так как — я прошу вас принять это во внимание ради вашей же пользы — на поверхности Луны нет ни единой молекулы воздуха.

Мишель Ардан встряхнул своей львиной гривой. Он сразу почувял, что имеет дело с сильным противником. Он смерил незнакомца твердым взглядом и сказал:

— Вот как! По-вашему, на Луне нет воздуха? А позвольте вас спросить: кто это утверждает?

— Ученые.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Милостивый государь, — возразил Ардан, — шутки в сторону. Я питаю глубокое уважение к ученым, которые знают свое дело, и глубокое презрение к тем, которые его не знают.

— А вам известны и такого рода ученые?

— Известны. Во Франции, например, есть сейчас один «ученый», который утверждает на основании «математических вычислений», что птицы не могут летать; есть и такой, который доказывает, что рыбы не приспособлены к жизни в воде.

— Милостивый государь, я не таких ученых имею в виду. В подтверждение своих слов я готов привести имена, которые вы не можете не признавать.

— В таком случае, милостивый государь, вы поставите в большое затруднение такого профана, как я. Впрочем, я всегда рад узнать что-нибудь новое!

— Зачем же вы вмешиваетесь в ученые вопросы, если вы их не изучали? — довольно грубо спросил незнакомец.

— Зачем? — отвечал Ардан. — Тот и смел, кто не подозревает опасности! Я ничего не знаю, это правда, но именно в этой слабости моя сила!

— Ваша слабость граничит с безумием! — с раздражением в голосе крикнул незнакомец.

— Э, тем лучше, — возразил француз, — если мое безумие доведет меня до Луны!

Барбикен и его товарищи пожирали глазами непрошеного гостя, который так дерзко возражал Мишелю Ардану. Никто его не знал, и председатель «Пушечного клуба», несколько смущенный тем оборотом, какой принимали прения, не без тревоги поглядывал на своего нового друга. Все собрание прислушивалось внимательно и настороженно, понимая, что сейчас будут выявлены все опасности или даже полная неосуществимость предполагаемого путешествия.

— Милостивый государь, — снова начал противник Ардана. — Есть много доказательств полного отсутствия атмосферы на Луне, и они до сих пор не опровергнуты. Я мог бы сказать аргюи, что если и существовала когда-нибудь атмосфера на Луне, то ее уже давно притянула бы к себе Земля. Но я предпочитаю привести вам несколько неопровержимых фактов.

— Приводите, милостивый государь, — ответил Ардан с самой любезной улыбкой. — Сколько угодно!

— Вы знаете, — продолжал незнакомец, — что, когда лучи света вступают в такую среду, как воздух, они отклоняются от прямолинейного направления, другими словами, преломляются. Ну так вот, когда Луна своим диском затмевает для нас некоторые звезды, то лучи этих звезд никогда не отклоняются от своего направления, то есть не испытывают ни малейшего преломления. Отсюда неизбежный вывод: на Луне нет никакой атмосферы.

Все взоры устремились на француза: как опровергнет он это положение, из которого вытекают столь важные следствия?

— В самом деле, — ответил Ардан. — Это — ваш самый сильный аргумент и почти единственный. Ученый, быть может, затруднился бы дать на него прямой ответ, но для меня этот довод не имеет решающего значения. Он стал бы решающим, если бы был точно измерен угловой диаметр Луны, однако точного измерения до сих пор не существует. Но оставим это. Скажите мне, сударь, допускаете ли вы существование вулканов на поверхности Луны?

— Потухших вулканов — да, действующих — нет.

— Но в таком случае ведь можно, не выходя за пределы логики, допустить, что некогда вулканы были действующими?

— Разумеется, но они сами могли выделять необходимый для горения кислород, и, следовательно, происходившие на Луне вулканические извержения еще не доказывают присутствия на ней атмосферы.

— Пойдем дальше,— ответил Ардан,— и вообще оставим косвенные доказательства. Перейдем к фактам, к непосредственным наблюдениям. Но предупреждаю: мне придется ссылаться на ученых авторитеты.

— Что ж, ссылайтесь.

— И сошлусь. Третьего мая тысяча семьсот пятнадцатого года астрономы Лувиль и Галлей, наблюдая затмение, отметили необычные световые явления на Луне. Эти поблескивания, очень кратковременные и часто повторявшиеся, они приписали действию грозы, разразившейся в атмосфере Луны.

— В тысяча семьсот пятнадцатом году,— возразил незнакомец,— астрономы Лувиль и Галлей приняли за лунные явления феномены, происходившие в слоях земной атмосферы и вызванные болидами и метеорами. Вот что ответили ученые на сообщение об этих фактах и что теперь я вам повторяю!

— Пусть так! — несколько не смущаясь, отвечал Ардан.— Теперь сошлусь на Гершеля, который в тысяча семьсот восемьдесят седьмом году наблюдал множество светящихся точек на поверхности Луны.

— Не отрицаю, но он оставил этот факт без объяснения. Сам Гершель не решился на основании его доказывать существование лунной атмосферы.

— Превосходный ответ! — воскликнул с увлечением Мишель Ардан.— Вы, я вижу, очень сильны в селенографии.

— Весьма силен, милостивый государь, и добавлю вам, что первоклассные астрономы, Бэр и Мэдлер, которые подробнее всех исследовали ночное светило, пришли к выводу о полном отсутствии на нем атмосферы.

По рядам аудитории пробежал трепет. Доводы странного незнакомца начали, по-видимому, влиять на общее мнение.

— Пойдем дальше,— хладнокровно продолжал Мишель Ардан.— Что вы ответите на следующий весьма веский довод? Известный французский астроном Лосседа, наблюдая затмение восемнадцатого июля тысяча восемьсот шестидесятого года, констатировал, что края закрытого Луной солнечного диска казались закругленными и усеченными. Такое явление могло произойти вследствие преломления солнечных лучей в лунной атмосфере. Другого объяснения быть не может!

— Но достоверен ли этот факт? — с живостью переспросил незнакомец.

— Абсолютно достоверен!

Новое движение в аудитории, обрадованной успехом своего

любимца. Незнакомец молчал. Не кичась победой над противником, Ардан продолжал свою речь самым простодушным тоном:

— Вы видите, уважаемый сударь, что нельзя так решительно отрицать существование лунной атмосферы. Вероятно, эта атмосфера очень разрежена, обладает чрезвычайно малой плотностью, но с научной точки зрения приходится признать ее существование...

— Только не на лунных горах, с вашего позволения! — возразил незнакомец, который еще не думал сдаваться.

— Быть может, но в долинах она есть, даже если ее высота не превышает несколько сот футов.

— Во всяком случае, советую вам принять меры предосторожности, потому что ваш лунный воздух окажется невероятно разреженным.

— О, дорогой мой, на одного человека хватит! К тому же, добравшись туда, я буду соблюдать возможную экономию воздуха и постараюсь дышать лишь в редких, особых случаях.

Разразился оглушительный взрыв хохота. Незнакомец гордо, с вызывающим видом оглядел собрание.

— Итак,— непринужденно продолжал Мишель Ардан,— вы со мной согласились, что на Луне есть некоторая атмосфера. А если так, то должно быть хоть «некоторое» количество воды. Это обстоятельство лично меня весьма радует. Кроме того, любезный мой оппонент, позвольте вам сообщить еще одно соображение. Ведь мы знаем одну только сторону лунного шара, которая обращена к Земле,— и если на этой стороне очень мало воздуха, то, быть может, на другой его вполне достаточно.

— Это почему?

— А потому, что Луна под влиянием земного притяжения приняла форму яйца, которое обращено к нам своим более острым концом. С этим предположением согласуются и вычисления Гагзена, доказывающие, что центр тяжести Луны лежит в ее заднем полушарии. А отсюда, в свою очередь, следует, что главная масса лунного воздуха и воды должна была устремиться на противоположную сторону земного спутника еще в первые дни творения.

— Чистейшая фантазия! — воскликнул незнакомец.

— Напротив! Чистейшая теория, опирающаяся на основные законы механики, и я не вижу возможности ее опровергнуть. А потому обращаюсь ко всем слушателям и прошу поставить на голосование вопрос: возможна ли на Луне жизнь, подобная той, которая существует на Земле?

Долго не смолкавшие рукоплескания трехсот тысяч слушателей встретили это предложение. Противник Мишеля Ардана хотел еще говорить, но его никто не слушал. Градом посыпались на него крики и угрозы.

— Довольно! Довольно! — кричали одни.

— Гоните его в шею! — вопили другие.

— Вон! вон! — ревела разъяренная толпа.

Но незнакомец стоял неподвижно — только схватился за перила эстрады — и с вызывающим видом ждал, пока буря утихнет. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы Мишель Ардан жестом не успокоил расхोлившиеся страсти.

Он был слишком великодушен, чтобы оставить своего соперника беззащитным перед толпой.

— Быть может, вы желаете сказать еще несколько слов? — обратился он к незнакомцу самым любезным тоном.

— Да! Сто, тысячу слов! — ответил незнакомец запальчиво. — Или нет, только одно! Упорствовать в таком намерении может только человек...

— Неосторожный? Неужели вы считаете меня неосмотрительным, ведь я потребовал от моего друга Барбикена заменить круглую бомбу цилиндро-коническим снарядом, чтобы в пути не вертеться, как белка в колесе?

— Но вы забываете, несчастный, что толчок при вылете ядра разнесет вас в клочья!

— Дорогой мой оппонент, вот теперь вы попали в цель: это самая настоящая и даже единственная опасность. Однако я верю в изобретательный гений американцев и убежден, что они что-нибудь да придумают.

— Ну а жар, который разовьется при страшной скорости снаряда от сопротивления атмосферы?

— О, стенки снаряда достаточно толсты! К тому же я мигом перелечу через атмосферу!

— Ну а съестные припасы? Вода?

— Я рассчитал, что могу захватить припасов на целый год, а в пути я буду находиться лишь четверо суток.

— А чем дышать в пути?

— Можно химически очищать воздух!

— А удар при падении на Луну, если только ядро до нее долетит?

— О, этот удар будет в шесть раз менее силен, чем при падении на Землю, потому что лунное притяжение в шесть раз слабее земного.

— Но и этого удара хватит, чтобы разбить вас вдребезги, как стекло!

— А что мне помешает ослабить силу падения при помощи ракет, которые я буду пускать в нужное время?

— Но, наконец, допустим даже, что вы преодолеете все опасности и все сложится так невероятно удачно, что вы долетите до Луны здоровым и невредимым, — каким образом вы оттуда вернетесь на Землю?

— А я совсем не вернусь!

При этом ответе, простота которого еще резче подчеркивала героизм Мишеля Ардана, все собрание точно онемело. Это мол-

чание было красноречивее всяких криков восторга. Незнакомец воспользовался тишиной, чтобы высказать последний протест.

— Но вы неизбежно убьете себя,— выкрикнул он во весь голос,— и ваша смерть будет смертью безумца! Она даже ничего не даст науке!

— Продолжайте, великодушный незнакомец. Признаться, у вас довольно приятная манера предсказывать.

— О, это уже слишком! — воскликнул противник Мишеля Ардана.— Не знаю, зачем я продолжаю такой несерьезный спор. Летите себе куда хотите! Вы просто невменяемы...

— Продолжайте. Не стесняйтесь.

— Нет! Не на вас падет ответственность за это безумное дело!

— На кого же? Говорите! — Голос Ардана стал сразу повелительным.

— На того невежду, который выдумал эту дикую, нелепую затею!

Было ясно, в кого метил незнакомец. Барбикен уже давно делал страшные усилия,— «пережигая свой дым», как говорят машинисты,— чтобы сдержать себя, однако, получив такое оскорбление, вскочил и устремился было на незнакомца, который бросал ему вызов в лицо, как вдруг между ними встала преграда.

Толпа ринулась к эстраде. Сотни дюжих рук сорвали ее, подняли на плечи и торжественно понесли Барбикена и Мишеля Ардана. Подмостки были очень тяжелы, но носильщики непрерывно сменялись. Всякий спорил, толкался, боролся за честь подставить свои плечи под эту новую триумфальную колесницу.

Незнакомец не пожелал воспользоваться происшедшим беспорядком, чтобы скрыться. Да и удалось ли бы ему пробиться через такую густую толпу? Конечно, нет. Во всяком случае, он по-прежнему стоял в первом ряду, скрестив руки, пожирая глазами председателя Барбикена.

Барбикен также не терял его из виду. Взгляды этих двух людей скрещивались, как сверкающие клинки противников в смертельном поединке.

Восторженные крики толпы не смолкали в продолжение этого триумфального шествия. Мишель Ардан предоставил себя воле толпы с очевидным удовольствием. Его лицо так и сияло от радости. По временам эстрада покачивалась то назад и вперед, то с боку на бок — как корабль на морских волнах. Но герои митинга не боялись морской качки: они твердо держались на ногах, и их судно добралось без аварий до гавани Тампа.

Тут Мишелю Ардану удалось выскользнуть из могучих объятий своих страстных поклонников; добежав до гостиницы, он заперся у себя в номере и тотчас же лег в постель, а многотысячная толпа долго еще гудела под его окнами.

В то же самое время краткий, но серьезный и решительный

разговор произошел между таинственным незнакомцем и председателем «Пушечного клуба».

Как только Барбикен освободился, он прямо направился к своему противнику.

— Идите за мной! — отрывисто сказал он.

Незнакомец последовал за ним по направлению к набережной. Скоро они очутились одни на пристани, перед верфью, на улице Джонс Фолла.

Тут враги взглянули друг другу в глаза.

— Кто вы такой? — спросил Барбикен.

— Капитан Николь.

— Я так и знал. До сих пор случай еще не ставил вас на моем пути.

— Поэтому я сам встал вам поперек дороги.

— Вы меня оскорбили.

— Оскорбил публично.

— И вы ответите за оскорбление!

— Хоть сейчас.

— Нет. Я хочу, чтобы это осталось тайной между нами. В трех милях от города есть лес Скерсно. Вы его знаете?

— Знаю.

— Не угодно ли вам пойти в этот лес с любой стороны в пять часов утра?

— Да, если только вы в тот же час войдете в лес с другой стороны.

— И вы не забудете захватить ружье? — добавил Барбикен.

— Надеюсь, что и вы тоже, — ответил Николь.

После этих фраз, произнесенных ледяным тоном, председатель «Пушечного клуба» и Николь расстались. Барбикен вернулся домой, но, вместо того чтобы отдохнуть хоть несколько часов, он провел всю ночь над решением трудного вопроса, поставленного на митинге Мишелем Арданом, — каким способом ослабить отдачу снаряда при выстреле?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Как француз улаживает дело.

Пока председатель «Пушечного клуба» и капитан Николь вырабатывали условия своей американской дуэли (это самая страшная форма дуэли, при которой один противник охотится за другим), Мишель Ардан сладко покоился на своей постели, отдохнув после триумфа. Впрочем, слово «покоился» — не совсем точное выражение, потому что американская постель едва ли мягче мраморной или гранитной плиты.

Поэтому Ардану спалось довольно плохо; он ворочался с боку на бок между простынями величиной с пеленку, мечтая о том, как он поставит в своем снаряде комфортабельную кушетку.

Вдруг сквозь дремоту послышался страшный шум: кто-то отчаянно ломился в дверь; стучали каким-то инструментом. Этот стук, столь необычный в такую раннюю пору, сопровождался громкими воплями.

— Отоприте! — кричали из коридора. — Ради бога, отоприте!

Ардан мог и не исполнять такую странную просьбу, но он все-таки встал и отворил дверь в ту минуту, когда она чуть не сорвалась с петель под ударами настойчивого посетителя. В комнату ворвался секретарь «Пушечного клуба». Кажется, бомба и та не влетела бы так бесцеремонно.

— Вчера вечером на митинге, — крикнул Мастон ex abrupto¹, — наш председатель подвергся публичному оскорблению! Он вызвал оскорбителя на дуэль, и этот оскорбитель — не кто иной, как капитан Николь. Они сегодня утром дерутся в лесу Скерсно. Я все узнал от самого Барбикена. Если его убьют, пропало наше предприятие! Надо помешать этой дуэли! Один только человек во всем мире может остановить Барбикена, и этот человек — вы, Мишель Ардан!

Ардан не прерывал, не расспрашивал Масто́на. Он живо схватил свои широченные брюки, и не прошло и двух минут, как друзья Барбикена со всех ног неслись по улицам Тампа, направляясь к заставе.

На бегу Мастон успел познакомить Ардана с положением вещей. Он рассказал про старинную вражду между Барбикеном и Николем, по какой причине она возникла и почему председатель клуба и капитан благодар стараниям своих друзей ни разу до сих пор не встречались. Мастон прибавил, что дело было исключительно в соперничестве между ядром и броней. Столкновение на митинге было для Николя только предлогом, чтобы свести старые счеты с Барбикеном.

Трудно придумать что-нибудь ужаснее американской дуэли, во время которой противники выслеживают друг друга в зарослях, подстерегая, прячась за кустами, и стараются подстрелить противника в лесной чаще как дикого зверя. Для американской дуэли требуются исключительные качества краснокожих обитателей прерий: находчивость, хитрость, изобретательность, умение выслеживать и «чуять» врага. Малейшая ошибка, колебание, неверный шаг могут стоить жизни. На эти поединки янки нередко берут с собой охотничьих собак, и тогда каждый противник, являясь одновременно и охотником и дичью, часами выслеживает врага.

— Дьяволы вы, а не люди! — воскликнул Мишель, когда Мастон в ярких красках описал ему эти дикие нравы.

— Уж какие есть... — скромно ответил Мастон. — Однако надо торопиться.

Но как они не спешили, бегом пересекая поле, еще мокрое от

¹ Без предисловий (лат.).

росы, топча рисовые плантации, перепрыгивая через ручьи, они добрались до леса лишь к половине шестого. Следовательно, Барбикен уже целых полчаса был в лесу.

На краю леса работал старый дровосек, связывая нарубленные дрова.

Мастон подбежал к нему, крича:

— Вы не видели, как в лес входил человек с ружьем? Председатель Барбикен... мой лучший друг...

Достойный секретарь «Пушечного клуба» простодушно полагал, что все в Америке знают его председателя. Однако по лицу дровосека было видно, что он ничего не понял.

— Охотника! — пояснил тогда Ардан.

— Охотника? Да, охотника видел, — отвечал дровосек.

— Давно?

— С час будет.

— Опоздали! — воскликнул Мастон.

— Ну а выстрелы слышали? — спросил Ардан.

— Нет. Не слышал.

— Ни одного выстрела?

— Ни единого. Охотник-то, видать, не из важных.

— Что же делать? — вырвалось у Мастона.

— Идти в лес и отыскивать их, рискуя подцепить пулю, предназначенную не для нас.

— Ах, лучше десять пуль мне в череп, чем одну в голову Барбикена! — воскликнул Мастон таким тоном, в искренности которого нельзя было сомневаться.

— Ну так вперед! — крепко пожимая руку товарищу, крикнул Ардан.

Через несколько секунд они уже скрылись в густых зарослях. Стеной стояли великаны кипарисы, сикоморы, тюльпанные деревья, оливы, тамаринды, дубы и магнолии. Деревья тесно переплетались ветвями, и сквозь них ничего не было видно даже в нескольких шагах. Мишель Ардан и Мастон шагали бок о бок, пробираясь сквозь высокие травы, прокладывая себе дорогу через толстые лианы, пристально вглядываясь в кусты и сплетения ветвей, в темную чашу леса, ожидая на каждом шагу услышать страшный звук ружейного выстрела.

Индеец, быть может, и сумел бы разыскать следы, которые должен был оставить Барбикен, но Ардан с Мастоном шли наугад, вслепую, с трудом пробираясь сквозь дебри.

Прошел час в бесплодных поисках. Дружья остановились. Тревога их все росла.

— Должно быть, все кончено! — произнес обескураженный Мастон. — Такой человек, как Барбикен, не станет пускаться на хитрости, он не устроит ни засады, ни западни! Он слишком храбр, слишком честен! Он пошел прямо навстречу опасности и, вероятно, настолько удалился от дровосека, что тот не слышал выстрела.

— Ну а мы сами? А мы? — возразил Ардан. — Неужели мы не услышали бы: уже битый час мы бродим по лесу.

— А что, если мы опоздали? — воскликнул Мاستон с отчаянием в голосе.

Мишель Ардан не знал, что ему ответить. Они двинулись дальше. Время от времени они громко звали Барбикена и Никола, но ни тот, ни другой не отвечали на их призыв. Резвые стайки птиц вспархивали с ветвей, вспугнутые криком, и уносились в чащу, лани шарахались от людей и исчезали в дебрях.

Еще добрый час они рыскали в чаще. Обошли уже большую часть леса. Но нигде не было видно ни малейшего следа поединка. Они уже начали сомневаться в словах дровосека и Ардан уже готов был прекратить бесплодные поиски, как вдруг Мастон остановился как вкопанный.

— Тсс! — произнес он. — Там кто-то есть!

— Кто?

— Мужчина! Он стоит неподвижно. Ружья у него не видно... Что же он делает?

— Ты его узнаешь? — спросил Ардан, который ничего не мог разглядеть из-за своей близорукости.

— Да, да! Вот он обернулся! — отвечал Мастон.

— Кто же это?

— Капитан Николь!

— Николь! — воскликнул Ардан, и сердце у него болезненно сжалось.

— Николь без оружия! Значит, ему больше нечего бояться своего врага!

— Идем к нему! — решительно сказал Мишель Ардан. — По крайней мере узнаем правду!

Пройдя несколько десятков шагов, они остановились, чтобы получше разглядеть капитана. Они ожидали увидеть человека, насыщенного кровью, празднующего победу! То, что они увидели, совершенно их ошеломило.

Между двумя громадными тюльпанными деревьями была натянута густая сетка, и в ней, жалобно пища, барахталась запутавшаяся крыльями крошечная птичка. Что за птицелов расставил эту страшную сеть? Это был ядовитый флоридский паук, величиной с голубиное яйцо, с длинными лапками. Но отвратительное насекомое не успело завладеть своей жертвой; неожиданно завидев страшного врага, оно поспешно скрылось в густых ветвях тюльпанного дерева.

Положив ружье на землю и забыв об опасности своего положения, капитан Николь старался как можно осторожнее высвободить птичку из сети, раскинутой чудовищным пауком.

Наконец это ему удалось, он выпустил птичку из рук, и та, весело взмахнув крылышками, быстро исчезла в вышине.

Николь с умилением следил за ее полетом среди ветвей.

Вдруг у него над самым ухом раздалось слова, произнесенные растроганным голосом:

— А ведь вы славный человек!

Николь обернулся. Перед ним стоял Мишель Ардан, повторяя на все лады:

— Великодушный, милейший человек!

— Мишель Ардан? — воскликнул Николь. — Что вам тут надо, милостивый государь!

— Пожать вам руку, Николь, и главное помешать вам убить Барбикена, а Барбикену не дать убить вас.

— Барбикен! — воскликнул капитан. — Я уже битых два часа его ищу. Куда он спрятался?..

— Николь! — перебил его Ардан. — Это уж невежливо с вашей стороны. Надо уважать своего противника. Будьте спокойны, если Барбикен жив, мы скоро его отыщем. И это тем легче, что и он вас разыскивает... если только не занялся, подобно вам, освобождением птичек, попавших в беду. Но когда мы его отыщем, — попомните слово Мишеля Ардана! — о дуэли не будет и речи.

— Между председателем Барбикеном и мною такая давняя вражда, — многозначительно сказал капитан Николь, — что только смерть одного из нас...

— Ну вот еще! Будет вам! — перебил Ардан. — Такие славные люди, как вы и Барбикен, пожалуй, могут ненавидеть друг друга, но обязаны один другого уважать. Вы не будете драться!

— Нет! Я буду драться, милостивый государь!

— Не будете!

— Капитан, — горячо воскликнул Масто́н, — я близкий друг председателя, его alter ego¹. Если уж вам непременно хочется кого-нибудь укокошить, стреляйте в меня: не все ли вам равно?

— Милостивый государь! — воскликнул Николь, судорожно сжимая ружье. — Эти неуместные шутки...

— Моему другу Масто́ну совсем не до шуток, — перебил его Мишель Ардан, — и я понимаю его желание умереть за человека, которого он горячо любит. Но ни он, ни Барбикен не падут от пули капитана Николя, потому что я сделаю вам и Барбикену такое соблазнительное предложение, что вы оба поспешите его принять.

— А что это за предложение? — спросил Николь с недоверием в голосе.

— Терпение! — отвечал Ардан. — Я могу его изложить только в присутствии Барбикена.

— В таком случае давайте его искать! — воскликнул капитан.

Все трое пустились дальше. Капитан молча разрядил свое

¹ Второе «я» (лат.).

ружье, вскинул его на плечо и двинулся вперед стремительной походкой.

Прошло полчаса в бесплодных поисках. Мاستон не мог отделаться от черных мыслей. Он мрачно всматривался в Николя и спрашивал себя: быть может, капитан уже совершил свою месть и злополучный Барбикен, сраженный его пулей, лежит где-нибудь весь в крови. Казалось, Мишеля Ардана тревожили такие же мрачные думы. Оба пронизывали взглядом капитана Николя, точно собираясь потребовать от него ответа. Внезапно Мастон остановился.

Шагах в двадцати, по пояс в траве, виднелся человек. Он сидел, прислонясь к стволу гигантской катальпы.

— Это он! — воскликнул Мастон.

Барбикен сидел совершенно неподвижно. Мишель Ардан вонзился взглядом в капитана, но тот даже не сморгнул. Сделав несколько шагов, Ардан крикнул:

— Барбикен! Барбикен!

Никакого ответа. Ардан бросился к своему другу и готов уже был схватить его за руку, но внезапно остановился с криком изумления.

Барбикен водил карандашом по страницам своей записной книжки: набрасывал формулы, чертил геометрические фигуры. На земле возле него валялось незаряженное ружье.

Поглощенный работой, совершенно позабыв о дуэли и о месте, ученый ничего не видел, ничего не слышал.

Но когда Мишель Ардан положил руку ему на плечо, Барбикен очнулся и поднял на Ардана удивленный взгляд.

— Ах! — воскликнул он наконец. — Это ты? Здесь? Я нашел! Знаешь, мой друг, я нашел!

— Что нашел?

— Способ!

— Какой способ?

— Способ ослабить толчок при вылете снаряда!

— Неужели? — спросил Ардан, озираясь в то же время на Николя.

— Да! Вода! Вода, которая будет играть роль пружины... Ах, Мастон! — воскликнул Барбикен. — И вы тут!

— Он самый! — ответил Мишель Ардан. — А кстати позволь представить тебе почтенного капитана Николя.

— Николь! — вскрикнул Барбикен, вскакивая на ноги. — Простите, капитан, — добавил он, — я совершенно забыл... Теперь я готов!

Ардан тотчас же вступился, чтобы не дать противникам сцепиться.

— Черт побери! Какое счастье, что вы, друзья мои, не встретились раньше. Пришлось бы нам теперь оплакивать смерть одного из вас... Но, слава богу, все благополучно. Ну какие же вы дуэлянты, если один погружен в разрешение проблем механики

и позабыл обо всем на свете, а другой увлекся борьбой с пауком, позабыв о своем враге?

И Мишель Ардан рассказал председателю, что случилось с Николем.

— Ну еще раз я спрашиваю вас обоих,— продолжал Ардан,— неужели такие прекрасные люди для того только созданы, чтобы прострелить друг другу голову?

Все происшедшее было так неожиданно и даже нелепо, что Барбикен и Николь растерялись, не зная, как выйти из создавшегося положения. Мишель Ардан понял их настроение и решил немедленно их помирить.

— Друзья мои,— сказал он с очаровательной улыбкой,— между вами простое недоразумение. Ничего больше! Вы оба доказали, что не дорожите своей жизнью... Докажите теперь, что покончили со всеми своими старыми счетами: примите предложение, которое я хочу вам сделать.

— Говорите,— сказал Николь.

— Друг Барбикен уверен, что его снаряд долетит до Луны, не так ли?

— Конечно, долетит! — воскликнул председатель.

— А друг Николь полагает, что снаряд упадет обратно на Землю.

— Я в этом совершенно убежден! — воскликнул капитан.

— Отлично,— продолжал Мишель Ардан.— Я не собираюсь вас мирить, но попросту вам предлагаю: давайте полетим все вместе, а там посмотрим, кто прав.

— А? Что? — ошавев, воскликнул Мاستон.

Услыхав такое предложение, противники взглянули друг на друга. Барбикен смотрел в упор на капитана, ожидая его ответа; Николь уставился на Барбикена, подстерегая первое его слово.

— Ну так что же? — продолжал Мишель Ардан самым приветливым тоном. — Ведь толчка теперь бояться нечего...

— Согласен! — крикнул Барбикен.

Но, несмотря на стремительность его ответа, из уст капитана Николя одновременно вырвалось то же самое слово.

— Ура! Bravo! Виват! Гип-гип! — крикнул Мишель Ардан, протягивая руки недавним противникам.— Ну а теперь, когда дело улажено, позвольте, друзья мои, по французскому обычаю, угостить вас. Идемте-ка завтракать!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Новый гражданин Соединенных Штатов.

Телеграф в тот же день разнес по всем Соединенным Штатам весть о поединке между председателем Барбикеном и капитаном Николем и о необычайной его развязке. Роль, которую в этой истории сыграл великодушный европеец, его неожиданное предло-

жение, устранившее все трудности, согласие соперников на его предложение, союз представителя Франции и представителей Соединенных Штатов для завоевания Луны — все это еще увеличило популярность Мишеля Ардана. Всем известно, с какою страстью американцы привязываются к человеку, заслужившему их уважение. Можно себе представить, какую бурю восторгов вызвал этот француз в стране, где порой даже самые важные государственные мужи, в пылу увлечения, впрягаются в карету балерины и с триумфом везут ее по многолюдным улицам. Если не выпрягали лошадей Ардана, то по той лишь причине, что у него их не было. Зато каких только он не получал доказательств преклонения и восторга! Не было американца, который остался бы к нему равнодушен. «*Ex pluribus unum*»¹ — таков девиз Соединенных Штатов.

С этого дня Мишель Ардан не имел ни минуты покоя. С утра до ночи к нему являлись депутаты со всех концов Америки, и все эти депутаты он волей-неволей должен был принимать. Невозможно счесть, сколько рук он пожал за эти дни, сколько было выпито дружеских брудершафтов. Скоро он совсем выдохся. От бесчисленных спичей горло его так охрипло, что из губ вылетали какие-то нечленораздельные звуки; от бокалов вина, которые ему пришлось выпить в честь всех округов Соединенных Штатов, он едва не получил острый катар желудка.

Такой сумасшедший успех с первого же дня опьянил бы всякого другого, но Мишель Ардан сумел удержаться на грани опьянения, сохраняя свое остроумие и обаятельную веселость.

В числе депутатий, осаждавших Мишеля Ардана, были и лунатики, которые сочли своим долгом представиться будущему завоевателю Луны. В один прекрасный день эти несчастные, которых в Америке довольно много, обратились к нему с просьбой взять их с собой и доставить на лунную родину. Некоторые из них утверждали, что владеют «лунным языком», и предлагали научить его говорить «по-селенитски». Мишель Ардан пошел на встречу их безобидной мании и обещал исполнить все их маленькие поручения на Луне.

— Странная мания! — сказал он Барбикену, спровадив депутацию лунатиков. — А ведь нередко ей бывают подвержены самые умные люди. Один из наших известных ученых Араго говорил мне, что ему приходилось встречать немало серьезных и осторожных в своих суждениях людей, которые сразу теряли душевное равновесие и начинали нести дикий вздор, как только речь заходила о Луне. Скажи, ты веришь, что Луна может влиять на здоровье человека?

— Нет, — отвечал председатель «Пушечного клуба».

— Я тоже не верю, однако известны поразительные факты в этой области. Так, например, в тысяча шестьсот девяносто треть-

¹ «Единственный среди многих» (лат.).

ем году, во время сильной эпидемии, больше всего смертных случаев пришлось на двадцать первое января, а в этот день было лунное затмение. Знаменитый Бэкон всякий раз, как только начиналось лунное затмение, лишался чувств и приходил в себя лишь после того, как оно кончалось. Король Карл Шестой в тысяча триста девяносто девятом году шесть раз впадал в безумие, и каждый приступ совпадал или с новолунием, или с полнолунием. Некоторые медики обнаружили связь между приступами падучей болезни и фазами Луны; такая же связь наблюдается будто бы и при некоторых нервных заболеваниях. Например, Мэд приводит случай с ребенком, у которого при каждом полнолунии появлялись судороги. Галль утверждал, что у вялых людей повышенная деятельность наблюдается лишь два раза в месяц — во время полнолуния и новолуния. Есть еще множество наблюдений того же рода относительно злокачественных лихорадок, головокружений, припадков сомнамбулизма, которые, по мнению многих, доказывают таинственное влияние Луны на организм человека.

— Но каким образом? Почему? — удивился Барбикен.

— Почему? — повторил Ардан. — Не знаю. Могу лишь повторить то, что первым сказал Плутарх, а девятнадцать веков спустя Араго: «Быть может потому, что это неправда!»

Положение знаменитости принесло Мишелю Ардану и все неприятности, неизбежно связанные с этой ролью. Его стали доносить антрепренеры. Барбинум предложил ему миллион за турне по Соединенным Штатам, намереваясь таскать его из города в город и показывать как дикий зверя; но Ардан обозвал Барбинума «вожаком слонов» и выставил за дверь.

Общественное любопытство должно было удовлетвориться портретами Мишеля Ардана; они быстро распространились по всему свету и заняли почетное место во всех альбомах. Снимки были всех размеров: начиная с натуральной величины до миниатюр в почтовую марку. Каждый мог видеть своего героя во всевозможных позах: одну голову, по пояс, во весь рост, в профиль, в три четверти, анфас и даже со спины. Число портретов Мишеля Ардана достигло миллиона пятисот тысяч экземпляров. У Ардана был прекрасный случай поторговать реликвиями: за каждый его волос, наверное, дали бы по доллару и больше, что, при его львиной гриве, принесло бы ему целое состояние. Но он не воспользовался этим случаем.

Нельзя сказать, чтобы эта популярность была ему не по душе. Он охотно общался с публикой и готов был вести переписку со всеми на свете. Повсюду повторяли его остроты, причем нередко приписывались ему и такие, в которых он был совершенно неповинен. Публика верила всему, так как запас остроумия Мишеля Ардана казался неисчерпаемым.

Нечего и говорить, что женщины увлекались Мишелем Арданом не меньше, чем мужчины. Он получил несчетное число

предложений «прекрасных партий» — дело оставалось только за ним. В особенности престарелые, высохшие мисс, которым уже перевалило за сорок, день и ночь вздыхали над его портретами. Без сомнения, Ардан нашел бы себе сколько угодно подруг жизни, даже если бы он поставил им условие — лететь с ним на Луну. Женщины вообще неустрашимы, за исключением тех, которые боятся всего на свете. Но он вовсе не собирался обзаводиться семьей на Луне и разводить там франко-американское потомство. Итак, он наотрез отказывался от всех предложений.

— Извольте-ка,— говорил он,— разыгрывать на Луне роль Адама с какой-нибудь дочерью Евы... Благодарю покорно! Того гляди еще встретишь там змея...

Когда ему, наконец, удалось отделаться от всех поклонников, он отправился с друзьями осматривать колумбиаду. Это был благодарственный визит, так как именно ей он был обязан своей славой. Благодаря постоянным беседам с Барбикеном, Мастоном и tutti quanti Мишель Ардан стал неплохо разбираться в баллистике. Любимым его удовольствием было дразнить своих друзей артиллеристов, доказывая, что они не что иное, как убийцы, правда, очень ученые и любезные. Шуткам его не было конца.

Ардан с восхищением осматривал колумбиаду и спустился на дно гигантской пушки, которая вскоре должна была его подбросить до самой Луны.

— Колумбиада,— сказал он,— хороша уже тем, что она никому не причинит вреда. Не то что ваши пушки, которые приносят только горе, разрушение, смерть!

Здесь необходимо упомянуть о случае с секретарем «Пушечного клуба». Как только Барбикен и Николь согласились на предложение Ардана лететь на Луну, Мастон, тотчас же решив, что и он к ним присоединится и они совершат путешествие вчетвером, тут же попросил взять его с собой. Барбикен крепя сердце вынужден был ему отказать, указав, что снаряд может захватить самое большее трех пассажиров.

Огорченный до глубины души, Мастон бросился к Мишелю Ардану, и тот постарался его утешить различными доводами ad hominem.

— Видишь ли, старина... Ты, пожалуйста, не обижайся и не истолкуй моих слов в дурную сторону, но, между нами говоря, ты слишком несовершенно, чтобы явиться на Луну!

— Несовершенно? — воскликнул неистовый инвалид.

— Ну да, дружище! Представь себе, что там, на Луне, мы встретим жителей. Разве тебе самому будет приятно оказаться печальной иллюстрацией того, что творится здесь, у нас на Земле. Ведь селениты благодаря тебе узнают, что люди на Земле тратят драгоценное время на то, чтобы пожирать друг друга, отрывая руки и ноги, истреблять своих ближних; поймут, почему

на нашей планете нет и полутора миллиардов жителей, хотя она свободно могла бы прокормить целых сто миллиардов. Знаешь что, милый друг,— да ведь из-за тебя. они могут вышвырнуть нас за дверь!

— Ну а если вы долетите до Луны, разорванные на клочки? — возразил Масто́н.— Вы тогда будете еще менее «совершенны», чем я.

— Это, положим, так,— ответил Мишель Ардан,— но я уверен, что мы долетим туда в целости и сохранности.

Ардан действительно в это верил. И в самом деле, скоро его слова получили подтверждение. Предварительный опыт, произведенный 18 октября, дал превосходные результаты и позволил надеяться на успех. Чтобы испытать силу толчка в момент вылета снаряда, Барбикен выписал из арсенала Пенсаколы тридцатидвухдюймовую мортиру. Ее установили на берегу бухты Хилсборо так, чтобы бомба упала прямо в море, что должно было ослабить удар. Надо было испытать силу первоначального толчка. Для этого любопытного опыта был специально изготовлен полый снаряд. В нем были сделаны двойные стенки, между которыми находилась сеть пружин из лучшей стали. Это было настоящее гнездо, устланное ватой.

— Как жаль, что там нельзя поместиться! — сказал Масто́н, досадуя, что размеры снаряда не позволяют ему испытать опыт на себе.

В эту прелестную бомбочку, в которой было герметически закрывавшееся отверстие, посадили большого кота, а затем маленькую ручную белку, принадлежавшую неперемому секретарю «Пушечного клуба». Любимица Масто́на, привыкшая постоянно вертеться в колесе, не должна была пострадать от головокружения.

Мортиру зарядили ста шестьюдесятью фунтами пороха, затем в нее впустили снаряд. Последовал выстрел.

Бомба величаво описала параболу, достигла высоты примерно тысячи футов, затем, начертив изящную кривую, нырнула в волны бухты.

Не теряя ни минуты, к месту падения бомбы понеслась легкая лодка. Опытные ныряльщики быстро нашли бомбу на дне бухты и, привязав веревку к ее ушкам, подняли на поверхность и втащили в лодку. Все это — от момента, когда животные были посажены в бомбу, до открытия ее крышки — заняло не более пяти минут.

В лодке находились Ардан, Барбикен, Николь и Масто́н. С понятным волнением следили они за отвинчиванием крышки. Не успели ее открыть, как из бомбы выпрыгнул кот, весь взъерошенный, но полный жизни и сил. Глядя на него, нельзя было подумать, что он только что совершил воздушное путешествие.

Но белки в бомбе не оказалось. Перешагивали все уголки. Ни-

каких следов! Пришлось признать печальную истину, что кот съел свою спутницу.

Мастон был очень опечален гибелью своей любимицы и решил упомянуть о ней в мартирологе жертв науки.

Как бы то ни было, после этого опыта исчезли последние колебания и опасения. К тому же Барбикен собирался еще усовершенствовать чертежи снаряда и почти свести на нет толчок. Теперь можно было спокойно отправляться в путь.

Через два дня Мишель Ардан получил от президента Соединенных Штатов пакет, который порадовал его больше всех прежних почестей.

Правительство пожаловало его званием почетного гражданина Соединенных Штатов. До Мишеля Ардана только один француз удостоился такой чести — это был знаменитый маркиз де Лафайет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Вагон-снаряд.

Когда прославленная колумбиада была сооружена, общественное внимание сосредоточилось на снаряде, который должен был служить вагоном для трех отчаянных смельчаков, решившихся полететь на Луну. Все помнили, что Мишель Ардан еще в своей телеграмме от 30 сентября потребовал, чтобы внесли изменения в проект снаряда, принятый комитетом «Пушечного клуба». Вначале председатель Барбикен не без оснований думал, что форма снаряда не имеет особого значения, так как он в несколько секунд пролетит сквозь земную атмосферу и будет совершать весь дальнейший полет в пустом пространстве. Поэтому комитет решил пустить круглую бомбу, чтобы она свободно вращалась и вела себя как ей заблагорассудится.

Но предложение Мишеля Ардана совершенно изменило постановку вопроса. Мишель Ардан заявил, что он не желает крутиться как белка в колесе. Он хотел путешествовать в нормальном положении, с таким же «достоинством», как, например, в гондоле воздушного шара, но, разумеется, гораздо быстрее, и вовсе не собирался кувыркаться самым непристойным образом в крутящемся ядре.

Поэтому завод «Брэдвиль и К^о» в Олбани получил своевременно чертежи и заказ на снаряд новой формы, с указанием спешно его выполнить. Отливка была удачно произведена 2 ноября, и снаряд был немедленно отправлен по восточной железной дороге в Стонзхилл.

10 ноября он благополучно прибыл к месту назначения. Мишель Ардан, Барбикен, Николь с нетерпением ожидали вагон-снаряд, в котором они должны были полететь на завоевание нового мира.

Снаряд оказался чудом металлургии и делал честь индустрии-

альному гению американцев. Никогда еще до сих пор не добывали сразу такого огромного количества алюминия, и уже одно это можно было считать необычайным достижением техники. Драгоценный снаряд ярко сверкал на солнце. Коническая верхушка придавала ему сходство с массивными караульными башенками, которыми в былые времена средневековые архитекторы украшали углы крепостных стен; недоставало лишь узеньких бойниц и флюгера на крыше.

— Так и кажется, — воскликнул Ардан, — что вот-вот из нее выйдет воин с аркебузой и в стальных латах! А мы в ней будем жить, точно феодалы бароны. Захватить бы две-три пушки, и мы одолели бы всю армию селенитов, если только на Луне есть жители!

— Значит, тебе нравится наш экипаж? — спросил Барбикен.

— О да, да, еще бы, — отвечал Ардан, рассматривая снаряд глазами художника. — Жаль только, что контур простоват, да и конус мог бы быть изящнее. Надо было бы увенчать его гиляндой металлического орнамента, изобразить, например, химеру или саламандру, выскакивающую из огня с распростертыми крыльями и разверстой пастью!

— К чему это? — спросил Барбикен, который в силу своего практического склада был мало впечатлителен к красота искусства.

— Ты спрашиваешь «к чему», друг Барбикен! Увы, раз ты мне задаешь такой вопрос, я боюсь, что ты никогда не поймешь ответа...

— А ты все-таки попробуй ответить, дружище.

— Видишь ли: по-моему, надо во все, что мы делаем, вносить как можно больше красоты, изящества. Знаешь индусскую пьесу, которая называется «Тележка ребенка»?

— Даже названия не слышал, — признался Барбикен.

— Это меня ничуть не удивляет, — продолжал Мишель Ардан. — Так узнай же, что в этой пьесе выведен вор, который собирается проделать дыру в стене и спрашивает себя, какую бы форму придать отверстию: лиры, цветка, птички или вазы? Скажи мне, друг Барбикен: будь ты в те времена присяжным, осудил бы ты этого вора?

— Без малейших колебаний! — ответил председатель «Пущечного клуба». — Признал бы ещеотягощающие обстоятельства: взлом с заранее обдуманым намерением.

— А я бы его оправдал, друг Барбикен! Вот видишь: ты никогда не сможешь меня понять.

— И даже не буду пытаться, мой доблестный художник!

— Да, внешний вид нашего вагона оставляет желать лучшего, — говорил Ардан, — но я надеюсь, что мне позволят его меблировать по своему вкусу — с комфортом и роскошью, подобающими посланникам Земли!

— В этом отношении, дорогой Мишель, — ответил Барби-

кен,— ты можешь развернуть всю свою артистическую фантазию: мы тебе мешать не будем.

Но прежде чем перейти к приятному, председатель «Пушечного клуба» счел долгом позаботиться о полезном и весьма разумно применил изобретенный им способ уменьшить силу первоначального толчка.

Барбикен сразу же уяснил себе, что никакая пружина не сможет ослабить удар, и во время его знаменитой прогулки в лесу Скерсно ему удалось остроумнейшим способом разрешить эту проблему. Он решил попросить этой услуги у воды, и вот каким образом.

На дно снаряда наливается слой воды толщиной в три фута, на который кладется деревянный круг, совершенно непроницаемый для воды и скользящий вдоль стенок снаряда. Путешественники помещаются на настоящем плоту. Слой воды разделен во всю ширину горизонтальными перегородками, которые одна за другой будут сплюснуты при толчке от выстрела. От каждого слоя проведены трубы к верхушке снаряда. Во время толчка вода в нижнем отделении, разбив перегородку, устремится по трубам наверх и будет выброшена наружу. Точно так же и вода следующих отделений вплоть до верхнего. Таким образом, вода сыграет роль пружины, и деревянный круг, снабженный, в свою очередь, мощными пружинами, ударится о дно кабины лишь после того, как будут расплюснуты все перегородки. Конечно, путешественники испытают сильный толчок, после того как вся вода будет выброшена из снаряда, но все же этот толчок будет значительно ослаблен благодаря системе «водяных пружин».

Правда, слой воды в три фута на поверхности в пятьдесят четыре квадратных фута будет весить около 11 500 фунтов, но напор пироксилиновых газов в колумбиаде, по вычислению Барбикена, легко преодолевает этот добавочный балласт; кроме того, меньше чем в секунду вся вода будет выброшена, и снаряд восстановит свой нормальный вес.

Вот что придумал председатель «Пушечного клуба», пытаясь таким образом разрешить важную проблему толчка. Надо сказать, что инженеры фирмы «Брэдвиль и К^о» прекрасно поняли его проект, и это приспособление было выполнено безупречно. После того как вода будет выброшена наружу, путешественники должны были вынуть расплюснутые перегородки и разобрать по частям подвижной круг, поддерживавший их в момент вылета.

Конический потолок вагона-снаряда был обит толстым слоем кожи, под которым находились расположенные рядами спиральные пружины из лучшей стали, обладавшие упругостью часовых пружин. Выводные трубы были скрыты под этой кожаной подушкой.

Итак, путешественники приняли всевозможные меры предосторожности, чтобы смягчить первоначальный толчок. Мишель

Ардан говорил, смеясь, что если он при всем этом разобьется вдребезги,— значит, его «материал» никуда не годится.

Снаряд был шириной в девять футов и вышиной в двенадцать. Чтобы ядро сохранило нормальный вес, решено было сделать боковые стенки немного тоньше и утолстить дно, которому предстояло выдержать бешеный напор газов, образующихся при взрыве пироксилина. Впрочем, таково обычное устройство бомб и цилиндрико-конических снарядов.

В эту металлическую башню проникали сквозь люк в ее конической верхушке, напоминавший отверстие в паровом котле. Он герметически закупоривался алюминиевой крышкой, прикрепленной с внутренней стороны мощными болтами.

Таким образом, путешественники, достигнув ночного светила, могли в любой момент выйти из своей летучей тюрьмы.

Но им предстояло не только лететь, но и делать наблюдения в пути. Поэтому под кожаной покрывшей поместили четыре окна-иллюминатора из толстого чечевицеобразного стекла — два с боков снаряда, третий в его дне, четвертый в конической верхушке. Таким образом путешественники могли наблюдать во время перелета покидаемую ими Землю, цель их полета — Луну и звездные просторы неба. Эти иллюминаторы были защищены от начального толчка плотно пригнанными ставнями, которые потом легко было снять, отвинтив гайки. Таким образом, воздух из снаряда не выходил наружу, а в окно можно было смотреть и производить наблюдения.

Все эти механизмы, превосходно установленные, действовали с безупречной точностью и легкостью; инженеры фирмы великолепно оборудовали вагон-снаряд.

Резервуары и ящики, прикрепленные к стенам, были предназначены для хранения воды и съестных припасов, необходимых для троих путешественников. Газ для освещения и для плиты хранился в особом баллоне в сжатом виде, под давлением нескольких атмосфер. Стоило повернуть кран, и снаряд освещался и начинало работать отопление. Запаса газа должно было хватить на шесть суток. Как видим, в этом вагоне-снаряде были налицо все условия, необходимые для жизни и комфорта. Кроме того, благодаря заботам и художественному вкусу Мишеля Арда-на вскоре к полезному присоединилось там и приятное в виде изящных предметов. Если бы не размеры вагона, Мишель превратил бы его в настоящее ателье художника. Однако в этой металлической башне было достаточно просторно для трех человек. Внутренняя ее поверхность равнялась пятидесяти четырем квадратным футам, что при высоте в десять футов давало путешественникам известную свободу движений. Здесь им было просторнее, чем в самом комфортабельном американском железнодорожном купе.

Итак, вопрос о продовольствии и об освещении был разрешен. Оставался вопрос о воздухе. Было очевидно, что того возду-

ха, который путешественники захватят с собой внутри вагона, недостаточно на четверо суток. Как известно, взрослый человек в течение одного часа потребляет весь кислород, заключенный в ста литрах воздуха. Барбикен, его два спутника и две собаки, которых они решили захватить, должны были потреблять по 2400 литров кислорода в сутки, или, переводя на меры веса, по семь фунтов. Следовательно, необходимо было во время пути непрерывно восполнять потерю кислорода. Но каким образом? По способу Рейзе и Реньо, на который ссылался Мишель Ардан в своей речи на митинге.

Воздух, как известно, представляет собой смесь нескольких газов, главным образом кислорода и азота: примерно двадцать одна часть кислорода на семьдесят девять часов азота. Что же происходит при дыхании? Человек вбирает в легкие и в кровь некоторое количество кислорода, необходимое, чтобы поддержать его существование, и выдыхает азот нетронутым. Выдыхаемый воздух беднее кислородом приблизительно на пять процентов; вместо кислорода он содержит почти такое же количество углекислоты, которая образуется в организме при соединении кислорода с кровью. Если дышать в наглухо запертом помещении, то воздух мало-помалу теряет кислород и вместе с тем обогащается углекислотой — газом, не пригодным для дыхания.

Таким образом, вопрос сводился к следующему: во-первых, как заменять потребляемый кислород таким же количеством нового и, во-вторых, как удалять выдыхаемую углекислоту. Обе задачи легко разрешались с помощью хлорноватокислого калия и едкого натра.

Хлорноватокислый калий представляет собою вещество, состоящее из белых крупинок. При нагревании свыше четырехсот градусов он выделяет кислород и превращается в хлористый калий. Для получения семи фунтов кислорода, то есть количества, необходимого для суточного потребления путешественников, достаточно было взять восемнадцать фунтов хлорноватокислого калия. Вот каким путем восстанавливался запас кислорода.

Едкий натр — вещество, энергично поглощающее углекислоту, которая всегда находится в атмосфере. Стоит взболтать раствор едкого натра, и он тотчас начинает поглощать углекислоту, которая вместе с натром образует угленатровую соль. Вот каким образом устранялась углекислота.

Итак, одновременно добывая кислород и удаляя углекислоту, можно восстанавливать живительные свойства воздуха. Химики Реньо и Рейзе доказали это на целом ряде опытов. Однако эти опыты до сих пор производились только над животными. Поэтому, несмотря на весь авторитет упомянутых ученых, рискованно было подвергать подобному опыту людей при невозможности вовремя изменить его обстановку.

Таков был вывод, к которому единогласно пришли на заседании комитета, где обсуждался этот важный вопрос. Ми-

шель Ардан, желая удостовериться в пригодности способа Рейзе и Реньо, предложил испытать его на себе еще до отлета снаряда.

Но Дж. Т. Мастон энергично потребовал, чтобы именно ему предоставили честь такого испытания.

— Ведь вы не берете меня с собой! — заявил славный артиллерист. — Так дайте же мне по крайней мере пожить в снаряде хоть неделю!

Было бы жестоко отказать ему в этой скромной просьбе. Предложение Мастона было принято.

В его распоряжение предоставили достаточное количество хлорноваткислого калия и едкого натра, а также воды и съестных припасов на неделю. Начало опыта было назначено на 12 ноября, в шесть часов утра. Крепко пожав руку друзьям и строго-настрого запретив открывать дверцу снаряда раньше шести часов вечера 20 ноября, Мастон спустился в свою добровольную тюрьму. Тотчас же за ним герметически завинтили дверцу.

Что происходило внутри снаряда в продолжение недели? Этого нельзя было узнать. Толстые стенки снаряда не пропускали звуков.

20 ноября ровно в шесть часов вечера начали отвинчивать дверцу. Друзья Мастона несколько тревожились за его судьбу. Но они тотчас же успокоились, когда из глубины снаряда послышалось веселое громогласное «ура!».

Через несколько мгновений из люка на верхушке конуса с торжествующим видом появился секретарь «Пушечного клуба».

За время «опыта» он еще больше растолстел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Телескоп на Скалистых горах.

За год перед тем, 20 октября, после выяснения результатов подписки, Барбикен переслал в Кембриджскую обсерваторию сумму, достаточную для сооружения гигантского оптического прибора. Телескоп или труба-рефрактор должны были быть огромной мощности, чтобы обнаружить на поверхности Луны любой предмет более девяти футов в поперечнике.

Между отражательным телескопом и трубой-рефрактором имеется очень большое различие, о чем нелишне будет здесь напомнить. Рефрактор состоит из трубы, на верхнем конце которой расположено выпуклое чечевицеобразное стекло, называемое объективом. В нижнем конце трубы находится другая чечевица, называемая окуляром, в которую и смотрит наблюдатель. Лучи, исходящие от светящегося тела, проходят сквозь первую чечевицу и, преломляясь, дают в фокусе изображение в перевернутом виде. Окуляр увеличивает изображение, даваемое объективом, на манер лупы. Таким образом, астрономическая труба закрыта

в противоположных концах двумя стеклами — окуляром и объективом.

Напротив, отражательный телескоп — это труба, открытая в верхнем своем конце. В трубу непосредственно проникают лучи от наблюдаемого светящегося небесного тела и встречают большое металлическое вогнутое зеркало. Отражаясь от вогнутого зеркала, лучи сближаются друг с другом.

Затем эти отраженные лучи собираются во втором, небольшом зеркале, которое направляет их в окуляр, расположенный таким образом, чтобы увеличивать получающееся изображение.

Таким образом, в астрономической трубе главную роль играет рефракция (преломление) лучей, а в телескопе — рефлексия (отражение). Отсюда понятно, почему труба называется рефрактором, а телескоп — рефлектором. Главная трудность при изготовлении этих оптических приборов состоит в выделке объективов, то есть крупных чечевиц, и металлических зеркал.

Однако в эпоху, когда «Пушечный клуб» приступал к своему грандиозному опыту, изготовление астрономических труб достигло уже высокой степени совершенства и давало превосходные результаты. Далеко уже было то время, когда Галилей наблюдал небесные светила в свою жалкую трубку, увеличивавшую всего в тридцать раз! Начиная с XVI века зрительные трубы все расширялись и удлинялись и к середине XIX столетия позволяли уже далеко проникать в неведомые до тех пор глубины звездного неба. Наиболее замечательными рефракторами этой эпохи считались пулковский в России, стоивший 80 тысяч рублей, с объективом в 15 дюймов (38 сантиметров) в диаметре, труба французского оптика Леребура с объективом такой же величины и, наконец, рефрактор Кембриджской обсерватории с объективом в 19 дюймов (48 сантиметров).

Из отражательных телескопов своими огромными размерами и увеличительной силой издавна известны два. Первый, сооруженный Гершелем, имел 36 футов в длину; зеркало его достигало 4,5 фута в диаметре; он давал увеличение в шесть тысяч раз. Второй был сооружен лордом Россом в Биркастле, в парке Парсонстоуна, в Ирландии. Длина телескопа — 48 футов, вес 28 тысяч фунтов. Пришлось построить огромное каменное здание, чтобы вместить трубу и приспособления, посредством которых ею управляли. Зеркало его имело в диаметре шесть футов (1 метр 93 сантиметра). Рефлектор давал увеличение в 6400 раз.

Отсюда видно, что, несмотря на колоссальные размеры труб, даваемое ими увеличение в круглых числах не превышало шести тысяч раз. Такое увеличение приближает Луну лишь на расстояние 39 миль (16 лье), то есть позволяет различать на ее поверхности предметы не меньше 60 футов в диаметре.

Между тем по заданиям «Пушечного клуба» требовалось изготовить трубу, которая позволяла бы увидеть снаряд шириною в девять футов при длине в пятнадцать футов; следовательно,

требовалось приблизить Луну до расстояния не меньше пяти миль (двух лье), то есть добиться увеличения в 48 тысяч раз.

Такую задачу поставили перед Кембриджской обсерваторией. Решение ее облегчалось тем, что обсерватория могла затратить сколько угодно денег; но все же оставались трудности технического порядка.

Прежде всего обсерватория должна была выбрать тип трубы: рефрактор или рефлектор. Вообще говоря, по сравнению с рефлекторами рефракторы обладают большими преимуществами. При одинаковом размере объектива они дают возможность достичь большего увеличения, так как световые лучи, проходя сквозь чечевичное стекло, теряют меньший процент своей яркости, чем при отражении металлическим зеркалом телескопа. Но, с другой стороны, нельзя делать чечевицы особенно крупных размеров, так как толстое стекло чечевицы поглощает слишком много световых лучей. К тому же изготовление крупных чечевиц сопряжено с большими трудностями и требует значительного времени — нескольких лет.

Поэтому, хотя рефрактор дает более яркое изображение, что особенно важно при наблюдении Луны, которая освещается лишь отраженными солнечными лучами, — Кембриджская обсерватория решила остановиться на отражательном телескопе, так как его можно быстрее изготовить и он имеет несколько большую увеличительную силу. Ввиду того что световые лучи теряют свою силу, проходя сквозь атмосферу, особенно в нижних, наиболее плотных ее слоях, «Пушечный клуб» решил установить аппарат на одной из высочайших гор Соединенных Штатов, где воздух значительно более разрежен. Как мы видели, в телескопе производит увеличение окуляр, то есть лупа, расположенная перед глазами наблюдателя, и чем больше диаметр и фокусное расстояние объектива, тем больше он дает увеличение.

Окуляр увеличивает получающиеся в телескопе изображения, величина же этих изображений зависит от размеров зеркала, служащего объективом; следовательно, чтобы достигнуть увеличения в 48 тысяч раз, требовалось придать зеркалу телескопа значительно больший диаметр, чем в телескопах Гершеля и лорда Росса. В этом и заключалась наибольшая техническая трудность, так как отливка крупных металлических зеркал — операция весьма сложная.

К счастью, несколько лет тому назад член французского института известный ученый Леон Фуко добился значительного облегчения и ускорения зеркала стеклянным, покрытым слоем серебра. Отливка стекла нужных размеров и серебрение его не представляют особых трудностей. Понятно, что Кембриджская обсерватория остановилась на способе Фуко.

Объектив решили установить по методу, примененному Гершелем при конструкции его телескопов.

В большом аппарате астронома Слау изображение предме-

та, отраженное наклонным зеркалом, установленным внизу трубы, направляется в окуляр, находящийся в верхнем конце трубы. Таким образом, наблюдатель, вместо того чтобы стоять внизу, поднимается в верхнюю часть огромного цилиндра и смотрит в лупу. Это делает ненужным второе маленькое зеркало, направляющее изображение в окуляр. Таким образом, изображение выигрывает в яркости, избегнув вторичного отражения. А это было особенно важно ввиду предстоящих специальных наблюдений.

Когда комитетом были приняты все нужные решения, приступили к изготовлению телескопа. Согласно расчетам бюро Кембриджской обсерватории труба нового рефлектора должна была быть длиною в 280 футов, а зеркало — диаметром в 16 футов. Правда, несколько лет тому назад астроном Гук предлагал построить телескоп в 10 тысяч футов длиной, в сравнении с которым телескоп «Пушечного клуба» показался бы детской игрушкой. Тем не менее установка нового аппарата была связана с огромными трудностями.

Вопрос о выборе места для установки телескопа был быстро решен. Требовалось поставить его на высокой горе, а высоких гор в Соединенных Штатах не так много.

В самом деле, орографическая система этой огромной страны охватывает всего две горные цепи средней высоты, между которыми протекает величественная Миссисипи; американцы называли бы ее «королевой рек», если бы они признавали королевскую власть.

На востоке — это Аппалачский хребет, наивысшая точка которого, в Нью-Гэмпшире, — достигает весьма скромной высоты 5600 футов.

На западе высятся Скалистые горы, составляющие часть той огромной горной цепи, которая начинается у Магелланова пролива, затем под названием Анд и Кордильеров тянется вдоль всего западного побережья Южной Америки, образует Панамский перешеек и проходит через всю Северную Америку до берегов Северного Ледовитого океана.

Скалистые горы также не особенно высоки: Альпы и Гималаи имели бы право смотреть на них «с высоты своего величия». В самом деле, наивысшая точка Скалистых гор достигает лишь 10 701 фута над уровнем моря, тогда как Монблан возвышается на 14 439, а Кинчинджунга — на 26 776 футов.

Но так как «Пушечный клуб» постановил, чтобы его обсерватория находилась на территории Соединенных Штатов, то пришлось выбирать лишь между отдельными вершинами Скалистых гор. Избрана была вершина Лонгспик в штате Миссури; к подножию этой горы и был направлен весь необходимый строительный материал.

Трудно передать словами, сколько препятствий всякого рода пришлось при этом преодолеть американским инженерам, какие чудеса мужества и ловкости были ими проявлены. Это был на-

стоящий подвиг! Пришлось поднимать на гору огромные камни, массивные железные балки, тяжелые желоба, крупные части цилиндрической трубы и объектив весом около 30 тысяч фунтов — поднимать выше линии вечных снегов, на высоту более 10 тысяч футов. Нелегко было подвозить эти материалы через пустынные степи, лесные дебри и бешеные горные потоки, вдали от населенных центров, без дорог, в дикой, непроходимой местности. Понадобилась вся энергия американских рабочих и вся изобретательность инженеров, чтобы довести дело до благополучного конца. В последних числах октября, то есть меньше чем через год от начала работ, колоссальный рефлектор на вершине Лонгспика уже поднимал к небу свою 280-футовую трубу. Труба была установлена на громадном железном помосте, причем благодаря остроумным механизмам можно было легко ею управлять: вращать во все стороны, наводить на все точки неба и следить за движением любого светила от восхода его в одной части горизонта до захода в другой.

Телескоп обошелся в 400 тысяч долларов. Когда его в первый раз навели на Луну, наблюдателей охватило чувство любопытства и тревоги. Что обнаружится в поле этого телескопа, увеличивающего наблюдаемые предметы в 48 тысяч раз? Быть может, лунные жители, стада лунных животных, озера, моря или города?

Но нет! Телескоп не обнаружил на Луне ничего такого, что не было бы известно раньше. Тщательное обследование лунной поверхности только лишний раз подтвердило вулканическое строение земного спутника.

Телескоп Скалистых гор, прежде чем перейти к специальным наблюдениям, успел оказать большие услуги астрономии. Благодаря его мощности удалось исследовать самые отдаленные участки небесной сферы и чрезвычайно точно измерить диаметр многих звезд. Между прочим, Кларк, астроном Кембриджской обсерватории, смог определить строение так называемой «scad nebula»¹ в созвездии Тельца, чего не удавалось достигнуть даже с помощью телескопа лорда Росса.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Последние приготовления.

Наступило 22 ноября. До торжественной минуты выстрела оставалось всего десять дней. Все уже было готово, кроме одной весьма сложной и опасной операции, требовавшей величайших предосторожностей, операции, против которой капитан Николь держал свое третье пари. Надо было зарядить колумбиаду, то есть опустить в нее четыреста тысяч фунтов пироксилина. Капитан Николь предсказывал — и не без основания, — что если

¹ Крабовидная туманность (англ.).

спуск такого огромного количества пироксилина и сойдет благополучно, то эта взрывчатая масса сама собою взорвется, как только ее придавит тяжелый снаряд.

Опасность усиливалась еще легкомысленной беспечностью американцев, которые, как известно, во время гражданской войны имели привычку заряжать бомбы, не вынимая сигары из рта.

Обидно было бы потерпеть крушение у самой цели! Поэтому Барбикен выбрал самых надежных рабочих и ни на одну минуту не спускал с них глаз; благодаря принятым им мерам предосторожности были созданы все условия для успеха этой опасной операции.

Прежде всего он распорядился, чтобы пироксилин подвозили в ограду Стонзхилла постепенно, в тщательно закупоренных больших ящиках. Вся масса пироксилина была разделена на тюки весом в пятьсот фунтов каждый, что составило восемьсот пироксилиновых патронов, тщательно приготовленных самими искусными фейерверкерами Пенсакольского арсенала. Десять таких тюков упаковывались в большой ящик, и поезд подвозил по одному такому ящику. Таким образом, в ограде Стонзхилла никогда не было одновременно более пяти тысяч фунтов пироксилина.

Тотчас же по прибытии ящик разгружался босыми рабочими; каждый тюк осторожно переносился к отверстию колумбиады; затем его опускали на дно с помощью лебедок, приводившихся в движение человеческими руками. Были потушены не только все паровые машины, но и все огни на две мили кругом. Необходимо было также предохранить пироксилин от действия лучей солнца, хотя и ноябрьского. Поэтому работы производились преимущественно по ночам, при электрическом свете. Ток вырабатывали аппараты Румкорфа, освещаая колумбиаду до самого дна светом, не уступающим по яркости дневному. Патроны пироксилина складывались на дне в строгом порядке и соединялись друг с другом тщательно изолированной металлической проволокой, по которой ток должен был мгновенно передаться каждому из них.

Выстрел из колумбиады предполагалось произвести при помощи электрического запала. Для этого проволоки от всех патронов соединялись в общий провод, который пропусклся через отверстие, просверленное в чугунной стенке пушки, как раз на том уровне, где должен был находиться снаряд, а оттуда проникал в одну из отдушин, оставленных в каменной кладке для выхода газов при отливке колумбиады. Поднявшись до вершины Стонзхилла, этот провод тянулся затем по столбам на расстоянии более двух миль и, пройдя через выключатель, примыкал к сильнейшей батарее гальванических элементов Бунзена. Достаточно было нажать пальцем на кнопку, чтобы замкнуть ток и мгновенно воспламенить четыреста тысяч фунтов пироксилина.

28 ноября все восемьсот патронов пироксилина были уложены на дне колумбиады. По этой части удача была полная. Но сколько суеты, хлопот и тревог выпало на долю Барбикена! Несмотря на строжайший запрет доступа публики внутрь ограды Стоунхилла, каждый день множество любопытных ухитрялось незаметно перелезть через ограду, а некоторые из непрошенных гостей совершали настоящие безумства, закуривая сигары среди тюков взрывчатой смеси! Барбикен выходил из себя, а Дж. Т. Масто́н, стараясь ему помочь, яростно бросался в погоню за празднующающимися и подбирая брошенные ими дымящиеся окурки сигар. Это была тяжелая задача, потому что около ограды теснились десятки тысяч зевак. Мишель Ардан вызвался сопровождать ящики до отверстия колумбиады. Но однажды Барбикен застал такую сцену: Ардан преследовал безрассудных курильщиков, но — увы! — с зажженной сигарой в зубах, подавая им ужасный пример. Пришлось убрать этого неисправимого курильщика и учредить за ним строжайший надзор. Но providence покровительствует артиллеристам: никто не взлетел на воздух, и колумбиаду благополучно зарядили пироксилином.

Третьему пари капитана Николя грозила участь первых двух. Но оставалось еще опустить огромный снаряд в колумбиаду на толстый слой хлопчатобумажного пороха.

Прежде чем приступить к этой последней операции, нужно было разместить в вагоне-снаряде вещи, необходимые в пути. Вещей набралось очень много, а если бы дали волю Ардану, то не осталось бы места для самих путешественников. Трудно себе представить, какое количество всякой всячины собирался захватить с собой на Луну восторженный француз. Это была целая выставка безделушек и бесполезных предметов. Пришлось Барбикену вмешаться и оставить только самое необходимое.

Несколько термометров, барометров и подзорных труб были уложены в специально изготовленный ящик.

Чтобы наблюдать за Луной во время полета, а также для путешествий по ее поверхности, путники взяли с собой превосходную карту — известную *Марра selenographica*¹ Бэра и Мэдлера, отпечатанную на четырех листах и справедливо считающуюся шедевром своего рода. Эта карта воспроизводила с замечательной точностью мельчайшие детали на поверхности Луны, обращенной к Земле: горы, долины, цирки, кратеры, пики, борозды, их сравнительные размеры, их названия, начиная с гор Дерфеля и Лейбница, возвышающихся у восточного края Луны, до *Маре frigoris*² возле северного полюса земного спутника.

Понятно, что такая карта была особенно драгоценна для наших путешественников: они могли подробно изучить географию Луны, еще не ступив на нее ногой.

¹ Лунная карта (лат.).

² Море холода (лат.).

Они захватили также три винтовки, три охотничьих ружья с разрывными пулями и порядочный запас пороха и дроби.

— Неизвестно, с кем придется столкнуться там, на Луне,— говорил Мишель Ардан,— и люди тамошние и звери могут встретить нас весьма недружелюбно. Надо принять меры предосторожности.

Необходимо также было захватить с собой разного рода одежду, приспособленную для всех климатических поясов, начиная с полярного и кончая тропическим.

Кроме оружия, нужно было взять кирки, заступы, ручные пилы и другие необходимые инструменты.

Мишель Ардан намеревался поместить в вагоне еще нескольких животных различной породы. Правда, он не собирался брать туда «всякой твари по паре», ибо не считал нужным разводить на Луне змей, аллигаторов, тигров и других хищных зверей.

— Хорошо бы захватить,— говорил он Барбикену,— кое-какую скотинку: быка и корову, лошадку или осла. Они были бы нам полезны, а кроме того, украсили бы лунный пейзаж.

— Все это прекрасно, дорогой Ардан! — возразил Барбикен.— Но наш вагон уж никак не Ноев ковчег. И размеры у него не те, да и цель совсем иная. Итак, не будем выходить за пределы возможного.

После долгих споров было решено захватить двух собак — породистую охотничью суку, принадлежавшую Николю, и великопного, сильного нью-фаундленда. Согласились взять несколько ящиков семян наиболее полезных растений, но отвергли мешки с садовой землей, которую Ардан считал необходимой для посева. Ему разрешили взять с дюжину саженцев полезных деревьев; тщательно упакованные в соломе, они были помещены в одном из углов вагона.

Оставался существенный вопрос — о съестных припасах, так как можно было предвидеть, что на Луне не окажется ни растительности, ни животных, Барбикен ухитрился захватить продуктов на целый год. Разумеется, съестные припасы могли состоять только из мясных и овощных консервов, подвергнутых действию гидравлического пресса, доведенных до минимального объема и содержащих большое количество питательных веществ.

Конечно, это не обещало особенно разнообразного и вкусного стола, но странно было бы предъявлять какую-либо требовательность к пище в условиях такого путешествия. Воды решено было захватить лишь на два месяца, ибо после новейших наблюдений, сделанных астрономами, никто не сомневался, что на Луне должно было встретиться некоторое количество воды. Кроме того, надеялись, что на Луне найдется кое-какая живность. У Мишеля Ардана не было никаких сомнений на этот счет. Если бы они были, он ни за что не согласился бы лететь туда.

— Впрочем,— сказал он,— разве у нас не остались друзья на Земле, которые о нас позаботятся?

— О, еще бы! — с жаром воскликнул Мастон.

— Позвольте! Что вы хотите этим сказать? — спросил Николь.

— Что может быть проще? — ответил Ардан. — Разве колумбиада не останется на своем месте? Так вот, всякий раз, как Луна окажется в условиях, благоприятных для прицела, по крайней мере в зените, если не в перигее, то есть примерно раз в год, — разве нельзя будет пускать туда бомбы, начиненные съестными припасами, которые долетят к нам в заранее намеченный день?

— Ура! ура! — крикнул Мастон вне себя от восторга. — Вот это здорово придумано! Разумеется, дорогие друзья, мы о вас не забудем.

— Я сильно на это рассчитываю! — продолжал Ардан. — Итак, мы будем регулярно получать известия с Земли. Какая же нам цена, если мы не придумаем, как переписываться с нашими милыми земными друзьями!

Уверенность, которой дышала речь Мишеля Ардана, его решительный вид, его восхитительная самонадеянность способны были увлечь по его стопам «Пушечный клуб» в полном составе. Все, что он говорил, было так понятно, так азбучно просто, так наглядно, так легко достижимо, что, право же, надо было питать какую-то исключительную, и притом неразумную, привязанность к нашему жалкому земному шару, чтобы не умчаться на Луну вслед за тремя смельчаками.

Когда багаж и мебель были размещены в кабине, в пространство между дном снаряда и временным деревянным полом впустили воду, которая должна была своей упругостью ослабить толчок; затем накачали светильный газ в баллоны. Хлорноватокислого калия и едкого натра, ввиду возможных задержек в пути, взяли в таком количестве, чтобы хватило на добывание кислорода и поглощение углекислоты в течение двух месяцев. Для очищения воздуха и снабжения его кислородом устроен был очень остроумный автоматический прибор. Таким образом, вагон-снаряд был окончательно оборудован. Оставалось лишь опустить его в колумбиаду. Это был весьма трудный и опасный момент.

Огромный вагон-снаряд подвезли на рельсах до вершины Стонзхилла. Там его подхватили мощные подъемные краны, и он повис над жерлом колумбиады.

Это была поистине захватывающая минута! Что, если цепи не выдержат такой огромной тяжести? Тогда сорвавшийся с них снаряд упадет на дно пушки и своим ударом взорвет пироксилин...

Но все обошлось благополучно. Снаряд спускался в канал пушки плавно, медленно, равномерно. Через несколько часов он уже покоился на слое хлопчатобумажного пороха, как на пухо-

вой подушке. Давление снаряда еще лучше спрессовало слои пироксилина.

— Я проиграл! — заявил капитан, вручая председателю «Пушечного клуба» три тысячи долларов кредитными билетами.

Барбикен не хотел брать эти деньги, говоря, что теперь он уже не соперник Николя, а его спутник и товарищ, но пришлось уступить упрямому капитану, который, расставаясь с Землей, желал выполнить все свои земные обязательства.

— В таком случае, мой дорогой капитан, мне остается вам еще кое-чего пожелать! — воскликнул Мишель Ардан.

— Чего же именно?

— Чтобы вы выиграли и остальные два пари! Ибо только при этом условии мы достигнем своей цели.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Выстрел.

Наступило первое декабря, роковой день, в который должен был произойти выстрел колумбиады. Если бы в этот день, ровно в 10 часов 46 минут 40 секунд вечера, не состоялся выстрел, то «Пушечному клубу» пришлось бы ждать целых восемнадцать лет, чтобы повторились те же благоприятные для выстрела условия, то есть совпадение зенита Луны с ее перигеем.

Погода была великолепная. Несмотря на приближение зимы, солнце ярко блестело, заливая волнами света и тепла ту самую Землю, которую трое ее сынов собирались покинуть для завоевания нового мира.

Многим дурно спалось накануне этого долгожданного дня. Тяжким бременем давили грудь последние часы ожидания. Сердце невольно замирало от тревожных мыслей...

Один только Мишель Ардан составлял исключение. Этот удивительный человек был такой же, как всегда, живой и деятельный, такой же веселый и беспечный, не обнаруживая ни тени тревоги или озабоченности. Сон его в эту ночь был крепок и безмятежен. Таким богатырским сном спал на лафете пушки Тюренн накануне сражения.

Уже с самого раннего утра несметная толпа покрывала неоглядные равнины, окружающие Стонзхилл. Каждые четверть часа поезда подвозили все новые массы любопытных. Это нашествие на Стонзхилл приняло прямо баснословные размеры; если верить отчетам «Тампа-Таун Обсервер», пять миллионов человек съехались в этот день во Флориду, чтобы присутствовать при выстреле колумбиады...

Уже больше месяца, как в городе не хватало квартир, и большая часть приезжих вынуждена была разместиться в походных палатках и наспех построенных домишках вокруг Стонзхилла. Эти постройки положили начало городу, который впоследствии

получил название Арданс-Таун. Степь была усеяна хижинами, бараками, навесами и всевозможными палатками, и в этих временных жилищах ютилось население, численности которого могли бы позавидовать даже крупные города Европы.

Все народы Земли, казалось, имели тут своих представителей. Слышался говор на всевозможных языках. Это было поистине смешение языков, как в библейские времена при построении Вавилонской башни. Здесь смешались все классы американского общества. Банкиры, земледельцы, моряки, маклеры, комиссионеры, хлопковые плантаторы, торговцы, судовладельцы, чиновники бесцеремонно толкали друг друга и тут же знакомились. Креолы из Луизианы братались с фермерами из Индианы; джентльмены из Теннесси и Кентукки, изящные и надменные виргинцы запросто разговаривали с полудикими звероловами из области Великих озер и скотопромышленниками из Цинциннати. Особенно выделялись креолы и южане испанского происхождения. В белых широкополых касторовых шляпах или в классических панاماх, в кричащих цветов ботинках, в брюках Опилуса, в нарядных полотняных светло-желтых блузах с вычурными батистовыми жабо, эти шеголи выставляли у себя на груди, на галстуках, манжетах, на всех десяти пальцах и даже в ушах целую коллекцию драгоценностей — колец, запонок, цепочек, серег и брелоков, на редкость дорогих и на редкость безвкусных. Их жены, дети и слуги, разряженные не менее пышно и не менее безвкусно, всюду следовали гурьбой за своими отцами, мужьями и хозяевами, которые походили на вождей первобытного племени, окруженных своими многочисленными родичами.

Особенно любопытно было смотреть на этих пришельцев в обеденные часы, когда они набрасывались на свои любимые южные блюда, истребляя их с аппетитом, угрожавшим пищевым запасам Флориды. Правда, европейцев стошнило бы от их яств вроде фрикассе из лягушек, тушеной обезьяны, жареных двутубов, кровавого бифштекса из опоссума и биточков из енота.

Зато какие только напитки не подавались к этим неудобоваримым блюдам! А сколько их поглощалось! В ресторанах, барах и тавернах на полках и столах красовались батареи стаканов, кружек, графинов, кувшинов и бутылок самых разнообразных размеров и вычурных форм, вперемешку со ступками для толчения сахара и пучками соломинок. У обеденных столов стоял невообразимый шум и гам. Продавцы наперебой предлагали всевозможные напитки.

— Мятное прохладительное! Кому мятной прохлады? — кричал один оглушительным голосом.

— Сангари на бордосском вине! — пронзительно пищал другой.

— Джин-смерч, джин-смерч! — ревел третий.

— Коктейль! Бренди-наповал! — голосил четвертый.

— Кому угодно настоящего мятного прохладительного по по-

следней моде? — И ловкий торговец тут же на глазах у всех, с быстротой фокусника, кидал в стаканы куски сахара, лимона, свежего ананаса, толченого льда, лил туда настойку зеленой мяты, коньяк и воду, приготавливая прохладительное питье.

В обычные дни эти разноголосые пронзительные крики, обращенные к разгоряченным пряностями пьянчугам, сливались в оглушительный гам. Но в день 1 декабря этих выкриков почти не было слышно. Продавцы напитков только охрипли бы без толку, предлагая свой товар. Тут было не до еды, не до питья; многие зрители ничего не ели с самого утра, позабыв о своем обычном ленче. Волнение и любопытство одержали верх даже над врожденной страстью американцев к картам и другим азартным играм. Кегли валялись на земле, игральные кости покоились в стаканчиках, колоды карт, на которые был всегда огромный спрос для игры в крабидж, вист, «двадцать одно», «красное и черное», «монтэ» и «фаро», даже не распечатывались. Предстоящее знаменательное событие отвлекало всех от будничных интересов и развлечений.

Весь день, до самого вечера, в толпе бродило и нарастало глухое волнение, словно ожидание катастрофы, смутная, неизъяснимая тревога. Всех томило гнетущее чувство, болезненно сжимавшее сердце. Всякий страстно желал, чтобы «все это» поскорее кончилось...

Однако к семи часам тяжелое безмолвие внезапно рассеялось. Над горизонтом взошла полная Луна. Грозовым протяжным «ура» — из миллионов уст — встречено было ее появление. Луна точно, минута в минуту, явилась на свидание. Долго не смолкали восторженные крики, рукоплескания гремели со всех сторон. А светлокудрая Феба спокойно сияла на дивном южном небе, лаская нежными, приветливыми лучами возбужденную толпу.

В эту минуту у ограды Стонзхилла появились бесстрашные герои предстоящего путешествия. При виде их толпа разразилась восторженными приветственными криками. Внезапно раздалась звуки американского национального гимна. Тысячи голосов подхватили мотив, и «Янки дудл» вознесся к небу бурей звуков.

После этого неудержимого порыва, когда замерли последние звуки гимна, толпа притихла, и лишь глухой гул выдавал ее глубое волнение.

Тем временем француз и два американца вошли в ограду, вокруг которой теснилась толпа. За ними следовали члены «Пущечного клуба» и многочисленные депутаты от европейских обсерваторий. Барбикен — спокойный и хладнокровный, как всегда, — отдавал на ходу последние приказания. Следом за ним твердым, размеренным шагом выступал Николь, крепко сжав губы и заложив руки за спину. Мишель Ардан шагал с сигарой в зубах, обмениваясь направо и налево горячими прощальными

рукопожатиями, которые он щедро расточал. На нем был невероятно просторный дорожный костюм из коричневого бархата, охотничья сумка через плечо и кожаные краги. Он не переставая сыпал шутками, смеялся, острил, поддразнивая, как мальчишка, почтенного Дж. Т. Масто́на. Он оставался до последней минуты истым французом, более того — истым парижанином.

Пробило десять часов. Для путешественников настало время занять места в вагоне-снаряде, так как спуск на дно колумбиады, завинчивание люка снаряда и уборка подъемной машины, поставленной у жерла колумбиады, должны были занять известное время.

Барбикен поставил свой хронометр с точностью до десятой доли секунды по хронометру Мерчисона, которому поручили посредством электрического запала произвести выстрел. Таким образом, путешественники могли следить внутри снаряда за бесстрастной стрелкой, которая должна была указать мгновение их отлета.

Настала минута прощания. Сцена была трогательная. Ли хорадо́чная веселость Ардана не помешала ему почувствовать глубокое волнение. У Масто́на скатилась из-под его сухих век горькая слеза, словно сберегавшаяся долгие годы ради этого случая. И Масто́н уронил эту слезу на чело своего любимого председателя.

— А что, не сесть ли и мне с вами? — шепнул он. — Есть еще время...

— Невозможно, старина! — ответил Барбикен.

Через несколько минут трое путешественников были уже в снаряде и завинчивали его дверцу изнутри; в то же время сверху поспешно убрали подъемную машину, и жерло колумбиады, освобожденное от последних пут, смотрело прямо в небо.

Николь, Барбикен и Мишель Ардан были уже заперты в металлическом вагоне.

Кто мог бы изобразить волнение зрителей? Оно достигло крайних пределов.

Луна плыла в прозрачно-чистом небе, затмевая своим ясным светом мерцание звезд; она находилась в этот момент в созвездии Близнецов, почти на одинаковом расстоянии между горизонтом и зенитом. Всякий понимал, что не туда будет направлен прицел колумбиады, а выше — подобно тому как целются не прямо в бегущего зверя, а в некую точку впереди него.

Воцарилось мертвое молчание. Ни единого дуновения ветерка! Ни единого слова из миллионов уст! Каждый притаил дыхание, каждый задерживал биение своего сердца. Все взгляды были прикованы к зияющему жерлу колумбиады...

Мерчисон между тем напряженно следил за стрелками своего хронометра. До выстрела оставалось еще сорок секунд. Каждая из них казалась столетием.

На двадцатой секунде толпа дрогнула. Многим пришла в го-

лову мысль, что и там, внутри снаряда, отважные путешественники также считают эти страшные секунды! Из толпы стали вырываться отдельные крики:

— Тридцать пять! Тридцать шесть! Тридцать семь! Тридцать восемь! Тридцать девять! Сорок! Пли!!!

Мерчисон нажал кнопку выключателя, замкнул ток и метнул электрическую искру в глубину колумбиады.

Раздался ужасный, неслыханный, невероятный взрыв! Невозможно передать его силу — он покрыл бы самый оглушительный гром и даже грохот извержения вулкана. Из недр земли взвился гигантский сноп огня, точно из кратера вулкана. Земля содрогнулась, и вряд ли кому из зрителей удалось в это мгновение усмотреть снаряд, победоносно прорезавший воздух в вихре дыма и огня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Пасмурная погода.

Когда из колумбиады вместе со снарядом вырвался чудовищный сноп пламени, он осветил всю Флориду, а в Стонзхиллской степи, на огромном расстоянии, ночь на мгновение сменилась ярким днем. Гигантский огненный столб видели в Атлантическом океане и в Мексиканском заливе на расстоянии более ста миль. Многие капитаны судов занесли в свои путевые журналы появление необычайных размеров метеора.

Выстрел колумбиады сопровождался настоящим землетрясением. Флориду встряхнуло до самых недр. Пироксилиновые газы, вырвавшись из жерла гигантской пушки, с необычайной силой сотрясли нижние слои атмосферы, и этот искусственный ураган пронесся над Землей с быстротой, во много раз превышавшей скорость самого яростного циклона.

Ни один зритель не удержался на ногах: мужчины, женщины, дети — все повалились наземь, как колосья, подкошенные бурей. Произошла невообразимая суматоха; многие получили серьезные ушибы. Мاستон, который, вопреки благоразумию, вылез вперед, за назначенную для зрителей предельную черту, был отброшен на двадцать туазов и, пролетев, точно снаряд, через головы сограждан, упал на землю. Триста тысяч человек на несколько минут совершенно оглохли, и на них словно напал столбняк.

Воздушная волна, вызванная выстрелом, вмиг опрокинула хижины и мелкие постройки вокруг Стонзхилла, вырвала с корнем множество деревьев на двадцать миль в окружности, погнала железнодорожные составы до самого Тампа и, обрушившись лавиной на город, повалила около сотни домов; между прочим, пострадала церковь Пресвятой девы и новое здание Биржи, которое растрескалось сверху донизу. В гавани столкнулось несколько судов и пошло ко дну; с десятка кораблей, стоявших на

рейде, порвали якорные цепи, как бумажные нити, после чего их сразу выбросило на берег.

Опустошения распространились еще дальше, за пределы территории Соединенных Штатов. Искусственный вихрь, усиленный действием западного ветра, пролетел над Атлантическим океаном на триста миль от американского берега. Разразилась яростная буря, совершенно неожиданная, которую не мог предвидеть даже сам адмирал Фиц-Рой. Ужасный смерч врасплох захватил несколько парусных судов, которые погибли прежде, чем успели убрать паруса. Между прочим, жертвой этой случайной бури стал большой ливерпульский корабль «Чайльд Гарольд». Эта прискорбная катастрофа вызвала сильнеешие нарекания со стороны Англии.

Наконец, чтобы не упустить ни одно из свидетельств об этой буре, нужно сказать, что спустя полчаса после выстрела колумбиады туземцы Сьерра-Леоне и Горей ощутили сотрясение и глухой шум: это были раскаты звуковых волн, прокатившихся от Флориды до Западной Африки, через всю ширь Атлантического океана. Впрочем, это сообщение основано лишь на рассказах немногих туземцев.

Но вернемся во Флориду. После первой минуты замешательства сотни тысяч ушибленных, оглохших и сваленных с ног зрителей очнулись, и воздух задрожал от исступленных криков:

— Ура Ардану! Ура Барбикену! Ура Николю!

Затем к небу направились десятки тысяч биноклей, лорнетов и подозрных труб. Забыв прежние волнения, забыв об ушибах и ранах, все напряженно вглядывались в небесное пространство, пытаясь найти черную точку, в которую должен был превратиться устремившийся вверх снаряд. Но все старания были напрасны. Волей-неволей приходилось дожидаться телеграммы из Лонгспика. Директор Кембриджской обсерватории Дж. Бельфаст был уже на своем посту, в Скалистых горах; ему, как опытному, искусному астроному, были поручены наблюдения за полетом снаряда.

Произошло явление совершенно неожиданное — хотя его, собственно говоря, вполне можно было предвидеть, — помеха непреодолимая, мучительное для всех испытание.

Дело в том, что ясная за последние дни погода внезапно изменилась: все небо заволокли густые тучи. Да и разве могло быть иначе после такого ужасного смещения атмосферных слоев и рассеяния огромного количества паров и газов, произведенных взрывом четырехсот тысяч фунтов пироксилина? Равновесие сил природы было поколеблено. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, ведь и при морских сражениях неоднократно наблюдалось изменение погоды, вызванное артиллерийскими залпами.

На другой день, когда взошло солнце, все небо было покрыто тучами, словно тяжелой, непроницаемой завесой, которая растянулась на огромное расстояние, захватив даже Скалистые горы.

Это было несчастье, насмешка судьбы! Со всех концов Соединенных Штатов поднялись горькие жалобы. Но это мало тронуло мать-природу: жители Земли сами возмутили атмосферу выстрелом колумбиады и теперь должны были терпеть все последствия своего поступка.

Тщетно весь день десятки тысяч людей поглядывали на небо в надежде, что тучи разойдутся. Впрочем, и при ясном небе никто во Флориде все равно не увидел бы снаряда, ибо он летел по направлению, полученному при выстреле ночью, а Земля, вследствие суточного вращения, была днем обращена к противоположной стороне неба.

Наступила ночь, а Луна не показалась; разумеется, она в свое время взошла над горизонтом, но оставалась невидимой из-за густых, непроглядных туч,— точно с умыслом пряталась она от взоров дерзких смертных, которые осмелились в нее стрелять. Наблюдения были совершенно невозможны, и телеграмма с Лонгспика только подтвердила это досадное обстоятельство.

Однако, если опыт удался, отважные путешественники, покинувшие Землю 1 декабря, в 10 часов 46 минут 40 секунд вечера, должны были долететь до Луны четвертого числа, в полночь. Волей-неволей публика примирилась с мыслью, что до этого срока никакие наблюдения невозможны; к тому же все наконец поняли, что им все равно не увидеть снаряда во время его полета.

Уже 4 декабря, в ясную погоду, с восьми вечера до полуночи, можно было бы усмотреть снаряд в виде черной точки на фоне блестящего лунного диска. Но небеса оставались по-прежнему непроницаемыми, и американцы прямо-таки разъярились на Луну. Многие дошли до того, что осыпали ее бранью и проклятиями. Печальный пример человеческого непостоянства!

Дж. Т. Мэстон впал в совершенное отчаяние. Наконец он не вытерпел и отправился в Лонгспик. Он решил, что должен сам производить наблюдения. Он не сомневался, что его друзья уже пролетели весь свой путь. Если бы путешествие не удалось, снаряд неминуемо упал бы обратно на Землю — на какой-нибудь материк или остров, и об этом тотчас бы телеграфировали. Правда, снаряд мог упасть и в океан, который занимает три четверти земной поверхности,— однако Мэстон ни на мгновение не допускал такой мысли.

Настало 5 декабря. Телеграф известил, что в Европе безоблачное небо и что все крупные телескопы Старого Света — трубы Гершеля, Росса, Фуко и прочие — неизменно направлены на земного спутника; но эти аппараты были слишком слабы для того, чтобы заметить снаряд колумбиады.

6 декабря — та же погода. Жестокое нетерпение охватило три четверти земного шара. Начали придумывать самые нелепые способы разогнать сгустившиеся в атмосфере пары.

7 декабря небо несколько изменилось, облака начали как буд-

то расходиться. Американцы воспрянули духом, но ненадолго — к вечеру тучи снова заволокли небо, закрывая Луну и звезды.

Дело принимало серьезный оборот. Действительно, 11 декабря в 9 часов 11 минут утра Луна должна была вступить в последнюю четверть. После этого она должна была пойти на ущерб, и даже, если бы погода прояснилась, шансы на успешное наблюдение значительно снижались. Ведь с каждым днем Луна будет все убывать, пока не наступит новолуние, когда земной спутник становится невидимым. И только 3 января, в 12 часов 44 минуты дня, должно было наступить полнолуние, при котором удобно вести наблюдения.

Газеты печатали все эти данные и прибавляли к ним всевозможные соображения и догадки, не скрывая от американской публики, что ей придется вооружиться терпением.

8 декабря — никаких перемен. Девятого показалось было солнце, но его встретили криками и бранью, и, точно обидевшись на американцев, оно снова спряталось за густыми тучами.

10 декабря — снова без перемен. Дж. Т. Масто́н чуть не сходил с ума от горя. Друзья стали тревожиться за состояние его мозга, который до того времени прекрасно сохранялся в его искусственном гуттаперчевом черепе.

Но одиннадцатого числа разразился один из тех ужасных ураганов, которые свойственны тропическим странам. Яростным восточным ветром разогнало тучи, скопившиеся над большей частью Соединенных Штатов, и к вечеру на фоне созвездий величественно всплыло светило ночи, правда уже наполовину ущербленное.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Новое светило.

В эту же ночь пролетело по всем Соединенным Штатам долгожданное известие из Лонгспика, а затем оно перебросилось по атлантическому кабелю и телеграфным проводам во все культурные центры земного шара. Снаряд колумбиады был, наконец, замечен благодаря колоссальному рефлектору Лонгспика.

Вот текст подробного сообщения директора Кембриджской обсерватории. В нем дано научное заключение о результате изумительного опыта «Пушечного клуба».

«Лонгспик, 12 декабря.

Членам бюро Кембриджской обсерватории.

Снаряд, выпущенный колумбиадой в Сто́нзхилле, усмотрен Бельфастом и Масто́ном 12 декабря в 8 часов 47 минут вечера, в момент вступления Луны в последнюю ее четверть. Снаряд не долетел до места назначения. Он летел мимо Луны, но настолько близко, что попал в сферу лунного притяжения.

Его прямолинейное движение превратилось в криволинейное,

обладающее необычайно большой скоростью. В настоящее время снаряд движется вокруг Луны по эллиптической орбите, став таким образом настоящим спутником Луны.

Свойства нового небесного тела еще не могут быть определены. Неизвестно время обращения его вокруг Луны, а также продолжительность оборота вокруг оси. Нынешнее же расстояние его от поверхности Луны можно приблизительно определить в 2833 мили (4500 лье).

Ввиду этого возникают две гипотезы о последующем движении ядра колумбиады: либо притяжение Луны возобладает и тогда путники достигнут цели путешествия; либо, сохраняя ту же орбиту, снаряд вечно будет обращаться вокруг Луны.

Какое окончательное направление примет движение снаряда, покажет будущее, а в данный момент можно лишь сказать, что попытка «Пушечного клуба» имела тот результат, что Солнечная система обогатилась еще одним небесным телом.

Дж. Бельфаст».

Сколько вопросов породила эта неожиданная развязка. Сколько еще неведомого открылось для научных исканий! Благодаря отчаянной смелости трех человек и их беззаветной преданности науке такая легкомысленная, казалось бы, затея, как выстрел в Луну, дала уже огромный результат, предвещавший множество непредвиденных последствий. Если отважные путники и не достигли своей цели, то все же они проникли в лунный мир. Они теперь, как новое светило, «обращались» вокруг спутника Земли, и впервые человеческий глаз мог с такого близкого расстояния проникать в тайны лунной поверхности. Имена Ардана, Барбикена и Николя должны были навсегда остаться в летописях астрономии, так как эти отважные исследователи, в стремлении расширить круг человеческих знаний, смело ринулись в небесное пространство, отдав жизнь за успех небывалого, самого фантастического предприятия новейших времен.

Как бы то ни было, полученное с Лонгспика известие поразило весь земной шар изумлением и ужасом. Возможно ли оказать какую-нибудь помощь трем соотечественникам-героям? Очевидно, нет, потому что они вышли за пределы, поставленные творцом для жителей Земли.

Живы ли они? Воздуха у них хватит на два месяца, съестных припасов — на год. Что же с ними будет потом?

При этом страшном вопросе содрогались сердца самых черствых людей.

Один только человек не хотел допустить, что положение безнадежно. Один только он верил в спасение путешественников. Это был их преданный друг, такой же смелый и решительный, как они, — достойнейший Дж. Т. Мэстон.

К тому же он не терял их из виду. Наблюдательный пост в

Лонгспике стал его жилищем; его горизонт был ограничен зеркалом колоссальной трубы. Как только Луна показывалась у горизонта, он тотчас же включал ее в поле зрения телескопа, ни на минуту не теряя ее из виду, напряженно следя за ее передвижением среди небесных созвездий. С неизменным, изумительным терпением дожидался он «прохождения» снаряда через лунный диск, и поистине можно сказать, что Масто́н оставался в постоянном общении со своими друзьями. Он ни на минуту не терял надежды снова увидеться с ними в один прекрасный день.

— Мы наладим сигнализацию с ними,— говорил он всем, кто хотел его слушать,— как только обстоятельства позволят. Получим от них новости и перешлем им свои. Я их знаю, это люди изобретательные. Они захватили с собой все богатства искусства, науки и техники. А с такими сокровищами можно добиться всего на свете! Помяните мое слово: они найдут способ выйти из своего трудного положения — они вернутся на Землю!

ВОКРУГ ЛУНЫ

ГЛАВА ВСТУПИТЕЛЬНАЯ,
*которая подводит итоги первой части и служит
предисловием ко второй.*

В течение 186... года весь мир был поражен необычайным по смелости научным опытом, беспрецедентным в истории ученых исследований. Члены «Пушечного клуба», основанного группой артиллеристов в Балтиморе после Гражданской войны в Америке, задумали установить связь с Луной — да, да, с Луной, не более и не менее, — пустив в нее ядро из пушки. Председатель клуба Барбикен, автор проекта, заручившись советами астрономов Кембриджской обсерватории, подготовил все необходимое для выполнения этого неслыханного предприятия, которое, впрочем, сведущие люди признали вполне осуществимым. Организовав повсеместную подписку, собравшую около тридцати миллионов франков, он приступил к грандиозным работам.

На основании докладной записки, составленной астрономами обсерватории, орудие, из которого будет выпущен снаряд, должно быть установлено в местности, расположенной между 0° и 28° северной или южной широты и нацелено на Луну прямо в зенит. Ядро должно обладать первоначальной скоростью в 12 тысяч ярдов в секунду. Снаряд, выпущенный 1 декабря в 10 часов 46 минут 40 секунд вечера, должен достичь Луны через четыре дня после вылета, а именно 5 декабря ровно в полночь, в момент, когда Луна будет находиться в перигее, то есть ближе всего к Земле, иными словами на расстоянии 86 тысяч 410 лье.

Влиятельные члены «Пушечного клуба», председатель Барбикен, майор Эльфистон, секретарь Дж. Т. Мэстон, и другие ученые на нескольких заседаниях обсудили вопросы о форме и составе ядра, о типе и положении орудия, о качестве и количестве пороха. Было решено следующее. Во-первых, снаряд будет полым шаровидным ядром в 108 дюймов диаметром, с толщиной стенок в 12 дюймов и весом в 19 250 фунтов. Во-вторых, орудием будет пушка типа колумбиады, в 900 футов длиной, отлитая из чугуна и врытая отвесно прямо в землю. В-третьих, на пороховой заряд потребуется 400 тысяч фунтов пироксилина, который, вы-

делив при взрыве шесть миллиардов литров газов, с достаточной силой вытолкнет снаряд по направлению к ночному светилу.

После того как эти вопросы были разрешены, председатель Барбикен с помощью инженера Мерчисона выбрал подходящее место на возвышенности во Флориде, на $27^{\circ} 7'$ северной широты и $5^{\circ} 7'$ западной долготы. На этой площадке после грандиозных работ была с успехом отлита колумбиада.

Так обстояли дела, когда неожиданное событие еще во сто крат усилило всеобщий интерес к этому великому предприятию.

Некий француз, предприимчивый парижанин, остроумный и отважный, художник в душе, объявил, что желает лететь внутри ядра, чтобы высадиться на Луне и произвести обследование земного спутника. Этого неустрашимого искателя приключений звали Мишель Ардан. Он прибыл в Америку, был встречен с энтузиазмом, выступил на митинге, откуда его с триумфом вынесли на руках, заставил председателя Барбикена помириться с его смертельным врагом капитаном Николем и, в знак полного примирения, убедил их обоих лететь вместе с ним внутри снаряда.

Предложение было принято. Форму снаряда решили изменить. Вместо круглого он стал цилиндро-коническим. Этот своего рода воздушный вагон снабдили мощными пружинными буферами и разбивными перегородками, чтобы ослабить силу толчка при выстреле. Упаковали запасы провизии на целый год, воды — на несколько месяцев и газа — на несколько дней. Особый аппарат автоматически вырабатывал и подавал кислород в количестве, достаточном для дыхания троих путешественников. В то же самое время по заданию «Пушечного клуба» был сооружен на одной из высоких вершин Скалистых гор гигантский телескоп, чтобы следить оттуда за полетом ядра в небесном пространстве. Словом, все было подготовлено.

И вот 1 декабря, в назначенный час, при громадном стечении народа вылет состоялся, и три человека, впервые в истории покинув земной шар, устремились в межпланетное пространство, твердо уверенные, что достигнут цели путешествия. Отважные исследователи, Мишель Ардан, председатель Барбикен и капитан Николь, должны были завершить свой перелет за 97 часов 13 минут 20 секунд. Следовательно, их прибытие на поверхность лунного диска могло состояться только 5 декабря, как сообщалось в некоторых плохо осведомленных газетах.

Однако произошло непредвиденное явление: детонация, произведенная выстрелом колумбиады, повлекла за собой внезапное сотрясение земной атмосферы и скопление громадного количества водяных паров. Обстоятельство это вызвало всеобщее возмущение, так как Луна на много ночей скрылась за тучами от взоров наблюдателей.

Доблестный Дж. Т. Масто́н, самый преданный друг троих путешественников, в сопровождении почтенного Дж. Бельфа́ста, директора Кембриджской обсерватории, отправился на Скали-

стые горы и прибыл в Лонгспик, где был установлен мощный телескоп, приближающий Луну на расстояние двух лье. Достойный секретарь «Пушечного клуба» пожелал лично проследить весь путь своих отважных друзей.

Скопление облаков в атмосфере сделало невозможным 5, 6, 7, 9 и 10 декабря всякие наблюдения. Опасались даже, что наблюдения придется отложить до 3 января следующего года, так как Луна, вступив с 11 декабря в последнюю четверть, окажется на ущербе, что помешает следить за полетом снаряда.

Но вот, наконец, ко всеобщему удовлетворению, сильный ураган разогнал тучи в ночь с 11 на 12 декабря, и Луна, сильно ущербленная, ярко засияла на черном фоне неба.

В ту же ночь с наблюдательного поста в Лонгспике полетела телеграмма, отправленная Мастоном и Бельфастом в адрес бюро Кембриджской обсерватории.

Что же сообщалось в телеграмме?

Она гласила: снаряд, выпущенный колумбиадой в Стонзилле, усмотрен Бельфастом и Мастоном 11 декабря в 8 часов 47 минут вечера; снаряд, отклонившись по неизвестной причине, не долетел до Луны, но пролетел настолько близко, что попал в сферу лунного притяжения; прямолинейное движение ядра превратилось в движение по кривой, и ныне, обращаясь по эллиптической орбите вокруг ночного светила, оно стало его спутником.

Телеграмма добавляла, что свойства нового небесного тела пока еще не могут быть установлены. Действительно, чтобы окончательно определить его свойства, требовалось произвести три последовательных наблюдения над новым спутником в трех его различных положениях. Далее сообщалось, что расстояние, отделяющее снаряд от лунной поверхности, можно приблизительно исчислить в 2833 мили, то есть в 4500 лье.

В заключение высказывались две гипотезы: или притяжение Луны возобладает, и тогда путники достигнут цели путешествия, или же снаряд, следуя по той же орбите, будет обращаться вокруг лунного диска до окончания веков.

Какая же судьба ожидает путешественников при любой из двух возможностей? Правда, съестных припасов им хватит на некоторое время. Но даже если предположить, что их дерзкое предприятие увенчается успехом, каким образом они возвратятся обратно? Удастся ли им вообще вернуться? Узнают ли когда-нибудь люди, что с ними случилось? Все эти вопросы необычайно волновали публику и с жаром обсуждались в печати всеми современными авторитетами.

Здесь уместно сделать одно замечание, над которым не мешало бы подумать иным исследователям, склонным к поспешным выводам. Если ученый решает обнародовать какое-либо чисто теоретическое умозаключение, он должен действовать как можно осмотрительнее. Никто вас не принуждает открывать планету, или комету, или новый спутник, и тот, кто ошибется в

подобном случае, неизбежно подвергнет себя насмешкам толпы. Значит, лучше подождать, и именно так следовало поступить нетерпеливому Дж. Т. Мاستону, прежде чем пустить по всему свету пресловутую телеграмму, сообщающую, по его мнению, последнее слово о результатах знаменитого опыта.

В самом деле, в телеграмме были допущены двоякого рода ошибки, что и подтвердилось впоследствии. Во-первых, ошибки в наблюдении, касающиеся расстояния между поверхностью Луны и снарядов, ибо его немислимо было усмотреть в указанный срок, 11 декабря, и то, что явилось или померещилось Дж. Т. Мастону на небосклоне, никак не могло быть ядром колумбиады. Во-вторых, ошибки теоретические, касающиеся судьбы упомянутого ядра, ибо счесть его спутником Луны значило бы вступить в полное противоречие с основными законами механики.

Лишь одна из гипотез наблюдателей с Лонгспика могла подтвердиться, а именно: что путешественники — если они еще живы — приложат все усилия, чтобы с помощью лунного притяжения достигнуть поверхности светила.

Как бы то ни было, но эти умные и отважные люди благополучно перенесли страшный толчок при вылете, и об их-то путешествии в вагоне-снаряде мы и собираемся рассказать со всеми удивительными и драматическими подробностями. Рассказ этот разрушит множество иллюзий и опровергнет немало догадок, но зато даст правдивую картину всех трудностей и неожиданностей, связанных с подобного рода опытом, а также покажет во всем блеске научные таланты Барбикена, находчивость практичного Николя и веселую отвагу Мишеля Ардана.

Кроме того, наш рассказ докажет, что их достойный друг Дж. Т. Мастон только даром терял время, когда, свесившись над трубой исполинского телескопа, наблюдал за движением Луны по звездным пространствам.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Между 10 часами 20 минутами и 10 часами 47 минутами вечера.

Ровно в десять часов Мишель Ардан, Барбикен и Николь распростились со всеми друзьями, которых они оставляли на Земле. Две собаки, предназначавшиеся для разведения собачьей породы на Луне, уже сидели в снаряде. Путешественники приблизились к отверстию огромной колумбиады. Подъемная машина тотчас спустила их в жерло вплоть до конической вершины снаряда.

Отсюда через специальный люк они проникли в свой алюминиевый вагон. Канаты и блоки были тотчас же вытянуты наружу, и жерло колумбиады освободилось от всех лесов и площадок.

Очутившись с товарищами в снаряде, Николь немедленно принялся завинчивать его отверстие плотной металлической крышкой, укрепленной изнутри нажимными винтами; такие же

плотно пригнанные крышки закрывали толстые выпуклые стекла иллюминаторов. Путешественники, герметически закупоренные в металлической тюрьме, погрузились в глубочайший мрак.

— Ну, дорогие попутчики,— сказал Ардан,— моя специальность — домашний уют, и я — отличный хозяин. Пожалуйста, не церемоньтесь и чувствуйте себя как дома. Прежде всего надо как можно удобнее и уютнее расположиться в нашей новой квартире. Для начала я нахожу, что у нас темновато. Не для кротов же, черт возьми, изобретен газ!

С этими словами беззаботный француз чиркнул спичкой о подошву своего сапога и поднес ее к газовому рожку на баллоне, в котором под сильным давлением хранился запас светильного газа. Этот запас был рассчитан для освещения и отопления снаряда в течение ста сорока четырех часов, или шести суток.

Газ загорелся, и при его свете пассажиры увидели комфортабельную комнату со стеганой обшивкой по стенам, круглым диваном и сводчатым потолком.

Все находившиеся в снаряде предметы — оружие, посуда, приборы — были плотно пригнаны к стенам и укреплены на стеганых прокладках, так что могли выдержать самое сильное сотрясение. Для осуществления рискованного предприятия предусмотрели все, что только было в человеческих силах.

После тщательного осмотра Мишель Ардан заявил, что очень доволен новым помещением.

— Это, конечно, тюрьма,— сказал он,— но тюрьма летучая. И если бы только нам дозволено было хоть изредка высовывать нос из окна, я подписал бы на такую квартиру арендный договор сроком хоть на сто лет. Чему ты усмехаешься, Барбикен? Уж не думаешь ли ты, что этот снаряд станет нашим гробом? Да хоть бы и так, я все-таки не променяю его на Магометов гроб, который болтается из стороны в сторону на одном месте.

Пока Мишель Ардан разглагольствовал, Барбикен и Николь заканчивали последние приготовления.

Хронометр Николя показывал двадцать минут одиннадцатого вечера, когда три путешественника окончательно замуровались в снаряде. Этот хронометр был поставлен по часам инженера Мерчисона с точностью до десятой секунды. Барбикен взглянул на него и сказал:

— Друзья мои, теперь ровно двадцать минут одиннадцатого. В десять часов сорок семь минут двадцать секунд Мерчисон пустит электрический ток по проводу, соединенному с зарядом колумбиады. В ту же минуту мы оторвемся от Земли. Значит, нам остается всего-навсего двадцать семь минут.

— Двадцать шесть минут и сорок секунд,— поправил педантичный Николь.

— Ну что ж,— воскликнул неунывающий Ардан.— За двадцать шесть минут можно еще наделать пропасть дел. Можно обсудить глубочайшие моральные и политические проблемы и да-

же разрешить их. Двадцать шесть дельно использованных минут стоят двадцати шести лет безделья! Несколько секунд жизни Паскаля или Ньютона стоят целой жизни какого-нибудь глупца или бездельника.

— Так что же из этого следует, неугомонный болтун? — спросил Барбикен.

— Следует только то, что нам остается целых двадцать шесть минут.

— Теперь уже только двадцать четыре, — опять поправил Николь.

— Хорошо, только двадцать четыре, дорогой капитан. Двадцать четыре минуты, в течение которых можно с успехом углубить и обсудить...

— Мишель, — перебил его Барбикен, — у нас будет достаточно досуга для самых глубокомысленных рассуждений во время перелета, а теперь лучше бы заняться приготовлениями к отъезду.

— А разве не все готово?

— Разумеется, все готово, но следовало бы еще кое-что сделать, чтобы ослабить, насколько возможно, первоначальный толчок.

— А ты разве забыл воду в разбивных перегородках? Ее упругость предохранит нас от любого толчка.

— Я надеюсь, Мишель, — мягко сказал Барбикен, — но все-таки неуверен...

— Ну и шутник! Он «надеется»! Он «неуверен»! Он дожидался, пока нас совсем закупорят, чтобы сделать такое печальное признание! Я требую, чтобы меня сейчас же выпустили отсюда!

— Выпустили? Да как же это сделать? — спросил Барбикен.

— Действительно, теперь это трудновато. Мы сидим в вагоне и через двадцать четыре минуты услышим свисток кондуктора.

— Через двадцать, — поправил Николь.

Несколько мгновений путешественники молча глядели друг на друга; затем осмотрели все находившиеся при них вещи.

— Все в порядке, — сказал Барбикен, — все на месте. Теперь надо решить, как бы получше разместиться, чтобы легче выдержать толчок от выстрела. Какое положение наиболее выгодно? Прежде всего надо предотвратить приток крови к голове.

— Совершенно верно, — заметил Николь.

— Ну так встанем вверх ногами, как клоуны в цирке! Чего же лучше! — воскликнул Ардан, готовясь тотчас же привести в исполнение свою выдумку.

— Нет, нет, — возразил Барбикен, — лучше всего лечь на бок. Лежа на боку, мы легче перенесем толчок. Заметьте, что в момент выстрела никакого значения не будет иметь, находимся ли мы внутри снаряда или впереди него.

— Ну, раз это не имеет никакого значения, я могу быть спокоен, — сказал Мишель Ардан.

— Одобряете ли вы мою мысль, Николь? — спросил Барбикен.

— Вполне, — отвечал Николь. — Остается тринадцать с половиной минут.

— Наш Николь не человек, — воскликнул Мишель Ардан, — а ходячий хронометр с секундомером на восьми камнях...

Но товарищи уже не слушали его; с nepocтипижимым хладнокровием они заканчивали последние приготовления к вылету. Со стороны их можно было принять за двух аккуратных пассажиров, которые со всеми удобствами располагаются в железнодорожном купе. Спрашивается, из чего только сделаны сердца у этих американцев! Их пульс не ускоряется даже в минуту самой страшной опасности.

В снаряд были положены три толстых, туго набитых тюфяка. Николь и Барбикен вытащили их на середину диска, образующего подвижной пол. На эти тюфяки путешественники намеревались улечься за несколько минут до выстрела.

Неугомонный Ардан суетился и вертелся в своей тесной тюрьме, как он называл снаряд, словно дикий зверь в клетке. Он без умолку болтал с друзьями и с собаками — Дианой и Сателлитом, которым, как мы помним, он незадолго до отъезда дал эти символические клички.

— Эй, Диана, сюда! Эй, Сателлит! — кричал он, подбадривая собак. — Ко мне! Мы с вами покажем лунным собакам, как ведут себя псы на Земле! То-то прославится ваша собачья порода! Черт возьми! Приведись нам только вернуться назад, мы уж конечно привезем с собой новую, скрещенную породу «лундогов», которая произведет здесь страшнейший фурор.

— Если только на Луне водятся собаки! — заметил Барбикен.

— Разумеется, водятся, — уверенно заявил Мишель Ардан. — Там водятся и лошади, и коровы, и ослы, и куры. Держу пари, что мы найдем там кур.

— Пари на сто долларов, что их там нет, — заявил Николь.

— Принимаю вызов, капитан! — воскликнул Ардан, пожимая руку Николу.

— Впрочем, ты уже трижды проиграл пари с нашим председателем: деньги для нашего полета собраны, выплавка снаряда удалась как нельзя лучше и, наконец, зарядка колумбиады выполнена без малейшей аварии, — итого ты, стало быть, проиграл шесть тысяч долларов!

— Ну что ж, ну и проиграл, — согласился Николь. — Десять часов тридцать семь минут шесть секунд!

— Прекрасно, капитан. Не пройдет, значит, и четверти часа, как тебе придется отсчитать председателю девять тысяч долларов: четыре тысячи за то, что колумбиаду не разорвало, и пять тысяч за то, что снаряд взлетит дальше, чем на шесть миль.

— Что ж, доллары со мной, — отвечал Николь, спокойно хлопнув себя по карману, — и я охотно расплачусь.

— Я вижу, Николь, что ты человек порядка, чего я никогда не мог сказать про себя. И все-таки позволь тебе заметить, что все твои пари — верный убыток.

— Почему?

— Да потому, что если ты выиграешь, значит, колумбиада взорвется, а с ней и снаряд... И тогда Барбикен не сможет заплатить тебе свой проигрыш.

— Моя ставка внесена в Балтиморский банк, — вмешался Барбикен, — и если Николь погибнет, деньги достанутся его наследникам.

— Фу-ты, что за практичные люди! — воскликнул Ардан. — Чем меньше я вас понимаю, тем более вам удивляюсь.

— Сорок две минуты одиннадцатого! — сказал Николь.

— Остается всего пять минут, — заметил Барбикен.

— Да, всего-навсего! — воскликнул Мишель Ардан. — А мы закупорены в снаряде, в стволе девятисотфутовой пушки! И под снарядом — четыреста тысяч фунтов пироксилина, что равняется шестнадцати тысячам фунтам обычного пороха. Наш приятель Мерчисон с хронометром в руке вперился сейчас в стрелку, положил палец на электрическую кнопку, отсчитывает секунды и готовится швырнуть нас в межпланетное пространство.

— Будет тебе шутить, Мишель! — серьезно сказал Барбикен. — Приготовимся! От торжественной минуты нас отделяет всего несколько мгновений. Пожмем друг другу руки, друзья!

— Да, да, всего несколько секунд, — подхватил Ардан, не в силах скрыть волнение.

Трое смельчаков обнялись в последний раз.

— Храни нас бог, — сказал набожный Барбикен.

Ардан и Николь растянулись на тюфяках, положенных в середине диска.

— Десять часов сорок семь минут! — прошептал капитан.

— Еще двадцать секунд!

Барбикен проворно погасил газ и улегся около товарищей.

Безмолвие прерывалось только стуком хронометра, отбивавшего секунды.

Вдруг друзья почувствовали страшной силы сотрясение, и снаряд под давлением шести миллиардов литров газа, образовавшегося от взрыва пироксилина, взлетел в пространство.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые полчаса.

Что же произошло? Какие последствия имело это страшное сотрясение? Удалось ли остроумным конструкторам снаряда добиться желаемых результатов? Удалось ли смягчить удар благодаря пружинам, стеганым прокладкам, водяным буферам и разбивным перегородкам? Выдержали ли они невероятный толчок скоростью в одиннадцать тысяч метров, которого было бы доста-

точно, чтобы в одну секунду пересечь весь путь от Парижа до Нью-Йорка? Вот какие вопросы занимали и волновали миллионы свидетелей необычайного события. В эти минуты никто уже не помнил о цели путешествия, все думали только о самих путешественниках. Что же увидели бы в снаряде провожающие вроде Дж. Т. Масто́на, доведись им хоть одним глазком заглянуть в него?

Да ровно ничего.

В яре царствовал глубочайший мрак. Но цилиндро-конические стенки выдержали выстрел как нельзя лучше: ни одной трещинки, ни одного прогиба, ни одной деформации. Чудесный снаряд ничуть не испортился от неимоверного взрыва — не расплавился, не пролился алюминиевым дождем на землю, как опались иные скептики.

Внутри снаряда все было в порядке. Некоторые предметы только сильно подбросило вверх, но самые нужные из них нисколько не пострадали. Их крепления оказались в полной сохранности.

На подвижном диске, опустившемся до утолщенного дна снаряда, после того как сплющились перегородки и вылилась заполнявшая их вода, лежали три неподвижных тела. Живы ли были Барбикен, Николь и Ардан? Или же снаряд превратился в металлическую гробницу и уносил в пространство только их трупы?

Через несколько минут одно из тел зашевелилось. Руки задыгались, голова приподнялась. Человек встал на колени. Это был Мишель Ардан. Ощупав себя и испустив громкий вздох, он заявил:

— Мишель Ардан целехонек! Посмотрим, что с другими.

Бравый француз хотел встать, но не смог устоять на ногах. Голова у него кружилась, от бурного кровообращения он словно ослеп и шатался, как пьяный.

— Брр! — сказал он. — Точно выпил две бутылки кортона. Только, пожалуй, это не так приятно.

Ардан провел несколько раз рукой по лбу, потер виски.

— Николь! Барбикен! — крикнул он громко и со страхом прислушался.

Ответа не было.

Ни одного вздоха, который сказал бы ему, что сердца его товарищей еще бьются. Он позвал вторично. То же молчание.

— Черт возьми! — проговорил Ардан. — Они словно с пятого этажа вниз головой свалились! Ба! — прибавил он с обычной непоколебимой уверенностью. — Уж если француз мог стать на колени, то американцы-то уж наверняка вскочат на ноги! Однако прежде всего исследуем обстановку.

Ардан чувствовал, что жизнь быстро к нему возвращается: кровь отлила от головы, пульс бился ровнее. Несколько новых

усилий вернули ему равновесие. Ему удалось встать на ноги и вынуть из кармана фосфорные спички.

От трения спичка зажглась, и он поднес ее к газовому рожку. Газовый баллон был цел: газ не улетучился. Впрочем, в случае утечки Ардан почувствовал бы запах газа, да и не мог бы безнаказанно зажечь спичку в помещении, наполненном светильным газом. Соединясь с воздухом, газ образовал бы взрывчатую смесь, и взрыв, может быть, довершил бы то, что начало сотрясение.

Как только газовый рожок вспыхнул, Ардан склонился над своими товарищами. Они лежали друг на друге и казались бездыханными. Николь лежал сверху, Барбикен снизу.

Ардан поднял капитана, прислонил к дивану и принялся что есть мочи растирать его. Усердный и умелый массаж привел Николь в чувство. Он открыл глаза, и к нему тотчас же вернулось привычное хладнокровие. Схватив Ардана за руку и озираясь по сторонам, он спросил:

— А Барбикен?

— Всякому свой черед,— спокойно отвечал Ардан.— Я начал с тебя, потому что ты лежал сверху, а теперь примемся за Барбикена.

Они вместе приподняли председателя «Пушечного клуба» и положили его на диван. Барбикен, по-видимому, пострадал сильнее своих товарищей. Он был весь в крови. Николь, однако, скоро убедился, что кровотечение вызвано легкой раной в плече — пустичной царапиной, которую он тотчас же тщательно перевязал.

Однако Барбикен не скоро пришел в себя и перепугал друзей, не шадивших сил на растирание.

— Он еще дышит,— сказал Николь, прикладывая ухо к груди раненого.

— Да,— отвечал Ардан,— дышит, как человек, привыкший к этому ежедневному процессу. Растирай его, растирай сильнее!

Оба массажиста работали так усердно, что Барбикен, наконец, пришел в сознание. Он открыл глаза, приподнялся, взял за руки обоих друзей, и первыми его словами были:

— Ну что, Николь, летим?

Николь и Ардан переглянулись.

Они еще не успели подумать о снаряде. Их первой заботой были пассажиры, а не вагон.

— В самом деле, где мы? — спросил Ардан.— Летим мы или нет?

— Может быть, мы преспокойно лежим на флоридской земле? — спросил Николь.

— Или на дне Мексиканского залива? — добавил Ардан.

— Что вы! — воскликнул Барбикен.

Обе догадки, высказанные друзьями, тотчас вернули его к действительности.

Как бы там ни было, пока еще невозможно было сказать что-нибудь достоверное относительно состояния снаряда. Кажущая-

ся неподвижность его и отсутствие всякого сообщения с внешним миром не позволяли решить этого вопроса. Может статься, снаряд летел по траектории в межпланетном пространстве, а может быть, поднявшись на короткое время вверх, он упал на землю или в Мексиканский залив... Принимая во внимание незначительную ширину Флоридского полуострова, падение в Мексиканский залив представлялось вполне вероятным.

Дело было нешуточное, и задача чрезвычайно интересная. Надо было разрешить ее как можно скорее. Барбикен, взволнованный, усилием воли преодолевая физическую слабость, поднялся на ноги и прислушался. Снаружи — глубочайшее безмолвие. Стены были так толсты, что не пропускали ни малейшего звука. Но одно обстоятельство поразило Барбикена: температура внутри снаряда сильно повысилась. Барбикен вынул из футляра термометр: он показывал сорок пять градусов по Цельсию!

— Мы летим! — сказал Барбикен. — Мы летим! Эта удушающая жара проникает сквозь стенки снаряда! Она объясняется трением ядра об атмосферные слои. Скоро она спадет, потому что мы несемся уже в пустоте. И после того как мы чуть не задохнулись от зноя, нам придется вытерпеть жестокий холод.

— Почему же? — спросил Ардан. — По-твоему, Барбикен, мы уже за пределами земной атмосферы?

— Конечно, Мишель, разумеется. Слушай! Сейчас пятьдесят пять минут одиннадцатого. Мы вылетели восемь минут назад. Если бы скорость полета не уменьшилась от трения снаряда о воздух, нам было бы достаточно шести секунд, чтобы преодолеть шестнадцать лье земной атмосферы.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь, — но насколько, по-вашему, снизилась от трения наша начальная скорость?

— На одну треть, Николь, — отвечал Барбикен. — Это снижение действительно громадно, но оно соответствует моим расчетам. Таким образом, если начальная скорость снаряда равнялась одиннадцати тысячам метров, то по выходе из атмосферы она должна была снизиться до семи тысяч трехсот тридцати двух метров. Что бы там ни было, этот перегон мы уже миновали и...

— И наш друг Николь проиграл оба пари, — перебил Ардан. — Четыре тысячи долларов за то, что колумбиада не взорвалась, и пять тысяч долларов за то, что снаряд поднялся выше шести миль. Ну-ка, Николь, раскошеливайся.

— Проверим сначала, — ответил капитан. — А за расплатой дело не станет. Весьма возможно, что предположения и расчеты Барбикена совершенно верны и что я проиграл девять тысяч долларов. Но мне приходит в голову другое соображение, которое лишает смысла самое пари.

— Какое же? — встрепенулсся Барбикен.

— А такое, что по той или по другой причине искра не попала в порох, и мы не взлетели.

— Черт возьми, капитан, — вскричал Мишель Ардан. — Вот

гипотеза, которую даже такой невежда, как я, может мигом опровергнуть. Ты говоришь глупости. А толчок, который нас чуть было не прикончил? Не я ли приводил тебя в чувство? А рана на плече председателя, которая все еще кровоточит...

— Согласен, Мишель,— ответил Николь,— но позволь задать тебе один вопрос.

— Есть, капитан.

— Ты слышал выстрел, который, несомненно, должен быть оглушительным?

— Нет,— отвечал озадаченный Ардан,— я действительно не слышал выстрела.

— А вы, Барбикен?

— Я тоже не слышал.

— Ну так как же? — спросил Николь.

— В самом деле странно,— пробормотал председатель.— Отчего же мы не слышали выстрела?

Приятеля недоуменно переглянулись.

Они столкнулись с необъяснимым явлением. Снаряд полетел, значит, должен быть и выстрел!

— Погодите,— сказал Барбикен,— сначала осмотримся, где мы. Откроем-ка ставни.

Эта простая операция была тотчас же выполнена. Гайки, которые сдерживали болты наружных ставен, поддались нажиму английского ключа; болты были выдвинуты наружу, и металлические пробки, обшитые каучуком, мгновенно заткнули болтовые отверстия. Наружная ставня, как крышка на шарнире, тотчас опустилась и обнажила вставленное в раму выпуклое стекло иллюминатора. Такое же окно имелось на другой стене снаряда. Третье — было устроено в куполе, четвертое — на полу, на дне снаряда. Таким образом через боковые окна можно было в двух противоположных направлениях наблюдать небо, а через верхний и нижний иллюминатор — Луну и Землю. Барбикен с товарищами кинулись к окну.

В окно не проникал ни один луч света. Снаряд был окружен полнейшим мраком.

— Нет, друзья, мы не упали на Землю! — воскликнул Барбикен.— И не погрузились на дно Мексиканского залива! Нет, мы несемся в пространстве! Взгляните только на сверкающие во мраке звезды и на непроницаемую темноту, сгустившуюся между нами и Землей!

— Ура! Ура! — в один голос вскричали Николь и Ардан.

Густой мрак действительно подтверждал, что снаряд покинул Землю, так как иначе путешественники видели бы земную поверхность, ярко освещенную в эту минуту лунным светом. Темнота доказывала также, что снаряд уже прорезал земную атмосферу, в противном случае рассеянный в воздушном слое свет отражался бы на его металлических стенках. Этот свет проникал

бы и в окна, а они оставались неосвещенными. Сомнения не было. Путешественники действительно оторвались от Земли.

— Я проиграл,— признал Николь.

— С чем тебя и поздравляю! — сказал Ардан.

— Получите девять тысяч долларов,— сказал капитан, вынимая из кармана пачку банковых билетов.

— Прикажете расписку в получении? — спросил Барбикен, беря деньги.

— Если это вас не затруднит,— ответил Николь.— Порядок никогда не помешает.

И Барбикен серьезно и флегматично, словно он сидел у себя в конторе, вынул записную книжку, вырвал из нее чистый листок, набросал карандашом расписку по всем правилам бухгалтерии, расписался, проставил дату, приложил печать и вручил расписку Николу, который бережно спрятал ее в свой портфель.

Мишель Ардан, сняв фуражку, отвесил товарищам безмолвный поклон. Такой формализм в подобных условиях лишил его дара речи. Ардан отроду не видел ничего более «американского»...

Покончив с деловыми формальностями, Барбикен и Николь снова подошли к окну и принялись разглядывать созвездия. На черном фоне неба звезды выделялись яркими точками, но Луны с этой стороны нельзя было видеть, потому что, двигаясь с востока на запад, она мало-помалу приближалась к зениту. Ее отсутствие удивило Ардана.

— Где же Луна? — сказал он.— Неужели наше свидание с ней не состоится?

— Успокойся,— ответил Барбикен.— Наша будущая «Земля» на своем месте, но с этой стороны мы не можем ее видеть. Отворим другое боковое окно.

Барбикен уже двинулся было к противоположному ставню, как вдруг его внимание было привлечено каким-то приближающимся блестящим предметом. Это был сверкающий шар, колоссальные размеры которого трудно было определить. Поверхность шара, обращенная к Земле, была ярко освещена. Его можно было принять за какую-то маленькую Луну, отражавшую свет большой Луны. Шар двигался с необычайной быстротой и описывал, по-видимому, вокруг Земли кривую, пересекавшую траекторию летящего снаряда. Поступательное движение этого тела дополнялось вращением его вокруг своей оси; таким образом, оно в своем полете ничем не отличалось от других небесных тел, движущихся в пространстве.

— Это еще что же такое? — воскликнул Мишель Ардан.— Еще один снаряд?

Барбикен не ответил. Появление этого громадного небесного тела удивило и встревожило его. Он понимал, что их ядро вполне могло столкнуться с неизвестным болидом и такая встреча грозила путешественникам самыми плачевными последствиями, либо отклонив снаряд с его пути, либо ударом повергнув его обрат-

но на Землю; либо, наконец, этот астероид вследствие непреодолимой силы притяжения мог увлечь снаряд за собой.

Председатель Барбикен быстро оценил все три возможности, которые тем или иным путем привели бы его предприятие к роковому концу. Его спутники безмолвно уставились в пространство. Шар, приближаясь, все увеличивался, и вследствие известной оптической иллюзии путешественникам казалось, что снаряд летит прямо ему навстречу.

— Тысяча чертей! — воскликнул Мишель Ардан. — Поезда вот-вот столкнутся!

Путешественники инстинктивно подались назад. Их ужас был неопишем, но продолжался недолго. Астероид пронесся в нескольких стах метрах от снаряда и исчез так же внезапно, как и появился. Это объяснялось не столько быстротой его полета, сколько тем, что его поверхность, обращенная к Луне, быстро потухла в непроглядном мраке.

— Счастливого пути! — проговорил Мишель Ардан со вздохом облегчения. — Подумайте только! Неужели же вселенная так мала, что какое-то жалкое ядро не может на свободе прогуляться по небу? Что это за важная особа, эта планета, которая чуть было нас не сшибла? Кто знает?

— Я знаю, — сказал Барбикен.

— Ты всегда все знаешь, чтоб тебе неладно было!

— Да, это простой болид, но болид очень крупный, который благодаря силе притяжения Земли превратился в ее спутник.

— Неужто? Стало быть, у Земли две Луны? Как у Нептуна!

— Да, Мишель, две Луны, хотя считается, что Луна — единственный спутник Земли. Вторая Луна так мала и скорость ее до того громадна, что жители Земли не в состоянии ее обнаружить. Французский астроном Пти на основании известных отклонений планет сумел установить наличие второго спутника Земли и дать его характеристику. По его наблюдениям этот болид якобы обращается вокруг Земли за три часа двадцать минут, то есть с невероятной быстротой.

— Все ли астрономы признают существование этого спутника? — спросил Николь.

— Нет, не все, — отвечал Барбикен, — но если бы он им встретился, как сейчас нам, они перестали бы в нем сомневаться. А знаете, мне пришло в голову, что этот болид, который здорово насолил бы нам, столкнись он со снарядом, поможет нам теперь определить наше положение в пространстве.

— Каким образом? — удивился Ардан.

— А вот каким. Расстояние его от Земли известно, значит, в той точке, где мы его встретили, мы находились на расстоянии восьми тысяч ста сорока километров от поверхности земного шара.

— Ого, свыше двух тысяч миль! — воскликнул Ардан. — Ку-

да же годятся перед такой скоростью поезда-экспрессы нашей жалкой планеты — Земли!

— Еще бы! — сказал Николь, взглянув на хронометр. — Сейчас одиннадцать часов, а мы покинули американский континент всего только тринадцать минут тому назад.

— Неужели же всего только тринадцать минут? — удивился Барбикен.

— Да, ровно тринадцать, — подтвердил Николь. — И если бы наша первоначальная скорость в одиннадцать километров оказалась постоянной, мы делали бы около двух тысяч лье в час.

— Все это прекрасно, друзья, — проговорил Барбикен, — но перед нами все еще стоит неразрешимый вопрос: почему мы не слышали выстрела колумбиады?

Не находя ответа, все замолчали, и Барбикен принялся опускать ставень второго бокового иллюминатора. Эта операция удалась ему как нельзя лучше, и через открытое окно полился лунный свет, ярко озаривший внутренность снаряда. Экономный Николь поспешил погасить ненужный теперь газ, который к тому же только мешал наблюдению межпланетных пространств.

Лунный диск сиял с поразительной яркостью. Лучи, уже не задерживаемые туманной атмосферой Земли, струились через окно и наполняли снаряд серебристыми бликами. Черная завеса неба оттеняла яркость Луны, которая в этой пустоте, не рассеивавшей света, уже не затмевала соседних звезд. Теперь небо представляло совершенно особое, невообразимое для земного жителя зрелище.

Легко понять, с каким интересом рассматривали наши смельчаки ночное светило — конечную цель своего путешествия. Спутник Земли в своем поступательном движении незаметно приближался к зениту — математической точке, которой он должен был достигнуть примерно через девяносто шесть часов. Горы, равнины, весь рельеф Луны казался ничуть не крупнее, чем с любой точки земного шара, но в пустом пространстве свет Луны достиг ослепительной яркости. Диск сверкал словно платиновое зеркало.

О Земле, которая все дальше уходила от них, путники забыли даже и думать. Капитан Николь первый вспомнил о покинутой планете.

— Не будем неблагодарными. Наш последний взгляд должен быть обращен к нашей родине в минуту разлуки с ней. Я хочу еще раз увидеть Землю, прежде чем она совсем скроется из глаз, — сказал он.

Барбикен охотно согласился исполнить желание товарища и начал поспешно распечатывать окно в дне снаряда, откуда можно было наблюдать Землю. Подвижной диск, который при взлете снаряда был прижат к самому дну, друзья разобрали не без труда. Части его бережно расставили вдоль стен — они могли еще пригодиться. Тогда в нижней части снаряда образовался круглый

просвет в пятьдесят шесть сантиметров ширины. Этот просвет закрывало толстое стекло толщиной в пятнадцать сантиметров, укрепленное медной арматурой. Снаружи к окну была прилажена алюминиевая ставня на шурупах. Шурупы отвинтили, болты ослабили, алюминиевая ставня отошла, и открылся вид на небо.

Мишель Ардан, став на колени, нагнулся над окном. Оно было темное, точно матовое.

— Что это! — воскликнул он. — Где же Земля?

— Земля? — переспросил Барбикен. — Да вот она!

— Как, эта узенькая полоска? Этот серебристый серп?

— Ну конечно, Мишель. Через четыре дня, в полнолуние, в тот момент, как мы достигнем Луны, Земля будет находиться в фазе «новоземелия». Сейчас мы видим Землю только в форме узкого серпа, который скоро исчезнет, и Земля на несколько дней погрузится в полнейший мрак.

— Вот тебе на! Вот так Земля! — повторял Ардан, глядя во все глаза на тонкий серп родной планеты.

Объяснение Барбикена было правильно. Земля по отношению к снаряду переходила в свою последнюю фазу. Ее серп, составляющий восьмую часть диска, ясно вырисовывался на фоне черного неба. Свет этого серпа, синеватый от плотного слоя атмосферы, был так же ярок, как и свет Луны, а самый серп можно было сравнить с огромным, растянутым по небу луком. Некоторые точки, особенно в его вогнутой части, были ярко освещены и свидетельствовали о наличии высоких гор; но эти точки по временам заволакивались темными мутными пятнами, каких мы никогда не видим на поверхности Луны. Это были кольца облаков, окружавших земной шар.

Впрочем, благодаря тому же закону, который проявляется и на Луне, находящейся в фазе новолуния, весь диск земного шара был хорошо различим на фоне неба. Диск светился пепельным светом, менее, однако, сильным, чем пепельный свет Луны. Причину этой меньшей яркости пепельного света понять легко. Пепельный свет Луны обусловлен солнечными лучами, отраженными от поверхности Земли. На Землю же, наоборот, отраженный свет Солнца падает с Луны. Стало быть, отражение с Земли в тринадцать раз сильнее лунного вследствие разницы объемов обоих небесных тел. Этим объясняется разница в силе пепельного света: темная часть Земли вырисовывалась менее четко, чем темный диск Луны, так как яркость освещения пропорциональна силе света обоих светил. Надо также добавить, что земной серп казался более вытянутым в длину, что объяснялось явлением иррадиации.

В то время как путешественники вглядывались в глубокий мрак межпланетного пространства, перед ними внезапно рассыпался сверкающий букет падающих звезд. Сотни болидов, воспламеняясь от сопротивления атмосферы, прорезали темноту блестящим огненным дождем и исчертили сверкающими ли-

ниями темную часть земного диска. В этот период Земля находилась в перигелии, а декабрь всегда изобилует падающими звездами, которых астрономы насчитывают до двадцати четырех тысяч в час. Мишель Ардан, однако, пренебрегая научными объяснениями, предпочитал думать, что Земля этим искрометным фейерверком провожает в опасный путь своих троих детей.

Вот и все, что видели друзья от погруженного во мрак родного светила, одной из меньших планет нашей Солнечной системы, восходящей и заходящей утром и вечером, как и остальные более крупные планеты. Земля была теперь едва заметной точкой в пространстве, бледным, исчезающим во мраке серпом — и это было все, что оставалось от планеты, на которой они покинули все дорогое сердцу.

Долго три друга, в полном молчании, но взволнованные одинаковыми чувствами, смотрели вдаль, между тем как снаряд уносил их от Земли с постепенно убывающей скоростью.

Наконец путешественников стало непреодолимо клонить ко сну. Была ли то физическая усталость или упадок душевных сил? Естественно, что после того возбуждения, в котором они находились в последние часы на Земле, неизбежно должна была последовать реакция.

— Ну что ж, спать так спать, — сказал Мишель.

Друзья улеглись на тюфяках, и скоро все трое погрузились в глубокий сон.

Но не проспали они и сорока пяти минут, как Барбикен вскочил и начал будить товарищей.

— Понял! Понял! — кричал он.

— Что понял, что? — спросил Мишель Ардан, вскакивая с тюфяка.

— Понял, почему мы не слышали выстрела колумбиады!

— Ну? — спросил Николь.

— Потому что наше ядро летит быстрее звука и опередило его!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Путешественники устраиваются на новоселье.

После этого поразительного, но, конечно, вполне правильного объяснения трое товарищей снова заснули глубоким сном. Да и где бы могли они отыскать более тихое и спокойное место для отдыха? На Земле и городские дома и сельские хижины воспринимают все сотрясения, какие только возможны на поверхности земного шара. На море корабль качается на волнах, находясь в постоянном движении. В воздухе аэростат непрерывно болтается вследствие разной плотности воздушных слоев. Только снаряд, летевший в полной пустоте, среди полного безмолвия, мог обеспечить своим обитателям полный покой.

Поэтому сон наших смельчаков продолжался бы, может

быть, бесконечно, если бы внезапный шум не пробудил их в семь часов утра 2 декабря, через восемь часов после их вылета.

Этим звуком был самый обыкновенный собачий лай.

— Что это, собака? — воскликнул Мишель Ардан, сразу вскакивая. — Ах, это же наши собаки!

— Они проголодались, — заметил Николь.

— Черт возьми! Мы совсем забыли про них!

— Да где же они? — спросил Барбикен.

Все трое принялись за розыски и скоро обнаружили одну собаку, забившуюся под диван. Толчок при вылете так ошеломил ее, что она молча лежала в углу до тех пор, пока голод не заставил ее залаять.

Это была бедная Диана, которая еще не вполне пришла в себя, но все-таки выползла из своего убежища на призыв хозяев.

Ардан подбадривал ее самыми нежными прозвищами.

— Диана, милочка, сюда, — говорил он, — поди ко мне, дочка! Твоя история будет воспета в охотничьих летописях; язычники сделали бы тебя подружкой Анубиса, а христиане — спутницей святого Роха; ты достойна, голубушка, чтобы бог Анда выковал тебе свинцовую статую, как тому псу, которого Юпитер уступил прекрасной Европе за один только поцелуй; твоя слава превысит славу героев Монтаргиса и горы Сен-Бернар; взлетев в межпланетные миры, ты, того гляди, станешь Евой лунного собачьего рода! Ты оправдаешь на Луне изречение Туссенеля: «Вначале бог создал человека и увидел, что он слаб, и дал ему собаку!» Сюда, Диана, ко мне!

Неизвестно, польстил ли Диане этот высокопарный дифирамб, но она, жалобно скуля, мало-помалу выползла из-под дивана.

— Так, — сказал Барбикен, — Ева налицо, а где же Адам?

— Адам? — повторил Ардан. — Адам, верно, недалеко. Он где-нибудь тут. Надо его покликать. Сателлит, сюда! Сателлит! Сателлит!

Но Сателлит не показывался, и Диана продолжала жалобно скулить.

Друзья установили, однако, что она не ранена, и угостили ее аппетитным куском пирога, что сразу же прекратило ее жалобный вой.

Что же до Сателлита, то он исчез. Лишь после долгих поисков его удалось обнаружить в верхней части снаряда, куда он был самым непостижимым образом отброшен толчком при вылете снаряда. Бедный пес был в жалком состоянии.

— Экое горе, — воскликнул Мишель Ардан. — Вот тебе и акклиматизация!

Несчастливого пса бережно спустили вниз.

Он разбился головой о свод снаряда и едва ли мог поправиться после такого удара. Тем не менее раненого перенесли вниз и уложили на подушку.

— Бедный пес, мы будем ухаживать за тобой,— сказал Мишель Ардан.— На нас лежит ответственность за твою жизнь. Я предпочту потерять руку, чем допустить, чтобы бедняга Сателлит охромел хотя бы на одну лапу!

Мишель дал раненому псу несколько глотков воды. Пес с жадностью набросился на воду. После этого путешественники снова вернулись к своим наблюдениям над Луной.

Теперь Земля уже представлялась им в виде пепельного диска, который с одной стороны был окаймлен еще более узким серпом, чем накануне; но по сравнению с Луной, постепенно приобретавшей очертания правильного круга, земной серп все еще казался огромным.

— Экая досада, что мы не вылетели в минуту «полноземели», то есть тогда, когда наш земной шар был как раз против Солнца,— вздохнул Ардан.

— Почему? — удивился Николь.

— Потому что тогда мы увидели бы в совершенно новом свете все наши материки и моря. Первые переливались бы под солнечными лучами всеми цветами радуги, а последние темнели бы и синели, как на географических картах. Мне бы также хотелось взглянуть на полюса Земли, которых никогда еще не видел человеческий глаз.

— Все это так,— сказал Барбикен.— Но если бы Земля была «полной», то в фазе новолуния находилась бы Луна. Другими словами, она была бы невидима в солнечных лучах. А для нас выгоднее видеть цель, к которой мы стремимся, чем точку нашего отправления.

— Вы совершенно правы, Барбикен,— согласился Николь.— К тому же заметьте, что когда мы доберемся до Луны, то за долгие лунные ночи мы вдоволь успеем наглядеться на земной шар, где копошатся нам подобные.

— Нам подобные? — переспросил Мишель Ардан.— Они теперь такие же нам подобные, как и жители Луны — селениты. Ведь наш снаряд — новый мир, населенный только нами одними. Мне подобен Барбикен, Барбикен — Николу. Над нами и вне нас человечество кончается; мы трое — единственные жители этого мирка до той самой минуты, пока мы не превратимся в обыкновенных селенитов.

— Это случится почти через восемьдесят восемь часов,— сказал Николь.

— А это значит? — спросил Мишель Ардан.

— Это значит, что теперь половина девятого,— ответил Николь.

— На мой взгляд,— заключил Мишель,— невозможно привести никаких возражений против завтрака; теперь самое время закусить.

Действительно, жители новой планеты не могли обойтись

без еды, и их желудки повелительно заявляли о своих законных правах.

Мишель Ардан в качестве француза объявил себя шеф-поваром и главным распорядителем. По этой части ему не было соперников. Газ доставил необходимое тепло, а в ящике с провизией нашлись припасы для первой закуски в межпланетном пространстве.

Сначала были поданы три чашки превосходного бульона, который Мишель приготовил, распустив в горячей воде драгоценные таблетки Либига из лучших сортов говядины. За мясным бульоном последовало несколько ломтиков бифштекса, спрессованных под гидравлическим прессом. Бифштекс был так сочен и нежен, словно он только что вышел из кухни английского кафе. Мишель, отличавшийся чрезвычайным пылким воображением, уверял даже, что бифштекс этот «с кровью».

Вслед за мясом появились консервированные овощи — «первой свежести», по уверению Ардана, и, наконец, завтрак завершился превосходным чаем с печеньем, приготовленным по-американски. Этот напиток, признанный друзьями восхитительным, был изготовлен из листиков первосортного чая, несколько ящиков которого предоставил в распоряжение путешественников российский император. Роскошный пир увенчался бутылкой великолепного бургундского, «случайно» обнаруженной Мишелем в ящике с припасами. Три друга выпили за союз Земли с ее спутником.

И Солнце, словно не довольствуясь участием в изготовлении этого благодетельного вина, напоенного его лучами и теплом на холмах Бургундии, само захотело присоединиться к компании трех собутыльников. Как раз в эту минуту снаряд вышел из конуса тени, которую отбрасывал земной шар, и лучи дневного светила озарили нижнюю часть снаряда благодаря углу, образуемому орбитами Земли и Луны.

— Солнце! — воскликнул Ардан.

— Конечно, Солнце! — ответил Барбикен. — Я все время жду его появления.

— Однако же теневой конус, отбрасываемый Землей в пространство, простирается и по ту сторону Луны.

— И даже на довольно значительное расстояние, — подтвердил Барбикен, — если не учитывать преломления лучей в атмосфере. Но когда Луна окружена этой тенью, это значит, что центры трех светил — Солнца, Земли и Луны — находятся на одной прямой. Тогда точки пересечения их орбит совпадают с фазами полной Луны и происходит затмение. Отправься мы в момент лунного затмения, все наше путешествие совершилось бы в темноте. А это было бы крайне неприятно.

— Почему?

— Да потому, что хоть мы и несемся в пустоте, наш снаряд залит лучами Солнца, снабжающего нас светом и теплом. Благодаря этому мы можем экономить газ. А он нам еще пригодится.

Действительно, блеск и теплота солнечных лучей, не смягченные никакой атмосферой, освещали и согревали снаряд так, словно он внезапно перекочевал из зимы в лето. Снаряд был затоплен сверху лунным светом, а снизу — солнечным.

— А ведь у нас недурно! — заметил Николь.

— Еще бы! — подхватил Ардан. — Будь у нас в нашей алюминиевой квартире хоть горсточка земли, я бы за сутки вырастил сахарный горошек. Боюсь только, как бы стенки снаряда не начали плавиться.

— Успокойся, милый друг, — сказал Барбикен. — Когда снаряд прорезал атмосферу, он выдержал температуру повыше теперешней. Я нисколько не удивился бы, если бы жители Флориды приняли наш снаряд за раскаленный болид.

— Значит, Мэстон считает, что мы изжарились?

— Я и сам удивляюсь, что этого с нами не случилось, — сказал Барбикен. — Вот опасность, которой никто из нас не предусмотрел.

— Ошибаетесь, я очень этого опасался, — просто сказал Николь.

— И ты ни слова не проронил об этом, доблестный капитан? — воскликнул Ардан, пожимая ему руку.

Тем временем Барбикен продолжал устраиваться в снаряде, словно он собирался остаться здесь навсегда. Мы помним, что воздушный вагон представлял в основании площадь в пятьдесят четыре квадратных фута, а в высоту достигал двенадцати футов. Он был очень искусно отделан внутри: каждому предмету — дорожной утвари, поклаже, приборам и инструментам — было отведено свое место, и поэтому, не загромождая снаряда, они оставляли пассажирам довольно большое пространство. Толстое стекло, занимавшее часть дна, могло выдержать большую тяжесть. Барбикен и его друзья спокойно расхаживали по стеклу, как по обыкновенному полу, а солнечные лучи, падая отвесно снизу, освещали внутренность снаряда, создавая самые фантастические световые эффекты.

Путешественники осмотрели бак с водой и ящик с провизией. Благодаря мерам, принятым для ослабления толчка, кладовые нисколько не пострадали. Провизия имелась в изобилии, и ее хватило бы для троих путешественников на целый год. Барбикен позаботился запастись продуктами на тот случай, если бы снаряд опустился в совершенно бесплодных областях Луны. Что же касается водки и воды, запасы которой достигали пятидесяти галлонов, то они были рассчитаны всего на два месяца. По последним наблюдениям астрономов, атмосферное давление на Луне считалось очень низким, атмосфера была плотной и насыщенной парами, в особенности в глубоких низинах, где, несомненно, имелись многочисленные ручьи. Таким образом, во время путешествия и первого года пребывания на Луне мужественные исследователи не должны были испытывать ни голода, ни жажды.

Оставалась проблема воздуха внутри снаряда. Но и здесь все оказалось предусмотренным. Аппарат Рейзе и Реньо, предназначенный для производства кислорода, был заправлен хлорноватокислым калием с запасом на два месяца. Он, конечно, расходовал некоторое количество газа, так как калий подогревался до температуры свыше четырехсот градусов. Но и в этом отношении все было рассчитано с запасом. К тому же аппарат не требовал почти никакого обслуживания и работал автоматически. При указанной высокой температуре хлорноватокислый калий, превращаясь в хлористый калий, отдавал весь содержащийся в нем кислород. Какое же количество кислорода можно получить из восемнадцати футов хлорноватокислого калия? Семь фунтов — все, что требовалось для дыхания обитателей снаряда.

Задача, однако, не ограничивалась только восполнением израсходованного запаса кислорода; надо было также позаботиться об удалении выделяемой при дыхании углекислоты. За двенадцать с лишним часов атмосфера внутри снаряда была перенасыщена этим газом, представляющим продукт соединения элементов крови с кислородом. Капитан Николь сразу же заметил по учащенному трудному дыханию Дианы, что воздух в снаряде тяжелый. Как и в знаменитой Собачьей пещере, углекислота вследствие своего веса собиралась на дне снаряда, и бедная Диана, лежавшая головой на полу, должна была гораздо раньше своих хозяев испытать действие этого вредного газа. Капитан Николь поспешил исправить дело. Он тотчас же расставил по дну снаряда несколько банок с раствором едкого натра, предварительно их встряхнув. Это вещество, жадно поглощающее углекислоту, быстро очистило воздух внутри ядра.

После этого друзья перешли к осмотру инструментов и приборов. За исключением одного минимального термометра, у которого разбилось стекло, все термометры и барометры уцелели. Превосходный металлический барометр был вынут из выложенного ватой ящика и повешен на стену. Он показывал, конечно, только давление воздуха внутри снаряда, но зато был снабжен гигрометром, определявшим влажность воздуха. В данную минуту его стрелка колебалась между 765 и 760 миллиметрами. Это означало хорошую, ясную погоду.

Взятые Барбикеном компасы тоже оказались в целости и исправности. Внутри снаряда их стрелки бешено вращались, не указывая никакого направления. Естественно, что на таком расстоянии от Земли магнитный полюс не мог оказывать ощутительного влияния на прибор. Но на Луне компасы могли бы обнаружить любопытнейшие явления. Во всяком случае, было очень интересно проверить, подчиняется ли спутник Земли тем же законам магнетизма, как и сама Земля.

Осмотрели и гипсометр — прибор для измерения высоты лунных гор, секстант для определения высоты Солнца, теодолит — геодезический инструмент, служащий угломером. И нако-

нец, проверили подозрительные трубы, которые должны были сыграть важную роль во время приближения снаряда к Луне. Все эти инструменты и приборы после тщательного осмотра и проверки были найдены в хорошем состоянии, несмотря на резкий толчок при вылете.

Рабочие орудия — кирки, заступы и прочие, — о которых специально позаботился Николь, всевозможные семена и саженцы, которые Ардан мечтал пересадить на лунную почву, — все лежали на своих местах, в верхних помещениях снаряда. Здесь, под куполом, образовался своего рода чердак, который изобретательный француз завалил целыми горами какой-то утвари. Что именно там хранилось, было неизвестно. Мишель не считал нужным ставить об этом в известность своих товарищей. Они заметили только, что Мишель время от времени поднимался в этот тайник по вделанным в стене ступенькам и наводил там порядок. Он что-то раскладывал, переставлял, торопливо шарил в каких-то таинственных коробках, напевая старинную французскую песенку и при этом немилосердно фальшивя, чем несказанно веселил всю компанию.

Барбикен придавал большое значение сохранности ракет и фейерверков. Эти важные приспособления с тяжелым зарядом предназначались для замедления скорости ядра, когда, пройдя нейтральную зону, оно должно было войти в область лунного притяжения и затем упасть на поверхность Луны. Впрочем, благодаря различию в массах Земли и Луны сила падения была в шесть раз слабее той силы, с которой ядро упало бы на Землю.

Итак, весь осмотр закончился ко всеобщему удовлетворению. Затем каждый из путешественников снова вернулся к наблюдениям межпланетного пространства через стекла боковых иллюминаторов.

Их глазам представлялось все то же зрелище. Все пространство небесной сферы усыпано было звездами и созвездиями необычайной яркости, способной свести с ума любого астронома. С одной стороны сверкало Солнце, как жерло громадной огнедышащей печи, как ослепительный диск без сияния, на фоне совершенно черного неба. С другой стороны Луна отбрасывала отраженные солнечные лучи и казалась неподвижной среди окружающего ее звездного сонма.

Внизу виднелось темное пятно, словно глубокий колодезь в небе, окруженное серебристой каемкой, — это была Земля. Там и сям проступали туманности, точно громадные комья звездного снега, а от зенита до надира тянулось исполненное кольцо, образованное из россыпи неисчислимых звезд — Млечный Путь, — в котором наше Солнце представляет светило всего лишь четвертой величины. Друзья долго не могли оторвать глаз от невиданного зрелища, не поддававшегося никакому описанию. Сколько новых мыслей, сколько неведомых доселе чувств рождала эта картина вселенной в их душах! Барбикен под свежим впечатле-

нием решил приступить к путевым заметкам; он отмечал час за часом все события, сопровождающие осуществление его дерзкого замысла. Он писал спокойно, крупным, словно квадратным почерком, сухим слогом, напоминающим коммерческие отчеты.

Математик Николь тем временем проверял свои расчеты траекторий и с необычайной ловкостью орудовал астрономическими цифрами. Ардан то и дело заговаривал с Барбикеном, который ему не отвечал, или с Николем, который его не слушал, или, наконец, с Дианой, ничего не понимавшей в его рассуждениях. Он вел длинные диалоги сам с собой, задавая вопросы, сам же отвечая на них, вертелся, шмыгал то сюда, то туда, то приседая на корточки над нижним иллюминатором, то залезая под самый купол снаряда,— и при этом всегда напевал себе под нос. В этом микрокосме он олицетворял собою подвижность и способность приспосабливаться к любым условиям, столь свойственные французской нации, и надо сказать, что его родина имела в нем достойного представителя.

День, или, точнее говоря, двенадцатичасовой промежуток, составлявший день на Земле, закончился обильным, мастерски приготовленным ужином. Никакое событие до сих пор не нарушало беспечного настроения друзей, не поколебало их уверенности в успехе.

Так, полные надежд, не сомневаясь в удаче, они мирно заснули, в то время как снаряд со все убывающей скоростью летел по неведомым путям вселенной.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Немного алгебры.

Ночь прошла без приключений. Собственно говоря, слово «ночь» в данном случае не подходит.

Снаряд нисколько не изменил своего положения относительно Солнца. По астрономическому времени в нижней части снаряда был день, в верхней — ночь. Поэтому каждый раз, когда в нашем рассказе мы будем употреблять слова «день» и «ночь», их надо понимать как время от восхода до захода Солнца на Земле.

Глубокий сон наших путешественников был тем спокойнее, что снаряд, несмотря на громадную скорость полета, казался совершенно неподвижным. Никакое сотрясение не обнаруживало его движения в пространстве. Движение, с какой бы скоростью оно ни происходило, никак не отражается на человеке, когда оно совершается в пустоте или когда масса воздуха, окружающая тело, движется вместе с ним.

Кто из обитателей Земли замечает скорость ее движения? Однако же он несется вместе с нею со скоростью девяносто тысяч километров в час. Движение в таких условиях не ощущается так же, как и покой. Ни одно тело на него не реагирует. Если тело находится в покое, оно продолжает оставаться в покое, пока

его не выведет из этого состояния какая-либо посторонняя сила. Если же тело в движении, оно не остановится до тех пор, пока ему не преградит путь какое-либо препятствие. Это безразличие к движению или к покою и есть инерция.

Барбикен и его спутники, заключенные в снаряде, чувствовали себя в полной неподвижности. Впрочем, их ощущение покоя не прекратилось бы, даже если бы они расположились на поверхности снаряда. Не будь Луны, которая все увеличивалась над ними, они могли бы побиться об заклад, что реют в какой-то совершенно неподвижной среде.

В это утро, 3 декабря, друзья были разбужены радостным, но совершенно неожиданным звуком. Это был крик петуха, раздавшийся в самом снаряде.

Первым вскочил Мишель и проворно вскарабкался на свой «чердак». Он поспешно запер какой-то приоткрывшийся ящик.

— Да замолчишь ли ты, — сказал он шепотом; — Эта тварь провалит всю мою затею!

Николь и Барбикен проснулись.

— Петух! — воскликнул Николь.

— Успокойтесь, друзья мои! — с живостью ответил Мишель. — Я просто захотел вас потешить сельской музыкой.

И он издал такое великолепное «кукареку», которое сделало бы честь самому гордому представителю петушиной породы.

Оба американца разразились громким смехом.

— Необычайный талант, — сказал Николь, лукаво посматривая на своего товарища.

— Такие шутки очень приняты у нас во Франции, — ответил Мишель. — Это совсем по-галльски. У нас кричат петухом даже в самом лучшем обществе.

Затем, желая перевести разговор на другую тему, он добавил:

— А знаешь, Барбикен, о чем я думал всю ночь?

— О чем? — спросил председатель.

— Я все думал о наших кембриджских друзьях. Ты, конечно, заметил, что я ни черта не смыслю в математике. Так вот я никак не могу понять, каким образом наши ученые в обсерватории могли вычислить скорость, которую должен иметь снаряд, чтобы долететь до Луны.

— Ты хочешь сказать, — перебил Барбикен, — до той нейтральной точки, где силы земного и лунного притяжения одинаковы, потому что с этой точки, которая находится почти на девяти десятых всего расстояния между обеими планетами, снаряд полетит на Луну сам собой, вследствие собственной тяжести.

— Ну да, именно это я и имел в виду, — сказал Мишель. — Но как же все-таки они вычислили эту скорость?

— Ничего нет легче.

— А ты сумел бы сам провести это вычисление?

— Ну разумеется. Мы с Николем вычислили бы эту скорость

и сами, если бы справка обсерватории не избавила нас от этого труда.

— Подумать только,— вздохнул Мишель.— А я бы не мог решить этой задачи даже под страхом смертной казни.

— Потому что ты не знаешь алгебры,— спокойно ответил Барбикен.

— Эх вы, «иксоеды»! Вы, думаете, сказали: «Алгебра», и этим все объяснили!

— Мишель,— сказал Барбикен,— ты, надеюсь, не станешь отрицать, что нельзя ковать без молота или пахать без плуга?

— Не стану, конечно.

— Ну так алгебра — такое же орудие, как соха или плуг, и орудие весьма полезное для тех, кто умеет с нею обращаться.

— Не может быть.

— Сушая правда.

— А ты согласен воспользоваться этим орудием тут же при мне? Если тебе, конечно, не скучно.

— Разумеется.

— И показать мне, как вычислить начальную скорость нашего снаряда?

— Да, дорогой друг. Приняв в расчет все известные условия задачи: расстояние от центра Земли до центра Луны, радиус Земли, массу Земли, массу Луны, я могу с точностью установить начальную скорость нашего снаряда, и при этом с помощью самой простой формулы.

— Какая же это формула?

— А вот увидишь. Но только я не стану вычеркивать кривой, описанной нашим снарядом между Луной и Землей, учитывая их относительное движение вокруг Солнца. Предположим, что обе планеты неподвижны. Этого будет совершенно достаточно.

— Почему же?

— Потому что именно так решаются задачи, называемые «задачами трех тел», интегральный же метод для решения таких задач еще недостаточно разработан.

— Скажите пожалуйста,— насмешливо произнес Мишель Ардан,— стало быть, математики еще не сказали своего последнего слова!

— Ну разумеется, нет,— ответил Барбикен.

— Ну что ж! Авось лунные жители довели интегральное исчисление до большего совершенства, чем вы! А кстати, что такое интегральное исчисление?

— Этот способ, противоположный дифференциальному исчислению...

— Благодарю покорно!

— Другими словами, это исчисление, дающее нам конечные величины, дифференциалы которых нам известны.

— Вот это по крайней мере понятно! — воскликнул Мишель с видом полного удовлетворения.

— А теперь,— сказал Барбикен,— дай мне кусочек бумаги, отгрызок карандаша, и через полчаса я покажу тебе нужную формулу.

С этими словами Барбикен принялся за вычисления. Николь продолжал изучать в окно необозримые межпланетные пространства, предоставив Мишелю заботу о завтраке.

Не прошло и получаса, как Барбикен, подняв голову, показал Ардану бумажку, исписанную алгебраическими знаками, среди которых выделялась следующая формула:

$$\frac{1}{2}(v^2 - v_0^2) = gr \left(\frac{r}{x} - 1 + \frac{m}{d} \left(\frac{r}{d-x} - \frac{r}{d-r} \right) \right).$$

— Что же это значит? — спросил Мишель.

— Это значит,— ответил Николь,— что одна вторая v в квадрате минус v нулевое в квадрате равно gr , помноженное на r , деленное на x , минус единица плюс m прим, деленное на m , умноженное на r , деленное на d минус x , минус r , деленное на d минус r ...

— Икс плюс игрек на закорках у зета и верхом на p ,— расхохотался Мишель.— И все это тебе понятно, капитан?

— Ничего нет понятнее.

— Ну еще бы! — сказал Мишель.— Да ведь это же ясно с первого взгляда; теперь мне больше ничего не требуется.

— Вечно ты издеваешься! — вмешался Барбикен.— Захотел алгебры, ну и получай.

— Пусть уж лучше меня повесят!

— В самом деле,— сказал Николь с видом знатока, читая формулу.— Мне кажется, эта формула совершенно правильная. Это интеграл уравнения действующих сил, и я не сомневаюсь, что она приведет к искомому результату!

— Но я тоже хочу хоть что-нибудь понять! — вскричал Мишель.— Я готов отдать за это десять лет жизни... Николь.

— Ну так послушай,— начал Барбикен.— Половина v квадрат минус v нулевое в квадрате — это формула, дающая нам полувариацию действующей силы.

— Ну допустим. А Николь тоже понимает, что это значит?

— Конечно, Мишель,— ответил капитан.— Все эти, кажущиеся тебе каббалистическими знаки составляют собой простой, самый точный и логичный язык для тех, кто им владеет.

— И ты полагаешь, Николь,— сказал Мишель,— что при помощи таких иероглифов, еще более непонятных, чем египетские «ибысы», ты сможешь найти начальную скорость, которую следовало сообщить снаряду?

— Безусловно,— ответил Николь.— При помощи этой формулы я смогу даже сказать тебе, с какой скоростью летит снаряд в любой точке пространства.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Подумать только, ты, значит, ученый не хуже нашего председателя!

— Нет, Мишель. Барбикен сделал как раз самое трудное. Он нашел уравнение, определяющее все условия задачи. Остальное — вопрос арифметики и требует только знания четырех правил.

— Ну это действительно пустяки! — ответил Мишель Ардан, хотя ни разу в жизни не одолел ни одной задачи на сложение и называл эти упражнения «китайскими головоломками, позволяющими получать бесконечно разнообразные итоги».

Барбикен, однако, уверял, что и Николь, поразмыслив, смог бы самостоятельно найти ту же формулу.

— Не знаю, — возразил Николь, — чем больше я ее изучаю, тем больше она меня восхищает.

— А теперь, — сказал Барбикен, обращаясь к своему невежественному другу, — слушай. Ты поймешь, что все эти буквы имеют определенные значения.

— Слушаю, — смиренно сказал Мишель.

— d означает расстояние между центрами Земли и Луны, — сказал Барбикен. — Эти точки нам нужны для вычисления сил притяжения.

— Понятно.

— r — радиус Земли.

— Радиус... Допустим.

— m — масса Земли, а m прим — это масса Луны. Эти величины приняты в формуле потому, что притяжение тел пропорционально их массам.

— Понимаю.

— g — сила тяжести, скорость, приобретаемая телом в течение секунды при падении на поверхность Земли. Ясно?

— Как божий день!

— Буквой x я обозначил то переменное расстояние, которое отделяет нас от центра Земли, а v — скорость снаряда при данном расстоянии.

— Прекрасно!

— Наконец, скорость снаряда по выходе из атмосферы обозначим v нулевое.

— Правильно, — сказал Николь, — до этой точки и следовало вычислять скорость, так как известно, что начальная скорость в полтора раза больше той, которую снаряд сохранил при выходе из атмосферы.

— Ничего не понял! — воскликнул Мишель.

— Это же так просто! — сказал Барбикен.

— Просто, да, видно, не для меня! — ответил Мишель.

— Это значит, что когда наш снаряд достиг границы земной атмосферы, он уже потерял треть своей начальной скорости.

— Так много?

— Да, милый друг, и притом только вследствие сопротивле-

ния воздуха: трения о воздух, понимаешь? Ты представляешь себе, что чем быстрее движется снаряд, тем большее сопротивление оказывает ему атмосфера?

— Это понятно,— согласился Мишель,— это я себе представляю, но все эти ваши v нулевое и v нулевое в квадрате отскакивают от моей тупой башки как от стены горох...

— Первая естественная реакция на алгебру. Но погоди, голубчик,— сказал Барбикен,— сейчас, чтобы доконать тебя, мы вставим в эту формулу числовые значения, соответствующие каждой букве.

— Делать нечего, приканчивайте меня! — с отчаянием воскликнул Мишель.

— В этой формуле,— продолжал Барбикен,— есть величины известные, а есть и такие, которые еще придется вычислить.

— Этим займусь я,— сказал Николь.

— Итак, во-первых, r представляет собой земной радиус, величина которого на широте Флориды — точке нашего отправления — равняется шести миллионам тремстам семидесяти тысячам метров; d — расстояние между центрами Земли и Луны, равное пятидесяти шести радиусам Земли, значит...

— Значит,— перебил Николь, уже успевший сделать вычисление,— это самое расстояние будет равно тремстам пятидесяти шести миллионам семистам двадцати тысячам метров в то время, когда Луна находится в перигее, то есть в наиболее близкой точке от Земли.

— Правильно,— подтвердил Барбикен.— Далее: m прим, деленное на m , есть отношение массы Луны к массе Земли, равное одной восьмьдесят первой.

— Отлично,— заметил Мишель.

— g — сила тяжести, которая во Флориде равна девяти метрам и восьмидесяти одному сантиметру; отсюда следует, что gr равно...

— Шестидесяти двум миллионам четырестам двадцати шести тысячам квадратных метров,— подхватил Николь.

— А дальше что? — спросил Мишель Ардан.

— А дальше,— ответил Барбикен,— когда буквы заменены числовыми величинами, я могу приступить к определению v нулевого, то есть скорости, которую снаряд должен иметь при выходе из атмосферы, чтобы с нулевой скоростью достигнуть точки равного притяжения. Итак, если в этот момент скорость должна быть равной нулю, то x будет расстоянием, на котором находится эта нейтральная точка, и может быть выражено девятьюдесятью d , то есть мы получаем расстояние между двумя центрами.

— Сплошной туман,— вздохнул Мишель.

— У меня, стало быть, получится: x равно девяти десятым d и v равно нулю, а тогда моя формула примет вид...

Барбикен быстро выписал формулу:

$$v^2 = 2gr \left(1 - \frac{10r}{9d} - \frac{1}{81} \left(\frac{10r}{d} - \frac{r}{d-r} \right) \right).$$

— Так! Именно так! — вскричал Николь, жадно впиваясь глазами в формулу.

— Все ли ясно? — спросил Барбикен.

— Чего же яснее! — воскликнул Николь.

— Ну и мудрецы! — прошептал Мишель.

— Понял ли ты, наконец? — спросил его Барбикен.

— Еще как! — воскликнул Мишель. — Того гляди, голова треснет...

— Итак, — продолжал Барбикен, — v нулевое в квадрате, равно двум gr , помноженным на единицу минус десять r , деленных на девять d , минус одна восьмьдесят первая, помноженная на десять r , деленных на d минус r , поделенных на d минус r .

— А чтобы получить искомую скорость снаряда по выходе его из атмосферы, — добавил Николь, — остается только произвести вычисление.

И капитан, не страшась никаких трудностей, с невероятной быстротой принялся за вычисление. Столбцы цифр вырастали из-под его карандаша, и скоро вся страница была испещрена делениями и умножениями. Барбикен внимательно следил за капитаном, а Мишель, сжав обеими руками голову, старался избавиться от начавшейся мигрени.

— Ну как? — спросил Барбикен после некоторого молчания.

— Готово! — ответил Николь. — Для того чтобы снаряд мог долететь до нейтральной точки, где притяжения Земли и Луны уравниваются, скорость его при выходе из атмосферы должна быть равной...

— Чему? — с нетерпением спросил Барбикен.

— Одиннадцати тысячам пятидесяти одному метру в первую секунду.

— Как? — воскликнул Барбикен. — Сколько?

— Одиннадцать тысяч пятьдесят один метр, — повторил капитан.

— Проклятье! — воскликнул в отчаянии Барбикен.

— Что с тобой, дорогой? — спросил Мишель Ардан, не понимая волнения председателя.

— Что со мной? Если в данный момент скорость от трения уже уменьшилась на одну треть, то первоначальная скорость должна была равняться...

— Шестнадцати тысячам пятистам семидесяти шести метрам! — ответил Николь.

— А по расчетам Кембриджской обсерватории выходило, что достаточно скорости в одиннадцать тысяч метров. И именно с этой скоростью мы и вылетели из колумбиады!

— Ну так что ж? — недоумевал Николь.

— Да то, что эта скорость, значит, была недостаточной.

- Ну?
- И мы не долетим до нейтральной точки!
- Черт возьми!
- Мы не пролетим и половины пути!
- Проклятое ядро! — завопил Мишель Ардан, вскакивая с такой поспешностью, словно снаряд через несколько минут должен был грохнуться о Землю.
- Значит, мы упадем обратно на Землю!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Холод межпланетных пространств.

Результат вычислений как громом поразил наших путешественников. Кому бы могла прийти в голову мысль о подобной ошибке? Барбикен все еще не верил в такую возможность. Николь, однако, снова проверил все свои расчеты и убедился в их правильности. Точность же формулы, взятой в основу вычислений, не подлежала никакому сомнению. После вторичной проверки оказалось, что для достижения желаемой точки снаряду действительно нужно было сообщить начальную скорость в 16576 метров в первую секунду, в противном случае снаряд не мог долететь до намеченной цели.

Трое друзей молча переглянулись. О завтраке никто уже не думал. Барбикен, стиснув зубы и конвульсивно сжав кулаки, нахмурившись смотрел в окно. Николь, скрестив на груди руки, уставился на свои цифры.

— Вот тебе и ученые! Только положишься на них! — бормотал Мишель Ардан. — Я не пожалел бы двадцати золотых, если бы наш снаряд обрушился всем грузом на Кембриджскую обсерваторию и раздавил ее вместе с ее шарлатанами.

И вдруг Николя словно осенило.

— Стойте! — сказал он. — Сейчас семь часов утра. Стало быть, мы вылетели тридцать два часа тому назад. Значит, мы проделали больше половины всего пути и, как видите, не падаем!

Барбикен ничего не ответил. Быстро взглянув на Николя, схватил инструмент, которым пользовался на Земле в качестве угломера. Подойдя к нижнему окну, он произвел измерения с точностью, допускаемой кажущейся неподвижностью снаряда. Затем, вытирая со лба капли пота, он снова принялся за вычисления. Николь с тревогой глядел на него; он сообразил, что председатель хочет по величине земного диаметра определить расстояние снаряда от Земли.

— Нет! — воскликнул, наконец, Барбикен после нескольких минут молчания. — Нет, мы не падаем! Мы находимся сейчас за пятьдесят тысяч лье от Земли! Мы уже миновали ту точку, в которой снаряд мог бы остановиться, если бы его начальная скорость была равной только одиннадцати тысячам метров!

— Это очевидно, — подтвердил Николь, — и, значит, началь-

ная скорость от взрыва четырехсот тысяч фунтов пороха была значительно больше одиннадцати тысяч метров! Теперь понятно, почему мы встретили второй спутник Земли уже по истечении тринадцати минут: он обращается на расстоянии восьми тысяч ста сорока километров от Земли.

— Это объяснение тем более правдоподобно,— добавил Барбикен,— что, выбросив воду, находившуюся между разбивными перегородками, наш снаряд внезапно освободился от довольно значительного балласта.

— Верно,— подтвердил Николь.

— Ах, дорогой Николь,— воскликнул Барбикен,— мы спасены!

— А поэтому,— спокойно произнес Ардан,— раз мы спасены, давайте завтракать!

В самом деле, Николь не ошибся: начальная скорость снаряда была, к счастью, значительно больше той, которую вычислили кембриджские астрономы, но это не умаляло ошибки Кембриджской обсерватории.

Успокоившись после ложной тревоги, наши путешественники уселись за стол и весело принялись за завтрак. Много было съедено за этим завтраком, но еще больше сказано. После случая с алгеброй их уверенность еще возросла.

— Почему бы нам, собственно говоря, и не достигнуть цели? — твердил Мишель Ардан.— Ведь мы продолжаем лететь. Препград перед нами нет: дорога ровная, без единого камешка. Путь свободен. Куда свободнее, чем путь корабля, которому приходится рассекать волны океана; свободнее пути аэростата, борющегося с ветром. А раз корабли пристают куда им полагается и аэростаты поднимаются куда им вздумается, почему бы и нам не добраться до намеченной цели?

— Мы и доберемся! — сказал Барбикен.

— Хотя бы для поддержания престижа американской нации! — прибавил Ардан.— Единственной нации, которая оказалась в силах поднять такое дело, единственной нации, способной породить нашего председателя Барбикена! А ведь знаете, теперь, когда нам больше не о чем беспокоиться, я боюсь, что нам придется скучновато. Не правда ли?

Барбикен и Николь запротестовали.

— Я это предвидел, дорогие друзья,— продолжал Мишель.— Скажите только слово, и к вашим услугам будут и шашки, и шахматы, и карты, и домино! Недостает только бильярда!

— Как? — удивился Барбикен.— Неужели ты захватил с собою все эти пустяки?

— А то как же! — ответил Мишель.— И не только для собственного развлечения, но и для снабжения ими лунных ресторанчиков.

— Друг мой,— сказал Барбикен,— если на Луне есть жители, то они, конечно, появились на свет на сотни тысяч лет раньше

нас, потому что сама Луна, несомненно, старше нашей планеты. А если эти жители существуют уже сотни тысяч лет и их мозг устроен так же, как и наш, то они уж наверное не только давно изобрели все, что придумано нами, но даже и такие вещи, которые появятся у нас только через несколько столетий. Едва ли нам придется их учить чему-нибудь: скорее они многому нас научат.

— Как? — возразил Мишель. — Ты допускаешь, что у них были такие художники, как Фидий, Микеланджело и Рафаэль?

— Конечно.

— И такие поэты, как Гомер, Вергилий, Мильтон, Ламартин и Гюго?

— Я в этом уверен.

— Такие философы, как Платон, Аристотель, Декарт и Кант?

— Без сомнения.

— Такие ученые, как Архимед, Евклид, Паскаль, Ньютон?

— Могу в этом поручиться.

— И такие комики, как наш Арналь, такие фотографы, как... Надар?

— Разумеется.

— Однако, дружище Барбикен, если они так же умны, как и мы, а может, и того умнее, то почему же им до сих пор не пришлось в голову попытаться завести сношения с Землей? Почему они не запустили лунный снаряд на Землю?

— А кто тебе сказал, что они этого не сделали?

— В самом деле, — заметил Николь, — им это было легче сделать, чем нам, и по двум причинам: во-первых, сила притяжения Луны в шесть раз слабее силы притяжения земного шара, а это значительно облегчило бы взлет снаряда; во-вторых, им пришлось бы выбросить снаряд всего на восемь тысяч лье, а не на восемьдесят тысяч, что потребовало бы вдесятеро меньшей металлической силы.

— А тогда, я повторяю, — сказал Мишель, — отчего же они этого не сделали?

— И я повторяю, — ответил Барбикен, — кто тебе сказал, что они этого не делали?

— Когда же?

— Да, может быть, за тысячи лет до нашего появления на Земле.

— А снаряд? Где же их снаряд? Покажи!

— Милый друг, — ответил Барбикен. — Пять шестых поверхности земного шара покрыты водой. Отсюда пять шансов из шести, что если такой снаряд и был пущен с Луны, то он погребен теперь на дне Атлантического или Тихого океана; а может быть, попал в какую-нибудь пропасть в те времена, когда земная кора еще не успела окончательно затвердеть.

— Дружище Барбикен, — воскликнул Мишель, — у тебя на все находится ответ! Я просто преклоняюсь перед твоей премуд-

ростью. И все-таки я выдвигаю гипотезу, которая мне больше по сердцу: хотя лунные обитатели и древнее и мудрее, чем мы, а пирога еще не выдумали!

В эту минуту громкий лай Дианы прерван разговор друзей; собака, по-видимому, требовала своей доли в завтраке.

— Батюшки! — воскликнул Мишель. — Мы так увлеклись спорами, что совсем позабыли о наших псах.

Диане был тотчас же предложен здоровенный кусок пирога, который она проглотила с большим аппетитом.

— Знаешь, Барбикен, нам следовало бы сделать из нашего снаряда второй Ноев ковчег и доставить на Луну каждой земной твари по паре.

— Ну, для этого у нас не хватило бы места, — ответил Барбикен.

— Пустяки, — возразил Мишель, — стоило бы только немного потесниться!

— Это было бы тем более остроумно, — заметил Николь, — что такие жвачные, как бык и корова или лошадь, оказались бы нам очень полезны на Луне. К несчастью, в нашем вагоне довольно мудро устроить конюшню или хлев.

— Можно было бы по крайней мере, — сказал Мишель, — взять с собой хотя бы осла, ну хоть бы самого маленького ослика, это мужественное и терпеливое животное, на котором так любил кататься верхом старичок Силен! Люблю я этих бедных ослов! Они сущие пасынки и неудачники среди прочих созданий природы. Их избивают не только при жизни, но даже и после смерти...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Барбикен.

— Да ведь барабаны выделяются из ослиных шкур!

Это глубокомысленное замечание Мишеля вызвало веселый смех друзей. Но внезапный крик Ардана скоро прервал общее веселье.

— Друзья мои, — сказал Мишель Ардан, заглянув в логово Сателлита. — Болезнь Сателлита прошла!

— Тем лучше, — сказал Николь.

— Да нет же, — отозвался Мишель, — я хочу сказать, что он издох. Вот это действительно печально, — продолжал он с огорчением. — Диана, бедняжка, боюсь, что тебе уже не придется стать родоначальницей лунной собачьей породы!

Несчастный Сателлит действительно так и не оправился от полученной раны. Он околел — в этом невозможно было сомневаться.

Мишель Ардан растерянно глядел на своих друзей.

— Теперь перед нами встает вопрос, — сказал Барбикен, — мы не можем на целые сутки оставлять труп пса в снаряде.

— Конечно, не можем, — ответил Николь, — но наши окна на шарнирах, их легко можно открыть; распахнем одно из окон и выбросим труп пса в пространство.

— Так мы и сделаем,— сказал Барбикен после некоторого раздумья,— но при этом мы должны быть очень осторожны.

— Почему же? — любопытствовал Мишель.

— По двум причинам, которые ты легко поймешь,— ответил Барбикен.— Первая причина касается воздуха, заключенного в снаряде. Мы должны постараться, чтобы его улетучилось как можно меньше.

— Но ведь мы же возобновляем воздух!

— Да, возобновляем, но только частично,— возразил Барбикен.— Наш аппарат, дорогой Мишель, производит только кислород. Кстати, нам нужно следить за тем, чтобы количество вырабатываемого кислорода не превышало известного предела. Избыток кислорода может вызвать в нашем организме чрезвычайно нежелательные физиологические явления. Так вот, мы возобновляем кислород, но не можем возместить потери азота — газа, который не поглощается нашими легкими и содержание которого в воздухе должно оставаться неизменным. А именно азот-то и может быстро улетучиться через открытое окно.

— Много ли его улетучится, пока мы выбросим нашего бедного Сателлита,— возразил Мишель.

— Хоть и немного, а все-таки постараемся не мешкать.

— А вторая причина? — спросил Мишель.

— Вторая причина — нельзя напускать наружного холода в наш вагон. Температура за стенками нашего снаряда настолько низка, что мы рискуем замерзнуть.

— А Солнце на что?

— Солнце согревает наш снаряд, потому что он поглощает его лучи, но Солнце не согревает пустого пространства, в котором мы летим. Там, где нет воздуха, нет и тепла, так же как нет и рассеянного света. Следовательно, там, куда не проникают непосредственно лучи Солнца, и темно, и холодно. Здесь температура пространства определяется только излучением звезд; такая же температура установилась бы и на Земле, если бы в один прекрасный день наше Солнце погасло.

— Ну уж этого опасаться не приходится,— ответил Николь.

— Кто знает,— возразил Мишель Ардан.— К тому же, даже если Солнце и не потухнет, разве не может случиться, что наша Земля отдалится от него?

— О господи! — воскликнул Барбикен.— У нашего Мишеля опять новые идеи!

— А то как же,— продолжал Мишель,— разве вы не знаете, что в тысяча восемьсот шестьдесят первом году Земля пересекла хвост кометы? Допустим, что притяжение какой-нибудь кометы оказалось бы сильнее солнечного притяжения. Тогда земная орбита изогнулась бы в направлении этого блуждающего светила, а Земля, став его спутником, умчалась бы на такое расстояние от Солнца, что его лучи уже не могли бы согревать земную поверхность.

— Это действительно может случиться,— согласился Барбикен,— но весьма вероятно, что последствия такого происшествия окажутся менее угрожающими, чем ты предполагаешь.

— Почему же?

— Потому что холод и тепло все же пришли бы на нашей планете в некоторое равновесие. Ученые рассчитали, что если бы Земля была увлечена кометой тысяча восемьсот шестьдесят первого года, то на самом большом расстоянии от Солнца она получила бы в шестнадцать раз больше того количества тепла, которое получает Земля от Луны. Такое тепло, даже сконцентрированное самыми сильными линзами, не дает никакого сколько-нибудь ощутимого эффекта.

— Ну! — сказал Мишель.

— Погоди,— остановил его Барбикен.— Вычислено также, что в перигелии, когда Земля наиболее близка к Солнцу, она подвергалась бы действию температуры, в двадцать восемь тысяч раз превышающей среднюю температуру нашего лета. Благодаря этой жаре, которая переплавляла бы в стекло все твердые вещества на Земле и испарила всю воду, вокруг Земли образовалось бы облачное кольцо и смягчало бы этот чрезмерный зной. А следовательно, холод, испытываемый Землей в афелии, и зной — в перигелии, были бы уравновешены, и в результате получилась бы какая-то средняя, более или менее выносимая температура.

— Какая же температура предполагается в межпланетных пространствах? — спросил Николь.

— Раньше считали, что эта температура беспрельдно низка,— ответил Барбикен.— Вычисляя снижение температуры в межпланетных пространствах термометрическим способом, астрономы получали цифры порядка миллионов градусов ниже нуля. Знаменитый ученый Фурье, соотечественник Мишеля, член французской Академии наук, произвел более точные вычисления. По Фурье, температура вселенной не опускается ниже шестидесяти градусов.

Мишель насмешливо свистнул.

— Это приблизительно соответствует температуре наших полюсов,— продолжал Барбикен.— На острове Мелвилл или у форта Релианс температура достигает приблизительно пятидесяти шести градусов Цельсия ниже нуля.

— Остается доказать,— сказал Николь,— что Фурье не сбился в своих расчетах. Если я не ошибаюсь, другой ученый, Пуйэ, считает температуру межпланетных пространств равной ста шестидесяти градусам ниже нуля. Вот мы теперь и проверим, кто из них прав.

— Только не сейчас,— сказал Барбикен.— Сейчас солнечные лучи прямо падают на наш градусник, и поэтому мы, конечно, получим преувеличенные цифры. А вот когда мы доберемся до Луны, то в течение лунной ночи, равной нашим пятнадцати

суткам, у нас будет достаточно времени, чтобы произвести этот опыт — ведь спутник Земли вращается в пустоте.

— А что ты понимаешь под пустотой? — спросил Мишель. — Ты имеешь в виду абсолютную пустоту?

— Да, пустоту, абсолютно не содержащую воздуха.

— И в этой пустоте ничто не заменяет воздуха?

— Нет, заменяет — эфир, — ответил Барбикен.

— А что такое эфир?

— Эфир, дорогой мой, это смесь невесомых атомов, которые, согласно учению молекулярной физики, соответственно своим размерам, так же удалены один от другого, как небесные тела во вселенной. И вместе с тем эти расстояния меньше трех миллионных долей миллиметра. Атомы-то вследствие своего движения и вращения и оказываются источником тепла и света. Они производят в одну секунду четыреста тридцать триллионов колебаний амплитудой от четырех до шести десятимиллионных миллиметра.

— Миллиарды миллиардов! — вскричал Мишель Ардан. — Подумать только, что люди не поленились измерить и сосчитать эти колебания. Ну знаешь, дорогой друг, все эти цифры и выкладки твоих ученых потрясают слух, но ничего не говорят уму.

— И все-таки приходится прибегать к цифрам...

— Ну нет. Мне гораздо понятнее метод сравнений. Любой предмет, принятый за мерило, скажет нам гораздо больше. Например, если ты мне твердишь, что объем Урана больше объема Земли в семьдесят шесть раз, а объем Сатурна — в девяносто раз, Юпитера — в тысячу триста раз, Солнца — в миллион триста тысяч раз, никакого наглядного представления эти цифры мне не дают. Я предпочитаю систему Льежской обсерватории, которая попросту и без дураков говорит: «Солнце — это тыква диаметром в два фута, Юпитер — апельсин, Сатурн — анисовое яблоко, Нептун — черешня, Уран — крупная вишня, Земля — горошина, Венера — горошинка, Марс — булабочная головка, Меркурий — горчичное зернышко, Юнона, Церера и Паллас — песчинки. Это дает мне хотя бы некоторое представление о сравнительной величине планет.

После этого выпада Мишеля Ардана по адресу ученых и астрономических цифр, которыми они не моргнув глазом испещряют бесчисленные столбцы своих трудов, путешественники приступили к погребению Сателлита.

Надо было выбросить его труп в пространство так же, как моряки выкидывают в море мертвецов.

По указаниям Барбикена, вся процедура похорон требовала крайней расторопности, чтобы предотвратить потерю воздуха, который благодаря своей эластичности мог быстро улетучиться в мировое пространство. Болты правого окна, шириной около тридцати сантиметров, были осторожно отвинчены, и Мишель, подняв на руки труп Сателлита, приготовился вышвырнуть его в окно. При помощи мощного рычага, позволявшего преодолеть

давление внутреннего воздуха на стенки снаряда, стекло быстро повернулось на шарнирах, и Сателлит был выброшен... Из снаряда улетучилось при этом самое большое несколько молекул воздуха, и вся операция была выполнена так удачно, что впоследствии Барбикен уже не боялся таким же манером отделываться от всякого хлама, загромождавшего их вагон.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Вопросы и ответы.

4 декабря хронометры показывали пять часов земного утра, когда путешественники проснулись после пятидесятичетырехчасового путешествия. Они провели в снаряде только пятью часами сорока минутами больше половины предполагаемого срока, а между тем ядро успело пролететь уже семь десятых всего пути. Это несоответствие объяснялось непрерывным снижением скорости снаряда.

Когда друзья через нижнее окно поглядели на Землю, она показалась им темным пятном, померкшим в солнечном сиянии. Ни серпа, ни пепельного света — ничего уже не было. На следующий день в полночь нужно было ждать «новоземелия» в то самое время, когда Луна вступит в фазу полнолуния. Наверху ночное светило становилось все ближе и ближе к траектории снаряда, так что встреча должна была произойти точно в назначенный срок. Весь черный небосвод был испещрен множеством сверкающих точек, которые как будто медленно передвигались, но вследствие огромных расстояний, отделяющих их от снаряда, относительная величина их не изменялась. Солнце и звезды видны были так же, как и с Земли. Луна же хотя и казалась значительно крупнее, но в сравнительно слабые подзорные трубы путешественников еще нельзя было наблюдать деталей ее поверхности, ни топографического или геологического строения.

Время протекало в непрерывных беседах. Говорили главным образом о Луне; каждый высказывал все, что знал: Барбикен и Николь, как и всегда, делились научными сведениями, а Мишель угощал их своими неистощимыми фантазиями. Много толковали о самом снаряде, о его положении в пространстве и направлении пути, о возможных случайностях, о необходимых предосторожностях, которые следовало принять при падении на Луну.

Как-то раз во время завтрака один вопрос Мишеля о снаряде вызвал очень любопытный ответ Барбикена, который стоит здесь привести.

Мишеля интересовало, что случилось бы со снарядом, если бы при начальной скорости полета его остановило какое-либо препятствие.

— Я не представляю себе, — сказал председатель «Пушечного клуба», — что могло бы остановить снаряд?

— Ну все-таки предположим, что это случилось бы?

— Твое предположение совершенно невероятно, — ответил Барбикен. — Разве что сила толчка оказалась бы недостаточной; но в таком случае скорость снаряда стала бы снижаться постепенно, а внезапной остановки все-таки произойти не могло.

— Ну а если бы он столкнулся с каким-нибудь телом?

— С каким же, например?

— Да хоть с тем же огромным болидом, который мы встретили.

— Тогда, — сказал Николь, — снаряд вместе со всеми нами разлетелся бы на тысячу кусков.

— Мало этого, — добавил Барбикен, — мы бы при этом живо сгорели.

— Сгорели! — удивился Мишель. — А жаль, что ничего подобного не случилось: интересно было бы посмотреть.

— Много бы ты увидел! — отозвался Барбикен. — Теперь известно, что тепло есть особый вид движения; если ты нагреваешь воду, то есть сообщаешь ей теплоту, это значит, что ты приводишь в движение частицы воды.

— Подумайте! — воскликнул Мишель. — Вот остроумная теория.

— И совершенно правильная, милый друг. Теплота — это движение молекул, то есть попросту движение мельчайших частиц тела. Если нажать тормоз железнодорожного поезда, он остановится. А куда же при этом денется движение? Движение превратится в теплоту, и тормоз нагреется. Почему смазывают оси колес? Чтобы предотвратить нагрев, иначе произойдет потере движения, превращенного в тепло. Понимаешь?

— Еще бы! — воскликнул Мишель. — Прекрасно понимаю! Значит, например, если я очень долго бежал или плавал и с меня градом валит пот, почему я останавливаюсь? Очень просто: мое движение превратилось в теплоту!

Шутка Мишеля заставила Барбикена улыбнуться.

Затем он снова вернулся к своей теории.

— Таким образом, в случае столкновения нашего снаряда с каким-нибудь телом случилось бы то же, что и пулей, которая отскакивает горячей после удара о металлическую пластину. Ее движение превращается в теплоту. Я утверждаю, что если бы наше ядро столкнулось с болидом, резкое сокращение его скорости вызвало бы такую температуру, что снаряд в одно мгновение не только расплавился, а даже испарился бы.

— А что же случилось бы, если бы Земля внезапно прекратила свое поступательное движение? — спросил Мишель.

— Ее температура повысилась бы до такой степени, что наша планета тотчас превратилась бы в пар.

— Здорово, — сказал Мишель, — вот прекрасное средство покончить с нашим миром и избавить людей от всех земных несчастий.

— А если бы Земля упала на Солнце? — спросил Николь.

— По расчетам,— ответил Барбикен,— такое падение вызвало бы развитие теплоты, равной теплоте сгорания тысячи шестисот шаров угля, по объему равных земному шару.

— Недурная порция тепла для Солнца,— воскликнул Мишель.— Обитатели Урана и Нептуна вряд ли пожаловались бы на такую прибавку, ведь они, должно быть, замерзают от холода на своих планетах.

— Итак, друзья мои,— продолжал Барбикен,— всякое резко прерванное движение порождает теплоту. На основании этой теории можно допустить, что солнечное тепло поддерживается множеством болидов, которые непрерывным градом падают на поверхность Солнца. Вычислено даже, что...

— Берегись, осторожнее,— вставил Мишель,— мы опять подходим к цифрам.

— Вычислено даже,— продолжал невозмутимо Барбикен,— что при ударе каждого болида о поверхность Солнца развивается количество тепла, равное теплу от сгорания четырех тысяч единиц каменного угля того же объема.

— А какова теплота Солнца? — спросил Мишель.

— Если бы Солнце окружить слоем угля толщиной в двадцать семь километров, то сгорание его дало бы теплоту, равную солнечной.

— И эта теплота?..

— Посредством этой теплоты можно бы в час вскипятить два миллиарда девятьсот миллионов кубических мириаметров воды.

— Почему же мы до сих не изжарились! — воскликнул Мишель.

— Потому что атмосфера, окружающая земной шар, поглощает четыре десятых солнечного тепла. К тому же тепло, получаемое Землею, составляет не более одной двухмиллиардной доли всего солнечного тепла.

— Я вижу,— сказал Мишель,— что все к лучшему на этом свете и что эта ваша атмосфера — полезная штука, потому что она не только позволяет нам дышать, но и мешает нам изжариться.

— Да,— сказал Николь,— но на Луне, к несчастью, дело обстоит по-другому.

— Подумаешь! — воскликнул неунывающий Мишель. — Если там есть жители, они чем-то дышат. Если их уже нет, они, я надеюсь, оставили достаточно кислорода на троих человек хотя бы где-нибудь в долинах, где он мог скопиться благодаря своей тяжести. Ну что ж, мы не будем взбираться на горы, вот и все!

С этими словами он встал и направился к окну смотреть на сиявший ослепительным блеском лунный диск.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Здорово же там жарко!

— Не говоря уже о том,— прибавил Николь,— что день на Луне длится триста шестьдесят часов.

— Но зато,— пояснил Барбикен,— и ночи там такие же

длинные, а так как тепло теряется в пространство от излучения, ночная температура Луны не должна отличаться от температуры межпланетных пространств.

— Теплое местечко, что и говорить! — сказал Мишель. — Ну что же, не беда! Я бы хотел уже быть там! Эх, дорогие друзья, а ведь и впрямь забавно иметь Землю вместо Луны, видеть, как она встает из-за горизонта, угадывать очертания ее материков и говорить себе: «Вот тут Америка, а вон там Европа», потом следить, как она меркнет в солнечных лучах. Кстати, Барбикен, могут ли лунные жители наблюдать затмения?

— Да, солнечные затмения могут, — ответил Барбикен, — когда центры Солнца, Луны и Земли находятся на одной прямой линии и притом Земля стоит между обоими светилами. Но эти затмения частичные, потому что Земля, заслоняющая, как экран, солнечный диск, слишком мала и оставляет видимой большую часть Солнца.

— А почему же не может быть полного затмения? — спросил Николь. — Ведь теневой конус, отбрасываемый Землей, выходит далеко за пределы Луны!

— Да, если не учитывать преломления лучей в земной атмосфере. И нет, если мы будем иметь в виду это преломление. Обозначим дельтой прим горизонтальный параллакс, а p прим видимый диаметр...

— Ух! — вздохнул Мишель, — опять половина u плюс ноль в квадрате. Говори, пожалуйста, так, чтобы тебя могли понять простые смертные, ходячая ты алгебра!

— Изволь! — согласился Барбикен. — Итак, говоря вульгарно, так как среднее расстояние от Луны до Земли равно шестидесяти радиусам Земли, то длина теневого конуса вследствие преломления сократится по крайней мере до сорока двух радиусов. А поэтому во время затмений Луна оказывается за пределами чисто теневого конуса и освещается не только периферийными, но и центральными солнечными лучами.

— Тогда почему же все-таки затмение происходит, раз, по вашему, его быть не должно? — шутиливо допытывался Мишель.

— Только потому, что эти солнечные лучи оказываются ослабленными преломлением и большая их часть поглощается атмосферой, через которую они проходят.

— Такое объяснение меня вполне удовлетворяет, — заявил Мишель. — К тому же мы все это проверим, когда окажемся на Луне. А теперь, Барбикен, скажи мне, веришь ли ты, что Луна — древняя планета?

— Что за идея?

— Представь, — сказал Мишель с забавной важностью, — мне тоже иногда приходят в голову разные идеи.

— Эта идея принадлежит не Мишелю, — сказал Николь.

— Ну и слава богу, значит, я плагиатор.

— Ну конечно, — ответил Николь. — Если верить преданиям

древних, жители Аркадии, например, считали, что их предки жили в те времена, когда Луна еще не была спутником Земли. На основании этого некоторые ученые считали Луну кометой, чья орбита однажды приблизилась к Земле настолько, что оказалась в сфере притяжения Земли.

— Ну а что же в этой гипотезе соответствует истине? — спросил Мишель.

— Да ничего, — ответил Барбикен, — и доказательством тому служит тот факт, что на Луне не осталось и следа той газообразной оболочки, которая всегда окружает кометы.

— А разве Луна, — предположил Николь, — прежде чем она стала спутником Земли, не могла, находясь в перигелии, настолько близко подойти к Солнцу, чтобы все ее газообразные вещества испарились?

— Могло быть и так, друг Николь, но это маловероятно.

— Почему?

— Потому что... Впрочем, не знаю почему.

— Ага! — торжествовал Мишель. — О том, чего мы не знаем, можно написать сотни томов.

— А скажите, пожалуйста, который теперь час? — спросил Барбикен.

— Три часа, — ответил Николь.

— Как незаметно проходит время в беседах таких ученых, как мы, — сказал Мишель. — Я чувствую, как с каждым часом я становлюсь умнее и образованнее.

С этими словами он залез под свод снаряда, «чтобы лучше наблюдать Луну», как он выразился. Товарищи его в это время смотрели в нижнюю раму, где не видно было ничего нового.

Через несколько минут Ардан снова спустился вниз и, подойдя к боковому иллюминатору, вскрикнул от изумления.

— Что случилось? — спросил Барбикен.

Председатель «Пушечного клуба» поспешно подошел к окну и увидел нечто вроде сплющенного мешка, который летел в нескольких метрах от снаряда. Мешок, казалось, висел неподвижно. Следовательно, он летел с той же скоростью, что и ядро.

— Это еще что за штука, — спросил Ардан. — Может быть, это какая-нибудь межпланетная частица, которую наш снаряд захватил в сферу своего притяжения, и этот «спутник» будет сопровождать нас до самой Луны?

— Меня вот что удивляет, — заметил Николь. — Каким образом это тело, удельный вес которого несомненно намного меньше удельного веса нашего снаряда, может так стойко держаться на одном уровне с нами.

— Николь, — сказал Барбикен после нескольких минут размышления, — я не знаю, что это за тело, но могу вам объяснить, почему оно держится на одном уровне с нашим снарядом.

— Почему же?

— Потому что мы теперь летим в пустоте, мой дорогой капи-

тан, а в пустоте все тела падают или движутся (что одно и то же) с одинаковой скоростью, независимо ни от формы тела, ни от его веса. Это воздух своим сопротивлением создает различия в весе. Если из длинной трубы выкачать насосом весь воздух, то всякий предмет, который вы введете в эту трубу, будь то пылинки или кусочки свинца, станет двигаться в ней с одинаковой скоростью. И здесь, в межпланетном пространстве, мы имеем ту же причину и те же следствия.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь. — Значит, все, что бы мы ни выкинули из снаряда, будет лететь вместе с нами вплоть до самой Луны.

— Какие же мы дураки! — воскликнул Мишель.

— Чем же мы заслужили такую лестную характеристику? — спросил Барбикен.

— А тем, что мы не догадались наполнить наш вагон всякими полезными предметами: книгами, инструментами, орудиями и так далее. Мы теперь могли бы их выбросить, и все это следовало бы за нами к месту назначения. Вот это мысль! Почему бы нам самим не прогуляться, как этот болид? Почему бы не выпрыгнуть в пространство через одно из окон? Какое должно быть наслаждение парить в эфире! И притом в более выгодном положении, чем птица, которая должна работать крыльями, чтобы не упасть.

— Прекрасно, — сказал Барбикен. — А чем бы ты стал дышать?

— Проклятый воздух, его всегда не хватает там, где он нужен!

— Зато если бы воздуха хватило, Мишель, ты очень скоро отстал бы от нас, так как твой удельный вес меньше веса снаряда.

— Выходит, что это заколдованный круг?

— Самый что ни на есть заколдованный!

— Значит, придется еще посидеть взаперти в этом вагоне?

— Придется.

— Черт побери! — неистово закричал Мишель.

— Что с тобой? — спросил Николь.

— Я угадал, что это за мнимый болид. Никакой это не астероид и не осколок планеты!

— Что же это, по-твоему? — спросил председатель «Пушечного клуба».

— Это наш несчастный пес! Это супруг Дианы.

Действительно, этот предмет, сплюснутый, неузнаваемый, плоский, как волынка, из которой выпустили воздух, был труп Сателлита, летевший вслед за снарядами к Луне.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Минута опьянения.

Это любопытное, но вполне логичное, странное, но объяснимое явление могло произойти только при данных необычайных условиях. Всякий предмет, выброшенный из вагона наружу, дол-

жен был следовать по той же траектории и мог остановиться только вместе со снарядом. Эта тема дала повод к беседам, которые затянулись до самой ночи. Волнение путешественников увеличивалось по мере их приближения к цели. Они готовились к неожиданностям, ждали новых «чудес» и находились в таком состоянии, что ничто не могло бы их удивить. Их воображение намного опережало снаряд, скорость которого, незаметно для пасажира, уже значительно снизилась, и Луна с каждой минутой увеличивалась на их глазах. Казалось, им достаточно протянуть руку, чтобы дотянуться до нее...

На другой день, 5 декабря, все трое были уже на ногах с пяти часов утра. Если верить вычислениям, то этот день должен быть последним днем их странствия. Именно в этот день, ровно в полночь, в самый момент полнолуния, они должны были достигнуть блестящего диска Луны. В ближайшую же полночь должно было завершиться самое необычайное из всех путешествий, какие только предпринимались в древние или в новые времена. Поэтому уже ранним утром, сквозь окна, посеребренные лучами Луны, они приветствовали ночное светило радостными и дружескими возгласами: «Ура!»

Луна величественно плыла по звездному небу; еще несколько градусов — и она очутится именно в той точке пространства, где должна произойти ее встреча со снарядом. Барбикен на основе собственных расчетов установил, что снаряд упадет в северном полушарии, где тянутся обширные равнины и лишь кое-где попадаются редкие горы — обстоятельство благоприятное, если лунная атмосфера, как полагали, действительно сохранилась только в лунных низинах.

— Равнина к тому же гораздо удобнее для нашей посадки, чем горы, — заметил Ардан. — Житель Луны, которого высадили бы в Европе на Монблане или в Азии на вершине Гималаев, еще не вправе был бы сказать, что находится на Земле.

— Есть и еще одно удобство, — добавил капитан Николь, — если снаряд упадет на плоскую поверхность, он остановится тотчас же, как только прикоснется к ней. С горы же, наоборот, он покатится как колесо, а так как мы не белки, то нам уже не выйти живыми из ядра. Стало быть, все к лучшему.

Успех дерзкого предприятия и в самом деле казался уже несомненным. Но Барбикен был все же чем-то озабочен, хотя и хранил молчание, не желая волновать своих спутников.

Дело в том, что движение снаряда по направлению к северному полушарию Луны доказывало, что его траектория несколько отклонилась. По математическим выкладкам, выстрел должен был нацелить снаряд в самый центр лунного диска. Отклонение было очевидным, но что же могло его вызвать?

Барбикен, не имея каких-либо исходных данных, не мог понять, ни даже определить степень такого отклонения. Однако он надеялся, что это отклонение не будет иметь иных последствий,

кроме их посадки в северных областях Луны, как раз наиболее для этого благоприятных.

Поэтому Барбикен, не делясь ни с кем своими опасениями, довольствовался тем, что внимательно наблюдал Луну, стараясь по возможности уловить степень отклонения снаряда.

Что могло быть ужаснее предположения, что снаряд, не достигнув цели, начнет удаляться от Луны и унесется в межпланетное пространство!

Теперь Луна уже не казалась плоским диском, уже все яснее вырисовывались ее выпуклости и горы. Если бы солнечные лучи падали сейчас на Луну косо, а не отвесно, то благодаря отбрасываемой ими тени можно было бы ясно различить высокие кольцеобразные лунные горы, увидеть зияющие кратеры и причудливые трещины, бороздящие необозримые лунные равнины. Но сейчас весь этот рельеф стусевывался из-за яркого солнечного освещения. Можно было лишь с трудом разглядеть крупные темные пятна, которые придадут Луне сходство с человеческим лицом.

— Лицо, да и только, — сказал Ардан. — Но я обижен за прекрасную сестру Аполлона — оказывается, она рябая!

Путешественники на таком близком расстоянии от цели не отрываясь вглядывались в этот неведомый мир. В своем воображении они уже странствовали по новой стране. Они взбирались на высокие пики, спускались на дно широких кратеров. То тут, то там им чудились обширные моря, едва сдерживаемые в берегах давлением разреженной атмосферы, горные потоки, несущие свои воды в эти моря. Склоняясь над бездной, они надеялись услышать хоть какой-нибудь звук с этого вечно безмолвного светила.

Этот день ярче всего запечатлелся в памяти друзей. Ни одна подробность не изгладилась из их воспоминаний. Безотчетная тревога овладевала ими по мере приближения к цели. Эта тревога, конечно, усилилась бы, если бы они только знали, насколько уменьшилась скорость снаряда: она показалась бы им явно недостаточной, чтобы долететь до цели.

В это время снаряд уже почти ничего не «весил». Вес его уменьшался непрерывно и должен был полностью исчезнуть; такое поразительное явление возможно лишь в точке, где лунное притяжение уравнивается земным.

Однако, несмотря на все волнения, Ардан с привычной ему аккуратностью не забыл приготовить завтрак. Друзья закусили с большим аппетитом. Что может быть вкуснее бульона, сваренного на газе? Что может быть лучше консервированного мяса? В довершение пиршества было выпито несколько стаканов отменного французского вина, причем Ардан не упустил случая заметить, что лунные виноградники — если они существуют — должны под палящими лучами Солнца давать самые прекрасные сорта вин. Предусмотрительный француз захватил с собою на всякий случай несколько драгоценных лоз Медока и Кот д'Ора, на которые он возлагал большие надежды.

Кислородный аппарат Рейзи Ренью действовал с необычайной точностью. Воздух в снаряде был совершенно чистым. Ни одна молекула углекислоты не могла устоять против едкого натра, а кислород, по словам капитана Николя, был «самого первого сорта». Небольшое количество водяных паров, заключавшихся в снаряде, смешиваясь с воздухом, умеряло его сухость; немногие дома Парижа, Лондона Нью-Йорка, немногие театральные залы находились в столь идеальных гигиенических условиях.

Но для правильного действия аппарата за ним требовался тщательный уход. Поэтому Мишель каждое утро осматривал регуляторы утечки, проверял краны и устанавливал температуру газа. До сих пор все шло как нельзя лучше, путешественники, подражая почтенному Дж. Т. Мастоу, начинали заметно полнеть, и, доведись им провести в своей «тюрьме» еще несколько месяцев, они вышли бы из нее совершенно неузнаваемыми. Одним словом, с ними происходило то же, что и с цыплятами в клетке — они жирели с каждым днем.

Глядя в окно, Барбикен видел труп пса и прочие предметы, выкинутые из снаряда, которые неотступно следовали за ними. Диана грустно подвывала при виде останков Сателлита. Но весь этот хлам казался неподвижным, словно он лежал на земле.

— Знаете ли, друзья, — сказал Ардан, — если бы один из нас не перенес первого толчка при вылете, было бы очень трудно «предать земле» его останки, то есть я хочу сказать «предать эфиру», так как здесь эфир заменяет землю. Посмотрите на труп Сателлита, он преследует нас как угрозыния совести!

— Да, это было бы невесело, — ответил Николя.

— Ах, — воскликнул Мишель. — Я жалею только о том, что здесь нельзя погулять! Какое было бы наслаждение парить в этом лучезарном эфире, купаться и кувыркаться в живительных солнечных лучах! Если бы Барбикен догадался заpastись скафандром и воздушным насосом, я бы рискнул вылезти из снаряда и уместился бы на нем в позе какой-нибудь «химеры» или «гиппогрифа».

— Неисправимый мечтатель, — рассмеялся Барбикен, — поверь, что ты недолго бы красовался в виде своего гиппогрифа, потому что, несмотря на скафандр, тебя раздуло бы от содержащегося в тебе самом воздуха, ты лопнул бы как граната или как воздушный шар, залетевший слишком высоко в небо. Брось свои сожаления и запомни: пока мы парим в пустоте, всякие сентиментальные прогулки за пределами снаряда запрещаются.

Мишель Ардан нехотя поддался убеждениям товарища. Он согласился, что его мечты трудно выполнимы, но все же не невозможны, так как слова «невозможно» в его словаре не существовало.

Беседа переходила с одной темы на другую и не прерывалась ни на минуту.

Трем друзьям казалось, что в их головах роятся самые раз-

нообразные идеи с тою же быстротой, как распускаются молодые побеги под первыми лучами весеннего солнца. Они чувствовали себя просто переполненными «идеями».

Среди множества вопросов и ответов, обсуждавшихся в это утро, Николь затронул вопрос, который озадачил друзей.

— Вот что,— сказал капитан,— лететь на Луну, конечно, очень интересно, а как-то мы вернемся назад?

Собеседники с изумлением переглянулись. Можно было подумать, что этот вопрос встал перед ними впервые.

— Что ты хочешь сказать? — серьезно спросил Барбикен.

— Мне кажется неуместным толковать о возвращении из страны, в которую мы даже еще и не прибыли,— добавил Мишель.

— Я же не говорю об отступлении,— возразил Николь,— но я повторяю свой вопрос: каким способом мы вернемся?

— Этого я не знаю,— ответил Барбикен.

— А я и знал бы, все равно не вернулся бы,— ответил Мишель.

— Вот так ответ! — воскликнул Николь.

— Я его одобряю,— заявил Барбикен.— И прибавлю со своей стороны, что ваш вопрос в настоящую минуту не имеет никакого существенного значения. Впоследствии, если мы найдем нужным вернуться на Землю, мы и подумаем об этом. Если колумбиады на Луне и не будет, то снаряд-то ведь всегда останется с нами.

— Хорошо утешение! Пуля без ружья!

— Ружье всегда можно сделать,— возразил Барбикен,— порох тоже: ни в металлах, ни в селитре, ни в угле не может быть недостатка в недрах Луны. К тому же, чтобы возвратиться на Землю, нужно преодолеть лишь лунное притяжение: достаточно будет подняться над Луной на восемь тысяч лье, чтобы потом, в силу закона тяготения, снаряд сам собой упал на Землю.

— Довольно,— перебил Мишель, воодушевляясь.— И слышать не хочу о возвращении! Поговорили, и будет. А вот что касается сообщения с нашими старыми земляками — по-моему, наладить его будет нетрудно.

— Каким же это образом?

— Посредством болидов, извергаемых лунными вулканами.

— Весьма остроумная идея, Мишель,— серьезно сказал Барбикен.— Лаплас высчитал, что для отправления болида с Луны на Землю совершенно достаточно силы, в пять раз превышающей метательную силу наших пушек. А ведь вулканы обладают гораздо большей силой извержения.

— Ура! — закричал Мишель.— Болиды — прекрасные почтальоны, и при этом еще даровые! Ну и посмеемся же мы над нашим почтовым ведомством! Но я думаю...

— О чем ты думаешь?

— Прекрасная идея! Как нам не пришло в голову прицепить

к снаряду проволоку! Мы могли бы обмениваться с Землей телеграммами!

— Черт возьми! — ответил Николь. — А вес проволоки длинной в восемьдесят шесть тысяч лье тебе нипочем?

— Конечно, нипочем! Можно было только удвоить заряд колумбиады! Его можно было бы утроить, учетверить, упятерить! — кричал Мишель, все больше разгораясь.

— Против этого проекта, — сказал Барбикен, — я выскажу только одно возражение. А именно, проволока при вращательном движении Земли наматывалась бы на снаряд, как цепь на вал, и, стало быть, неизбежно притянула бы нас обратно на Землю.

— Что за дьявольщина! — вскричал Мишель. — Значит, все мои нынешние идеи невыполнимы. Идеи, достойные Масто́на! Кстати, я уверен, что если мы не вернемся на Землю, то Масто́н непременно навестит нас на Луне!

— Не сомневаюсь в этом, — горячо подтвердил Барбикен. — Он верный и смелый товарищ. Да к тому же это и не так уж трудно! Колумбиада прочно врыта в землю Флориды! Хлопка и азотной кислоты для пироксилина хватит! Луна снова пересечет зенит Флориды! Через восемнадцать лет она будет в точности в той же самой точке, что и сейчас.

— Ну еще бы, — вторил Мишель, — Масто́н, конечно, навестит нас, а с ним и наши друзья: Эльфистон, Бломсбери, все члены «Пушечного клуба»... Ну и устроим же мы им прием! А там, глядишь, между Луной и Землей установятся уже регулярные рейсы поездов и снарядов! Ура Масто́ну!

Если уважаемый Масто́н и не был в состоянии расслышать эти «ура», выкрикиваемые в его честь, то в ушах у него звенело наверняка. Что-то поделявал он в это время? Стоял, бедняга, на своем наблюдательном посту в Скалистых горах, на астрономической станции Лонгспика, и старался разыскать в беспредельном пространстве снаряд колумбиады. Если он думал в эту минуту о своих дорогих друзьях, то надо сказать, что и они не оставались в долгу, и под влиянием какого-то странного возбуждения все их лучшие мысли и чувства были связаны с ним.

Чем же, однако, объяснялось это усиливавшееся с каждой минутой возбуждение пассажиров снаряда? Лица их покраснелись, точно они сидели перед раскаленной печью; дыхание сделалось бурным; легкие работали как кузнечные мехи; глаза горели, голоса звучали оглушительно громко; каждое слово вылетало из их уст как пробка из бутылки шампанского. Их жесты стали беспокойными, им не хватало места, чтобы развернуться, и, что всего удивительнее, они даже не замечали своего странного нервного возбуждения. Однако они были трезвы, это не подлежало никакому сомнению. Следовало ли приписать это странное мозговое возбуждение необычайной обстановке, близости ночного светила, от которого их отделяло всего несколько часов пути, или таинственному влиянию Луны на их нервную систему?

— А теперь,— резко произнес Николь,— раз не известно, возвратимся ли мы с Луны, я хочу знать, что мы станем на ней делать.

— Что мы станем делать? — воскликнул Барбикен, грозно топая ногой, словно он находился в фехтовальном зале.— Я этого и знать не хочу!

— Ах, ты не знаешь? — взревел Мишель, и его крик вызвал громкое эхо в снаряде.

— Нисколько об этом не забочусь! — в унисон ему кричал Барбикен.

— А я знаю! — воскликнул Мишель.

— Ну и скажи! — завопил Николь, который тоже не в состоянии был сдерживать раскаты своего голоса.

— Захочу — скажу! — ответил Мишель, резко хватая товарища за руку.

— Говори сию минуту,— гремел Барбикен, сверкая глазами и грозя кулаком.— Ты увлек нас в это безумное путешествие, и мы желаем, наконец, знать зачем!

— Да,— заорал Николь,— если я не знаю, куда иду, то хочу знать, зачем я иду!

— Зачем! — вскричал Мишель, подпрыгивая на целый метр.— Ты хочешь знать зачем? Затем, чтобы именем Соединенных Штатов завладеть Луной! Чтобы присоединить к Союзу сороковой штат! Чтобы колонизовать Луну, обработать ее, заселить, насадить там все чудеса науки, искусства и техники! Чтобы цивилизовать селенитов, если они только уже не цивилизованнее нас, и, наконец, провозгласить у них республику, если они еще не догадались сделать это сами!

— Да существуют ли еще на Луне эти селениты? — зарычал Николь, которым под влиянием непонятого опьянения словно овладел дух противоречия.

— Кто говорит, что селенитов нет? — угрожающе завопил Мишель.

— Я! — проревел в ответ Николь.

— Капитан! Посмей только повторить эту дерзость, и я закну тебе глотку!

Противники готовы были кинуться с кулаками друг на друга, и нелепый спор грозил превратиться в побоище, если бы Барбикен, подскочив, не бросился их разнимать.

— Стойте, безумные! — крикнул он, разводя Николя и Мишеля.— Если селенитов нет, мы обойдемся и без них.

— Ну конечно,— орал Мишель, уже позабыв все свои предшествующие утверждения. — Мы можем обойтись и без них! На черта нам селениты!.. Долой селенитов!

— Луна будет наша! — кричал Николь.

— Мы втроем провозгласим республику!

— Я буду конгрессом! — вопил Мишель.

— А я сенатом! — орал Николь.

— А Барбикен президентом! — рычал Мишель.

— Президент должен быть избран народом! — крикнул Барбикен.

— Президент будет избираться конгрессом, — завопил Мишель. — А так как я и есть конгресс, то я единогласно избираю тебя президентом!

— Ура! Ура! Да здравствует президент Барбикен! — кричал Николь.

— Гип-гип, ура! — подхватил Мишель Ардан.

Затем «президент» вместе с «сенатом» громовыми голосами затянули популярную песенку «Янки дудл», а конгресс вторил им, распевая в басовом регистре «Марсельезу».

Тут началась такая безудержная пляска, с иступленными жестами, дикими конвульсиями и клоунскими кульбитами, что Диана, присоединившись к этой вакханалии, неистово завывала и подпрыгнула к самому своду снаряда. Оттуда послышалось непонятное хлопанье крыльев и необычайно звонкий петушиный крик.

Пять или шесть кур, как обезумевшие летучие мыши, взлетели под потолок, ударяясь с размаху о стенки снаряда.

Тут путешественники пришли в состояние полного опьянения. Непонятно почему, воздух обжигал им легкие и дыхательное горло. Наконец в беспамятстве они замертво упали на дно снаряда.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

На расстоянии 78 114 лье от Земли.

Что же случилось? Что было причиной такого странного опьянения, грозившего, может быть, гибельными последствиями?

Причиной была ошибка забывчивого Мишеля, которую Николь, к счастью, вовремя заметил и успел исправить.

После полного изнеможения, продолжавшегося несколько минут, капитан очнулся раньше других и постарался привести в порядок свои мысли.

Несмотря на то что он позавтракал всего лишь два часа тому назад, он чувствовал такой мучительный голод, точно не ел несколько дней. Весь его организм, от желудка до мозга, находился в высшей степени возбуждения.

Он поднялся на ноги и потребовал у Мишеля дополнительно-го завтрака, но обессиленный Мишель ничего не мог ответить. Тогда Николь решил сам заварить побольше чая, чтобы запить дюжину сэндвичей. Прежде всего, разумеется, потребовался огонь, и Николь чиркнул спичкой.

Каково же было его изумление, когда серная спичка вспыхнула таким ярким огнем, что глазам стало больно. Из газового рожка, к которому Николь поднес спичку, вырвалось пламя яркое и ослепительное, как поток электрического света.

Тут-то Николь понял все. И яркое пламя газовой горелки, и

странные физиологические явления, происходившие в его организме, и неимоверное возбуждение всех душевных и физических способностей — все стало ему ясно.

— Кислород! — воскликнул он.

И, наклонясь к кислородному аппарату, он убедился, что из крана бьет струя этого бесцветного газа, не имеющего ни вкуса, ни запаха. Без него немыслима жизнь, но избыток его в чистом виде может привести в полное расстройство человеческий организм. Беспечный Мишель по рассеянности оставил кран аппарата открытым!

Николь поспешил прекратить истечение кислорода, которым был настолько насыщен воздух в снаряде, что пассажиры могли в конце концов умереть, если не задохнувшись, то заживо сгорев.

Через час воздух очистился и вернул легким способность работать нормально. Мало-помалу три друга очнулись от опьянения. Но еще долго, как пьяницы после выпивки, они не могли стряхнуть с себя похмелье.

Мишель ничуть не смутился, узнав, что он один повинен во всем случившемся. Что за беда? Эта неожиданная оргия нарушила однообразие путешествия: под ее влиянием друзья наговорили кучу глупостей, но все это было забыто так же быстро, как и высказано.

— Ну что ж, — весело сказал француз, — право, я несколько не раскаиваюсь, что отведал этого хмельного газа. По-моему, друзья мои, очень забавно было бы открыть заведение с кислородными кабинами, где люди с ослабевшим организмом могли бы хоть несколько часов пожить более активной жизнью. Представьте себе, например, какое-нибудь собрание, где воздух был бы насыщен этим возбуждающим газом, или, положим, театр, куда администрация впускала бы его в увеличенных дозах: какой темперамент обнаружили бы актеры и зрители, сколько было бы огня, сколько восторгов! А если бы можно было подпоить кислородом не собрание, а целую нацию! Как закипела бы ее жизнь! Нацию истощенную можно было бы превратить в великую и могучую! Я думаю, что для поправления здоровья многие государства нашей старушки Европы не мешало бы подвергнуть подобному кислородному лечению!

Мишель рассуждал с такой горячностью, словно кран кислородного аппарата был все еще отвернут. Неожиданное замечание Барбикена умирило его восторг.

— Все это прекрасно, милый Мишель, — сказал он, — но не объяснишь ли ты нам, откуда взялись куры, принявшие столь деятельное участие в нашем концерте?

— Куры?!

— Ну да.

В самом деле, полдюжины кур во главе с красавцем петухом, подпрыгивая и кудача, бродили по снаряду.

— Эх, негодницы! — воскликнул Мишель. — Это кислород произвел такой переполох.

— Что ты хочешь с ними делать? — спросил Барбикен.

— Разводить их на Луне, черт возьми!

— Зачем же ты их прятал?

— Сюрприз, уважаемый председатель, неудавшийся сюрприз! Я хотел, не говоря ни слова, выпустить их на Луне. Воображаю ваше изумление, когда вы увидели бы, как эти земные пернатые преспокойно пасутся на лунных полях!

— Ах, озорник, ах, мальчишка! — воскликнул Барбикен. — Чтобы вскружить тебе голову, не нужно никакого кислорода; ты вечно в таком состоянии, которое мы пережили, нанюхавшись газа. Ты всегда как безумный.

— А кто знает, не были ли мы именно тогда умнее всего? — спросил Мишель.

После этого философского изречения друзья принялись наводить порядок в своем вагоне. Куры и петух были водворены в клетку. Но тут Барбикен и его товарищи заметили новое поразительное явление.

С той самой минуты, как они стали удаляться от Земли, их собственный вес, вес ядра и всех предметов, находившихся в нем, постепенно уменьшался.

Если они и не могли обнаружить уменьшения веса снаряда, то в конце концов должна была наступить минута, когда это странное явление они заметили бы на самих себе, на приборах и предметах, которыми они пользовались.

Обычные весы, конечно, не могли бы обнаружить этого уменьшения тяжести, потому что гири, при помощи которых взвешивается всякий предмет, потеряли бы такую же долю веса, что и самый предмет. Другое дело — пружинные весы: упругость пружины не зависит от земного притяжения, и такие весы позволили бы точно определить уменьшение веса.

Как известно, сила притяжения, или, другими словами, тяжесть, прямо пропорциональна массе и обратно пропорциональна квадрату расстояния. Отсюда вытекает, что если бы Земля была единственным телом во всей вселенной, а другие небесные тела по какой-либо причине внезапно исчезли, то снаряд, по закону Ньютона, весил бы тем меньше, чем дальше он находился бы от Земли. Но при этом он не потерял бы своего веса полностью, так как земное притяжение давало бы себя знать независимо от расстояния.

Но в данном случае должен был наступить момент, когда снаряд вышел бы из сферы действия законов всемирного тяготения, так как притяжение других небесных тел можно было считать равным нулю.

Путь снаряда лежал между Землей и Луной. По мере того как снаряд удалялся от Земли, земное притяжение изменялось обратно пропорционально квадрату расстояния. Лунное же при-

тяжение изменялось прямо пропорционально. В какой-то точке пути оба притяжения — лунное и земное — должны были уравновеситься, и тогда снаряд должен был потерять всякий вес. Если бы массы Луны и Земли были одинаковы, эта точка находилась бы как раз на середине расстояния между обеими планетами. Но так как массы их различны, то легко вычислить, что эта точка находилась на $\frac{47}{52}$ части всего пути, или в численном выражении в 78 114 лье от земли.

В этой точке равновесия притяжений всякое тело, не имеющее никакой скорости и никакого двигателя, осталось бы навеки неподвижным, потому что оба светила притягивали бы его с равной силой и ничто не могло бы заставить его лететь в ту или другую сторону.

Если сила толчка была рассчитана правильно, снаряд должен был достигнуть этой точки при нулевой скорости, утратив какие бы то ни было признаки веса вместе со всеми находящимися в нем предметами.

Что же случилось бы после этого? Представлялись три возможности.

Либо снаряд, все же сохранивший некоторую скорость, пройдя точку равных притяжений, упал бы на Луну, так как лунное притяжение возобладало бы над земным.

Либо снаряду не хватило бы скорости для достижения нейтральной точки, и тогда он упал бы обратно на Землю, так как земное притяжение возобладало бы над лунным.

Либо, наконец, двигаясь с достаточной скоростью для достижения нейтральной точки, но недостаточной, чтобы перейти за нее, он навеки остановился бы, паря на этой линии, как легендарный Магометов гроб, между зенитом и надиром.

Таково было положение, возможные последствия которого Барбикен подробно объяснил своим спутникам, чрезвычайно заинтересовав их. Как же узнать, достиг ли снаряд этой нейтральной точки, расположенной в 78 114 лье от Земли? Действительно, как это сделать, когда ни сами они, ни предметы, заключенные с ними в снаряде, уже ни в малейшей степени не подчинялись законам тяготения?

До сих пор путешественники хотя и знали, что земное тяготение постепенно убывает, однако не могли еще заметить полного его исчезновения. Но как раз в этот день утром, около одиннадцати часов, Николь уронил стакан, и, к общему изумлению, стакан не упал, а повис в воздухе.

— Вот так штука! — воскликнул Ардан. — Вот тебе и законы физики!

Действительно: различные предметы, оружие, бутылки, брошенные и предоставленные самим себе, словно чудом держались в воздухе. Мишель поднял Диану, и собака без всякого труда воспроизвела чудесный фокус висения в воздухе, показанный в

цирке Кастоном и братьями Робер-Гуден. Собака, кстати, даже и не заметила, что она парит в воздухе.

Путешественники, вступившие в этот новый мир чудес, изумленные, потрясенные, несмотря на все свои научные рассуждения, чувствовали, что телам их недостает веса. Вытянутые руки не опускались; головы качались на плечах; ноги не касались пола снаряда. Они вели себя как пьяные, потерявшие равновесие и устойчивость. Человеческая фантазия создавала людей, лишенных отражения, лишенных тени! А тут сама реальность благодаря равновесию сил притяжения двух планет создала людей, лишенных веса!

Мишель вдруг подпрыгнул и, отделившись на некоторое расстояние от дна снаряда, повис в воздухе, как добрый монах в «Ангельской кухне» Мурильо. В одно мгновение оба приятеля присоединились к Мишелю, и в центре снаряда произошло своею рода «чудесное вознесение».

— Подумать только! На что ж это похоже! Невероятно! — кричал пораженный Мишель. — Непостижимо, и все-таки это так! Вот если бы Рафаэль увидел нас в таком положении! Мы послужили бы ему прекрасной натурой для его «Вознесения»!

— Это не может долго продолжаться, — сказал Барбикен. — Как только снаряд перейдет за нейтральную линию, тотчас же начнет действовать лунное притяжение, и мы начнем падать на Луну.

— Что же, тогда нам придется стоять на верхушке снаряда, кверху ногами? — спросил Мишель.

— Нет, этого не случится, — успокоил его Барбикен, — потому что снаряд, центр тяжести которого расположен в самом низу, начнет постепенно поворачиваться дном к Луне.

— Значит, и все наше хозяйство кувырнется кверху дном?

— Успокойся, Мишель, — сказал Николь. — Бояться нечего. Ни один предмет не тронется с места, мы даже и не заметим, как перевернется снаряд.

— Совершенно верно, — добавил Барбикен. — Как только мы достигнем нейтральной точки, нижняя, относительно более тяжелая часть снаряда повернется перпендикулярно к поверхности Луны. Но чтобы это могло произойти, нам нужно пройти точку равного притяжения.

— Ах вот как: мы пересекаем линию равного притяжения! — подхватил Мишель. — В таком случае мы должны последовать обычаю моряков, пересекающих экватор: вспырснем это событие!

Одним движением Мишель достал со стены бутылку и стаканы, расставив их в «пространстве» перед приятелями, и, весело чокаясь, они троекратным «ура» приветствовали переход границы земного притяжения.

Состояние равновесия лунного и земного притяжений продолжалось не более часа. Путешественники чувствовали, что ма-

ло-помалу опускаются на дно, и Барбикен стал замечать, что конический купол снаряда начинает уклоняться от прямой, направленной к Луне, а дно приближаться к ней. Это значило, что лунное притяжение преодолевало силу земного. Падение на Луну, пока что очень незаметное, началось. Скорость падения в первую секунду равнялась всего только трети миллиметра, или 590 тысячных линии.

Но мало-помалу притягательная сила Луны неизбежно увеличится, и снаряд, обращенный конической частью к Земле, начнет с возрастающей скоростью стремиться к Луне, пока не упадет на ее поверхность. Стало быть, цель будет достигнута. Ничто уже теперь не могло помешать успеху предприятия. Николь и Ардан разделяли радость Барбикена.

Друзья обсуждали все эти столь новые для них явления, которые поражали их на каждом шагу. Восторженный Ардан делал из всего самые фантастические выводы.

— Друзья! — воскликнул он. — Какой прогресс сулила бы Земле возможность каким-нибудь способом отделаться от закона тяготения, от этой грузной цепи, которой мы прикованы к Земле! Ведь это все равно что дать свободу пленнику. Никакой усталости ни в руках, ни в ногах. Если теперь, чтобы держаться над Землею в воздухе одной только работой мускулов, нужна сила, в сто пятьдесят раз превышающая силу человека, то тогда, без законов тяготения, нам достаточно будет только усилия воли, чтобы по своей прихоти взлетать в пространство.

— Да, — заметил Николь смеясь, — если бы можно было уничтожить силу тяжести, как уничтожают боль при помощи наркоза, многое изменилось бы в нашей современной жизни!

— Решено, — вопил Мишель, воодушевленный своим фантастическим проектом, — уничтожим силу тяжести! Тогда не понадобится никаких лебедок, никаких кранов, тросов, рычагов, — все эти приспособления потеряют всякий смысл.

— Хорошо сказано, — заметил Барбикен, — но если все потянет вес, то ничто и не сможет держаться на месте: ни шляпа на твоей голове, дорогой Мишель, ни дом на своем фундаменте, потому что камни, из которых он сложен, держатся только силой тяжести. Не существовало бы лодок, которые держатся на воде только силой земного притяжения. Не осталось бы даже океана, воды которого удерживаются в равновесии только благодаря силе тяготения! Наконец от нас ушла бы и сама атмосфера, потому что ее частицы, ничем более не сдерживаемые, рассеялись бы в беспредельном пространстве...

— Какая жалость, — огорчился Мишель. — Уж эти мне положительные люди! Вечно стараются стащить меня с небес на землю!

— Утешься, Мишель, — продолжал Барбикен. — Если и не существует на свете планеты, где бы не действовали законы при-

тяжения, то все же ты побываешь на планете, где это притяжение гораздо слабее, чем на Земле.

— Это на Луне-то?

— Ну да, на Луне. Все предметы на ней весят в шесть раз меньше, чем на Земле, и это очень легко установить.

— И мы будем в состоянии заметить это?

— Разумеется, потому что сто наших килограммов на поверхности Луны весят только тридцать.

— А наша мускульная сила там не уменьшится?

— Нисколько. Если ты употребишь усилие, необходимое для прыжка на метр от земли, то на Луне при том же усилии ты подскочишь на восемнадцать футов.

— Стало быть, на Луне мы будем настоящими геркулесами! — вскричал Мишель.

— Да, тем более, — сказал Николь, — что если рост селени-тов пропорционален массе их планеты, они будут казаться нам просто карликами, ростом не больше фута.

— Лиллипуты! — обрадовался Мишель. — А я буду разыгрывать роль Гулливера! Мы воплотим в жизнь легенду о великанах. Подумайте только, как выгодно бросить собственную планету и пуститься в странствие по Солнечной системе!

— Погоди, Мишель, — остановил его Барбикен. — Если уж тебе непременно хочется быть Гулливером, советую тебе посещать только меньшие планеты нашей системы — вроде Меркурия, Венеры или Марса, массы которых меньше массы Земли. Если же ты отважишься отправиться на планеты вроде Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, роли переменятся: там ты сам будешь лиллипутом.

— А на Солнце?

— Плотность Солнца в четыре раза меньше земной, объем его в миллион триста двадцать четыре тысячи раз больше, а притяжение больше земного в двадцать семь раз. При таких условиях тамошние жители должны быть ростом по крайней мере футов в сто.

— Тысяча чертей! — вскричал Мишель. — Значит, сам я был бы на Солнце пигмеем, букашкой!

— Гулливером у великанов! — подсказал Николь.

— Именно так! — согласился Барбикен.

— Тогда нелишне было бы захватить с собой на Солнце несколько пушек.

— Ну это напрасно! — сказал Барбикен. — Снаряды на Солнце не произвели бы никакого эффекта и не пролетели бы и нескольких метров.

— Вот это здорово!

— И вполне достоверно. Притяжение этого огромного светила так сильно, что предмет весом в семьдесят килограммов на Земле будет весить на поверхности Солнца тысячу девятьсот тридцать килограммов. Твоя шляпа — десяток килограммов!

Твоя сигара — полфунта. И наконец, если ты упадешь на солнечную «землю», твой вес будет настолько велик — около двух тысяч пятисот килограммов, — что ты не сможешь подняться и стать на ноги!

— Что за черт! — воскликнул Мишель. — Стало быть, там всегда надо таскать при себе небольшую карманную лебедку! Ну, дорогие друзья, на первый раз удовольствуемся Луной. Здесь по крайней мере мы будем важными особами. А там посмотрим, стоит ли отправляться на Солнце, где нужна подъемная машина даже для того, чтобы поднести ко рту стакан вина.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Результаты отклонения.

Барбикен больше не тревожился: если окончательный исход путешествия и не был еще ясен, то по крайней мере в силе, с которой был пущен снаряд, нельзя было сомневаться. Скорость снаряда обеспечила пересечение им нейтральной линии. Стало быть, обратно на Землю снаряд упасть уже не мог. Не мог он и повиснуть в точке равного притяжения двух планет. Оставалась только одна возможность: снаряд должен был достигнуть своей цели под влиянием лунного притяжения.

Падение должно было произойти с высоты около восьми тысяч двухсот девяноста шести лье на планету, притяжение которой было, правда, слабее земного в шесть раз. Но и к такому падению надо было подготовиться не мешкая.

Меры предосторожности были двух родов: во-первых, необходимо было ослабить удар в момент соприкосновения снаряда с Луной; во-вторых, заранее умерить быстроту падения и таким образом сделать его последствия менее ощутимыми.

Барбикен очень жалел, что для ослабления удара он не мог воспользоваться теми средствами, которые с таким успехом были применены для ослабления удара при вылете из колумбиады, то есть водой, игравшей роль буфера, и разбивными перегородками. Перегородки сохранились, но воды не было. Нельзя же было расходовать драгоценный запас воды, сохранявшийся в снаряде на тот случай, если бы путешественники в первые дни своего пребывания на Луне не смогли добыть питьевой воды.

Слой воды, находившийся при вылете снаряда в деревянных перегородках, на которых держался водонепроницаемый диск, занимал не менее трех футов в высоту на площади в 54 квадратных фута. Объем этой воды достигал 6 кубических метров, а вес — 5750 килограммов. Теперь же все сосуды в снаряде не содержали и пятой доли этого количества воды. Таким образом, от этого средства ослабления толчка приходилось отказаться.

К счастью, Барбикен, не ограничиваясь водой, снабдил подвижной пол очень крепкими пружинами, предназначенными для ослабления толчка при вылете после разлома горизонталь-

ных перегородок. Эти буфера уцелели, их надо было только привести в порядок и укрепить на прежнем месте подвижной пол. Со всеми этими делами справились быстро и легко, тем более что каждая вещь была почти невесома.

Все было подготовлено. Все части хорошо пригнаны одна к другой, завинчены гайками и болтами. Все инструменты оказались налицо, и скоро восстановленный круг пола был укреплен на стальных пружинах, как стол на ножках. Эта установка повлекла за собой только одно неудобство: нижнее окно оказалось загороженным, и путешественники лишились возможности наблюдать Луну в момент отвесного падения снаряда на ее поверхность. Но с этим им приходилось мириться. К тому же из боковых окон виднелись огромные лунные пространства, как бывает видна Земля из гондолы воздушного шара.

Установка диска потребовала часа работы. После полудня все приготовления были закончены. Барбикен произвел новые наблюдения и, к великому огорчению, установил, что снаряд еще не повернулся перпендикулярно к поверхности Луны: траектория ядра совпадала с кривой, параллельной окружности лунного диска.

Ночное светило ярко сияло на небе, между тем как с противоположной стороны снаряд заливали лучи дневного светила.

Такое положение снаряда было далеко не утешительным.

— Долетим ли мы до Луны? — осведомился Николь.

— Будем действовать с тем расчетом, что мы непременно доберемся до нее, — ответил Барбикен.

— Трусый! — воскликнул Ардан. — Конечно, мы долетим, и даже скорее, чем нам этого хочется.

Этот решительный ответ заставил Барбикена снова приняться за работу. Он занялся приспособлениями, предназначенными замедлить падение снаряда.

Здесь следует вспомнить митинг, состоявшийся в городе Тампа, во Флориде, на котором выступал Николь, заняв позицию, совершенно противоположную и враждебную Барбикену, и резко возражая Мишелью Ардану. Николь утверждал тогда, что при ударе о Луну снаряд разобьется, как стекло, а Ардан возражал, что он задержит падение при помощи своевременно пущенных ракет.

И в самом деле, мощные ракеты, имея точкой опоры дно снаряда и вылетая наружу, должны были вызвать обратное действие снаряда и тем самым до некоторой степени замедлить скорость его падения. Правда, этим ракетам пришлось бы гореть в безвоздушном пространстве, но кислорода им хватило бы, потому что он заключался в самих ракетах. Ведь извержению лунных вулканов никогда не препятствовал недостаток атмосферы вокруг Луны.

Барбикен перед отъездом запасся ракетами в маленьких стальных цилиндрах с нарезкой, которые ввинчивались в дно снаряда. Изнутри они были заделаны в уровень с дном, а снаружи выступали на полфута. Их было двадцать штук. Специаль-

ное отверстие, сделанное в диске, позволяло зажать фитили, которыми были снабжены ракеты. Самые взрывы ракет должны были произойти за пределами снаряда. Взрывчатая смесь была заблаговременно заложена в каждый цилиндр. Оставалось только вовремя вынуть металлические пробки, вставленные в дно снаряда, и вместо них ввинтить цилиндры с ракетами, плотно пригнанные к отверстиям.

Эта работа была закончена и трем часам. После этого путешественникам оставалось только ждать.

Снаряд между тем заметно приближался к Луне. Он уже несомненно испытывал до некоторой степени действие ее притяжения.

Однако собственная скорость снаряда увлекала его по кривой к лунной поверхности. В результате этих двух факторов — лунного притяжения и собственной скорости снаряда — могла получиться некоторая тангенциальная линия; во всяком случае, ясно было, что снаряд не упадет отвесно на лунную поверхность, потому что иначе его нижняя часть уже давно бы повернулась к Луне под действием собственной тяжести.

Беспокойство Барбикена усилилось, когда он обнаружил, что снаряд не подчиняется силе одного только лунного притяжения. Перед ним открывалась неизвестность, страшная неизвестность — в межзвездном пространстве. Он, серьезный ученый, казалось бы, предусмотрел все три возможности: возвращение на Землю, падение на Луну и повисание снаряда в точке равного притяжения обеих планет. И вот теперь совершенно неожиданно возникала еще какая-то неведомая четвертая возможность, чреватая всеми ужасами бесконечности. Чтобы не пасть духом перед этим открытием, надо было быть таким отважным ученым, как Барбикен, таким флегматиком, как Николь, или же таким отчаянным авантюристом, как Ардан.

Люди иного склада постарались бы решить вопрос с практической точки зрения: пытались бы разгадать, куда их уносит злополучный снаряд. Но наши путешественники и не думали об этом: они интересовались только причиной отклонения снаряда. Разговор перешел на эту тему.

— Итак, мы сошли с рельсов, — сказал Ардан, — но почему?

— Я опасаюсь, — ответил Николь, — что, несмотря на все принятые меры предосторожности, колумбиада была неверно нацелена. Как бы ничтожна ни была ошибка, ее совершенно достаточно, чтобы выбросить нас за пределы лунного притяжения.

— Плохо, стало быть, целили? — спросил Мишель.

— Не думаю, — возразил Барбикен. — Пушка была установлена точно по перпендикуляру и нацелена прямо в зенит. А так как Луна проходит теперь через зенит, то мы должны были попасть в самый ее центр. Тут есть какая-то другая причина, которой я не могу еще уловить.

— Не запаздываем ли мы? — предположил Николь.

— Запоздываем? — переспросил Барбикен.

— Да,— продолжал Николь.— В письме Кембриджской обсерватории говорилось, что путь наш должен завершиться за девяносто семь часов тринадцать минут двадцать секунд. А это значит, что раньше этого срока Луна еще не подойдет к назначенной точке, а позже — уже удалится от нее.

— Совершенно верно,— подтвердил Барбикен.— Но мы вылетели первого декабря вечером, в десять часов сорок шесть минут тридцать пять секунд; на месте мы должны быть пятого в полночь, в момент полнолуния. Сегодня у нас пятое декабря, половина четвертого пополудни: ясно, что восьми с половиной часов нам бы хватило для достижения цели. Почему же мы от нее уклоняемся.

— Может быть, от излишней скорости? — снова спросил Николь. — Теперь-то нам известно, что первоначальная скорость оказалась больше предусмотренной.

— Нет, нет! Ни в коем случае,— вскричал Барбикен.— Никакой избыток скорости не помешал бы нам достичь Луны, держись наш снаряд точного направления. Нет! Наш снаряд уклонился от своей первоначальной траектории. Что-то отклонило его с пути.

— Что же? Каким образом?

— Этого я и сам не знаю...

— Слушай, Барбикен,— нетерпеливо перебил Мишель,— хочешь, я скажу тебе свое мнение об этом вопросе?

— Говори.

— Я не дал бы и полдоллара за такое открытие! Мы свернули с пути — это факт. Куда нас несет — не все ли равно? Рано или поздно мы все узнаем. Какого черта! Раз мы летим в беспредельное пространство, то попадем же мы в конце концов в сферу какого-нибудь притяжения!

Хладнокровие Мишеля Ардана не могло успокоить Барбикена. И не потому, что его тревожило неизвестное будущее,— вовсе нет! Ему хотелось во что бы то ни стало доискаться причины отклонения снаряда с намеченного пути.

Снаряд между тем продолжал лететь боком к Луне вместе со всей свитой выкинутых из него вещей. По выдающимся вершинам лунных гор Барбикен мог даже определить, что от Луны их отделяет меньше двух тысяч лье и что скорость снаряда остается почти неизменной. Это было еще новым доказательством того, что они не падают отвесно на Луну.

Собственная начальная скорость снаряда все еще преодолевала лунное притяжение, хотя траектория снаряда, видимо, приближалась к лунному диску и можно было еще надеяться, что на более близком расстоянии сила тяготения возьмет свое и заставит снаряд упасть на Луну.

За неимением более важного дела трое приятелей продолжали заниматься наблюдениями. Однако они еще не могли ясно

различить топографию земного спутника. Все контуры сливались в ярких солнечных лучах.

Друзья наблюдали Луну через боковые иллюминаторы до восьми часов вечера. Луна увеличилась настолько, что закрыла собою половину небесной сферы. Снаряд был залит с одной стороны лучами Солнца, с другой — светом Луны.

В это время Барбикен установил, что от Луны их отделяет всего лишь семьсот лье. Он выяснил, что скорость снаряда достигает двухсот метров в секунду, то есть около ста семидесяти лье в час. Нижняя часть ядра под влиянием центростремительной силы поворачивалась к Луне, но центробежная сила одерживала верх, и создавалось впечатление, что траектория снаряда выгнется в некую кривую, определить которую было еще невозможно.

Барбикен не переставал доискиваться разрешения неразрешимой задачи. Часы проходили. Снаряд явно приближался к Луне, но было совершенно очевидно, что он ее не коснется. Расстояние, на котором снаряд пройдет мимо Луны, будет зависеть от взаимодействия притягательных и отталкивающих сил, которыми обуславливалось его движение.

— Я хочу только одного, — твердил Мишель, — как можно ближе подойти к Луне, чтобы проникнуть во все ее тайны!

— Будь же проклята та причина, которая заставила наш снаряд уклониться с пути! — негодовал Николь.

— Будь же проклят... — воскликнул Барбикен, пораженный озарившей его догадкой. — Будь же проклят тот болид, который встретился нам в пути!

— Что? — переспросил Ардан.

— Что вы хотите этим сказать? — воскликнул Николь.

— Хочу сказать, — продолжал Барбикен, — что нашим уклонением мы обязаны исключительно встрече с этим блуждающим телом.

— Но ведь оно даже не коснулось нас! — заметил Мишель,

— Это ничего не значит. Масса его по сравнению с нашим снарядом огромна, и притяжения его было вполне достаточно, чтобы повлиять на направление снаряда.

— Такой пустяк! — воскликнул Николь.

— На расстоянии восьмидесяти четырех тысяч лье от Земли, — ответил Барбикен, — достаточно и такого пустяка, чтобы мы пролетели мимо Луны!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Наблюдения над Луной.

Барбикен действительно нашел единственную сколько-нибудь вероятную причину отклонения. Как бы ничтожна она ни была, только она и могла повлечь за собою отклонение снаряда от надлежащего направления. Она оказалась роковой. Смелая попытка из-за нелепой случайности оказалась обреченной на не-

удачу, и если не произойдет какого-нибудь нового, совершенно исключительного события, им не удастся попасть на Луну.

Пройдут ли они хотя бы настолько близко от нее, чтобы разрешить некоторые проблемы физики и геологии земного спутника, которые до сих пор оставались неясными? Вот единственный вопрос, занимавший наших путешественников в данную минуту. О своей судьбе они не хотели и думать. А между тем что ожидало их среди беспредельных пустынь, если не хватит воздуха, который они скоро должны израсходовать? Еще несколько дней — и они задохнутся в снаряде, который блуждал теперь по прихоти неведомых сил. Но эти несколько дней казались друзьям веками, и они каждую минуту посвящали наблюдениям над Луной, на которую уже не надеялись попасть.

Расстояние, отделявшее снаряд от Луны, определялось в это время в двести лье. С точки зрения видимости рельефа лунного диска путешественники были сейчас фактически дальше от Луны, чем жители Земли, вооруженные мощными телескопами.

В самом деле, мы знаем, что телескоп, установленный Джоном Россом в Парсонстоуне, давая увеличение в 6500 раз, приближал Луну на расстояние шестнадцати лье от Земли; а благодаря мощному окуляру Лонгспика ночное светило, при увеличении в 48 тысяч раз, оказывалось приближенным почти на расстояние двух лье, что позволяло изучить во всех подробностях любой предмет диаметром не менее десяти метров.

Итак, без телескопа топография Луны на таком расстоянии не поддавалась сколько-нибудь точному изучению. Глаза улавливали лишь смутные контуры огромных низин, довольно произвольно называемых «морями», но характер этих низин установить было невозможно. Рельефы горных хребтов расплывались благодаря яркому отраженному свету солнечных лучей. Человек, ослепленный этими лучами, невольно отводил глаза, словно от блеска расплавленного серебра.

Вместе с тем теперь уже ясно обозначалась форма Луны в виде вытянутого шара. Она казалась гигантским яйцом, острый конец которого был повернут к Земле. В далекую эпоху своего образования Луна, в жидком или газообразном состоянии, представляла собой шар совершенно правильной формы. Но вскоре, притянутая к Земле под действием силы тяготения, Луна несколько вытянулась. Став спутником Земли, она утратила первоначальную строгость и чистоту формы: ее центр тяжести сместился по отношению к ее геометрическому центру. Именно из этого некоторые ученые вывели заключение, что на противоположном полушарии Луны, которого никогда не видно с Земли, могли сохраниться воздух и вода.

Этот общий контур Луны наши путешественники могли наблюдать лишь в течение нескольких минут. Расстояние снаряда от Луны очень быстро сокращалось: скорость снаряда, значительно снизившаяся, превосходила все же в восемь или девять раз ско-

рость железнодорожных экспрессов. Наклонное положение снаряда порождало в Мишеле Ардане некоторую надежду, что они коснутся хотя бы какой-нибудь точки лунного диска. Мишель никак не мог помириться с тем, что снаряд не попадет на Луну, и непрестанно заговаривал об этом. Но Барбикен как более авторитетный ученый разубеждал его в этом со всей беспощадностью логики.

— Нет, Мишель, нет! — говорил он. — Попасть на Луну мы могли бы, только падая на нее, а мы не падаем. Мы находимся под влиянием двух сил — центростремительной, которая притягивает нас к Луне, и центробежной, которая неумолимо отталкивает нас от нее.

Это было сказано таким убедительным тоном, что Мишель потерял, наконец, всякую надежду.

Снаряд направлялся к северному полушарию Луны, которое на лунных картах помещают внизу, так как эти карты сняты при помощи телескопа, дающего, как известно, перевернутое изображение. Одна из таких карт — *Марра selenographica*¹ Бэра и Мэдлера — в настоящую минуту лежала перед Барбикеном. Северное полушарие представляло собою обширные равнины, на которых кое-где возвышались горные пики.

В полночь наступило полнолуние. В этот момент друзья находились бы уже на Луне, если бы злополучный болид не отклонил их от первоначального направления. Луна к этому времени уже достигла точки, точно вычисленной Кембриджской обсерваторией. Это была математическая точка лунного перигея в зените двадцать восьмой параллели. Наблюдатель, поместившийся в это время на дне колоссальной колумбиады, направленной перпендикулярно к горизонту, увидел бы Луну прямо над собой. Если бы продолжить ось орудия, она прошла бы в точности через центр Луны.

Нечего и говорить, что наши путешественники в эту ночь, с 5 на 6 декабря, не смыкали глаз. Да и можно ли было спать, находясь так близко от этого нового, неведомого мира? Какое там! Все чувства друзей сосредоточились на одном-единственном желании: видеть, как можно больше видеть! Они были представителями Земли, представителями человечества всех эпох, и сейчас их глазами, через их посредство человеческий род проникал в тайны своего спутника! В сильном волнении путешественники переходили от одного иллюминатора к другому,

Они вели точные наблюдения при помощи подзорных труб, то и дело сверяясь с имеющимися картами. Барбикен записывал все подробности наблюдений.

Первым наблюдателем Луны был Галилей. В его распоряжении была очень слабая труба, дававшая приблизительно тридцатикратное увеличение. Несмотря на это, ему первому удалось ус-

¹ Лунная карта (лат.).

тановить, что пятна, испещряющие лунный диск, «как глазки павлиньего хвоста», — не что иное, как горы; он даже измерил некоторые высоты, которые, по его преувеличенным расчетам, оказывались равными приблизительно одной двадцатой диаметра лунного диска, или восьми тысячам восьмистам метрам. Но Галилей не оставил после себя карты своих наблюдений.

Несколько лет спустя данцингский астроном Гевелий, измерения которого были правильны лишь дважды в месяц — в первую и вторую четверть Луны, — высчитал, что высота лунных гор на самом деле значительно меньше, а именно — равна одной двадцать шестой диаметра Луны. Его цифры, в противоположность Галилеевым, оказались преуменьшенными. Этому ученому мы обязаны первой картой Луны. Круглые светлые пятна на лунном диске представляют кольцеобразные горы, так называемые цирки, а темные — обширные моря, которые в действительности не что иное, как равнины. Гевелий дал этим горам и морям земные имена. Таким образом на Луне оказались, например, Аравия с Синаем, Сицилия с Этной в центре, Альпы, Апеннины, Карпаты, Средиземное и Мраморное моря, Черное море, Каспийское море. Эти названия мало применимы к лунным морям и горам, которые совершенно не похожи по очертаниям на своих земных соименников. Вряд ли в большом белом пятне с острокопечным мысом, граничащим на юге с обширными лунными материками, можно угадать Индийский полуостров, Бенгальский залив и Кокхину. Поэтому естественно, что эти имена не сохранились. Другой картограф, глубже познавший человеческие слабости, предложил новые наименования, льстившие человеческому тщеславию, а потому быстро и охотно принятые и укоренившиеся в науке.

Это был отец Риччиоли, современник Гевелия. Его карта была выполнена неточно, со множеством грубейших ошибок. Но зато лунные горы он окрестил именами великих людей древности и современных ученых, что и вошло впоследствии в обычай.

В XVII столетии астроном Доминико Кассини составил третью лунную карту; хотя эта карта была выполнена лучше, чем Риччиолева, но она не давала точных размеров. Несколько ее изданий разошлось, но затем медную доску, долго хранившуюся в Королевской типографии, продали на вес, как негодную вещь.

Другой знаменитый французский математик и гравер Лагир вычертил карту размером в четыре метра; но она никогда не была напечатана.

После него немецкий астроном Товия Майер в середине XVIII столетия начал было издание великолепной карты по точным, им самим проверенным измерениям, но смерть ученого в 1762 году прервала его замечательный труд.

Затем следует назвать Шретера из Лилиенталя, сделавшего наброски многочисленных лунных карт; далее — некий Лорман из Дрездена изготовил таблицы в двадцать пять листов, из кото-

рых четыре были гравированы, наконец, в 1830 году Бэр и Мэдлер составили свою знаменитую *Марра selenographica*. На этой карте совершенно точно изображен лунный диск в том виде, как он представляется земному наблюдателю; но расположение гор и равнин верны только в центральной части Луны, прочие же части — южная, северная, восточная и западная — даны в уменьшенном виде и поэтому несравнимы с центральными областями Луны. Эта топографическая карта, размером в девяносто пять сантиметров, разделенная на четыре части, представляет шедевр лунной картографии.

После перечисленных ученых можно упомянуть о лунной карте немецкого астронома Юлиуса Шмидта, о топографических трудах отца Секки, о замечательных опытах английского любителя Уорена де ла Рю и, наконец, о карте Лекутьере и Шапюи, выполненной в 1860 году в ортогональной проекции с удивительной точностью и отчетливостью.

Таков перечень различных лунных карт. Барбикен располагал двумя из них — картой Бэра и Мэдлера и картой Шапюи и Лекутьере. Они должны были облегчить ему его наблюдения.

Что касается оптических приборов, то в распоряжении Барбикена имелись отличные морские подзорные трубы, специально приспособленные для этого путешествия. Они увеличивали объекты в сто раз и, стало быть, могли приблизить Луну к Земле на расстояние менее тысячи лье. Здесь же в снаряде, на расстоянии ста двадцати километров от Луны, и в среде, где атмосфера не препятствовала видимости, эти приборы приближали Луну на расстояние тысячи пятисот метров.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Фантазии и действительность.

— Видали ли вы когда-нибудь Луну? — насмешливо спросил одного из студентов некий профессор.

— Нет, — так же насмешливо отвечал студент, — но должен сознаться, что кое-что слышал о ней.

Шутливый ответ студента могла бы повторить большая часть обитателей подлунного мира. Сколько людей слышали о Луне и никогда не видели ее в окуляре зрительной трубы или телескопа. Сколько из них никогда даже не рассматривали карты нашего спутника!

В лунной карте нас прежде всего поражает одна особенность. Материки Луны в противоположность земным материкам и материкам Марса сгруппированы главным образом в южном полушарии. Очертания их не представляют тех четких, резких линий, которыми очерчены, например, Южная Америка, Африка или Индийский полуостров. Их угловатые и причудливо изогнутые берега изрезаны множеством заливов и полуостровов. Лунные материки напоминают Зондский архипелаг, где материк раздроблен на не-

счетное число частиц. И если на Луне когда-нибудь существовало мореплавание, то оно, вероятно, было необычайно трудным и опасным. Нужно пожалеть лунных моряков и гидрографов — первых, когда они огибали эти извилистые берега лунных материков, а вторых, когда они производили их измерения.

Мы заметим также по лунной карте, что на южном полюсе Луны больше суши, чем на северном.

На северном полюсе Луны имеется также небольшая группа островов, отделенных от прочих материков обширными морями. Под словом «моря» мы понимаем, конечно, те огромные пространства, которые, по-видимому, были когда-то покрыты водой, но теперь представляют лишь обширные низины. На юге почти все полушарие занимает суша. Весьма возможно, что селениты уже успели водрузить палатку на одном из своих полюсов, тогда как Франклин, Росс, Кан, Дюмон д'Урвилль, Ламбер все еще не достигли полюсов Земли.

Что касается островов, то на Луне их чрезвычайно много. Все они имеют овальную или круглую форму, словно вычерченную циркулем, и представляют собой огромный архипелаг, напоминающий живописные островки, разбросанные между Грецией и Малой Азией, которые мифология избрала когда-то центром самых поэтических легенд. При виде лунных островов невольно вспоминаются названия Наксос, Тенедос, Милос, Карпатос и глаза инстинктивно ищут корабль Одиссея или парусник аргонавтов. Таково было, во всяком случае, впечатление Мишеля Ардана: ему чудился на лунной карте греческий архипелаг. Его друзьям, менее склонным фантазировать, вид лунных побережий напоминал скорее изрезанные берега Нью-Брансуика и Новой Шотландии, и там, где француз искал следы мифических героев, американцы выискивали точки, наиболее благоприятные для торговых колоний, центры для развития лунной торговли и промышленности.

Чтобы покончить с описанием материковой части Луны, посвятим несколько слов ее орографии. На Луне всюду ясно видны горные цепи, кольцообразные горы, цирки, кратеры и трещины. Весь лунный рельеф изобилует такими неровностями и так сильно пересечен, что на первый взгляд кажется какой-то громадной Швейцарией или необъятной Норвегией. Эта поверхность, столь неровная и изрезанная, — результат последовательных сжатий лунной коры в период ее формирования. Лунный диск представляет обширное поле для изучения интереснейших геологических явлений. Хотя, по мнению некоторых астрономов, лунная поверхность древнее поверхности Земли, но Луна все-таки лучше сохранилась. Здесь нет вод, изменяющих первобытное строение поверхности и сглаживающих ее общий рельеф; нет и воздуха, разрушительное действие которого изменяет профиль местности. На Луне всюду видна в первобытной чистоте работа плутонических сил без вмешательства нептонических стихий. Это Земля в том виде, какой она была, пока моря и реки не покрыли ее наносными слоями.

После обзора лунных материков взгляд устремляется к еще более обширным морям. Эти моря своим положением, очертаниями и внешним видом не только напоминают земные океаны, но, так же как и на Земле, занимают большую часть лунной поверхности. Однако «морья» и «океаны» не заполнены водой, это просто низменности, природу и свойства которых надеялись выяснить в ближайшее же время наши путешественники.

Древние астрономы присвоили этим мнимым морям довольно-таки замысловатые названия, которые сохранились в науке и поныне. Мишель Ардан был совершенно прав, когда сравнивал лунные карты с картой «Страны Нежности», вычерченной некоей м-ль Сюдери или Сирано де Бержераком.

— Но при этом,— добавлял он,— это не какая-нибудь сентиментальная карта семнадцатого века, это карта самой жизни, четко разграниченная на две части: женскую и мужскую. Женщинам отведено правое полушарие, мужчинам — левое.

В ответ на такие рассуждения прозаические друзья Мишеля только пожимали плечами. Барбикен и Николь рассматривали лунную карту с совершенно иной точки зрения, чем их восторженный друг. Между тем этот фантазер был до некоторой степени прав. Судите сами.

В левом полушарии Луны раскинулось море Облаков, в котором так часто блуждает человеческий разум. Немного поодаль расположено море Дождей, питаемое всеми тревоблениями жизни. Рядом с ним простирается океан Бурь, где мужчина беспрестанно борется со своими страстями, которые так часто одерживают над ним победу. И наконец обесиленный, измученный разочарованиями, предательствами, изменами и всеми земными испытаниями, что же находит он в конце своего пути? — море Тумана и освежающие капли залива Росы! Туманы, облака, дожди, бури — не в этом ли состоит вся жизнь мужчины?

В правом полушарии, «посвященном женщинам», помещаются менее обширные моря, символические названия которых отражают все перипетии женской судьбы: море Ясности, над которым склоняется молодая девушка; озеро Снов, зеркало, чарующее ее картинами счастливого будущего. А далее море Нектара с его потоками нежности и ласковыми дуновениями ветерка! А вот море Плодородия, море Кризисов, море Вздохов, размеры которого, пожалуй, слишком малы, и, наконец, безбрежное море Спокойствия, поглощающее все обманы и разочарования страстей, все бесполезные мечты, все неутоленные желания, воды которого спокойно вливаются в озеро Смерти!

Как удивительно чередуются здесь названия! Какое странное разделение Луны на эти два полушария, связанные между собой так же неразрывно, как связаны мужчина и женщина, и символически передающие судьбу обоих. Не прав ли был увлекающийся Мишель, именно так толкуя фантастические имена, придуманные древними астрономами?

В то время как воображение Мишеля «бороздило лунные моря», его ученые друзья изучали земной спутник как географы. Они заучивали этот новый мир наизусть. Они измеряли его углы и диаметры.

Для Барбикена и Николя море Облаков представляло собой огромную равнину на лунной поверхности, испещренную там и сям кольцевыми горами, цирками. Занимая западную часть южного полушария, оно простирается на 84 800 квадратных лье, с центром, находящимся на 15 градусе южной широты и 20 градусе западной долготы. Океан Бурь (*Oceanus Procellarum*) — самая крупная низменность Луны — охватывает площадь в 328 300 квадратных лье с центром на 10 градусе северной широты и 45 градусе восточной долготы. Здесь возвышаются величественные сверкающие вершины Кеплера и Аристарха.

Далее к северу, отделенное от моря Облаков высокими горными хребтами, простирается море Дождей (*Mare Imbrium*), с центром на 35 градусе северной широты и 20 градусе восточной долготы; оно почти круглой формы и занимает площадь в 193 тысячи квадратных лье. Недалеко от него находится море Влажности (*Mare Humorum*) с небольшим бассейном в 44 200 квадратных лье, расположенное на 25 градусе южной широты и 40 градусе восточной долготы. И наконец, на границе этого полушария вырисовываются три залива — залив Зноя, залив Росы и залив Радуг — небольшие впадины, зажатые между высокими горными цепями.

«Женское полушарие», по очертаниям, естественно, более причудливое, отличается большим количеством менее крупных морей. На севере — море Холода (*Mare Frigoris*) на 55 градусе северной широты и 0 градусе долготы, площадью в 7600 квадратных лье, примыкающее к озеру Смерти и озеру Снов; море Ясности (*Mare Serenitatis*) на 25 градусе северной широты и 20 градусе западной долготы, с площадью в 86 тысяч квадратных лье; море Кризисов (*Mare Crisium*), ясно очерченное, почти круглое, охватывающее площадь в 40 тысяч квадратных лье, от 17 градуса северной широты до 55 градуса западной долготы, — настоящее Каспийское море, окруженное поясом гор. Затем на экваторе, на 5 градусе северной широты и 25 градусе западной долготы, — море Спокойствия (*Mare Tranquillitatis*), занимающее 121 509 квадратных лье. Это море сообщается на юге с морем Нектара (*Mare Nectaris*) протяженностью в 28 800 квадратных лье, на 15 градусе южной широты и 35 градусе западной долготы, и на востоке — с морем Плодородия (*Mare Fecunditatis*), самым обширным в этом полушарии, занимающим 219 300 квадратных лье, на 3 градусе южной широты и 50 градусе западной долготы. И наконец, на самом севере и на самом юге имеются еще два моря — море Гумбольдта (*Mare Humboldtianum*) поверхностью в 6500 квадратных лье и Южное море (*Mare Ausirale*) поверхностью в 26 тысяч квадратных лье.

В центре лунного диска, на самом экваторе и нулевом меридиане, открывается Центральный залив (Sinus Medii) — своего рода звено между двумя полушариями.

Вот в каком виде представлялась Николю и Барбикену видимая с Земли поверхность земного спутника. Когда они подсчитали результаты своих измерений, оказалось, что поверхность лунного полушария занимала 4 738 160 квадратных лье, из которых 3 317 600 квадратных лье приходились на вулканы, горные цепи, цирки, острова, одним словом — все, что составляет сушу Луны, и 1 410 400 квадратных лье падали на моря, озера, болота, заливы, — все, что, казалось, должно быть заполнено водой. Ко всем этим вычислениям наш любимец Мишель был совершенно равнодушен.

Как известно, лунное полушарие в тринадцать с половиной раз меньше земного, но наши селенографы уже насчитали на нем более пятидесяти тысяч кратеров. Эта ноздреватая, изрытая, вздутая поверхность, похожая на шумовку, вполне заслужила малопоэтическое название «green cheese», то есть «зеленого сыра», данного Луне англичанами.

Ардан даже привскочил, услышав от председателя «Пушечного клуба» такое нелестное прозвище.

— Так вот как англосаксы девятнадцатого века именуют красавицу Диану, светлокудрую Фебу, очаровательную Изиду, величественную царицу ночи Астарту, дочь Латоны и Юпитера, юную сестру лучезарного Аполлона!..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Поверхность Луны.

Принятое ядром направление, как мы уже заметили раньше, относило его к северному полушарию Луны. Путешественники давно уже пролетели бы ту точку, в которой снаряду следовало упасть, если бы траектория его полета не потерпела непоправимого отклонения.

Было половина первого ночи. По расчетам Барбикена, снаряд находился в расстоянии 1400 километров от Луны — расстоянии, немного превышающем радиус Луны; оно должно было сократиться по мере приближения снаряда к лунному полюсу. Ядро в это время находилось не на высоте экватора, а пересекало его по десятой параллели; начиная с этой широты, аккуратно прочерченной на карте до самого полюса, Барбикен и оба его товарища могли наблюдать Луну в самых благоприятных условиях.

Действительно, при наблюдении в зрительные трубы Луна приблизилась и ним с расстояния в 1400 километров на расстоянии 14 километров, то есть трех с половиной лье. Телескоп Скалистых гор давал еще большее приближение, но земная атмосфера значительно ослабляла его оптическую мощностъ. Поэтому Барбикен, усевшись у окна с зрительной трубой в руках, успел

уже заметить некоторые подробности, почти недоступные для земного наблюдателя.

— Друзья мои,— сказал председатель «Пушечного клуба» проникновенным тоном,— я не знаю, куда мы летим, не знаю, удастся ли нам когда-либо увидеть наш земной шар. И все-таки будем вести себя так, как если бы нашими трудами когда-нибудь могли воспользоваться наши ближние. Пусть ваших мыслей не омрачают никакие заботы. Мы — прежде всего — астрономы. Наш снаряд — это тот же кабинет Кембриджской обсерватории, только перенесенный в межпланетное пространство. Займемся же наблюдениями!

С этими словами Барбикен принялся за работу с удвоенной энергией, точно вычерчивая рельеф лунной поверхности с различных расстояний, на которых снаряд последовательно пролетал над Луной.

Держась на высоте десятой параллели северной широты, снаряд, по-видимому, неуклонно шел по меридиану двадцати градусов восточной долготы.

Здесь кстати будет сделать одно важное замечание по поводу карты, которой пользовались путешественники в своих наблюдениях.

На лунных картах вследствие обратного изображения всех предметов в зрительных трубах юг оказывается наверху карты, а север внизу. Казалось бы, что по той же самой причине восток должен находиться налево, а запад — направо. На самом же деле это не так. Если лунную карту перевернуть так, чтобы Луна приняла положение, в котором мы ее наблюдаем с Земли простым глазом, то восток был бы налево, а запад — направо, в противоположность земным картам. Это объясняется тем, что наблюдатели, находящиеся в северном полушарии Земли, положим в Европе, видят полную Луну в южной части неба. Наблюдая ее, они спиной обращены к северу — положение обратное тому, которое они занимают, рассматривая земную карту. А так как они находятся спиной к северу, восток оказывается у них слева, запад — справа. Для наблюдателей же, находящихся в южном полушарии,— например, в Патагонии,— запад оказался бы слева, а восток — справа, потому что они стоят лицом к северу, а спиной — к югу.

Такова причина кажущегося перемещения двух координат — востока и запада,— о котором всегда надо помнить, чтобы следить за наблюдениями Барбикена.

С помощью «*Марра selenographica*» Бэра и Мэдлера путешественники могли безошибочно распознавать ту часть Луны, которая находилась в поле зрения их трубы.

— Что же мы видим в данную минуту? — спросил Мишель.

— Северную часть моря Облаков,— разъяснил Барбикен.— Оно еще слишком далеко от нас, и поэтому трудно определить его природу. Состоят ли эти равнины из бесплодных песков, как

утверждали древние астрономы, или же это обширные леса, как полагал Уорен де ла Рю, приписывавший Луне очень низкую и плотную атмосферу,— все это мы узнаем позднее. Не будем ничего утверждать, пока не получим на это права.

Границы моря Облаков обозначены на картах довольно неопределенно. Полагают, что эта обширная равнина усеяна глыбами остывшей лавы, изверженной вулканами, находившимися с правой стороны этого моря.

Снаряд заметно приближался к Луне, и уже можно было различить горные цепи, окаймлявшие море Облаков с севера.

— Что это? — спросил Мишель.

— Коперник,— отвечал Барбикен.

— Посмотрим, каков этот Коперник!

Эта гора, расположенная на девятом градусе северной широты и двадцатом градусе восточной долготы, возвышается на 3438 метров над уровнем лунной поверхности. Она хорошо видна с Земли и доступна изучению астрономов, особенно когда наблюдения производятся между последней четвертью Луны и новолунием, ибо в это время тень, отбрасываемая горой, тянется далеко с востока на запад и позволяет измерить ее высоту.

После горы Тихо, находящейся в южном полушарии, Коперник представляет самую величественную вершину на всем лунном диске. Он стоит одиноко, как исполинский маяк, на границе моря Облаков и океана Бурь, освещая своими яркими лучами одновременно оба моря. Нет ничего величественнее длинных светящихся полос, особенно ослепительных во время полнолуния, которые тянутся к северу за горные цепи и угасают, наконец, в море Дождей. В час земного утра снаряд, словно воздушный шар, унесенный ввысь, парил над этой величественной горой.

Барбикен мог ясно разглядеть ее очертания. Коперник принадлежит к разряду кольцеобразных гор первой величины, то есть к самым крупным циркам. Подобно Кеплеру и Аристарху, горам, которые господствуют над океаном Бурь, он кажется иногда сверкающей точкой на фоне пепельного диска, почему его считали одно время действующим вулканом. На самом же деле Коперник — потухший вулкан, так же как и все прочие вулканы, расположенные на этой стороне Луны. Окружность его цирка равняется приблизительно двадцати двум лье в диаметре.

При помощи зрительной трубы на склонах Коперника можно было различить вулканические напластования — следы последовательных извержений вулкана; все вокруг было покрыто глыбами застывшей лавы, заметными также и на дне самого кратера.

— На Луне много разного рода цирков,— сказал Барбикен,— и цирк Коперника, очевидно, принадлежит к типу лучевых систем. Если бы мы подошли к нему ближе, мы заметили бы конусы, торчащие на его дне и бывшие некогда огнедышащими кратерами. Поразительная, характерная для всех лунных цирков особенность заключается в том, что уровень их дна гораздо

ниже окружающей их равнины, в противоположность земным вулканам. Отсюда следует, что общая кривая дна таких цирков окажется меньшего диаметра, чем диаметр самой Луны.

— В чем же причина такой особенности? — спросил Николь.

— Этого никто не знает, — ответил председатель «Пушечного клуба».

— Какой ослепительный блеск! — повторял Мишель. — Едва ли можно встретить где-либо более величественное зрелище.

— Погоди, что еще ты скажешь, если случайности путешествия увлекут нас к южному полушарию?

— Скажу, что там еще лучше! — ответил без запинки Мишель Ардан.

В эту минуту снаряд проносился над самым кратером Коперника. Цирк имел форму почти правильного круга, и его крутые склоны выделялись очень отчетливо. Можно было даже заметить окружающую кратер двойную кольцеобразную горную гряду. Кругом расстилалась пустынная серая равнина, на фоне которой выделялись желтоватые холмы. На дне цирка, как в оправе, на мгновение сверкнули, словно громадные бриллианты, два-три конуса. Края цирка к северу постепенно понижались, опускаясь до уровня дна кратера.

Пролетая над окрестной равниной, Барбикен успел отметить огромное количество небольших гор, между прочим, невысокую кольцевидную гору, носящую название Гей-Люссак, диаметром в двадцать три километра. К югу равнина была совершенно плоской, без всяких возвышенностей. К северу, напротив, вплоть до того места, где она примыкает к океану Бурь, она напоминала водную поверхность, взволнованную ураганом; вершины гор и холмов казались рядами вздыбленных и окаменевших в своем движении волн. Всюду в разных направлениях равнину пересекали лучевые полосы, сходящиеся в одну точку на вершине Коперника. Некоторые из них имели до тридцати километров в ширину и уходили в беспредельную даль.

Путешественники рассуждали о природе этих световых полос, но, так же как и земные наблюдатели, не могли установить причину этого странного явления.

— А почему бы не допустить, что эти лучи — отроги гор, особенно ярко отражающие солнечный свет?

— Вряд ли, — ответил Барбикен. — Если бы это было так, то эти отроги при некоторых положениях Луны относительно Солнца отбрасывали бы тень, чего на самом деле нет.

И действительно, световые полосы появлялись только в то время, когда Солнце стояло прямо против Луны; при косых лучах полосы исчезали.

— Чем же все-таки объясняют эти белые лучи? — спросил Мишель. — Я не могу поверить, чтобы ученые признались в своем бессилии.

— Гершель высказал одно предположение, но не настаивал на нем,— ответил Барбикен.

— Что же это за предположение?

— Он считал, что световые полосы не что иное, как потоки застывшей лавы, которые блестят в то время, когда солнечные лучи падают на них отвесно. Это возможно, но ручаться за правильность такого объяснения нельзя. Впрочем, если мы подойдем ближе к горе Тихо, нам, пожалуй, удастся открыть причину этих блестящих полос.

— А знаете ли, друзья, на что похожа эта равнина, если глядеть на нее с высоты, на которой мы сейчас находимся? — спросил Мишель.

— Не знаю,— ответил Николь.

— Все эти обломки лавы, вытянутые наподобие веретена, кажутся огромной грудой бирюлек, разбросанных в причудливом беспорядке. Недостает только крючка, чтобы вытащить их одну за другой.

— Перестань шутить! — остановил его Барбикен.

— Ну что ж, будем серьезны! — согласился Мишель.— И вместо бирюлек предположим кости. Тогда наша равнина превратится в огромное кладбище, усеянное останками тысяч вымерших поколений. Может быть, тебе больше нравится это мрачное сравнение?

— Одно стоит другого,— ответил Барбикен.

— На тебя не угодишь! — возмутился Мишель.

— Дорогой мой,— сказал положительный Барбикен,— что толку обсуждать, на что это похоже, если мы даже не знаем, что это такое.

— Основательный ответ! — воскликнул Мишель.— Вот что значит беседовать с ученым.

Ядро между тем летело вдоль лунного диска почти с неизменной скоростью. Всякий поймет, что путешественники не думали в это время об отдыхе. Ландшафт, пронесившийся перед их глазами, изменялся каждую минуту. Около половины второго утра они заметили вершину другой горы. Барбикен, справившись по карте, узнал Эратосфен.

Это была кольцеобразная гора, высотой в 4500 метров, один из чрезвычайно многочисленных на лунной поверхности цирков. По этому поводу Барбикен сообщил приятелям любопытное мнение Кеплера о происхождении лунных цирков. Знаменитый математик утверждал, что кратерообразные впадины вырыты человеческими руками.

— С какой же целью их вырыли? — спросил Николь.

— Цель-то понятна! — ответил Барбикен.— Селениты якобы предприняли эти грандиозные работы и вырыли колоссальные углубления для того, чтобы укрыться в них от солнечного зноя, так как Солнце жжет их по две недели подряд.

— А селениты не дураки,— заметил Мишель.

— По-моему, это странная идея,— сказал Николь.— Кеплеру, по-видимому, неизвестны были истинные размеры этих цирков, потому что вырыть подобные впадины могли бы только мифологические гиганты.

— Но ведь тяжесть-то на Луне в шесть раз меньше, чем на Земле,— возразил Мишель.

— А ты забыл, что и селениты сами в шесть раз меньше,— сказал Николь.

— Да и существуют ли вообще эти селениты! — заметил Барбикен.

На этом спор прекратился.

Эратосфен исчез раньше, чем снаряд успел подойти к нему настолько близко, чтобы его можно было исследовать точнее. Эта гора отделяла цепь Апеннин от Карпат.

В лунной орографии отмечено несколько горных цепей, расположенных главным образом в северном полушарии. Но есть несколько хребтов и в южном полушарии.

Приводим таблицу этих гор в порядке их расположения с юга на север, с указанием широт и долгот и высоты самых высоких пиков.

Горы Дерфель	84 градус		юж. ш. —	7603 м
» Лейбниц	65 »		» —	7600 »
» Роок	20 »	— 30 гр.	» —	1600 »
» Алтайские	17 »	— 28 »	» —	4047 »
» Кордильеры	10 »	— 20 »	» —	3898 »
» Пиренеи	8 »	— 18 »	» —	3631 »
» Уральские	5 »	— 13 »	» —	838 »
» Аламбер	4 »	— 10 »	» —	5847 »
» Гэмус	8 »	— 21 »	сев. ш. —	2921 »
» Карпаты	15 »	— 19 »	» —	1939 »
» Апеннины	14 »	— 27 »	» —	5501 »
» Таврические	21 »	— 28 »	» —	2746 »
» Рифейские	25 »	— 33 »	» —	4171 »
» Герцинские	17 »	— 29 »	» —	1170 »
» Кавказские	32 »	— 41 »	» —	5567 »
» Альпы	42 »	— 49 »	» —	3617 »

Из этих горных цепей наиболее крупная — Апеннины, простирающаяся на 150 лье и уступающая таким образом протяженности земных горных систем. Апеннины окаймляют восточный берег моря Дожей и переходят в Карпаты, тянущиеся почти на сто лье.

Путешественникам удалось лишь мельком взглянуть на вершины Апеннин, простирающихся от 10 градуса западной долготы до 16 градуса восточной долготы. Цепь Карпатских гор развернулась под ними с 18 до 30 градуса восточной долготы, и они могли подробно ознакомиться с ее расположением.

Одна из научных гипотез показалась нашим друзьям чрезвычайно правдоподобной. Судя по тому, что в цепи Карпат наблюда-

лись кольцеобразные вершины и пики, напрашивалось предположение, что в давние времена они представляли собой крупные цирки. Эти кольцеобразные горы были, по-видимому, частично разрушены какими-то катаклизмами, благодаря чему и образовалось море Дождей. Первоначально же Карпаты представляли собой отдельные цирки, подобно циркам Пурбаха, Арзахеля и Птолемея, левые склоны которых, разрушенные вследствие огромных сдвигов лунной коры, образовали горную цепь. Высота ее в среднем достигает 3200 метров, то есть приблизительно равна некоторым вершинам Пиренеев, например Порт де Пинед. Южные склоны этих гор круто обрываются в море Дождей.

Около двух часов утра Барбикен вел наблюдения на высоте двадцатой лунной параллели, недалеко от большой горы Пифия, высотой в 1559 метров. От снаряда до Луны было всего 1200 километров, сокращенных благодаря зрительной трубе почти до трех лье.

Море Дождей расстиралось перед глазами путешественников в виде огромной равнины, еще плохо различимой в подробностях. Слева от них высилась гора Ламбер, равная около 1813 метров высоты, а поодаль, на границе океана Бурь, на 23 градуса северной широты и 29 градусе восточной долготы, сверкала сияющая гора Эйлер. Эта гора, возвышающаяся на 1815 метров над уровнем лунной поверхности, послужила предметом очень интересного труда астронома Шрётера. Ученый, стремясь выяснить причину образования лунных гор, заинтересовался вопросом, равна ли емкость кратера объему окружающего его горного кольца. Оказалось, что такое соотношение действительно существует, откуда Шрётер заключил, что достаточно было одного извержения, чтобы выбросить на поверхность материал, необходимый для образования цирка, многократные же извержения нарушили бы такое соотношение. Одна только гора Эйлер не подходила под этот общий закон — для ее образования потребовалось, по-видимому, несколько повторных извержений, потому что емкость ее кратера была в два раза больше объема окружающего его кольца.

Все эти гипотезы были простительны для ученых Земли, которые не обладали достаточно совершенными и точными приборами. Но Барбикен уже не желал довольствоваться подобными предположениями. Видя, что снаряд все больше приближается к лунному диску, он твердо рассчитывал проникнуть в тайну образования ее поверхности, даже если ему и не удастся ступить ногой на Луну.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Лунные ландшафты.

В половине третьего утра снаряд находился уже на тридцатой параллели северной широты, на расстоянии всего тысячи километров от Луны, а оптические приборы сводили это расстоя-

ние менее чем к десяти километрам. По-прежнему было ясно, что ядро не сможет соприкоснуться ни с одной точкой лунного диска. Барбикен недоумевал, почему снаряд летит с такой незначительной скоростью. Чтобы сопротивляться лунному притяжению на таком небольшом расстоянии от Луны, снаряд должен был обладать гораздо большей скоростью. Причина этого явления оставалась пока невыясненной. Да и времени для каких бы то ни было изысканий у Барбикена не хватало. Перед глазами путешественников развевалась панорама лунных ландшафтов, и они боялись упустить из виду хоть малейшую подробность.

Итак, в зрительную трубу Луна казалась всего на расстоянии двух с половиной лье. Что мог бы различить на поверхности Земли воздухоплаватель, поднявшийся на такую высоту над земным шаром? Ответить на этот вопрос трудно, потому что аэростаты поднимались до сих пор самое большее на восемь тысяч метров.

Вот точное описание всего того, что видели Барбикен и его друзья с указанной высоты.

Лунный диск, казалось, был усеян обширными пятнами самой разнообразной окраски. Исследователи Луны и астрономы по-разному объясняют окраску этих пятен. Юлиус Шмидт утверждает, что если бы высушить все земные океаны, то лунный наблюдатель не различил бы в окраске океанов и морей тех резко выраженных оттенков, какие представляются на Луне земному наблюдателю. По мнению Шмидта, общий цвет обширных равнин, носящих название «морей», темно-серый с примесью зеленого и коричневого оттенков. Некоторые крупные кратеры имеют ту же окраску.

Это мнение немецкого селенографа, разделяемое Бэрм и Мэдлером, было известно Барбикену. Его собственные наблюдения подтверждали это мнение в противовес другим астрономам, считавшим, что поверхность Луны имеет однообразную серую окраску. Некоторые лунные пространства отливали довольно ярким зеленым цветом, которым, по исследованиям того же Юлиуса Шмидта, окрашены и море Ясности и море Влажности. Барбикен различил широкие кратеры, не имеющие внутренних конусов; эти кратеры обладали синеватым оттенком, похожим на цвет только что отшлифованной стальной пластинки. Подобные оттенки действительно свойственны лунному диску, а вовсе не зависят от несовершенства объективов телескопов или от влияния земной атмосферы, как утверждали некоторые астрономы. У Барбикена не оставалось в этом никаких сомнений. Он производил наблюдения в безвоздушном пространстве, и никакой оптической ошибки тут быть не могло. Различие в оттенках он считал теперь научно установленной истиной. Но обуславливались ли зеленые оттенки тропической растительностью, которой благоприятствовала плотная и низкая атмосфера, — Барбикен утверждать еще не решался.

Далее он обнаружил довольно ясно выделяющийся красноватый оттенок. Эту окраску он уже наблюдал в глубине одиноко стоящего цирка, известного под именем цирка Лихтенберга, расположенного у Герцинских гор на краю лунного полушария. Причину такой окраски Барбикен опять-таки установить не мог.

Столь же необъяснимой казалась ему и другая особенность лунной поверхности. Вот в чем она заключалась.

Мишель Ардан, стоявший во время наблюдений рядом с Барбикеном, заметил длинные белые линии, ярко освещенные отвесными солнечными лучами. Это были ряды светящихся борозд, совершенно не похожих на недавние сияющие полосы Коперника. Борозды тянулись параллельно одна другой.

Мишель с обычным апломбом не замедлил высказать свое мнение по этому поводу.

— Смотри-ка! Да это обработанные поля!

— Обработанные поля? — повторил Николь недоверчиво.

— Во всяком случае, вспаханные, — продолжал Мишель. — Какие же, однако, отличные пахари эти селениты! Да и в плуги свои они, по-видимому, впрягли каких-то гигантских быков — иначе таких колоссальных борозд не проведешь!

— Ты ошибаешься, — возразил Барбикен. — Это не борозды, а трещины.

— Ну трещины так трещины, — кротко согласился Мишель. — А все-таки что же понимают ученые под этими трещинами?

Барбикен тотчас же сообщил товарищу все, что ему самому было известно о лунных трещинах. Он знал, что они замечены во всех равнинных областях лунного диска; что они имеют от четырех до пятидесяти лье в длину и что ширина их достигает от тысячи до тысячи пятисот метров; что края их всегда строго параллельны. Но об их происхождении и природе он не знал решительно ничего.

Вооруженный зрительной трубой, Барбикен пристально рассматривал любопытные трещины. Он заметил, что их боковые грани имеют очень крутые скаты. Это было нечто вроде параллельных валов, и при некоторой фантазии их можно было принять за длинные ряды укреплений, сооруженные лунными инженерами.

Одни из трещин были совершенно прямые, словно вытянуты по шнуру, другие слегка изгибались, причем боковые их грани неизменно оставались параллельными; одни перекрещивались между собой, другие прорезали кратеры; там они бороздили кольцеобразные впадины Посейдона или Петавия, здесь испещряли гладь моря Ясности.

Это странное природное явление Луны не могло не разжечь любопытства земных астрономов. Первые наблюдения над Лунной не обнаружили этих борозд. Ни Гевелий, ни Кассини, ни Лагир, ни Гершель, по-видимому, их не разглядели. Впервые при-

влек внимание ученого мира к этому явлению в 1789 году Шрётер. Его последователи — Пасторфф, Грюйтгейзен, Бэр и Мэдлер — занялись их изучением. В данное время этих трещин насчитывается до семидесяти. Но если их и удалось подсчитать, то происхождение их до сих пор все-таки не установлено. Это, разумеется, не укрепления и не русла высохших рек; во-первых, потому что вода, обладающая очень незначительным удельным весом на Луне, не была бы в состоянии прорыть такие глубокие русла, во-вторых, потому что эти трещины часто пересекают на значительной высоте кратеры и цирки.

Мишель Ардан высказал предположение, случайно совпавшее с мнением Юлиуса Шмидта:

— Может быть, эти непонятные линии представляют собой ряды каких-нибудь насаждений.

— Что ты хочешь сказать? — нетерпеливо перебил его Барбикен.

— Не горячись, уважаемый председатель, — отвечал Мишель. — Я хочу сказать, не состоят ли эти темные линии из рядов правильно рассаженных деревьев?

— Ты, значит, предполагаешь, что это растительность?

— Да, — настаивал Мишель. — Мне хочется объяснить, то, чего до них пор вы, ученые, не разгадали! Моя гипотеза по крайней мере объяснила бы, почему эти линии в определенные периоды исчезают или кажутся исчезнувшими.

— Почему же это бывает, по-твоему?

— Потому что деревья становятся невидимыми, когда опадает их листва, и делаются заметными, когда снова распускаются.

— Объяснение твое действительно очень остроумно, мой милый, — возразил Барбикен, — беда только в том, что оно никуда не годится.

— Почему же?

— Потому что на Луне нет того, что называется временами года, а стало быть, нет и тех сезонных изменений в растительном мире, о которых ты говоришь.

Действительно, Барбикен был прав. При незначительном наклоне лунной оси Солнце неизменно стоит там почти на одной и той же высоте во всех широтах. В надэкваториальных областях оно почти всегда находится в зените, а в областях полярных — не подымается над линией горизонта. Таким образом, в каждой лунной области в зависимости от ее положения относительно Солнца вечно царит какое-нибудь одно время года: либо зима, либо весна, либо лето, либо осень. То же самое происходит и на Юпитере, ось которого имеет также очень небольшой наклон по отношению к орбите.

Как же все-таки объяснить происхождение этих трещин? Вопрос трудноразрешимый. Образование их, несомненно, относится к более поздним эпохам, чем образование кратеров и цирков, потому что кольцевые валы прорезаны этими бороздами.

Возможно, что они возникли в новейшие геологические эпохи и объясняются разрушительной деятельностью стихий.

Снаряд между тем уже достиг сороковой лунной параллели и находился на расстоянии не более восьмисот километров от Луны. В зрительную трубу все предметы представлялись не дальше чем в двух лье. В эту минуту под снарядом вздымался на высоте пятисот пяти метров Геликон, а налево тянулся ряд небольших гор, замыкающих часть моря Дождей, которая носит название залива Радуг.

Атмосфера Земли должна стать в сто семьдесят раз прозрачнее, чтобы астрономы были в состоянии производить точные наблюдения поверхности Луны. Но в безвоздушной среде, где летел снаряд, не заключалось никаких паров, которые могли бы препятствовать наблюдениям. Кроме того, Барбикен находился теперь на таком близком расстоянии от Луны, какого не могли дать даже самые мощные телескопы Джона Росса и обсерватории Скалистых гор. Итак, он был поставлен в наиболее благоприятные условия для разрешения вопроса, обитаема ли Луна или нет. И все-таки он не в состоянии был ответить на этот вопрос. Он видел перед собой только пустынные равнины и на севере — цепи обнаженных гор. Нигде никаких следов работы человека. Никаких развалин, свидетельствовавших о его существовании. Никаких признаков животных, никаких указаний на присутствие хотя бы низших организмов. Никакого движения. Ни следа растительности. Из трех миров, населяющих земной шар, на Луне был представлен только один мир минералов.

— Вот тебе на! — протянул Мишель Ардан с некоторым разочарованием. — Неужели же и вправду там никого нет?

— По-видимому, нет, — ответил Николь. — Ни человека, ни животных, ни растений. Впрочем, если атмосфера и в самом деле скопится в ущельях, в глубине цирков или, наконец, на противоположном от нас полушарии, то мы еще не можем ничего утверждать положительно.

— Известно, — заметил Барбикен, — что самый зоркий глаз не может различить человека на расстоянии более семи километров. Значит, если даже допустить существование селенитов, они видят наш снаряд, а мы их видеть не можем.

К четырем часам утра на пятидесятой параллели наших героев отделяли от Луны всего шестьсот километров. С левой стороны от них тянулась горная цепь самых причудливых очертаний, залитая ярким солнечным светом. С правой — напротив — зияла черная впадина, наподобие мрачного бездонного колодца, вырытого в почве Луны.

Это был цирк Платона, Черное озеро, которое можно наблюдать и с поверхности Земли в промежутках между последней четвертью Луны и новолунием, когда тени на Луне падают с запада на восток.

Платон представляет собой кольцеобразную гору, располо-

женную на 51 градусе северной широты и 9 градусе восточной долготы. Кратер его имеет 92 километра в длину и 61 километр в ширину. Барбикен крайне досадовал, что снаряд не пролетел над самой впадиной цирка; может быть, в этой бездне они могли бы наткнуться на какое-нибудь таинственное явление. Но изменить направление снаряда было не в их власти. Приходилось безропотно подчиниться. Нельзя управлять воздушным шаром, а тем меньше — движением снаряда, в котором ты заперт, как в тюремной камере.

Часов около пяти утра путешественники миновали, наконец, северную границу моря Дождей. По левую руку от них осталась гора Кондамин, а по правую руку — гора Фонтенель. Эта часть лунного диска, начиная с 60 градуса, была сплошь покрыта горами. В зрительную трубу они виднелись с расстояния не более одного лье, что равняется приблизительно высоте Монблана над уровнем моря. Всюду возвышались пики и цирки. На 70 градусе воздымалась гора Филолай высотой в 3700 метров с кратером в форме эллипса, длиной в 16 и шириной в 4 лье.

На этом расстоянии Луна представляла весьма странное зрелище. Условия наблюдения Луны сильно разнились от условий, в которых мы ведем наблюдения на Земле.

На Луне нет воздуха, и отсутствие газообразной оболочки влечет за собой весьма любопытные последствия.

На Луне не бывает сумерек; ночь сменяется днем и день сменяется ночью мгновенно, подобно лампе, которая мгновенно гаснет и загорается в темноте. Нет постепенного перехода от тепла к холоду. Температура на Луне сразу падает с точки кипения до температуры межпланетного пространства.

То же отсутствие воздуха влечет за собой еще одно явление: в областях Луны, не освещаемых непосредственно Солнцем, царит абсолютная темнота. На Луне не существует того явления, которое мы называем на Земле рассеянным светом, этого светящегося вещества, разлитого в воздухе и вызывающего вечерние и предраусветные сумерки, всю чарующую красоту постепенного перехода от дня к ночи. Отсюда необычайная резкость контрастов, допускающая только два цвета — черный и белый. Если житель Луны заслонит глаза от Солнца, небо покажется ему совершенно черным, а звезды он увидит такими же яркими точками, как в самые темные ночи.

Можете себе представить, какое впечатление произвело на Барбикена и его друзей подобное зрелище! Глаза у них прямо разбегались. Они уже не в состоянии были улавливать относительные размеры различных областей. Земной пейзажист не сумел бы изобразить ни один из лунных ландшафтов, так как они не смягчались переходами светотени; он видел бы повсюду только чернильные пятна на белом фоне.

Этот вид не изменился даже тогда, когда снаряд на восьмидесятом градусе снизился на расстоянии ста километров от Луны;

картина оставалась прежней и в пять часов утра, когда ядро пролетало на расстоянии менее пятидесяти километров над вершиной горы Джиойа, — причем зрительная труба сокращала это расстояние до одной восьмой лье. Казалось, что до Луны рукой подать. Трудно было поверить, что ядро не заденет лунной поверхности хотя бы у северного полюса, блестящий гребень которого уже ярко обрисовывался на черном небе. Неугомонный Мишель уже собирался отворить окно и выпрыгнуть на Луну. Прыжок с высоты двенадцати лье! Ему это было нипочем. Впрочем, такая попытка ни к чему бы не привела, потому что если снаряду не суждено было коснуться Луны хотя бы в одной точке, то и Мишель, увлеченный движением снаряда, не мог бы ее достичь.

Ровно в шесть часов они пролетели над лунным полюсом. Путешественники видели теперь ярко освещенную половину лунного диска; другая его половина утопала во мраке. Снаряд перелетел границу, разделявшую ярко освещенную часть от совершенно черной, и мгновенно погрузился в непроницаемую тьму.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ночь, длящаяся триста пятьдесят четыре с половиной часа.

В ту самую минуту, как снаряд погрузился в темноту, он пронесся над северным полюсом Луны в расстоянии менее пятидесяти километров от него. Несколько секунд оказалось достаточно для перехода из ослепительного света в непроглядный мрак. Эта перемена совершилась так неожиданно и быстро, без какого-либо перехода, словно Луна погасла от чьего-то мощного дуновения.

— Луна исчезла, испарилась! — воскликнул ошеломленный Ардан.

В самом деле — ни отблеска, ни тени, ровно ничего не осталось от диска, еще недавно сиявшего с такой ослепительной силой. Яркое сияние звезд еще резче подчеркивало черноту ночи.

Подобная темнота царила в течение трехсот пятидесяти четырех с половиной часов в каждой точке этого лунного полушария. Эта долгая ночь объясняется равенством поступательного и вращательного движения Луны вокруг Земли и вокруг собственной оси. Снаряд, войдя в конус тени, отбрасываемой Луной, не мог больше подвергаться действию солнечных лучей, так же как и вся невидимая половина Луны.

Внутри снаряда стоял полный мрак. Путешественники не видели друг друга. У них, естественно, явилось желание рассеять эту удручающую тьму, и как ни опасался Барбикен тратить газ, запасы которого были ограничены, ему все же пришлось прибегнуть к искусственному освещению.

— Проклятое Солнце! — кричал Ардан. — Заставляет нас тратить газ, вместо того чтобы заботиться о нашем даровом освещении.

— Не будем винить Солнце,— возразил Николь.— Виновато не оно, а Луна, которая, как экран, загородила от нас Солнце.

— Неправда, виновато Солнце! — настаивал Мишель.

— Нет, Луна! — упорствовал Николь.

Бесполезный спор прекратил Барбикен.

— Друзья мои,— заявил он,— ни Солнце, ни Луна не виноваты. Виноват наш снаряд: вместо того чтобы точно лететь по общему направлению, он уклонился в сторону. А еще справедливее было бы винить злополучный болид, который заставил наш снаряд уклониться от первоначального пути.

— Хорошо! — примирительно сказал Мишель. — Вопрос решен, и теперь, по-моему, нам остается только позавтракать. После целой ночи трудов не грех и подкрепиться.

Предложение Мишеля возражений не встретило, и через несколько минут завтрак был готов. Ели, однако, без аппетита, пили без взаимных здравниц и тостов. У каждого на душе было неспокойно. Непроглядная тьма безвоздушного пространства навевала смутную тревогу. Со всех сторон их окружал столь излюбленный Виктором Гюго «зловещий» мрак.

За завтраком только и было толков что о долгой ночи в 354 часа, или в 15 суток, которую должны были терпеть, подчиняясь физическим законам, бедные жители Луны. Барбикен объяснил своим друзьям это интересное явление.

— Подумайте, как любопытно,— проговорил Барбикен.— Если каждое из лунных полушарий лишается солнечного света на целых пятнадцать суток, то одно из них, над которым мы проносимся в настоящее время, не может даже пользоваться и светом Земли, хотя она сейчас ярко освещена. Таким образом, если наша Земля и может служить Луной своему спутнику, то только для одной его половины. Если бы перенести те же условия на Землю, если бы Европа, например, никогда не видела Луны, можно представить себе удивление европейца, приехавшего, положим, в Австралию!

— Люди стали бы ездить в Австралию ради того только, чтобы посмотреть на Луну? — спросил Мишель.

— Вот именно,— сказал председатель «Пушечного клуба». — Такое же удивление пережил бы селенит, появившийся с той части Луны, которая противоположна Земле и никогда не видна нашим «землякам»...

— То же самое увидели бы и мы, если бы прибыли сюда во время новолуния, то есть на пятнадцать дней позже,— добавил Николь.

— Зато,— продолжал Барбикен,— природа балует жителей видимой части Луны в ущерб их антиподам. На долю селенитов невидимой части выпали, как видите, ночи в триста пятьдесят четыре часа, ночи, темноту которых не пререзает ни один луч. А селениты видимой части Луны, как только Солнце, светившее им пятнадцать суток подряд, скроется за горизонтом, уже видят на

противоположной стороне неба блестящее светило — Землю, чей диск в тринадцать раз больше Луны, а следовательно, и света дает в тринадцать раз больше. Свет Земли не поглощается атмосферой. Земля уходит с лунного горизонта только в ту минуту, когда на нем с противоположной стороны появляется Солнце.

— Хорошо сказано! — перебил Мишель. — Немного, пожалуй, академично, но здорово.

— Из этого следует, — продолжал Барбикен, не обращая внимания на шутки Мишеля, — что жить на видимой части лунного диска очень приятно — во время полнолуния видишь Солнце, в новолуние — Землю.

— А мне кажется, — сказал Николь, — что это преимущество теряет всякое значение из-за невыносимой жары, которую вызывают солнечные лучи.

— Это неудобство в равной мере испытывают оба полушария, потому что отраженный свет Земли не дает тепла. Напротив, невидимой стороне Луны приходится больше страдать от зноя, чем видимой. Я говорю это главным образом для вас, Николь, потому что Мишель, вероятно, этого не поймет.

— Благодарю, — расшаркался Мишель.

— Дело в том, — продолжал Барбикен, — что ведь невидимая сторона Луны пользуется солнечным светом и теплом во время новолуния, то есть тогда, когда Луна занимает положение между Солнцем и Землей. В это время Луна сравнительно с тем положением, в каком она бывает во время нашего полнолуния, находится ближе к Солнцу на отрезок, в два раза превышающий ее расстояние от Земли. Это расстояние может быть выражено двумя сотыми расстояния от Солнца до Земли, или в круглых числах это составит двести тысяч лье. Значит, невидимая сторона Луны на двести тысяч лье ближе к Солнцу в то время, когда она освещена его лучами.

— Справедливо, — заметил Николь.

— И наоборот... — продолжал Барбикен.

— Одну минуту, — перебил Мишель своего ученого друга.

— Что такое?

— Я прошу предоставить дальнейшее объяснение мне!

— Это зачем?

— Чтобы доказать, что и я кое-что понял.

— Ну говори, говори, — улыбаясь, согласился Барбикен.

— Итак, наоборот, — начал Мишель, подражая интонациям и жестам председателя «Пушечного клуба», — когда видимая часть Луны освещена Солнцем, то есть в полнолуние, Земля находится между Луной и Солнцем. Стало быть, расстояние, отделяющее Луну от Солнца, увеличивается круглым счетом на двести тысяч лье, и тепло, получаемое Луной, уже гораздо менее значительно.

— Великолепно! — воскликнул Барбикен. — Знаешь, Мишель, для артиста ты очень сообразителен...

— Подумаешь! — пренебрежительно пожал плечами Мишель. — У нас все такие на Итальянском бульваре!

Барбикен важно пожал руку своему веселому спутнику, продолжая перечислять преимущества жителей видимого лунного полушария.

Между прочим, он упомянул о солнечных затмениях, которые происходят только для видимой части Луны, так как при солнечном затмении Луна должна быть непременно в противостоянии. Эти затмения, вызванные противостоянием Земли, Солнца и Луны, могут продолжаться два часа, в течение которых земной шар вследствие преломления солнечных лучей земной атмосферой должен казаться с Луны маленькой черной точкой на Солнце.

— Стало быть, — сказал Николь, — природа поскупилась и обездолила одно из лунных полушарий.

— Пожалуй, — ответил Барбикен. — Хотя благодаря известной вибрации, некоторому колебанию, покачиванию Луны вокруг своего центра, она обращает к Земле несколько больше половины своего диска. Она слегка похожа на маятник, центр тяжести которого наклонен к земному шару и непрерывно вибрирует. Отчего возникает эта вибрация? Оттого что вращательное движение Луны вокруг своей оси происходит с одинаковой скоростью, в то время как ее поступательное движение по эллиптической орбите вокруг Земли — неравномерно. В перигее преобладает поступательная скорость, и Луна поворачивается к Земле частью своего западного края. В апогее, наоборот, преобладает вращательная скорость Луны, и благодаря этому она поворачивается к Земле большей частью восточного края. Таким образом, каждый раз показывается то с запада, то с востока тоненький серп Луны в восемь градусов. Отсюда получается, что из тысячи частей Луны видимыми оказываются пятьсот шестьдесят девять.

— Все равно, — заметил Мишель, — если нам когда-нибудь придется стать селенитами, то мы поселимся на видимой стороне Луны. Я не могу жить без света!

— Согласен, поселимся, — ответил Николь, — если только атмосфера не сосредоточена именно на невидимой стороне, как уверяют некоторые астрономы.

— Это резонное замечание, — согласился Мишель.

После завтрака путешественники принялись снова за наблюдения. Они погасили свет в снаряде и старались хоть что-нибудь разглядеть сквозь темные окна вагона. Но в окружающем их мраке нельзя было заметить ни одного светлого атома.

Барбикен все снова и снова задумывался над непонятным явлением, каким образом, пройдя на таком близком расстоянии от Луны — всего в каких-нибудь пятидесяти километрах, — снаряда все-таки не упал на Луну? Если бы ядро летело с большей скоростью, было бы понятно, что этого падения не произошло. Но при сравнительно небольшой его скорости сопротивление лунному притяжению казалось необъяснимым. Подвергался ли сна-

ряд действию какой-то неведомой силы? Притягивало ли его в эфире какое-нибудь другое небесное тело? Так или иначе, было очевидно, что он не соприкоснется ни с одной точкой лунной поверхности.

Куда летел снаряд? Удалялся ли он от лунного диска или приближался к нему? Или же в этом глубоком мраке его уносило куда-то в беспредельное неведомое пространство?

Все эти вопросы неотступно волновали Барбикена, но решить их он был не в состоянии. Может быть, невидимое светило находилось всего в нескольких лье, в нескольких милях, но ни он, ни его друзья не могли его видеть. Если какой-нибудь шум и раздавался на поверхности Луны, они этого шума не слышали. Воздуха, проводника звука, не было, чтобы донести до них «стоны» Луны, которую арабские легенды называют «человеком, наполовину окаменевшим, но все еще трепещущим и стонущим от боли».

Понятно, что все это могло вывести из равновесия самого терпеливого наблюдателя. Наиболее интересное, таинственное, невидимое полушарие было сейчас так же недоступно для их глаза, как и с Земли! Полушарие, которое всего пятнадцать суток тому назад, или пятнадцатью сутками позднее, было или будет с избытком освещено солнечными лучами, теперь терялось в непроглядном мраке. А что станет со снарядом через пятнадцать суток? Куда увлекут его неведомые силы притяжения? Кто мог это сказать!

Астрономы полагают, что невидимое полушарие Луны по своему устройству совершенно сходно с видимым. Действительно, вследствие небольших либраций Луны, о которых рассказал Барбикен, открывается около седьмой части невидимого полушария и на этих участках наблюдаются такие же горы и равнины, цирки и кратеры, что и на карте видимого полушария. Значит, можно с достоверностью предположить, что и там — та же природа, тот же мир, бесплодный и мертвый. Но что, если атмосфера существует именно на той стороне? Что, если воздух и вода породили жизнь на этих материках? Что, если там еще существует растительность? Что, если благодаря всем этим условиям там живет и человек? Сколько интересных вопросов можно было бы разрешить, если бы хоть одним глазком взглянуть на невидимое полушарие! Сколько загадок было бы разгадано на основании подобных наблюдений! И какое было бы наслаждение хоть мельком полюбоваться миром, доселе скрытым от человеческих взоров!

Понятно поэтому, какую досаду испытывали наши путешественники, когда вокруг них сгустился глубокий мрак: наблюдение лунного диска было им совершенно недоступно. Одни только созвездия радовали их взоры, и надо заметить, что никогда астрономы, будь то Фэй, Шакорнак или Секки, не находились в столь благоприятных условиях для звездных наблюдений.

Поистине ничто не могло сравниться с великолепием звездного неба. Эти алмазы, как бы вправленные в небесный свод, переливались всеми цветами радуги. Глаз охватывал весь небосклон

от Южного Креста до Полярной звезды. Эти созвездия через двенадцать тысяч лет, вследствие колебаний земной оси, должны будут уступить свою роль полярных звезд: первый Канопус — в южном полушарии, и вторая Вега — в северном. Взор терялся в бесконечности вселенной, и снаряд летел точно новое светило, созданное руками человека. По вполне понятным причинам все созвездия сияли ровным, спокойным светом; они не мерцали, потому что здесь не было атмосферы, которая вследствие неодинаковой влажности и плотности слоев воздуха вызывает мерцание звезд. Здесь они сияли как ясные, кроткие очи, устремленные в глубокий, непроницаемый мрак среди нерушимого безмолвия вселенной.

Путешественники долго не могли оторваться от звездного неба, на котором огромный диск Луны зиял громадной черной впадиной. Но постепенно их восторженное созерцание сменилось мучительным ознобом. От пронизывающего холода стекла окон скоро затянулись изнутри толстым слоем льда. Отвесные лучи Солнца уже не согревали снаряд, который мало-помалу утрачивал скопившуюся в стенках теплоту. Это тепло благодаря излучению быстро рассеивалось в пространстве. Температура в их вагоне сильно понизилась. Вследствие этого влага при соприкосновении со стеклами превращалась в лед, который препятствовал каким бы то ни было наблюдениям.

Николь посмотрел на градусник и обнаружил, что температура упала до семнадцати градусов ниже нуля! Барбикен, несмотря на требования экономии, вынужден был прибегнуть к газу, теперь уже не только для освещения, но и для отопления снаряда. Холод становился нестерпимым. Путешественникам грозила опасность замерзнуть.

— Ну мы не можем пожаловаться на однообразие нашего путешествия! — заметил Мишель Ардан. — Какое богатство ощущений — хотя бы в смысле температуры! То нас ослепляет яркий свет и мы задыхаемся от невыносимой жары, как индейцы в пампасах, то погружаемся в непроницаемый мрак и дрожим от стужи, точно эскимосы! Жаловаться не приходится. Природа, можно сказать, на совесть заботится о наших развлечениях.

— А какова наружная температура? — спросил Николь у Барбикена.

— Та же, что и всегда в межпланетном пространстве, — ответил Барбикен.

— Значит, теперь как раз время произвести опыт, который мы не могли проделать при солнечном освещении, — сказал Ардан.

— Ты прав, теперь или никогда, — ответил Барбикен, — именно сейчас мы находимся в таком положении, что можем с большой точностью измерить температуру межпланетного пространства и проверить вычисления Фурье или Пуйэ.

— Во всяком случае, холод собачий, — заметил Мишель. —

Смотрите, как влага осаждается на стеклах окон. Если понижение температуры будет продолжаться, нас скоро засыплет снегом от собственного нашего дыхания.

— Приготовьте термометр! — сказал Барбикен.

Понятно, что обыкновенный термометр не дал бы никаких показаний при столь исключительных обстоятельствах. Ртуть замерзла бы в трубке градусника, так как остается в жидком состоянии только до сорока двух градусов ниже нуля. Но Барбикен запасся прибором системы Уолфердина, который мог показывать чрезвычайно низкие температуры.

Прежде чем пустить в дело этот прибор, его надо было проверить при помощи обычного градусника и затем приступить к измерению наружной температуры.

— Как же это сделать? — спросил Николь.

— Нет ничего легче, — ответил Ардан, которого не смущали никакие затруднения. — Мы быстро отворим окно, выбросим наружу прибор, и он послушно полетит за нами, а через четверть часа мы его достанем...

— Чем? Рукой? — спросил Барбикен.

— Рукой, — ответил Мишель.

— Ну, мой друг, не советую тебе это делать: твоя рука на этом страшном морозе тотчас же превратится в бесформенную ледышку.

— Да что ты!

— Ты почувствуешь жестокий ожог, как от прикосновения к раскаленному добела железу, — ведь наше тело одинаково реагирует на сильной холод и на сильный жар. К тому же я не уверен в том, что выброшенные нами предметы все еще следуют за нами.

— Почему же? — спросил Николь.

— Да потому, что если мы летим в лунной атмосфере, как бы ни была она разрежена, эти предметы должны от нас постепенно отставать. Темнота мешает нам удостовериться в их присутствии; поэтому, чтобы не рисковать термометром, привяжем его, тогда его легко будет втянуть обратно в снаряд.

Совет Барбикена был принят.

Окно быстро приотворили, и Николь кинул термометр, прикрепленный на короткой веревке.

Иллюминатор приоткрыли всего на одну секунду, но этой секунды было достаточно, чтобы в снаряд хлынул жесточайший мороз.

— Тысяча чертей! — воскликнул Мишель Ардан. — На таком морозе замерзли бы даже белые медведи!

Барбикен оставил термометр снаружи на полчаса; этого было более чем достаточно, чтобы прибор показал температуру окружающего снаряд пространства. Затем термометр быстро втянули обратно в кабину.

Барбикен вычислил количество ртути, перелившееся в ма-

ленькую ампулу, припаянную к внутренней части прибора и сказал:

— Пуйэ оказался прав в своем споре с Фурье. Сто сорок градусов Цельсия ниже нуля.

Такова ужасающая температура небесного пространства! Такова, может статься, и температура лунных материков, когда ночное светило вследствие излучения теряет всю теплоту, скопившуюся в нем в течение пятнадцатисуточного лунного «дня».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Гипербола или парабола?

Многим, может быть, покажется удивительным, что Барби-кен и его спутники так мало заботились о том, какую судьбу готовила им металлическая тюрьма, уносившая их в бесконечность эфирных пространств. Вместо того чтобы поинтересоваться собственной участью, они проводили время за различными опытами, словно сидели в рабочих кабинетах какой-нибудь обсерватории.

На это можно было бы ответить, что люди такой закалки, как они, стоят выше повседневных забот и что у них есть занятия и цели поважнее собственной жизни.

Но главная причина в том, что они и не могли бы управлять снарядом, не могли ни остановить его полета, ни изменить его направления.

Моряк управляет рулем своего корабля; воздухоплаватель может регулировать по вертикали движение воздушного шара. Они же никакими средствами не могли воздействовать на свой экипаж. Управлять им было невозможно. Поэтому они и не проявляли бесполезного волнения и беспокойства и целиком положились, как говорят моряки, на «волю стихии».

Где находились они в данную минуту — в восемь часов утра того дня, который на Земле считался 6 декабря? На это можно было ответить, что находились они, несомненно, в соседстве с Лунной и даже довольно близко от нее — так близко, что она представлялась им громадным черным кругом на небе. Но вычислить расстояние до Луны было невысказано.

Снаряд, движимый неведомой силой, пронесся на расстоянии пятидесяти километров над северным полюсом Луны. Вот уже два часа, как они вошли в конус тени, и нельзя было установить, увеличилось ли это расстояние или сократилось. Чтобы определить скорость и направление снаряда, у них не было никакой отправной точки. Может быть, он удалился от Луны и скоро должен был выйти из полной тени; а может быть, напротив, они значительно приблизились к Луне и могли бы налететь на какой-нибудь высокий пик невидимого лунного полушария, что, разумеется, прекратило бы их дальнейшее странствие, к великому огорчению путешественников.

По этому поводу возник спор, и Мишель Ардан, всегда гото-

вый дать любое объяснение, высказал мысль, что снаряд под влиянием лунного притяжения упадет, наконец, на Луну, как падает аэролит на поверхность земного шара.

— Прежде всего далеко не все аэролиты падают на Землю,— возразил Барбикен,— а только очень немногие. Так что даже если мы и окажемся в положении аэролита, это еще вовсе не значит, что мы непременно упадем на Луну.

— Но раз мы так близко от нее...

— Заблуждение,— отрезал Барбикен.— Разве ты никогда не видел «падающих звезд», которые в иные месяцы тысячами исчерчивают все небо?

— Ну конечно, видел.

— Так вот эти звезды, или, вернее, небольшие небесные тела, светятся только благодаря тому, что сильно раскаляются, проходя через атмосферные слои. А раз они пересекают атмосферу, значит, они не дальше шестнадцати лье от Земли и, однако же, очень редко падают на ее поверхность. То же применимо и к нашему снаряду. Несмотря на большую близость к Луне, он может все-таки не упасть на нее.

— А тогда меня интересует, как же поведет себя в пространстве наш блуждающий вагон? — допытывался Мишель.

— Как мне кажется, на этот вопрос могут быть два ответа,— сказал Барбикен после минутного размышления.

— Какие же?

— Снаряду предстоит выбор между двумя математическими кривыми, и он последует по той или по другой, в зависимости от скорости своего движения которую я еще не могу определить.

— Ну разумеется,— сказал Николь,— он может пойти либо по параболе, либо по гиперболе.

— Верно,— ответил Барбикен.— При одной скорости он пойдет по параболе, при другой, более значительной,— по гиперболе.

— Люблю громкие слова! — воскликнул Мишель Ардан.— Стоит их только услышать, как все тотчас же становится ясно. Что же это такое — парабола, позвольте вас спросить.

— Парабола, друг мой,— ответил Николь,— это незамкнутая кривая линия второго порядка, получающаяся от сечения конуса плоскостью, параллельной одной из его образующих.

— А, вот оно что! — произнес Мишель с притворным удовлетворением.

— Это примерно траектория бомбы, выпущенной мортирой,— пояснил Николь.

— Отлично. А гипербола? — спросил Мишель.

— Гипербола — тоже незамкнутая кривая второго порядка, образуемая сечением конуса плоскостью, параллельной его оси. Она состоит из двух ветвей, уходящих в бесконечность.

— Скажите на милость,— воскликнул Ардан самым серьезным тоном, словно ему сообщили о каком-то необычайном проис-

шествию. — А теперь, капитан Николь, заметь следующее: в твоей гипер...боле, я хотел сказать — гипер...бол...товне, мне больше всего нравится то, что она столь же непонятна, как и твоё объяснение.

Николь и Барбикен мало обращали внимания на шутки Ардана. Они пустились в научный спор. Их больше всего волновал вопрос, по какой кривой полетит ядро. Один стоял за гиперболу, другой за параболу. Они разговаривали чистейшими формулами с бесконечным количеством иксов. Доказательства излагались таким языком, что Мишель выходил из себя. Спор действительно был горячий, и ни один из споривших, казалось, не желал уступить противнику облюбленную им кривую.

Ученый спор затянулся настолько, что Мишель потерял, наконец, всякое терпение.

— Хватит с вас, господа косинусы! — сказал он. — Перестанете ли вы, наконец, швыряться своими параболами и гиперболами? В этом деле меня интересует только одно: ну положим, наше ядро полетит по той или другой кривой. Куда же нас приведут эти кривые?

— Никуда, — ответил Николь.

— То есть как никуда?

— Разумеется, никуда, — сказал Барбикен. — Ведь это же незамкнутые кривые: ветви их уходят в бесконечность.

— Уж эти мне ученые! — вскричал Мишель. — Обожаю ученых! Да какое нам дело, полетит ли снаряд по параболе или по гиперболе, раз и та и другая занесут нас в бесконечное пространство?

Барбикен и Николь не могли удержаться от улыбки. Они действительно занимались «искусством для искусства». Никогда еще более бесполезный спор не происходил в столь мало подходящих условиях. Мрачная истина заключалась в том, что, независимо от того, полетит ли снаряд по параболе или по гиперболе, путешественники уже никогда не попадут ни на Луну, ни на Землю.

Что же могло ожидать отважных друзей в самом недалеком будущем? Если им и не придется умереть от голода или от жажды, если они не замерзнут от нестерпимого холода, то через несколько дней, когда будет израсходован весь газ, они неминуемо погибнут от недостатка воздуха.

Как ни старались друзья экономить газ, его все же приходилось тратить из-за невероятного понижения окружающей температуры. Они могли еще кое-как обходиться без света, но тепло им было жизненно необходимо. К счастью, аппарат Рейзе и Реньо был весьма экономичным, и для поддержания температуры в снаряде на необходимом уровне не требовалось большого расхода газа.

Наблюдение через окно стало затруднительным, потому что влага в снаряде осаждалась на оконных стеклах и быстро пре-

вращалась в лед. Стекла приходилось то и дело протирать. Тем не менее друзьям все же удалось сделать некоторые очень интересные наблюдения.

В самом деле, если на невидимой стороне Луны есть атмосфера, то падающие звезды, проходя через нее, должны загораться. Если бы снаряд летел сквозь воздушные слои, то можно было бы уловить какой-нибудь звук, распространяемый лунным эхом, — раскаты грома, грохот падающих лавин или взрывы действующего вулкана. Если бы какой-нибудь кратер извергал пламя, можно было бы заметить его свет. Все подобные явления, тщательно проверенные наблюдениями, значительно облегчили бы разрешение проблемы лунной природы. Барбикен и Николь, поместившись у окна, с неистощимым терпением астрономов вглядывались в пространство.

Но диск Луны оставался по-прежнему нем и мрачен. Он не отвечал ни на один из вопросов пылких исследователей. Это вызвало довольно верное замечание Мишеля:

— Если мы снова когда-нибудь пустимся в такое же путешествие, мы взлетим в период новолуния.

— Ты прав, — ответил Николь, — при новолунии мы имели бы некоторые преимущества. Луна, померкшая в солнечном сиянии, была бы, конечно, невидимой в течение всего пути, но зато мы видели бы «полную» Землю. Кроме того, если бы нам опять пришлось так же облететь Луну с обеих сторон, как сейчас, невидимое ее полушарие было бы полностью освещено.

— Хорошо сказано, Николь. А ты что думаешь об этом, Барбикен? — спросил Мишель Ардан председателя.

— Вот что я думаю, — серьезно ответил председатель «Пущечного клуба». — Если мы когда-нибудь снова отправимся в подобное же путешествие, то мы вылетим именно в то же самое время и при тех же самых условиях, что и в этот раз. Предположите, что нам удалось бы достигнуть цели, — тогда, бесспорно, лучше было бы высадиться на материке, освещенном ярким светом, чем очутиться на полушарии, погруженном в непроницаемую темноту. Ясно, что тогда наш первый бивуак на Луне нам удалось бы устроить в более выгодных условиях. Невидимую же сторону Луны мы посетили бы во время наших исследовательских экскурсий по лунному шару. Значит, мы правильно выбрали период полнолуния. Но прежде всего надо было достигнуть цели и предотвратить отклонения.

— На это нечего возразить, — сказал Мишель Ардан. — Что ни говори, а мы упустили заманчивую возможность осмотреть другую сторону Луны. Кто знает, может статься, что обитатели других планет знают гораздо больше о своих спутниках, чем наши ученые о спутнике Земли.

На это замечание Мишеля Ардана можно дать следующий ответ: действительно, некоторые спутники изучить легче благодаря их большей близости к своей планете. Обитатели Сатурна, Юпи-

тера и Урана, если они только существуют, могут без труда установить связь со своими лунами. Четыре спутника Юпитера обращаются вокруг него на расстояниях в 108 260, 172 200, 274 700 и 480 130 лье. Эти расстояния вычислены от центра Юпитера, а за вычетом длины его радиуса, составляющей от 17 до 18 тысяч лье, мы увидим, что первый спутник Юпитера ближе к его поверхности, чем Луна — к поверхности Земли. Из восьми спутников Сатурна четыре — также ближе к своей планете: Диона — находится в 84 600 лье от Сатурна, Тэфия — в 62 966 лье, Энцелад — в 48 191 лье и, наконец, Мимас — в среднем всего лишь в 34 500 лье.

Из восьми спутников Урана, первый — Ариель — находится всего лишь в 51 520 лье от своей планеты.

Таким образом, на поверхности этих трех планет наблюдения, задуманные Барбикеном на Луне, представили бы значительно меньшие трудности. И если бы обитатели этих планет отважились на такое же путешествие, как и наши друзья, им бы, возможно, и удалось исследовать невидимые полушария своих спутников.

Но если они никогда не покидали своей планеты, они знают о своих спутниках не больше, чем астрономы Земли.

Снаряд между тем описывал во мраке траекторию, для определения которой не имелось никаких данных. Барбикен никак не мог установить, изменилось ли направление ядра под влиянием лунного притяжения или под воздействием какого-то неизвестного небесного тела. Однако в положении снаряда произошла явная перемена, в чем Барбикен убедился около четырех часов утра.

Перемена состояла в том, что ядро повернулось к поверхности Луны и таким образом встало перпендикулярно к ее оси. Это изменение было, несомненно, вызвано притяжением, то есть силой тяжести. Самая тяжелая часть снаряда, его дно, стала склоняться к невидимому диску, как бы падая на него.

Может быть, снаряд все-таки упадет на Луну? Может быть, путешественникам удастся достичь желанной цели? Увы, нет. На основании одного, правда не вполне объяснимого, факта Барбикен понял, что снаряд не приближается к Луне, а движется вокруг нее по более или менее концентрической кривой.

Таким фактом явилось какое-то странное сияние, замеченное Николем на горизонте темного диска. Это зарево никак нельзя было принять за свет какой-нибудь восходящей звезды. Красноватое сияние постепенно усиливалось и расширялось; это, несомненно, доказывало, что снаряд не падает на Луну, а приближается к светящемуся пятну.

— Вулкан! — крикнул Николь. — Действующий вулкан! Извержение лунного вулкана! Значит, Луна еще не вполне остыла!..

— Да, это извержение, — подтвердил Барбикен, тщательно наблюдавший сияние в зрительную трубу. — Это может быть только вулкан!

— Но ведь для поддержания такого горения необходим воз-

дух! — заметил Ардан. — Значит, эта часть Луны окружена атмосферой.

— Очень возможно, — ответил Барбикен. — Но необязательно. В вулкане благодаря распаду некоторых веществ образуется кислород, который и питает пламя, извергаемое в безвоздушное пространство. Мне даже кажется, что наблюдаемое нами пламя отличается именно той яркостью и силой, какие характерны для горения в чистом кислороде. А потому рано еще утверждать наличие лунной атмосферы.

Огнедышащая гора была расположена приблизительно на 45 градусе южной широты невидимого лунного диска. Но, к величайшему огорчению Барбикена, кривая, описываемая снарядами, увлекла их далеко в сторону от зарева извержения; поэтому путешественники и не смогли точнее установить причину виденного ими сияния. Не прошло и получаса с момента появления зарева, как оно скрылось за темным горизонтом. Изучение этого вулкана имело бы огромное значение для селенографии! Оно доказало бы, что недра лунного шара еще не охладились. А там, где сохранилось тепло, могла сохраниться и растительность и даже животный мир, несмотря на действие разрушительных стихий. Существование действующего вулкана, точно установленное земными учеными, породило бы, без сомнения, немало теорий в пользу обитаемости Луны.

Барбикен задумался. Ему не давала покоя таинственная загадка земного спутника. Он пытался сопоставить свои отдельные наблюдения, как вдруг новая неожиданная встреча внезапно вернула его к действительности.

Это новое космическое явление представляло не только научный интерес, но и угрожало смертельной опасностью отважным путешественникам.

Внезапно в глубочайшем мраке окружающего их эфира появилась какая-то огромная масса, похожая на Луну, но Луну, сверкающую так ярко и нестерпимо, что ее свет резко пронизывал глубокий мрак неба. Эта масса шарообразной формы излучала такое сильное сияние, что снаряд был затоплен ее светом. Лица Барбикена, Николя и Мишеля Ардана, резко освещенные потоками этого ослепительного белого света, казались белесыми, безжизненными, призрачными. Подобный эффект дает искусственный свет горящего спирта с примесью некоторых солей.

— Черт возьми! — вскричал Мишель. — На нас просто страшно взглянуть! Это еще что за новая Луна!

— Это болид, — ответил Барбикен.

— Болид, горящий в пустоте?

— Да.

Появившийся в небе огненный шар был действительно болидом. Барбикен не ошибся. Свет этих космических метеоров, наблюдаемых с Земли, кажется обычно несколько слабее лунного. Но здесь, среди окружающего глубокого мрака, метеор слепил

глаза. Источник горения блуждающих небесных тел заключен в них самих. Они не нуждаются в воздушном окружении. Некоторые болиды проходят через атмосферные слои в двух-трех лье от Земли, другие, напротив, описывают свою траекторию на такой высоте, где атмосферы уже нет. Таковы болиды, появившиеся — один 27 октября 1844 года на высоте в 128 лье, другой — 18 августа 1841 года, промелькнувший на расстоянии 182 лье от Земли. Некоторые метеоры диаметром от трех до четырех километров обладают скоростью, достигающей 75 километров в секунду, двигаясь в направлении, обратном движению Земли.

По приблизительным расчетам Барбикена, летящий шар, внезапно появившийся из темноты в ста лье от снаряда, должен был достигать двух тысяч метров в диаметре. Шар приближался со скоростью два километра в секунду, или тридцать лье в минуту. Он летел наперерез снаряду и через несколько минут должен был неминуемо с ним столкнуться. По мере приближения болид непрерывно увеличивался.

Трудно вообразить и невозможно описать чувства наших путешественников. Несмотря на их мужество, хладнокровие, на презрение к опасности, они стояли безмолвные, неподвижные, оцепенев от ужаса. Каждый нерв, каждый мускул их был напряжен до предела. Снаряд, которым они не могли управлять, летел напрямик на эту пылающую массу, раскаленную, как разверстое жерло печи. Казалось, что снаряд низвергается в огненную бездну.

Барбикен схватил за руки друзей, и все трое, полузакрыв глаза, вперились в добела раскаленный астероид. Если при этом рассудок их еще был в состоянии работать, если они еще не утратили способности мыслить, они, конечно, должны были понимать, что несутся к неотвратимой гибели!

Две минуты, прошедшие с момента появления болида, показались им двумя веками смертельного ужаса! Снаряд должен был с минуты на минуту столкнуться с болидом. Вдруг огненный шар, как бомба, разорвался на их глазах, но при этом совершенно беззвучно. Никакого звука, возникающего в результате воздушных колебаний, в окружавшей их пустоте произойти не могло.

На крик Николя друзья бросились к окнам. Какое зрелище! Чье перо, чья кисть смогли бы описать все богатство красок развернувшейся перед ними картины!

Ее можно было сравнить с жерлом разверзшегося кратера или с грандиозным пожаром. Тысячи светящихся осколков всех размеров, всех цветов, всех оттенков пересекали и освещали пространство. Перед глазами друзей словно развернулся гигантский многоцветный сверкающий веер всех цветов радуги — желтого, оранжевого, красного, зеленого, серого. От страшного колоссального шара остались только разлетевшиеся по всем направлениям осколки, в свою очередь превратившиеся в мелкие астероиды. Некоторые из них сверкали как сталь, другие бы-

ли окружены беловатым облачком; за иными тянулся светящийся хвост космической пыли.

Горящие осколки скрещивались, сталкивались, дробились на более мелкие части. Некоторые из них ударялись о стенки ядра. Левый иллюминатор снаряда даже треснул от сильного удара одного из таких осколков. Снаряд, казалось, попал под дождь гранат, и каждая из них могла в одно мгновение превратить его в ничто.

Астероиды излучали во всех направлениях ослепительный свет, которым было пронизано все видимое пространство. В тот миг, когда этот свет стал нестерпимо ярким, Мишель привлек к своему окну Барбикена и Николя.

— Наконец-то невидимая Луна стала видимой! — воскликнул он.

И в течение нескольких мгновений трое друзей благодаря ослепительному потоку света ясно разглядели таинственный диск, который впервые предстал человеческому взору.

Что же различили они на расстоянии, которое невозможно было определить? Диск был окутан удлинёнными полосами, похожими на облака, образовавшимися в сильно разреженной атмосфере. Сквозь эти облака просвечивали не только горы, но и все мелкие неровности рельефа, пики, цирки, разверстые и причудливо разбросанные кратеры, такие же, как и на видимом полушарии Луны. Затем виднелись огромные пространства, но уже не бесплодных низин, а настоящих морей, многочисленных огромных океанов, отражавших в зеркале своих вод сказочный, ослепительный фейерверк, горевший над ними в эфире. И наконец, на поверхности материков выступали обширные темные пятна, напоминавшие гигантские леса, освещенные на мгновение ослепительной молнией.

Был ли это мираж, иллюзия, оптический обман? Можно ли было эту, на мгновение приоткрывшуюся картину научно обосновать? И наконец, давало ли такое поверхностное и мгновенное наблюдение невидимого диска право сделать вывод о его обитаемости?

Тем временем грандиозный фейерверк постепенно потухал; отблески его мало-помалу меркли; астероиды разлетелись в разных направлениях и скрылись в беспредельном пространстве. Вселенная вновь погрузилась во мрак; ненадолго померкшие звезды засияли на небе, и на мгновение осветившийся лунный диск снова канул в непроницаемую ночь.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Южное полушарие.

Неожиданная катастрофа, только что угрожавшая снаряду, миновала. Кто бы мог представить возможность таких встреч с боидами? Блуждающие тела угрожали нашим путешественни-

кам самыми серьезными опасностями. Оказалось, что море эфира изобиловало подводными рифами, между которыми они не имели возможности лавировать, как моряки. Но наши исследователи вселенной и не думали жаловаться! Нет. Они были вознаграждены за все свои испытания величественным зрелищем грандиозного взрыва космического метеора, несравненным фейерверком, картиной, которой не мог бы передать никакой Руджиери. Им удалось хотя бы на несколько секунд заглянуть в тайную невидимой части Луны. Они увидели в этом мгновенном проблеске материи, моря, леса. Стало быть, атмосфера на этой части Луны содержала в себе какие-то животворные молекулы? Все это были неразрешимые вопросы, издавна занимавшие любознательное человечество!

Было половина четвертого пополудни. Снаряд летел по кривой вокруг Луны. Не изменилась ли еще раз его траектория благодаря встрече с метеором? Этого следовало опасаться. Ядро, однако, должно было описывать кривую, строго предопределенную законами механики. Барбикен склонялся к тому, что эта кривая — парабола, а не гипербола. Но, допустив это предположение, надо было ожидать, что снаряд скоро выйдет из конуса тени, отбрасываемой в сторону, противоположную Солнцу. Этот конус действительно очень узок, так как угловой диаметр Луны неизмеримо мал по сравнению с диаметром нашего дневного светила. Тем не менее до сих пор снаряд все еще находился в глубокой тени. По-видимому, он продолжал лететь с довольно значительной скоростью, но какова бы она ни была, она продолжала убывать. Это представлялось очевидным. Между тем, в случае движения снаряда по параболе, этого не должно было происходить. Перед Барбикеном, терявшимся в заколдованном круге непонятных ему явлений, вставала новая проблема.

Никто из путешественников и не думал об отдыхе. Все подстерегали какое-нибудь новое явление, которое смогло бы пролить свет на их астрономические исследования. Около пяти часов пополудни Мишель Ардан вместо обеда угостил своих друзей несколькими кусками холодного мяса и хлеба. Путешественники подкрепились, не отходя от окон, стекла которых беспрестанно покрывались ледяной корой.

Без четверти шесть вечера Николь, вооруженный зрительной трубой, заметил на южной оконечности Луны в направлении движения снаряда несколько сверкающих точек, которые резко выделялись на темном фоне неба. Эти точки были похожи на ряд остроконечных вершин, профиль которых обозначался прерывистой светящейся линией. Они светились довольно ярко. То же самое наблюдается и с Земли, когда Луна находится в начале первой или в конце последней четверти.

Сомнений быть не могло. Это был не метеор — светящийся гребень не обладал ни цветом его, ни его подвижностью. Это не

походило также на извержение вулкана. У Барбикена на этот счет не оставалось никаких сомнений.

— Солнце! — сказал он.

— Что? — в один голос спросили Николь и Мишель Ардан. — Солнце?

— Да, друзья мои, это само Солнце, которое с противоположной стороны освещает вершины гор, расположенных на южном полюсе Луны. Мы, очевидно, приближаемся к южному полюсу!

— Перемахнув через северный! — воскликнул Мишель Ардан. — Вот так ловко! Стало быть, мы облетели вокруг нашего спутника!

— Именно так, дружище Мишель.

— Значит, нам не страшны ни гиперболы, ни параболы, ни какие другие незамкнутые кривые?

— Нет, но зато нам приходится опасаться замкнутой кривой.

— А как она называется?

— Эллипсом. Очень возможно, что снаряд, вместо того что-бы потеряться в межпланетных пространствах, будет описывать эллиптическую орбиту вокруг Луны.

— Вот тебе на!

— И следовательно, станет ее спутником!

— Луной Луны! — воскликнул Мишель Ардан в восторге.

— Только позволь тебе заметить, милый друг, — добавил Барбикен, — что легче нам от этого не будет. Мы все равно погибнем.

— Но зато другим манером. Последний способ все же забавнее, — ответил беззаботный француз.

Барбикен был прав. Снаряд, описывая эллиптическую орбиту, должен был, очевидно, вечно обращаться вокруг Луны в качестве ее спутника.

В солнечной системе появилось новое небесное светило, микрокосм, населенный тремя обитателями, которым скоро предстояло задохнуться из-за отсутствия воздуха. Барбикен не видел ничего утешительного в этом новом положении снаряда, вступившего в сферу действия центробежных и центростремительных сил. Значит, его спутники и он сам снова увидят освещенное полушарие Луны. Может быть, они еще будут живы, когда перед ними в последний раз мелькнет освещенная Солнцем Земля! Может быть, они еще будут в состоянии сказать последнее прости земному шару, на который им уже не суждено вернуться! А затем снаряд превратится в погасшую мертвую массу, похожую на безжизненные астероиды. Путешественники утешались только тем, что оставляют, наконец, непроглядную тьму и возвращаются в области, залитые солнечным светом.

Между тем горы, замеченные Барбикеном, все яснее обозначались на темной поверхности Луны. Это были Дерфель и Лейбниц, вздымающиеся возле южного полюса Луны.

Все горы видимого полушария измерены совершенно точно. Это может показаться невероятным, однако же нельзя сомне-

ваться в правильности гипсометрических показаний. Можно даже утверждать, что высота лунных и земных гор установлена с одинаковой точностью.

Способ определения высоты, применяемый чаще всего, состоит в измерении тени, отбрасываемой горой с учетом высоты Солнца над горизонтом в момент измерения. Эти несложные измерения производятся посредством телескопа, снабженного сеткой с двумя параллельными нитями. При этом, конечно, предполагается, что в точности известен действительный диаметр лунного диска. Тот же метод позволяет измерять и глубину лунных кратеров и впадин. Этим методом пользовался Галилей; позднее его с большим успехом применяли Бэр и Мэдлер.

Другой метод, называемый методом тангенциальных лучей, также применим для измерения лунного рельефа. Им пользуются в те периоды, когда горные вершины образуют на темной части диска на границе с освещенной его частью светящиеся точки. Эти светящиеся точки представляют собой горные вершины, освещенные лучами солнца, проходящими выше лучей, определяющих границу между освещенной и теневой частями лунной поверхности. Измерение темного промежутка между светящимися точками и ближайшей освещенной частью лунной поверхности позволяет точно определить высоту этих освещенных гор. Понятно, конечно, что такой метод измерения может быть применен только к горам, находящимся у границы света и тени.

Третий метод заключается в измерении профиля лунных гор при помощи микрометра; такой метод применим только к высотам, находящимся у самого края полушария. Естественно, что при всех способах — измерении теней, или промежутков между светящимися вершинами и границей тени, или, наконец, профиля гор — изучение рельефа может быть выполнено только при условии, если солнечные лучи по отношению к наблюдателю косо падают на Луну. Когда же солнечные лучи падают отвесно, то есть в полнолуние, все тени исчезают и наблюдение становится невозможным.

Галилей, который первым обнаружил существование лунных гор, определял их высоты, измеряя длину теней. Как уже говорилось, он вычислил, что высота лунных гор достигает в среднем 4500 туазов. Гевелий приводит значительно меньшие цифры, а Риччиоли опять-таки дает цифры вдвое большие. Гершель, пользуясь усовершенствованными приборами, подошел гораздо ближе к гипсометрическим данным. Истинные же величины следует искать в трудах современных астрономов.

Бэр и Мэдлер, самые выдающиеся современные астрономы, провели измерение 1095 лунных гор. По их вычислениям выходит, что шесть вершин достигают высоты более 5800 метров, 22 горы — более 4800 метров. Самая высокая вершина на Луне имеет 7603 метра. Таким образом, лунные горы ниже земных, высота которых превышает их на 500—600 туазов. Однако здесь

надо сделать одно замечание. Если эти горы сравнить с соответствующим объемом обоих светил, то лунные горы окажутся относительно выше земных. Первые составляют одну четвертая семидесятую часть лунного диаметра, а вторые — всего только тысяча четвертая сороковую часть диаметра Земли. Для того чтобы земная гора достигла относительных размеров лунной горы, высота ее должна иметь над уровнем моря около шести с половиной лье, между тем как самая высокая земная гора не имеет и девяти километров.

Итак, если воспользоваться методом сравнения, то Гималайская горная цепь на Земле насчитывает три вершины, превышающие лунные: Эверест — высотой 8837 метров, Кинчинджунга — высотой 8588 метров и Даулагири — высотой 8187 метров. Лунные горы Дерфель и Лейбниц имеют высоту, равную Джевагиру в той же Гималайской цепи, то есть высота их достигает 7603 метров. Ньютон, Казат, Куртий, Шорт, Тихо, Клавий, Бланкан, Эндимион, главные вершины лунного Кавказа и Апеннин, выше Монблана, достигающего 4810 метров. Монблану равняются по высоте — Морэ, Теофил, Катарния; горе Монте-Роза — высотой 4636 метров — равны горы Пикколомини, Вернер, Гарпалус; горе Сервен — высотой 4522 метра — горы Макроб, Эратосфен, Альбатеск, Даламбер; Тенерифскому пику — высотой 3710 метров — горы Бэкон, Сизат, Филолай и Альпийские вершины. Вершины Мон-Пердю Пиренеев — высотой 3351 метр — равны горам Ремер и Богуславского; Этне — 3237 метров — равны Геркулес, Атлант, Фурнерий.

Таковы цифры, позволяющие представить себе высоту лунных гор. Траектория снаряда как раз проходила над самой гористой областью южного полушария, где возвышались наиболее великолепные образцы лунной орографии.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Гора Тихо.

В шесть часов вечера снаряд проносился над южным полюсом на расстоянии менее шестидесяти километров от Луны. На таком же именно расстоянии он обогнул и северный полюс. Следовательно, он двигался точно по эллиптической орбите.

Путешественники опять вступили в животворный поток солнечных лучей. Они снова увидели звезды, медленно совершавшие свой путь с востока на запад.

Появление лучезарного светила они встретили троекратным «ура!». Вместе со светом Солнце посылало тепло, которое скоро проникло внутрь сквозь металлические стенки снаряда. Стекла на окнах вновь стали прозрачными — затянувший их слой льда исчез как по волшебству. Газ ради экономии тотчас же потушили. И только кислородный прибор должен был по-прежнему расходовать обычное количество газа.

— Ах, как хорошо, как тепло! — радовался Николь. — С каким же нетерпением должны ждать селениты появления дневного светила после такой долгой ночи!

— Еще бы, — ответил Ардан, упиваясь солнечным светом и теплом, — тепло и свет — вот и все, что нужно для жизни!

В эту минуту дно снаряда несколько отклонилось от лунной поверхности, описывая, по-видимому, довольно вытянутый эллипс. Будь Земля «полной», путешественники уже могли бы ее увидеть. Но Земля, потонувшая в солнечных лучах, все еще оставалась невидимой. Взоры друзей привлекло другое зрелище: картина южной части Луны, которую подозрительные трубы приближали к ним на расстояние не более одной восьмой лье. Они не отходили от иллюминаторов и отмечали все особенности любопытного материка.

Горы Дерфель и Лейбниц образуют две отдельные группы, лежащие почти у самого южного полюса.

Первая группа гор тянется от полюса до 84 параллели, на восточной части Луны; вторая, примыкающая к восточной границе, идет к полюсу от 75 градуса южной широты.

Гребни этих причудливо изогнутых гор казались покрытыми ослепительными снегами, что было впервые замечено известным астрономом отцом Секки. Барбикен мог установить это с большей достоверностью, чем знаменитый римский астроном.

— Это снега! — воскликнул Барбикен.

— Снега? — удивился Николь.

— Да, да, Николь, это снег, поверхность которого оледенела на большую глубину. Поглядите, как она отражает солнечные лучи. Остывшая лава не могла бы светиться так ослепительно. Значит, на Луне есть вода, есть воздух. Пусть в ничтожном количестве, но есть. Теперь уже нельзя этого отрицать.

Действительно, сомневаться в этом не приходилось. И если Барбикену доведется когда-нибудь вернуться на Землю, его путевые заметки окажутся существенным вкладом в науку о Луне.

Горы Дерфель и Лейбниц возвышались среди небольшой равнины, окаймленной грядой цирков и кольцевых возвышенностей. Эти горные цепи — единственные, встречающиеся в этих областях. Не слишком протяженные, они вздымают ввысь там и сям несколько пиков, из которых наиболее высокий достигает 7603 метров.

Снаряд летел над этими возвышенностями, рельеф которых расплывался в ослепительном сиянии лунного диска.

Перед глазами путешественников разворачивались лунные пейзажи, с четкими очертаниями, без цветовых оттенков, без светотени, с резкими контрастами белого и черного цветов, что вызывалось отсутствием рассеянного света.

Путешественники проносились над этой хаотической страной, словно подхваченные дуновением урагана; под ними мелькали вершины, впадины, ущелья; они впивались глазами во все

трещины, в каждое таинственное углубление, следя за каждым его изгибом или уступом. Но нигде не обнаруживалось ни малейшего признака растительности, ни следа жилья, — ничего, кроме напластований застывшей, отполированной поверхности изверженных пород, с невыносимым блеском отражавших солнечные лучи. Здесь не было ничего живого; то было царство смерти, где лавины, низвергаясь с горных вершин, бесшумно исчезают в бездонных пропастях. Движение здесь было, но звук отсутствовал.

Путем повторных наблюдений Барбикен установил, что края лунного диска, несмотря на то что они подвергались действию иных сил, чем в центральных областях Луны, отличались столь же однообразной структурой. То же скопление цирков, те же возвышенности и холмы. Однако были основания предполагать обратное. В центре еще не вполне затвердевшая поверхность Луны должна была подвергнуться двойному воздействию притяжений Луны и Земли, развивавшемуся по радиусу, продолженному от одной планеты к другой. По краям же диска притяжение было, так сказать, перпендикулярно притяжению Земли. Поэтому естественно было бы предположить, что рельеф лунной коры под влиянием столь различных условий должен был принять иную форму. Это предположение, однако, не оправдалось. Стало быть, образование и формирование поверхности Луны происходило только под влиянием скрытых сил, заключенных в самой Луне. Никаких посторонних воздействий она не претерпела. Это подтверждало интересную гипотезу Араго, гласившую: «Никакое внешнее воздействие не принимало участия в образовании лунного рельефа».

Как бы там ни было, в своем внешнем состоянии этот мир казался символом смерти, причем даже не представлялось возможным сказать, была ли на нем хотя когда-нибудь жизнь.

Ардану почудились, однако, какие-то груды развалин, на что он обратил внимание Барбикена. Это было примерно на восьмидесятой параллели и на тридцатом градусе долготы. Нагромождение камней, довольно правильно расположенных, имело вид огромной крепости, возвышавшейся над одной из тех больших трещин, которые в доисторические времена могли быть руслами рек. Невдалеке вздымалась кольцеобразная гора Шорта, высотой 5646 метров, равная высоте Кавказских вершин. Ардан с присущей ему горячностью уверял, что это «несомненная» крепость; ему виделись зубчатые городские стены, уцелевший свод портика и даже обломки двух-трех колонн под ним; далее ему мерещились ряды арочных сводов, на которых, может быть, были когда-то проложены акведуки; в другом месте — гигантские опоры разрушенного моста, укрепленные по берегам котловин. Все эти подробности были настолько приукрашены его воображением и он смотрел в такую фантастическую зрительную трубу, что полагаться на достоверность его наблюдений было совершенно невозможно.

А вместе с тем кто возьмет на себя смелость утверждать, что пылкий француз не видел всего того, чего не желали замечать его товарищи?

Каждая минута казалась им слишком драгоценной, чтобы тратить ее на бесполезные споры. Лунный город, мнимый или реальный, уже скрылся из их глаз. Расстояние между снарядом и лунным диском начало постепенно увеличиваться и подробности лунного пейзажа мало-помалу стирались. Одни цирки и кратеры да обширные равнины все еще отчетливо выступали на лунной поверхности.

В эту минуту с левой стороны снаряда обозначился один из самых красивых цирков Луны, одна из достопримечательностей этого материка. То был Ньютон — Барбикен тотчас же узнал эту гору, справившись по своей карте.

Ньютон находится точно на 77 градусе южной широты и 16 градусе восточной долготы. Он образует кольцеобразный кратер, гребень которого, возвышающийся на 7264 метра, кажется совершенно неприступным.

Барбикен сообщил друзьям, что высота Ньютона над окружающей равниной значительно уступала глубине кратера. Громадное отверстие кратера казалось бездонным: в эту мрачную пропасть никогда не проникали солнечные лучи. По словам Гумбольдта, на дне этого цирка царствует абсолютный мрак, не рассеиваемый ни солнечными лучами, ни светом Земли. Творцы мифов, конечно, усмотрели бы в этой пропасти адские врата.

— Гора Ньютон, — сказал Барбикен, — совершеннейший образец кольцевых лунных гор, которым нет равных на Земле. Эти кольцевые горы доказывают, что образование поверхности Луны посредством охлаждения было следствием бурных катаклизмов: под влиянием деятельности расплавленных недр планеты горы вздыбились на значительную высоту, а впадины и углубления кратеров опустились гораздо ниже уровня лунной поверхности.

— Возможно, что и так, — заметил Ардан.

Через несколько минут, пролетев над Ньютоном, ядро оказалось непосредственно над кольцевой горой Морэ. Затем они оставили в некотором отдалении вершины Бланкана и достигли цирка Клавия.

Этот цирк — один из самых интересных на Луне — расположен на 58 градусе южной широты и 15 градусе восточной долготы. Высота его определяется в 7091 метр. Наши путешественники, находившиеся от него в расстоянии 400 километров, сведенных к четырем благодаря зрительным трубам, легко могли разглядеть величественные горные валы этого мощного кратера.

— Земные вулканы, — сказал Барбикен, — в сравнении с вулканами Луны — просто кротовые норы. Кратеры Везувия и Этны, образовавшиеся после первых извержений, едва достигают шести тысяч метров в ширину. Кратер Канталь во Франции имеет десять километров в диаметре, вулкан на острове Цейлон — семьде-

сят километров и считается самым крупным на Земле. Но что значат эти цифры по сравнению с диаметром Клавия, над которым в данную минуту пролетает наш снаряд?

— Какова же его ширина? — спросил Николь.

— Двести двадцать семь километров, — ответил Барбикен. — Правда, это самый большой цирк на Луне, но многие другие достигают двухсот, ста пятидесяти, ста километров ширины.

— Ах, друзья мои! — воскликнул Мишель. — Можете себе представить, что происходило на нашей «безмятежной Луне», когда громыхали все эти кратеры, извергая потоки лавы, град камней, тучи дыма и пламени! Вот это было зрелище! И что осталось от всего этого великолепия! Сейчас Луна — всего только жалкая головешка, обгорелый патрон, оставшийся от грандиозной ракеты! После всех взрывов, звездных дождей, фейерверков, после всех этих красот — остались только окурки, обгоревшие обрывки картонного патрона! Кто разгадает причину, источник, смысл всех этих катаклизмов?

Барбикен не слушал Ардана. Он смотрел на отроги Клавия, горные цепи, раскинувшиеся на несколько лье. В глубине громадной впадины виднелись сотни потухших мелких кратеров, которые испещряли почву, точно дырки шумовки. Над этими кратерами возвышался пик высотой в пять тысяч метров.

Расстилавшаяся кругом равнина представляла унылое зрелище. Что могло быть печальнее и тоскливее этих возвышенностей, этих полуразрушенных горных громад, этих осколков горных пиков и вершин, рассеянных по лунной поверхности?казалось, что Луна в этом месте раскололась.

Снаряд летел вперед. Под ним расстился все тот же первозданный хаос. Цирки, кратеры, обвалившиеся горы беспрерывно следовали один за другим. Никаких равнин, никаких морей уже не было. Под ними раскинулась какая-то бесконечная Швейцария или Норвегия.

Наконец в центре этого взбаламученного хаоса, в наиболее высокой его точке показалась самая величественная лунная гора, ослепительная Тихо, за которой потомство сохранило имя славного датского астронома.

Кто наблюдал полную Луну на безоблачном небе, тот, несомненно, заметил эту блестящую точку южного полушария. Ардан пришел в неопишуемый восторг и осыпал гору всеми эпитетами, какие только могло подсказать ему пылкое воображение. По его словам, Тихо была пламенным источником света, центром излучения, ступицей огненного колеса, громадным сверкающим окном, кометой, распростертой на Луне и распластавшей по ней свои серебряные шупальца; нимбом, выточенным для головы Плутона; звездой, сброшенной с небес рукою творца и разбившейся о лунную поверхность.

Тихо представляет собой такое скопление лучистой энергии, что обитатели Земли могут видеть ее даже без окуляра, даже на

расстоянии ста тысяч лье. Какова же была ее яркость на расстоянии всего лишь ста пятидесяти лье, когда эта гора предстала перед нашими путешественниками! Ее сверкающее сияние, пронизывающее чистый эфир вселенной, было настолько ослепительно, что Барбикену и его друзьям пришлось закоптить стекла окуляров, чтобы вынести этот нестерпимый блеск. Остолбенев от удивления, лишь изредка обмениваясь восторженными возгласами, они не могли оторваться от созерцания горы. Все их ощущения, все мысли сосредоточились в одном взгляде, и кровь прилиwała к сердцу, как в минуты душевных потрясений.

Тихо принадлежит к системе лучевых гор, подобных Аристарху и Копернику, являя собой наиболее совершенный, наиболее законченный образец таких гор. Она бесспорно свидетельствует о той могучей вулканической деятельности, которой Луна обязана своим образованием.

Тихо расположена на 43 градуса южной широты и 12 градуса восточной долготы. Центр горы занимает кратер в восемьдесят семь километров в поперечнике. Кратер эллиптической формы окружен кольцом гор, которые на пять тысяч метров возвышаются над расстилающейся на восток и на запад равниной. Это — скопище «монбланов», расположенных вокруг одного центра и окруженных сияющей короной лучей.

Никакая фотография не способна передать облика этой несравненной горы, всех красот окружающего ее горного пейзажа, феерического калейдоскопа ее кратера.

Действительно, Тихо можно наблюдать во всем ее величии лишь во время полнолуния. Но тогда тени исчезают, перспектива теряется и снимки получаются бледные и невыразительные. Досадное обстоятельство, потому что передать с фотографической точностью всю эту поразительную область Луны представляло бы совершенно исключительный интерес. Но фотографии передают только скопление пропастей, кратеров, цирков, головокружительное переплетение горных цепей, а за ними — сеть вулканов, разбросанных там и сам по ноздреватой поверхности Луны. При виде этой картины понимаешь, что окаменевшая поверхность сохранила вид бурлившей и извергавшейся некогда лавы. Кристаллизовавшись под влиянием охлаждения, весь этот лунный пейзаж навеки запечатлел, как в стереотипе, состояние Луны в разгар ее плутонической деятельности.

Хотя расстояние, отделявшее путешественников от кольцеобразных вершин Тихо, было довольно значительным, они все же могли уловить ее основные очертания. К цирку, образующему кольцо Тихо, снаружи и изнутри лепились горы, громадятся гигантскими террасами. На западе эти террасы казались на триста — четыреста футов выше, чем на востоке. Никакое создание стратегического искусства на Земле не могло сравниться с этими природными укреплениями. Город, сооруженный в глубине подобной кольцевой впадины, был бы совершенно неприступен,

точно крепость, чудом воздвигнутая на этой взбаламученной извержениями почве! Природа не оставила пустым и плоским дно этого кратера. Это был обособленный, замкнутый мир, обладающий своей особой орографией, своей собственной горной системой. Путешественники ясно видели конусы, возвышенности, причудливые неровности почвы, словно самой природой подготовленные для архитектурных сооружений лунных зодчих. Здесь словно намечалась площадь для храма, там — так и чудился грандиозный форум; в одном месте, казалось, возвышался фундамент некоего дворца, в другом — опорная площадка крепости. И надо всем этим господствовали кольцообразные горы высотой в тысячу пятьсот футов. Обширная равнина, на которой мог бы разместиться античный Рим, будь он вдесятеро больше.

— Боже мой, какой грандиозный город можно было бы построить в кольце этих гор! — воскликнул в восторге Мишель Ардан. — Непрístupная цитадель мира и покоя, огражденная от всех человеческих тревожений! Как привольно жилось бы здесь, в полнейшем покое и одиночестве, всем мизантропам, всем чело-веконенавистникам, всем врагам общества.

— Всем?! Ну, для всех бы места не хватило! — пошутил Барбикен.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Важные вопросы.

Снаряд между тем уже миновал горные отроги Тихо. Барбикен и его товарищи с величайшим вниманием рассматривали блестящие лучи, которые по всем направлениям расходились от центра знаменитой горы.

Что это за сияющий ореол! Какие геологические процессы породили этот лучезарный веер? Этот вопрос чрезвычайно занимал Барбикена.

Перед его глазами во всех направлениях тянулись светящиеся полосы с приподнятыми краями и вогнутой серединой, иные шириною в двадцать, другие — в пятьдесят километров. В некоторых местах эти белые лучи тянулись на расстояние тысячи километров от Тихо и, казалось, покрывали собой всю половину южного полушария, особенно к востоку, северо-востоку и к северу. Один из таких лучей достигал цирка Неандра, расположенного на сороковом меридиане. Другой, закругляясь, бороздил море Нектара и через четыреста лье разбивался у подножий Пиренеев. Другие полосы тянулись к западу и покрывали сверкающей сетью море Облаков и море Влажности.

Что порождало эти белые лучи, пересекающие равнины и прорезающие горы, независимо от их высоты? Все лучи расходились из одного общего центра — кратера Тихо. Они словно «излучались» из него. Гершель считал эти блестящие полосы потоками застывшей лавы, но его мнение не нашло себе приверженцев. Другие астрономы видели в загадочных лучах ряды

огромных глыб и камней, своего рода морен, изверженных в эпоху образования Тихо.

— А почему бы и не так? — сказал Николь, которому Барбикен излагал различные мнения ученых, отвергая их одно за другим.

— Потому что невозможно себе представить той силы, которая перебросила бы вулканические породы на такие расстояния, и невозможно объяснить геометрически правильного расположения этих светящихся полос! — сказал Барбикен.

— Уж и невозможно! — возмутился Ардан. — А по-моему, объяснить происхождение этих лучей нет ничего легче.

— В самом деле? — спросил Барбикен.

— Ну конечно, — ответил Ардан. — На мой взгляд, это — звездообразная трещина, вроде трещины на оконном стекле от удара пули или камня.

— Бесподобно, — улыбаясь, ответил Барбикен. — Ну а чья же могучая рука швырнула такой камень?

— Для этого не нужно никакой руки, — ответил Ардан, не сдаваясь, — а что касается камня, то его роль могла сыграть какая-нибудь комета.

— Комета? На кометы привыкли сваливать все! — воскликнул Барбикен. — Дорогой Мишель, объяснение твое недурно, но комета здесь ни при чем. Сотрясение, послужившее причиной подобной трещины, могло произойти в недрах самой планеты. Для такой гигантской звездообразной трещины достаточно сильного и быстрого сжатия поверхностной коры под влиянием охлаждения.

— Ладно, согласен и на сжатие. Видно, и у Луны бывали колики! — ответил Мишель Ардан.

— Это мнение одного английского ученого, Несмиса, — добавил Барбикен. — Оно, мне кажется, вполне удовлетворительно объясняет происхождение этих лучей.

— Несмис, как видно, не дурак! — заявил Мишель.

Путешественники не могли наглядеться на великолепное зрелище Тихо. Снаряд, утопавший в двойном сиянии — Луны и Солнца, должен был казаться со стороны раскаленным шаром. Итак, наши путешественники внезапно перешли из холода в зной. Сама природа подготавливала их к превращению в селенитов.

Превратиться в селенитов! Эта мысль снова вернула их к проблеме обитаемости Луны. Вправе ли они были решать эту проблему после всего виденного ими! Могли ли они решить ее в положительном или отрицательном смысле? Ардан приставал к товарищам и требовал, чтобы они без обиняков высказали, наконец, свое мнение, существуют ли на Луне животные или люди.

— Я думаю, что мы можем ответить на это, — сказал Барбикен. — Только, по-моему, вопрос должен быть поставлен несколько по-другому...

— Дело за тобой! Ставь вопрос как хочешь, — ответил Ардан.

— Так вот, задача тут двойная и требует двойного решения:

обитаема ли теперь Луна или нет? Была ли Луна вообще когда-нибудь обитаема?

— Хорошо,— сказал Николь,— остановимся сначала на первом вопросе: обитаема ли Луна теперь?

— Говоря по совести,— вздохнул Мишель Ардан,— я ничего не могу сказать.

— А я отвечу отрицательно,— сказал Барбикен.— В ее теперешнем состоянии, с ее разреженной атмосферой, почти высохшими морями, недостатком воды, отсутствием растительности, резкими переходами от тепла к холоду, с ее ночами, длящимися в течение трехсот пятидесяти четырех часов, Луна кажется мне необитаемой; мало того, я думаю, что на ней отсутствуют условия, благоприятные для возникновения животного мира и хоть сколько-нибудь пригодные для жизни, в нашем понимании этого слова.

— Согласен,— ответил Николь.— Но, может быть, на Луне живут существа, имеющие совершенно особую организацию, не схожую с нашей?

— На этот вопрос ответить труднее, но я все-таки попытаюсь. Для этого я спрошу Николя, считает ли он движение необходимым и неизбежным следствием какой бы то ни было жизни, независимо от ее форм?

— Ну разумеется,— ответил Николь.

— Так вот, мы наблюдали лунные материки с расстояния не более пятисот метров и не обнаружили никакого движения на поверхности Луны. Присутствие человека вызвало бы какие-нибудь изменения лунной почвы, от него остались бы какие-нибудь сооружения или хотя бы развалины. А что мы видели? Везде и повсюду только деятельность природы и никаких признаков труда человека. Значит, если представители животного мира на Луне и существуют, они укрываются где-нибудь в глубочайших впадинах, не доступных нашему взору. Этого я допустить не могу, потому что они оставили бы хоть какие-нибудь следы своих передвижений на равнинах, покрытых слоем воздуха, хотя бы и разреженного. Таких следов мы не обнаружили нигде. Остается одно: предположить, что здесь обитает порода живых существ, которым чуждо движение, то есть самая жизнь.

— Ну, это все равно что сказать: живые существа, которые не живут,— возразил Мишель.

— Именно,— ответил Барбикен,— для нас это бессмыслица.

— Итак, можно подвести итоги прениям? — спросил Мишель.

— Можно,— ответил Николь.

— Хорошо,— продолжал Мишель Ардан.— Ученая комиссия, заседающая в снаряде «Пушечного клуба», на основании новых полученных фактов единогласно решила, что Луна в данное время необитаема.

Эта резолюция была занесена председателем «Пушечного клуба» Барбикеном в блокнот в виде протокола заседания от 6 декабря.

— Теперь,— взял слово Николь,— перейдем ко второму вопросу, неизбежно вытекающему из первого. Итак, я спрашиваю: была ли Луна вообще когда-либо обитаемой?

— Слово принадлежит гражданину Барбикену,— провозгласил Ардан.

— Дорогие друзья,— начал Барбикен.— Для решения этого вопроса — обитаемости Луны в ее далеком прошлом — мне не нужно было дожидаться нашего путешествия. Добавлю, что наши личные наблюдения только подтвердили мою уверенность. Полагаю, даже утверждаю, что Луна когда-то была населена человеческими существами, имевшими одинаковую с нашей организацию, что на Луне водились животные с таким же анатомическим строением, как и земные; но и эти человеческие существа и животные отжили свой век и исчезли навсегда.

— Так, значит, Луна более древняя планета, чем Земля? — спросил Мишель Ардан.

— Нет,— с убеждением ответил Барбикен.— Но она гораздо раньше состарилась. Процессы ее образования и разрушения протекали значительно быстрее. Организующие силы материи внутри Луны развивались более бурно, чем в недрах нашего земного шара. Это со всей очевидностью доказывается изрытой, изборозжденной, истерзанной поверхностью лунного диска. И Луна и Земля представляли собой первоначально газообразные массы. Затем, под воздействием различных причин, газ превратился в жидкость и, наконец, в твердую массу. Но можно с уверенностью утверждать, что наша Земля находилась еще в газообразном или жидком состоянии, когда Луна уже затвердела под влиянием охлаждения и стала обитаемой.

— Согласен,— сказал Николь.

— В ту эпоху,— продолжал Барбикен,— Луна была окружена атмосферой. Воды, удерживаемые газообразной оболочкой, не могли испаряться. Под влиянием воздуха, воды, света, солнечного тепла и собственного внутреннего тепла Луны растительность должна была быстро развиться на благоприятной для нее почве, и, вероятно, именно в этот период на Луне и появилась жизнь, потому что природа не расходует своих даров бесполезно, и в мире, пригодном для обитания, несомненно, должны были появиться обитатели.

— Однако,— возразил Николь,— некоторые условия лунного мира, связанные с движением Луны, должны были все же препятствовать развитию растительности и животного царства. Возьмем хотя бы, например, дни и ночи, продолжающиеся по триста пятьдесят четыре часа.

— На земных полюсах они длятся по шесть месяцев,— заметил Ардан.

— Ну это не возражение, потому что полюсы-то как раз и необитаемы.

— Заметьте, друзья мои,— сказал Барбикен,— что если в

настоящее время эти долгие ночи и длинные дни создают резкие колебания температуры, невыносимые для организма, то в древние времена дело обстояло иначе. Тогда лунный шар был окружен атмосферой, и ее плотный покров смягчал зной солнечных лучей и сдерживал ночное излучение. Благодаря воздушной атмосфере свет и тепло рассеивались. А отсюда и равновесие этих влияний, нарушенное теперь, когда почти никакой атмосферы на Луне уже нет. Кроме того, я вас удивлю...

— Ну, ну, удиви! — заинтересовался Мишель Ардан.

— Я полагаю, что в эпоху, когда Луна была обитаема, продолжительность дня и ночи на ней была короче.

— Почему же? — усомнился Николь.

— Потому что тогда, вероятно, период вращения Луны вокруг своей оси не равнялся обращению ее вокруг Земли. А ведь именно благодаря этому равенству каждая точка лунного шара оказывается в течение пятнадцати дней обращенной к Солнцу.

— Согласен, — ответил Николь, — но почему же тогда не существовало этого равенства, раз оно имеется теперь?

— Потому что это равенство обусловлено земным притяжением. А кто может утверждать, что это притяжение в те далекие времена, когда Земля находилась еще в жидком состоянии, было настолько сильным, чтобы повлиять на движение Луны?

— В самом деле! — сказал Николь. — Кто сказал, что Луна всегда была спутником Земли?

— Вот и я говорю то же самое, — вмешался Мишель Ардан. — Кто сказал, что Земля возникла значительно позже Луны!

Воображение наших друзей разыгралось, — вопрос представлял широкое поле для любых гипотез.

— Не будем слишком увлекаться, — остановил их Барбикен, — все это совершенно неразрешимые проблемы. Не стоит в них углубляться. Допустим только слабость первоначального земного притяжения. А тогда при различной скорости движения вокруг оси и вокруг Земли долгота дня и ночи на Луне остались бы такими же, как и на Земле. А впрочем, жизнь была бы возможна и без этих условий.

— Итак, человечество совсем исчезло с Луны? — спросил Ардан.

— Да, — ответил Барбикен, — исчезло, просуществовав, вероятно, много тысяч веков. Затем атмосфера мало-помалу начала редеть. Луна стала необитаемой; такой же необитаемой станет когда-нибудь и наша Земля вследствие дальнейшего ее охлаждения.

— Вследствие охлаждения?

— Разумеется, — пояснил Барбикен. — По мере того как недра Луны остывали, ее внутреннее тепло уходило все глубже и центру, а поверхность затвердевала. Постепенно стали проявляться и последствия этого: исчезновение живых существ, исчезновение растительности. Вскоре затем почти полностью рассея-

лась и атмосфера, так сказать, сдернутая с Луны земным притяжением, а отсюда: исчезновение воздуха и испарение воды. К тому времени, как Луна стала необитаемой, исчезли и все населявшие ее существа. Она превратилась в тот мертвый мир, который мы можем наблюдать теперь.

— Ты думаешь, что та же участь ожидает и Землю?

— Весьма вероятно.

— Когда же?

— Когда она станет необитаемой вследствие охлаждения земной коры.

— А можно вычислить, когда наша злополучная планета начнет охлаждаться?

— Без сомнения.

— И тебе известны эти вычисления?

— В точности.

— Так что же ты молчишь, ученый сухарь,— воскликнул Мишель Ардан.— Я же сгораю от любопытства!

— Дорогой мой Мишель,— спокойно ответил Барбикен,— известно, насколько понижается температура Земли в течение одного столетия. Так вот, по некоторым расчетам, средняя температура Земли дойдет до нуля через четыреста тысяч лет!

— Четыреста тысяч лет! — вскричал Ардан.— Ну так мы успеем еще пожить! А то ты перепугал меня до смерти. Послушать тебя, окажется, что нам осталось всего каких-нибудь пятьдесят тысяч лет!

Опасения Мишеля рассмешили его товарищей.

Педантичный Николь, любивший во всем порядок, снова вернулся к «повестке дня».

— Итак, мы считаем, что в прошлом Луна была обитаема? — осведомился он.

Ответ последовал единогласный и утвердительный.

Пока друзья предавались обсуждению этих несколько смелых теорий, отражавших в основном уровень современных им научных достижений, снаряд стремительно приближался к лунному экватору, все время мало-помалу отдаляясь от Луны. Они оставили позади себя цирк Виллема и сороковую параллель на расстоянии восьмисот километров от диска. Затем, оставляя справа Питат на 30 градусах, они проследовали вдоль южного берега моря Облаков, после того как в первую половину пути обогнули северную его границу. Среди ослепительной белизны полной Луны, как в тумане, проносились чередой цирки: Буйо, Пурбах, с кратером квадратной формы, затем Арзахель, со своим конусом, сверкающим неопишущим блеском.

И наконец, контуры стерлись в отдалении, горы стали неразличимы, и от всего изумительного, необычайного, причудливого облика земного спутника у наших путешественников не осталось ничего, кроме неизгладимых воспоминаний.

Долгое время Барбикен и его спутники безмолвно и задумчиво, как некогда Моисей на рубеже земли Ханаанской, глядели на этот мир, от которого они безвозвратно удалялись. Положение ядра относительно Луны изменилось, и теперь дно его было обращено к Земле.

Эта перемена озадачила Барбикена. Если снаряд вращался вокруг Луны по эллиптической орбите, почему же он не был обращен к ней своей наиболее тяжелой частью, как это происходит при вращении Луны вокруг Земли?

Наблюдая за движением снаряда, можно было заметить, что, отдаляясь от Луны, он следовал той же кривой, которую описывал при своем приближении к ней. Он летел по очень вытянутому эллипсу и, по-видимому, возвращался к точке, где лунное притяжение уравнивалось земным.

Так по крайней мере решил Барбикен на основании своих наблюдений. Его мнение разделяли и оба друга. Снова вопросы посыпались градом:

— Что же с нами будет, когда мы достигнем этой мертвой точки? — спросил Ардан.

— Неизвестно, — ответил Барбикен.

— Но можно же сделать какие-нибудь предположения?

— Всего два: либо скорость снаряда окажется недостаточной и он навсегда останется в этой мертвой точке двойного притяжения...

— Я заранее могу сказать, что предпочитаю вторую возможность, в чем бы она ни заключалась, — прервал его Мишель.

— Либо скорость окажется достаточной и снаряд будет вечно вращаться вокруг Луны по эллиптической орбите.

— Малоутешительная перемена, — вздохнул Мишель. — Превратится в скромные спутники Луны, когда мы привыкли в этой подчиненной роли видеть Луну! Нечего сказать, завидная участь!

Ни Барбикен, ни Николь ему не ответили.

— Что же вы молчите! — нетерпеливо воскликнул Мишель.

— Мне нечего сказать, — ответил Николь.

— И мы ничего не можем поделать?

— Ничего, — ответил Барбикен. — Разве можно бороться с невозможным?

— Неужели ты допускаешь, что один француз и два американца могут испугаться этого слова?

— Да что же можно сделать?

— Стать господином собственного движения! Управлять им!

— Управлять?

— Ну да, — отвечал Ардан, воодушевляясь. — Приостановить наше движение, изменить его: одним словом, заставить его служить нашим целям!

— Да как же это сделать?

— Это уж ваше дело. Если артиллеристы не умеют справиться со своими снарядами, они недостойны быть артиллеристами. Если снаряд командует канониром, такого канонира надо самого сунуть в пушку вместо заряда! Хороши ученые, нечего сказать!.. Сами заманили меня, а теперь не знают, что делать...

— Заманили! — вскричали Барбикен и Николь в один голос. — Что ты хочешь этим сказать?

— Теперь не время препираться. Я не жалуюсь. Прогулка мне нравится! Снаряд тоже по мне. Но теперь надо попытаться сделать все, что только в человеческих силах, чтобы попасть если уж не на Луну, так хоть куда-нибудь.

— Мы бы и рады что-нибудь сделать, — ответил Барбикен, — но у нас нет никаких возможностей.

— Мы не можем изменить движения снаряда?

— Нет!

— Не можем уменьшить его скорости?

— Нет!

— А что, если мы облегчим его, как облегчают перегруженное судно?

— Что же можно выбросить? — спросил Николь. — На нашем судне никакого балласта нет. К тому же я полагаю, что облегченный снаряд полетит еще быстрее.

— Нет, тише, — сказал Ардан.

— Нет, быстрее, — возразил Николь.

— Ни тише, ни быстрее, — прервал их Барбикен, — потому что мы несемся в пустом пространстве, где силы тяжести не существует.

— Ну значит, остается только одно! — решительно воскликнул Мишель.

— Что же?

— Завтракать, — невозмутимо ответил француз, всегда прибегавший к этому спасительному средству в самых затруднительных и безвыходных обстоятельствах.

Действительно, если завтрак и не мог оказать никакого влияния на движение ядра, им все же не следовало пренебрегать, хотя бы ради здоровья. Что ни говори, а идеи Мишеля всегда оказывались наиболее удачными.

Итак, в два часа утра друзья позавтракали: впрочем, время уже не имело значения. Предложенное Мишелем меню было обычным, но его увенчала бутылка хорошего вина, извлеченная из потайного погребка. Если уж после нее в головах наших путешественников не возникнет никаких идей, значит, вино шамбертен 1863 года никуда не годилось.

Подкрепив свои силы, они возобновили наблюдения.

Вокруг ядра, на неизменном от него расстоянии, летели выброшенные предметы. Обращаясь вокруг Луны, снаряд, очевид-

но, не пересекал никакой атмосферы, потому что в противном случае различный вес этих предметов изменил бы их относительное движение.

Со стороны Земли ничего не было видно, поскольку только накануне в полночь наступило «новоземелие». Только через два дня после этого, когда ее серп выйдет из солнечного освещения, Земля может снова служить своего рода часами обитателям Луны: ведь каждая точка Земли при ее вращательном движении через каждые сутки пересекает один и тот же лунный меридиан.

Совершенно иную картину представляла Луна. Она сияла в полную силу среди бесчисленных созвездий, яркость которых не меркла от ее света. Лунные равнины уже приобретали тот пепельный оттенок, который наблюдается с Земли. Остальная часть диска сверкала по-прежнему, и среди этого сияния, подобно Солнцу, горела гора Тихо.

Барбикен никак не мог определить скорость снаряда, но, по его соображениям, эта скорость должна была в соответствии с законами механики постепенно уменьшаться.

Действительно, если допустить, что снаряд будет описывать орбиту вокруг Луны, то эта орбита должна неизбежно принять форму эллипса. Так утверждала наука. Этому закону подчинялось всякое тело, вращающееся вокруг другого тела, обладающего притяжением. Все орбиты, описываемые телами в пространстве, — эллиптические: по эллипсу движутся спутники планет, по эллипсу движутся планеты вокруг Солнца, и само Солнце движется по эллипсу вокруг какого-то неведомого светила, служащего ему осью. Не было никаких оснований предполагать, что этому закону не подчинится и снаряд «Пушечного клуба».

Раз притягивающее тело находится всегда в одном из двух фокусов эллиптической орбиты, следовательно снаряд в известный период должен быть ближе, в другой — дальше от светила, вокруг которого он обращается. Когда Земля приближается к Солнцу, она находится в перигелии, и, наоборот, в афелии она оказывается в точке, наиболее удаленной от Солнца. Точно так же и Луна — наиболее близка к Земле в перигее и наиболее удалена — в апогее. Если изобрести в отношении снаряда аналогичные термины, которые, несомненно, только обогатят астрономическую терминологию, то можно сказать, что, став спутником Луны, снаряд находится в «апоселене», когда он будет дальше всего от Луны, и в «периселене», когда он будет к ней ближе всего.

В этом последнем случае снаряд должен достигнуть наибольшей скорости, в первом случае — наименьшей. Сейчас он, очевидно, приближался к «апоселену», и Барбикен был прав, предполагая, что вплоть до этой точки скорость снаряда будет все время убывать, а затем снова увеличится по мере приближения к Луне.

И наконец, эта скорость должна свестись к нулю, если «апоселенческая» точка совпадет с точкой равных притяжений.

Барбикен обдумывал, как отразятся все приведенные возможности на судьбе снаряда. Его размышления прервал возглас Мишеля.

— Какие же мы болваны, черт нас возьми! — вскричал Ардан.

— Не смею с этим спорить, — ответил Барбикен, — но за что именно ты нас так величаешь?

— Да ведь у нас же есть очень простое средство, чтобы умирить скорость снаряда, которая удаляет нас от Луны! А мы им не пользуемся.

— Какое же это средство?

— Сила отдачи наших ракет.

— Ты думаешь? — спросил Николь.

— Это верно! Мы до сих пор еще не применяли этого средства, — ответил Барбикен, — но мы им скоро воспользуемся.

— Когда же? — спросил Мишель.

— Когда придет время. Заметьте, друзья, что при теперешнем положении снаряда, то есть при его наклоне к Луне, ракеты, изменив его положение, могут только отдалить его от Луны, а не приблизить к ней. А ведь вы непременно хотите попасть на Луну?

— Ну разумеется, — ответил Ардан.

— Тогда имейте терпение. Под каким-то необъяснимым влиянием снаряд начинает поворачиваться дном к Земле. Очень вероятно, что в точке равного притяжения его коническая верхушка направится прямо к Луне. Можно надеяться, что в этот миг скорость его будет равна нулю. Вот тут-то и настанет время действовать: взрыв ракет, пожалуй, сможет бросить снаряд прямо на Луну...

— Браво! — воскликнул Мишель.

— Мы не сделали и не могли бы этого сделать при нашем первом перелете через мертвую точку, потому что снаряд летел тогда с очень значительной скоростью.

— Совершенно верно, — подтвердил Николь.

— Будем же терпеливы, — продолжал Барбикен. — Воспользуемся всеми имеющимися у нас возможностями. После стольких разочарований я снова начинаю верить, что мы достигнем цели!

Это заключение вызвало восторженные возгласы Ардана.

И при этом никому из безумцев не пришел в голову вопрос, на который сами же они только что ответили отрицательно: нет, Луна необитаема. Нет, Луна, по всем признакам, не может быть обитаема! И тем не менее они все-таки собирались сделать все возможное, чтобы попасть на эту необитаемую Луну!

Их занимал только вопрос, в какой именно момент снаряд достигнет точки равного притяжения, когда они собирались поставить на карту все, что было в их силах. Чтобы вычислить этот мо-

мент с точностью до одной секунды, Барбикену достаточно было справиться в своих путевых заметках и припомнить различные высоты, засеченные на лунных параллелях. Таким образом он вычислил, что для преодоления расстояния между мертвой точкой и южным полюсом нужно столько же времени, сколько и для перелета с северного полюса до мертвой точки. Время пройденного пути было точно зафиксировано по часам, что облегчало расчет. Барбикен заявил, что точки равного притяжения они достигнут ровно в час ночи с 7 на 8 декабря. В данную минуту было три часа ночи с 6 на 7 декабря. Стало быть, если ничто не помешает, снаряд должен долететь до мертвой точки через двадцать два часа.

Первоначально ракеты предназначались для того, чтобы ослабить падение снаряда на Луну, теперь же отважные путешественники собирались пустить их в ход с совершенно противоположной целью.

Ракеты были готовы; оставалось дожидаться назначенной минуты.

— Ну теперь нам нечего больше делать,— сказал Николь,— поэтому я предлагаю...

— Что? — спросил Барбикен.

— Лечь спать.

— Вот тебе на! — вскричал Ардан.

— Мы уже сорок часов не смыкали глаз! Несколько часов сна восстановят наши силы.

— Ни за что не лягу! — воскликнул Мишель.

— Ну что ж! Вольному — воля. А я уже сплю!

И, растянувшись на диване, Николь тотчас же захрапел.

— Николь прав,— решил Барбикен.— Я последую его примеру.

Через несколько минут басовый храп председателя вторил баритону Николь.

— И у практичных людей иногда бывают дельные мысли,— сказал Мишель Ардан, очутившись без собеседников.

И, вытянув длинные ноги, подложив под голову мускулистые руки, он присоединился к друзьям.

Но сон наших путешественников не мог быть спокойным и продолжительным. Все трое были слишком озабочены. Около семи часов утра они уже проснулись и вскочили на ноги.

Ядро продолжало удаляться от Луны, все больше поворачиваясь к ней своей верхушкой. Явление это благоприятствовало планам Барбикена, хотя он и не мог найти ему объяснения.

До намеченного ими срока пуска ракет оставалось семнадцать часов.

Этот день показался нашим друзьям нескончаемым. Как ни велика была их отвага, сердца путешественников невольно замирали при мысли, что скоро наступит минута, когда решится вопрос — суждено ли им упасть на Луну или вечно вращаться во-

круг нее. Они считали часы и минуты, казавшиеся им бесконечными, Барбикен и Николь погрузились в расчеты. Ардан ходил взад и вперед по тесной каюте снаряда и поглядывал на бесстрастную Луну.

Время от времени путников охватывали воспоминания о Земле; они видели перед собой своих друзей, членов «Пушечного клуба», и прежде всего самого дорогого их сердцу Дж. Т. Масто́на.

В эту минуту почтенный секретарь, вероятно, занимал свой пост в Скалистых горах. О чем он думал, если гигантский окуляр его телескопа позволял ему наблюдать за снарядами? Он, несомненно, видел, как ядро скрылось за южным полюсом Луны, а теперь, вероятно, обнаружил, как оно заворачивает из-за северного полюса. Он решил, должно быть, что снаряд превратился в спутник Луны! Распространил ли Масто́н эту новую сенсацию по всему свету? Как отнесся он к столь неожиданной развязке их дерзкого предприятия?..

День прошел без приключений. Наступила полночь. Начался день 8 декабря. Еще час — и точка равного притяжения будет достигнута. С какой скоростью летел сейчас снаряд? Вычислить это было невозможно. Но Барбикен не ошибался в расчетах. В час ночи скорость ядра должна была равняться нулю.

К тому же момент остановки снаряда в нейтральной точке должен был ознаменоваться характерным явлением: здесь находилась линия равновесия земного и лунного притяжения. В этом месте предметы не должны иметь веса. Этот интересный факт, так сильно поразивший Барбикена и его друзей в начале путешествия, должен был повториться и на обратном пути в соответствующих условиях. Именно в эту самую минуту и следовало действовать.

Коническая верхушка ядра уже заметно повернулась к лунному диску. При таком положении снаряда сила отдачи ракет бросит ядро прямо на Луну. Итак, все благоприятствовало успеху задуманного друзьями плана. Если в нейтральной точке скорости снаряда дойдет до нулевой, будет достаточно самого легкого толчка, чтобы вызвать падение снаряда на Луну.

— Без пяти минут час, — прошептал Николь.

— Все в порядке, — ответил Ардан, поднося заготовленный фитиль к горящей газовой горелке.

— Подожди, — сказал Барбикен, посмотрев на хронометр.

В эту минуту вес почти не ощущался. Путешественники могли обнаружить полное исчезновение силы тяжести на самих себе. Если они еще и не находились в мертвой точке, то были где-то совсем рядом.

— Час! — сказал Барбикен.

Ардан поднес зажженный фитиль к запальному шнуру, к которому были присоединены все ракеты. Из-за отсутствия воздуха детонации не последовало, но Барбикен увидел в окно пламя взрыва, которое очень скоро погасло.

Снаряд содрогнулось, и путешественников изрядно встряхнуло. Трое друзей, безмолвные, еле переводя дыхание, напрягали все свое зрение, весь слух. Среди полной тишины казалось, что слышно, как бьются их сердца.

— Ну что, падаем? — спросил, наконец, Мишель.

— Нет! — ответил Николь. — Дно снаряда не поворачивается к лунному диску...

В эту минуту Барбикен, стоявший у окна, обернулся к своим спутникам. Лицо его покрывала смертельная бледность, брови были нахмурены, губы стиснуты.

— Мы падаем, — сказал он.

— Наконец-то! На Луну? — вскричал Мишель.

— На Землю! — ответил Барбикен.

— Черт возьми! — воскликнул Мишель, но тут же философски добавил: — Ну что делать! Залезая в это ядро, мы ведь не очень-то рассчитывали выбраться из него целыми и невредимыми.

С этой минуты действительно началось стремительное падение снаряда на Землю. Благодаря некоторой скорости, все еще сохранявшейся снарядом, он успел пересечь нейтральную линию, прежде чем друзья зажгли ракеты, и поэтому взрыв их уже не мог изменить его направления.

Та же скорость, которая благоприятствовала снаряду при прохождении нейтральной линии по пути на Луну, увлекла его теперь за эту линию и на обратном пути. Законы физики требовали, чтобы, описывая эллиптическую орбиту, ядро снова прошло по раз уже пройденному пути.

И вот теперь снаряд летел на Землю, притом со все возрастающей скоростью, вследствие непрерывно усиливающегося земного притяжения. Страшное падение с высоты 78 тысяч лье, которого уже ничто не в состоянии было ослабить! По законам баллистики снаряд должен был удариться о Землю со скоростью, равной его первоначальной скорости по вылете из колумбиады, то есть достигающей 16 тысяч метров в секунду.

Чтобы более наглядно представить себе эту цифру, вспомним, что согласно проведенным расчетам предмет, брошенный с одной из башен собора Парижской богородицы, высотой в 200 футов, упадет на мостовую со скоростью 120 лье в час. Снаряд же должен был удариться о Землю со скоростью 57 600 лье в час.

— Мы погибли! — хладнокровно произнес Николь.

— Ну что ж, — отозвался Барбикен в каком-то религиозном экстазе. — Это только еще больше углубит наш опыт. Теперь уже сам Бог посвятит нас в тайны своего творения. На том свете наша душа уже не будет нуждаться для познания вселенной ни в машинах, ни в приборах! Она сольется воедино с вечной мудростью!

— И то верно, — ответил Мишель. — На «том свете» мы уж во всяком случае будем вознаграждены за неудачу с какой-то жалкой планетишкой, называемой Луной.

Барбикен с видом глубочайшей покорности судьбе скрестил руки на груди.

— Предаю судьбу свою на волю неба! — сказал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Промеры «Сускеганны».

— Ну что, лейтенант, как идут работы?

— Полагаю, что дело подходит к концу, — ответил лейтенант Бронсфильд. — Но кто бы предположил, что у самой суши может быть такая глубина: всего в какой-нибудь сотне лье от американского берега.

— Действительно, здесь очень глубокая впадина, — сказал капитан Бломсбери. — В этом месте находится подводная долина, размытая течением Гумбольдта, которое омывает берега Америки вплоть до самого Магелланова пролива.

— Такие большие глубины затрудняют прокладку телеграфного кабеля. Плоское дно, по которому продолжен американский кабель между Валенцией и Нью-Фаундлендом, куда удобнее.

— Не спорю, Бронсфильд. А осмелюсь спросить, лейтенант, как обстоит дело в данную минуту?

— Сейчас у нас размотано уже двадцать одна тысяча футов троса, а ядро, которое тянет лот, еще не коснулось дна, потому что иначе лот поднялся бы наверх сам собой.

— Остроумнейшая машина — этот снаряд Брука. С какой точностью позволяет он измерять глубины!

— Дно! — крикнул один из матросов, наблюдавший за работой.

Капитан и лейтенант направились к корме.

— Ну что, какова глубина? — спросил капитан.

— Двадцать одна тысяча семьсот шестьдесят два фута, — ответил лейтенант, записывая эту цифру в блокнот.

— Отлично, Бронсфильд! Я нанесу эти показания на карту. А теперь прикажите выбрать лот. С ним еще будет возни на несколько часов. Тем временем механик распорядится развести пары, и, как только вы кончите, мы снимемся с якоря. Уже десять часов вечера, и я, с вашего позволения, отправляюсь спать.

— Спокойной ночи! — любезно ответил лейтенант.

Капитан «Сускеганна» — отличный человек и добрейший начальник — отправился в свою каюту, выпил грогу, осыпав буфетчика нескончаемыми похвалами, лег на кровать, поблагодарив слугу за умение стелить постель, и заснул сном праведника.

Было десять часов вечера. Одиннадцатый день декабря постепенно переходил в самую упоительную южную ночь.

Корвет «Сускеганна» мощностью в пятьсот лошадиных сил, принадлежащий национальному флоту Соединенных Штатов, производил промеры дна Тихого океана приблизительно в ста

лье от американского берега против узкого полуострова, вытянувшегося со стороны Мексиканского берега.

Ветер мало-помалу стих. Воздух словно замер. Флаг неподвижно висел на мачте корвета.

Капитан Джонатан Бломсбери — родственник полковника Бломсбери, одного из активнейших членов «Пушечного клуба», женатого на урожденной Горшбидден — тетки капитана и дочери почтенного коммерсанта из Кентукки,— капитан Бломсбери не мог нарадоваться на прекрасную погоду, способствующую успешному завершению измерительных работ.

Ряд промеров, произведенных «Сускеганной», имел целью исследовать глубины, наиболее благоприятные для прокладки подводного кабеля между Гавайскими островами и американским материком.

Эти работы выполнялись по проекту одной крупной компании, директор которой — предприимчивый Сайрус Филд — предполагал охватить сетью телеграфных проводов все острова Океании — грандиозное предприятие, достойное американцев.

Корвету «Сускеганна» были поручены первые промеры. В ночь с 11 на 12 декабря корвет находился на 27° 7' северной широты и 41° 37' западной долготы по Вашингтонскому меридиану.

Луна в последней своей четверти начинала подниматься над горизонтом.

По уходе капитана Бломсбери лейтенант Бронсфильд и кое-кто из офицеров собрались на юте. При появлении Луны их мысли устремились к ночному светилу, на которое в те дни были обращены глаза всего полушария.

Даже лучшие морские трубы не могли бы обнаружить снаряда, блуждавшего где-то вокруг Луны, но телескопы всего мира были в эту минуту направлены на нее, и миллионы людей не отводили глаз от ее сверкающего диска.

— Вот уже десять дней, как они улетели,— сказал лейтенант Бронсфильд.— Где-то они сейчас?

— Прибыли к месту назначения! — воскликнул молодой мичман.— И сейчас они, должно быть, как всякий путешественник, прибывающий в новое место, заняты прогулкой по окрестностям.

— Не смею сомневаться в ваших словах,— ответил, улыбаясь, лейтенант.

— Сомневаться в их прибытии действительно невозможно,— заметил другой офицер.— Снаряд должен был достигнуть Луны в момент ее полнолуния, пятого числа, в полночь. Теперь у нас одиннадцатое декабря, прошло, стало быть, шесть суток. А за шесть суток можно вполне успеть устроиться со всеми удобствами на новом месте. Мне ясно представляется, как наши отважные земляки расположились где-нибудь в глубокой долине, на берегу лунного ручья, около снаряда, наполовину ушедшего при падении в вулканическую почву. Я вижу, как Николь, вооружив-

шись нивелиром, измеряет рельеф местности, Барбикен приводит в порядок свои путевые заметки, а Мишель Ардан разгуливает по лунным полям, покуривая душистую сигарету.

— Да! Да! Так оно и должно быть! — воскликнул мичман в восторге от идиллической картины житья-бытья лунных новоселов.

— Дай бог, чтоб это было так, — сказал лейтенант Бронсфильд, не проявляя никакого восторга. — К несчастью, мы никогда не сможем получить никаких непосредственных известий от наших друзей.

— Извините, лейтенант, разве Барбикен разучился писать? — спросил мичман.

Шутка мичмана была встречена всеобщим смехом.

— Не письма, — с живостью подхватил мичман, — не письма, конечно! Почта тут ни при чем.

— Может быть, вы ждете телеграммы? — с иронией осведомился один из офицеров.

— Нет, и не телеграммы, — ответил мичман, нимало не смущаясь. — Сообщения с Землей им очень легко установить графическим способом.

— Как же это так?

— При помощи лонгспикского телескопа. Вы знаете, что он приближает Луну к Скалистым горам на расстояние двух лье и позволяет видеть на ее поверхности все предметы диаметром не менее девяти футов. Наши лунные герои должны смастерить исполинскую азбуку, начертить слова длиной в сто туазов, а фразы — длиной в целые лье! Таким способом они легко могли бы ознакомить нас со своим положением.

Все громко зааплодировали изобретательному мичману. Лейтенант Бронсфильд признал его мысль вполне выполнимой. Кроме того, он предложил еще один способ непосредственной связи с Землей при помощи пучков ярких лучей, отраженных параболическими зеркалами. Эти лучи были бы так же видимы с Венеры или Марса, как планета Нептун видима с Земли. В заключение он заявил, что блестящие точки, не раз наблюдавшиеся на ближайших планетах, возможно, были сигналами, которые подавали оттуда Земле. Впрочем, лейтенант оговорился, что если описанным способом и можно получать известия с Луны, то сообщения с Земли посылать нельзя, разве только обитатели Луны имеют в своем распоряжении приборы для дальних наблюдений.

— Самое интересное, по-моему, — это узнать, что случилось с путешественниками, что они делают, что видят, — вмешался один из офицеров. — Впрочем, если этот первый опыт удастся, в чем я не сомневаюсь, его, конечно, повторят. Колумбиада ведь по-прежнему врыта в землю во Флориде. Значит, дело только в снаряде да в порохе; всякий раз, как Луна будет проходить через зенит, в нее можно будет выпалить зарядом... экскурсантов.

— Мастон, без сомнения, на днях присоединится к своим друзьям! — сказал лейтенант.

— Пусть только скажет слово, я охотно полечу вместе с ним! — воскликнул мичман.

— Ну, в охотниках недостатка не будет, — возразил Бронсфильд, — дай только волю, половина обитателей Земли эмигрирует на Луну!

Разговоры офицеров затянулись до часу ночи. Трудно переказать все фантастические теории, все невероятные проекты, предлагавшиеся молодыми смельчаками. После попытки Барбикена слово «невозможно» перестало существовать для американцев. Строились планы отправить на Луну не только комиссию ученых, но целую армию с пехотой, артиллерией и кавалерией для завоевания лунного мира.

К часу ночи работы по подъему лота еще не были закончены. Оставались невыбранными десять тысяч футов, и эта операция требовала еще нескольких часов.

По распоряжению капитана огни в топках были разведены, давление в котлах поднималось. «Сускеганна» была готова к немедленному отплытию.

В эту минуту — в 1 час 17 минут ночи — лейтенант Бронсфильд направился было к своей каюте, как вдруг его внимание было привлечено отдаленным свистом.

Лейтенант и его товарищи подумали сначала, что свист вызван утечкой пара; но, подняв голову, они удостоверились, что звук доносится с очень большой высоты.

Сила этого странного звука нарастала с ужасающей быстротой, и не успели офицеры обменяться мнениями о его происхождении, как перед их ослепленными глазами показался громадный болид, докрасна раскаленный от трения об атмосферные слои.

Огненная масса продолжала расти на глазах и, наконец, с невероятным грохотом обрушившись на бушприт корвета, разбила его и с оглушительным шипением исчезла в волнах...

Упади эта масса несколькими футами ближе — и «Сускеганна» была бы опрокинута в океан со всем своим экипажем.

Капитан Бломсбери выскочил полуодетый на бак, куда бросились и все офицеры.

— Будьте так добры, скажите, что случилось, господа? — спрашивал капитан. — Что такое?

— Капитан, «они» вернулись! — воскликнул мичман.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Снова Дж. Т. Мастон.

Смятение на борту «Сускеганны» было немалое. Офицеры и матросы и не думали об опасности, которая им только что угрожала, хотя судно могло быть раздавлено или же получить пробо-

ину и затонуть. Нет, все их мысли были поглощены катастрофой, завершившей дерзкое предприятие.

— «Они» вернулись! — воскликнул молодой мичман, и все тотчас же поняли, кого он имеет в виду. Никто не сомневался в том, что болид, исчезнувший в волнах, был снарядом «Пушечного клуба».

— Они погибли! — утверждали одни.

— Они живы! — настаивали другие. — Слой воды очень глубокий и потому ослабит силу падения.

— Но ведь у них нет воздуха, — говорил третий, — они должны непременно задохнуться!

— Они сгорели! — решил кто-то. — Снаряд, пролетая через атмосферу, превратился в раскаленную массу.

— Как бы там ни было, живых или мертвых, их необходимо вытащить! — решили, наконец, все в один голос.

Капитан Бломсбери собрал на совещание всех офицеров. Надо было немедленно на что-нибудь решиться. Прежде всего следовало, конечно, вытащить снаряд. Операция — трудная, но возможная. Однако для этого корвет не обладал достаточно мощным и точным оборудованием. Решено было тотчас же отправиться в ближайший порт и известить «Пушечный клуб» о падении снаряда.

Это решение было принято единодушно и оставалось только выбрать порт. На ближайшем берегу на 27° широты такой пристани не имелось. Несколько выше, за полуостровом Монтеррей, был расположен крупный город, давший название полуострову. Но этот город, стоящий на рубеже пустыни, не соединялся с материком телеграфной линией, а такое важное сообщение можно было передать с надлежащей быстротой только при помощи телеграфа.

Несколькими градусами выше находился порт Сан-Франциско. Из столицы золотоносного края легко было слететь с центром Соединенных Штатов. Если корвет пойдет на всех парах, он прибудет в Сан-Франциско без малого через двое суток. Следовало немедленно отправляться в путь.

Корвет стоял под парами и был готов к немедленному отплытию. В воде еще оставалось две тысячи бросов троса, но капитан, не желая терять ни минуты драгоценного времени, решил его перерезать.

— Мы прикрепим конец троса к бую, — сказал он, — который, кстати, поможет нам найти место падения снаряда.

— Координаты этого места известны — мы находимся на двадцать седьмом градусе седьмой минуте северной широты и сорок одним градусе тридцать седьмой минуте западной долготы, — заметил лейтенант.

— Прекрасно, мистер Бронсфильд, — отвечал капитан. — Будьте так добры, прикажите перерезать трос.

Огромный буй, снабженный для устойчивости тяжелыми ше-

стами, был спущен на воду. Конец троса был накрепко привязан к бую, чтобы волнение не могло отнести буй слишком далеко от места падения снаряда.

Механик уведомил капитана, что корвет готов к отплытию. Капитан, поблагодарив его, приказал держать курс на северо-восток. Корвет на всех парах понесся к бухте Сан-Франциско. Было три часа утра.

Пройти двести двадцать лье для такого быстроходного судна, как «Сускеганна», было нипочем. Судно покрыло это расстояние за тридцать шесть часов и 14 декабря в 1 час 27 минут пополудни вошло в бухту Сан-Франциско.

При виде корвета, идущего под всеми парами, с обломанным бушпритом и поврежденной мачтой, жители города заволновались, и огромная толпа любопытных мгновенно собралась на набережной.

Бросив якорь, капитан Бломсбери и лейтенант Бронсфильд спустились в восьмивесельную шлюпку, которая тотчас же доставила их на берег.

— Телеграф? Где телеграф? — спрашивали они, не отвечая ни на какие вопросы.

Портовый офицер сам проводил их на телеграфную станцию. Толпа бросилась за ними.

Бломсбери и Бронсфильд вбежали в контору. Телеграмма была послана в четырех экземплярах следующим адресатам: во-первых, секретарю морского ведомства в Вашингтон, во-вторых, вице-председателю «Пушечного клуба» в Балтимор, в-третьих, почтенному Дж. Т. Мастоу в Лонгспик, на Скалистые горы, и, наконец, в-четвертых, помощнику директора Кембриджской обсерватории.

Телеграмма гласила:

«На 27° 7' северной широты и 41° 37' западной долготы, 12 декабря, в 1 час 17 минут полночи, упал в Тихий океан снаряд колумбиады. Ждем инструкций.

Капитан «Сускеганны» Бломсбери».

Через пять минут новость облетела весь город. До шести часов вечера о потрясающей катастрофе узнала вся Америка; а после полночи подводный телеграф оповестил о результатах знаменитого американского предприятия всю Европу.

Мы отказываемся привести отклики на неожиданную развязку дерзкого путешествия, ежеминутно поступавшие со всего света.

Получив телеграмму, секретарь морского ведомства передал приказ капитану «Сускеганны» ждать дальнейших распоряжений в бухте Сан-Франциско, не спускать паров и быть готовым к выходу в море.

Астрономы Кембриджской обсерватории собрали чрезвычайное совещание и с невозмутимостью, свойственной ученым

корпорациям, мирно и не спеша принялись обсуждать происшествие с научной точки зрения.

В «Пушечном клубе» телеграмма произвела форменный взрыв. Все артиллеристы как раз были в сборе. Вице-председатель клуба, почтенный Уилкам, только что огласил телеграмму Масто́на и Бельфа́ста, извещавших, что снаряд находится в поле зрения их гигантского лонгспикского телескопа. Кроме того, в телеграмме было сказано, что снаряд, задержанный лунным притяжением, перешел на роль второстепенного спутника солнечной системы.

Нам-то уже известно истинное положение дела.

Таким образом, при обсуждении одновременно полученных и совершенно противоречивых телеграмм Дж. Т. Масто́на и капитана Бломсбери все члены клуба раскололись на два лагеря: одна партия утверждала, что снаряд упал в океан,— значит, путешественники так или иначе возвратились; другая партия, основываясь на сообщениях Масто́на, считала, что капитан Бломсбери ошибся. По мнению этой партии, мнимый снаряд был попросту болидом, падучей звездой, которая и повредила нос корвета. Последнее утверждение было трудно оспаривать, так как падающее тело летело с такой быстротой, что разглядеть его было невозможно. Капитан «Сускеганны» и его офицеры легко могли ошибиться. Впрочем, один факт говорил в их пользу: если бы снаряд действительно упал на Землю, то его столкновение с земным шаром должно было произойти именно на 27 градуса северной широты между 41 и 42 градусами западной долготы, если учитывать срок, истекший с момента вылета снаряда и вращательное движение Земли.

Как бы то ни было, в «Пушечном клубе» было единогласно решено, что брат Бломсбери, Билсби, и майор Эльфистон немедленно отправятся в Сан-Франциско и примут все необходимые меры для того, чтобы извлечь снаряд из глубин океана.

Преданные друзья, ни минуты не медля, отправились в путь. Железная дорога, которая в скором времени пересечет всю Центральную Америку, быстро доставила их до Сен-Луи, где их уже дожидался дилижанс-экспресс.

В ту самую минуту, когда секретарь морского ведомства, вице-председатель «Пушечного клуба» и заместитель директора обсерватории читали телеграмму из Сан-Франциско, почтенный Масто́н переживал самое сильное в своей жизни волнение. Это волнение не могло сравниться даже с чувствами, испытанными им в момент выстрела знаменитой колумбиады, и едва не стоило ему жизни.

Напомним, что секретарь клуба тотчас после выстрела колумбиады и почти с такой же быстротой, как и самый снаряд, направился к своему посту в Лонгспике в Скалистых горах. Ему сопутствовал директор Кембриджской обсерватории Бельфа́ст.

Прибыв на место, оба приятеля заняли пост у громадного телескопа и неотлучно дежурили при нем.

Читатель помнит, что рефлекторы гигантского телескопа были устремлены для front view¹, как говорят англичане. При такой установке получалось только одно отражение наблюдаемого объекта, но, с другой стороны, оно обеспечивало более четкую его видимость. Вследствие этого Мэстон и Бельфаст во время наблюдений должны были находиться на площадке у верхней части телескопа, а не у нижней. Они взбирались наверх по винтовой лесенке, представлявшей по своей легкости чудо инженерного искусства, — так что огромная металлическая труба глубиной в двести восемьдесят футов с металлическим зеркалом, вделанным в его дно, оказывалась у них под ногами.

Таким образом, ученые проводили все свое время на узенькой площадке над телескопом, проклиная дневной свет, скрывавший от них Луну, и облака, которые упорно застилали ее ночью.

Какова же была их радость, когда, наконец, после нескольких дней тщетных поисков и ожиданий, в ночь с 5 на 6 декабря, они обнаружили снаряд, в котором странствовали по вселенной их друзья. Однако их радость быстро сменилась глубоким разочарованием. Положившись на это первое наблюдение, они и распространили по всему свету в своей телеграмме ложное сообщение о том, что снаряд обращается по эллиптической орбите вокруг Луны и превратился в ее спутника.

С этой минуты снаряд исчез из их поля зрения, что легко было объяснить его происхождением позади лунного диска. Можно себе представить, с каким нетерпением пылкий Мэстон и его товарищ ждали появления снаряда с другой стороны диска. В течение всей ночи им то и дело мерещилось, что снаряд вот-вот появится из-за Луны, но он не появлялся!

По этому поводу между ними не замедлили возникнуть нескончаемые горячие споры и стычки. Бельфаст утверждал, что снаряда не видно. Мэстон же уверял, что снаряд виден «как на ладони».

— Это снаряд! — говорил Мэстон.

— Нет, — отвечал Бельфаст. — Это лавина, сорвавшаяся с лунной горы!

— Увидим, завтра увидим!

— Нет, больше мы его уже не увидим! Он исчез в пространстве!

— Нет!

— Да!

В минуты подобных споров раздражительность и запальчивость секретаря «Пушечного клуба» представляли серьезную опасность для уважаемого Бельфаста.

¹ Фронтальное обозрение (англ.).

Жизнь вдвоем в Скалистых горах скоро сделалась бы невыносимой для обоих ученых, если бы неожиданное событие не положило конец их вечным спорам.

В ночь с 14 на 15 декабря оба «непримиримых друга» занимались своими обычными наблюдениями лунного диска. Мастон по обыкновению разносил Бельфаста, который, со своей стороны, тоже не оставался в долгу. Секретарь клуба в сотый раз утверждал, что он видел снаряд и в одном из его окон даже разглядел лицо Ардана. В жару спора вспылчивый Мастон размахивал железным крюком, заменявшим ему руку, что было далеко не безопасно для его собеседника.

Внезапно, ровно в десять часов вечера, на наблюдательной площадке появился слуга Бельфаста и подал ему телеграмму. Это было извещение капитана «Сускеганны». Бельфаст разорвал конверт, прочитал текст телеграммы и вскрикнул:

— Что такое? — крикнул Мастон.

— Снаряд!

— Ну?

— Упал на Землю!

Ответом ему был дикий вопль Масто́на.

Бельфаст быстро обернулся и увидел, что его злополучный товарищ, свесившись над трубой телескопа, не удержал равновесия и провалился туда, как в колодец. Падение с высоты двухсот восьмидесяти футов! Бельфаст опрометью кинулся к отверстию рефлектора.

Заглянув в трубу, он с облегчением вздохнул: Мастон, зацепившись металлическим крюком за одну из внутренних подпорок телескопа и повиснув на ней, испускал громкие вопли.

Бельфаст позвал помощников, которые при помощи грузоподъемных блоков не без труда извлекли из телескопа неосторожного Масто́на. Он появился, наконец, целым и невредимым у верхнего отверстия трубы телескопа.

— Что, если бы я разбил зеркало? — сказал он.

Вам пришлось бы за него заплатить, — строго ответил Бельфаст.

— Так, значит, этот проклятый снаряд упал? — спросил Мастон.

— В Тихий океан!

— Едем!

Через четверть часа Мастон и Бельфаст спускались по склонам Скалистых гор и через два дня, загнав по дороге пятерых лошадей, прибыли одновременно со своими друзьями из «Пушечного клуба» в Сан-Франциско.

Эльфистон, Бломсбери-брат и Билсби кинулись к ним на встречу.

— Что делать? — кричали они.

— Вытащить снаряд, — отвечал Мастон, — и как можно скорее!

Место, где снаряд погрузился в волны, было точно известно, но какими средствами выловить его и поднять на поверхность океана?

Эти средства надо было тут же изобрести и изготовить. Такая безделица не могла, конечно, затруднить американских инженеров. Они были уверены, что при помощи якорей и паровых машин им удастся поднять снаряд, вес которого к тому же должен был значительно уменьшиться благодаря плотности воды.

Но дело заключалось не только в подъеме снаряда. Надо было спасти путешественников. Никто не сомневался в том, что они еще живы.

— Они живы, живы! — беспрестанно повторял Мэстон, заражая всех своею уверенностью. — Наши друзья — люди ловкие и сообразительные. Не могли же они упасть, как последние дураки. Они живы, но времени терять нельзя. Еда и питье — пустяки, всего этого им хватит надолго. Но воздух! Воздух! Вот в чем скоро может оказаться недостаток! Скорее, скорее! Не теряйте ни минуты.

И времени действительно не теряли.

На «Сускеганне» велись приготовления к новым работам. Все ее машины были присоединены к подъемным лебедкам. Алюминиевый снаряд весил всего 19 250 фунтов и, следовательно, гораздо легче трансатлантического кабеля, который корвет поднял со дна Атлантического океана. Единственное затруднение представляла коническая форма снаряда и его гладкие стенки, за которые трудно было ухватиться.

Инженер Мерчисон немедленно прибыл в Сан-Франциско, чтобы изготовить громадные автоматические железные захваты, которые, зацепив снаряд своими мощными лапами, уже не выпустили бы его, подняв до самой палубы коверта. Кроме того, Мерчисон распорядился заказать скафандры, которые благодаря своей прочности и водонепроницаемости позволяют водолазам исследовать морское дно. На корвет была также доставлена очень остроумно сконструированная камера со сжатым воздухом. Это была настоящая комната с иллюминаторами вместо окон. При наполнении ее резервуаров водой она могла погрузиться на очень большую глубину. Такие камеры, к счастью, уже применялись в бухте Сан-Франциско при постройке подводной плотины, и это значительно сократило срок подготовительных работ для подъема снаряда.

Однако, несмотря на совершенство оборудования, на все искусство ученых, которым предстояло им пользоваться, успех подъемных работ был сомнителен. Подъем снаряда с глубины двадцати тысяч футов мог представить много непредвиденных трудностей. Кроме того, вставал и другой вопрос: как вынесли

обитатели снаряда страшный удар от соприкосновения с Землей, который вряд ли был в достаточной степени смягчен слоем воды в двадцать тысяч футов?

А главное, надо было торопиться. Мاستон день и ночь подгонял рабочих. Сам он готов был на все: и напаять водолазный скафандр и залезть в воздушную камеру, лишь бы поскорее отыскать своих отважных друзей.

Однако, несмотря на быстроту изготовления различного оборудования, несмотря на крупные суммы, предоставленные правительством Соединенных Штатов «Пушечному клубу», прежде чем все подготовительные работы были закончены, прошло пять долгих дней, показавшихся всем пятью веками! За это время всеобщее нетерпение накалилось до предела. По проводам и электрическим кабелям по всему свету шел непрерывный поток телеграмм. Спасение Барбикена, Николя и Мишеля Ардана превратилось в международное дело. Все страны, подписавшие под займом «Пушечного клуба», были непосредственно заинтересованы в благополучном спасении путешественников.

Но вот подъемные цепи, воздушная камера и автоматические захваты были доставлены на борт корвета. Мастон, Мерчисон и делегаты «Пушечного клуба» заняли свои каюты. Оставалось только отправиться в путь.

21 декабря, в восемь часов вечера, корвет при благоприятной погоде вышел в море: дул северо-восточный ветер, было довольно холодно, и море было спокойно. Все население Сан-Франциско высыпало на набережную и безмолвно провожало отплывющих, приберегая овации к их возвращению.

«Сускеганна», быстро набирая пары, вышла из бухты.

Не будем передавать всех разговоров между офицерами, матросами и пассажирами корвета. Все думали только об одном, все сердца волновало только одно чувство: что испытывают Барбикен и его товарищи в то время, как идет подготовка к их спасению?! В состоянии ли они сами что-нибудь предпринять, чтобы высвободиться из снаряда? Все эти вопросы оставались, конечно, без ответа. Да и что бы ни предприняли мужественные путешественники, все их попытки неминуемо потерпели бы крах. На дне океана, на глубине около двух лье, все старания наших пленников были заранее обречены на неудачу.

23 декабря в восемь часов утра корвет должен был прибыть к месту рокового происшествия. Для точной ориентировки пришлось дожидаться полдня. Буй, к которому прикрепили трос, еще не был найден.

В полдень капитан Бломсбери с помощью офицеров, проверявших наблюдения в присутствии делегатов «Пушечного клуба», определил географические координаты судна. Томительная минута! «Сускеганна» находилась в нескольких километрах к западу от того места, где снаряд погрузился в волны. Судно тотчас направилось к этой точке.

В сорок семь минут первого показался буй. Он был в полной исправности и его почти не отнесло.

— Наконец-то! — воскликнул Мастон.

— Что ж, начнем? — спросил капитан Бломсбери.

— Не теряйте ни секунды! — ответил Мастон.

Приняты были все меры, чтоб корвет держался на воде неподвижно.

Прежде всего, по мнению инженера Мерчисона, требовалось определить, где именно находится снаряд. Накачали воздух в подводные машины, предназначенные для поисков. Управление этими машинами представляло некоторую опасность: на глубине двадцати тысяч футов под водой машины подвергались очень значительному давлению, и любая их неисправность могла повлечь за собой гибельные последствия.

Мастон, Бломсбери-брат и Мерчисон, не думая об опасности, заняли места в подводной воздушной камере; капитан стал на мостике корвета для наблюдения за спасательными операциями, готовый при первом же сигнале застопорить или отдать цепи. Винт корвета выключили, все машины переключили на лебедку, которая должна была в случае необходимости поднять камеру на борт.

Спуск камеры начался в 1 час 25 минут дня; под тяжестью наполненных водой резервуаров камера погрузилась в воду. Теперь весь экипаж корвета был в равной мере обеспокоен как участью спасаемых, так и судьбой спасителей. Что касается последних, то они, совершенно забыв о себе, прильнули к окнам камеры, внимательно вглядываясь в толщу окружавшей их воды.

Спуск совершился быстро. В 2 часа 17 минут Мастон и его два спутника достигли дна Тихого океана. Но они ничего не увидели, кроме бесплодной пустыни, не оживляемой никакими признаками морской флоры или фауны. Свет ламп, снабженных сильными рефлекторами, позволял вести наблюдения на значительном пространстве. Снаряда нигде не было видно.

Невозможно передать нетерпение отважных водолазов. Камера имела электрическое сообщение с корветом. Подали условный сигнал, чтобы «Сускеганна» переместила камеру, отстоявшую на несколько метров от самого дна океана, на милю дальше.

Водолазы обследовали подводную равнину, то и дело поддаваясь зрительным иллюзиям и тотчас же разочаровываясь. Они принимали за снаряд то подводную скалу, то какую-нибудь неровность дна.

— Где же они? Где они? — восклицал Мастон.

Бедняга громко призывал Николая, Барбикена, Ардана, как будто его злополучные друзья могли услышать и ответить ему сквозь непроницаемую толщу воды.

Поиски продолжались до тех пор, пока в камере не вышел весь кислород. Когда дышать стало трудно, водолазам пришлось возвратиться на поверхность.

Они начали подниматься около шести часов вечера, а на палубу корвета взойшли только около полуночи.

— До завтра! — сказал Мастон, едва успев ступить на палубу.

— Да, до завтра, — ответил капитан Бломсбери.

— Будем искать в другом месте.

— Хорошо.

Мастон по-прежнему не сомневался в успехе, но его товарищи после первых часов воодушевления и надежд поняли всю трудность задуманного предприятия. То, что казалось таким легким и возможным в Сан-Франциско, здесь — в открытом океане — представлялось почти неосуществимым.

Шансы на успех с каждой минутой таяли, и приходилось рассчитывать только на волю слепого случая.

На следующий день 24 декабря, несмотря на вчерашнюю усталость, розыски возобновились. Корвет переместился на несколько минут к западу, и наполненный воздухом воздушный колокол вместе с водолазами снова погрузился в океан.

Снова целый день прошел в бесплодных поисках. Морское дно было пустынно. В таких же тщетных розысках прошли дни 25 и 26 декабря.

Подумать только, злополучные узники снаряда были заключены в нем уже двадцать шесть дней... Может быть, как раз в эти минуты они переживали первые приступы удушья, если только они уцелели и выдержали страшный удар при падении? Вместе с воздухом их покидали и мужество и душевные силы!

— Воздух — допускаю, — неизменно отвечал на подобные догадки Мастон, — но мужество их не оставит никогда!

28 декабря, после новых двухдневных поисков, никакой надежды на спасение друзей уже не оставалось. В неизмеримой бездне океана снаряд был ничтожной песчинкой. Приходилось отказаться от бессмысленных розысков.

Но Мастон и слышать не хотел о возвращении. Он отказывался тронуться с места, прежде чем не найдет хотя бы могилы своих друзей. Капитан Бломсбери, однако, уже не мог задерживаться дольше и, несмотря на вопли и протесты секретаря «Пущечного клуба», отдал приказ готовиться к отплытию.

29 декабря, в девять часов утра, «Сускеганна», держа курс на северо-восток, снова двинулась к бухте Сан-Франциско.

Было десять часов утра. Корвет удалялся с небольшой скоростью, словно с сожалением покидая место катастрофы. Вдруг матрос, наблюдавший с брамстенги море, крикнул:

— На траверсе под ветром буй!

Все офицеры схватились за подзорные трубы. Они разглядели в указанном направлении предмет, с виду похожий на бакен, служащий для указания фарватера в гаванях и на реках. Но, как это ни странно, на конической верхушке этого бакена, выступавшего на пять-шесть футов над водой, развевался по ветру

флаг. В солнечных лучах буй сверкал точно выплавленный из серебра.

Капитан Бломсбери, Дж. Т. Мастон, делегаты «Пушечного клуба» поднялись на мостик и безмолвно рассматривали странный, несущийся по прихоти волн предмет.

Все глаза с еле сдерживаемым лихорадочным волнением были устремлены на замеченный буй. Никто не осмеливался высказать догадку, вертевшуюся у всех на языке.

Корвет приблизился к бую на расстояние двух кабельтовых. Весь экипаж корвета вздрогнул как один человек. Флаг был американский.

В эту минуту раздалось какое-то странное рычание, и почтенный Мастон снопом повалился на палубу. Забыв о том, что его правая рука заменена железным крюком, и о том, что череп его покрыт лишь тонким гуттаперчивым колпачком, он изо всех сил хватил себя крюком по голове.

Все бросились к нему. Его подняли, привели в чувство.

— Ах! Трижды болваны! Четырежды идиоты! Пятикратно дураки! — выкрикивал он, едва придя в сознание.

— Что? Кто? Почему? — посыпалось на него со всех сторон. — Что такое?

— Как что такое?

— Да объясните же, наконец! В чем дело!

— Да в том, безмозглые головы, что снаряд весит всегонавсего девятнадцать тысяч двести пятьдесят фунтов! — проревел пылкий секретарь «Пушечного клуба».

— Ну и что?

— А то, что он вытесняет двадцать восемь тонн воды или пятьдесят шесть тысяч фунтов, и, следовательно, должен был всплыть на поверхность.

Трудно передать, с какой неподражаемой интонацией произнес почтенный секретарь это слово «всплыть»!..

Он был совершенно прав.

Все! Да, все ученые забыли основной закон, по которому снаряд благодаря своему весу, погрузившись при падении в глубь океана, вскоре должен был непременно всплыть на поверхность!.. И вот теперь снаряд преспокойно колыхался на морских волнах.

На море были тотчас же спущены шлюпки; в одну из них вскочили Мастон и его приятели. Волнение достигло высшего предела. В то время как шлюпки приближались к снаряду, все сердца готовы были разорваться. Что случилось с пассажирами снаряда? Живы ли они, или умерли? Ну конечно, живы! Живы, если только смерть не настигла Барбикена и его товарищей уже после того, как они выкинули флаг!

На шлюпках царило глубокое безмолвие. Сердца замирали. В глазах темнело.

Одно из окон снаряда было отворено. Осколки стекла, тор-

чавшие в раме, доказывали, что оно было разбито. Это окно находилось сейчас на высоте пяти футов над водой.

Шлюпка, где сидел Мастон, причалила к снаряду. Мастон рванулся к разбитому окну.

В эту минуту послышался веселый и звонкий голос Ардана, который победоносно возглашал:

— Пустышки, Барбикен, со всех сторон — пустышки!
Барбикен, Мишель Ардан и Николь играли в домино.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Заключение.

Читатель помнит, с каким волнением и сочувствием все провожали смелых путешественников. Если начало дерзкого предприятия вызвало такое возбуждение и в Новом и Старом Свете, то с каким же энтузиазмом должно было встретить население обоих полушарий Земли их возвращение?! Миллионы наводнивших Флоридский полуостров приезжих готовы были ринуться навстречу славным исследователям. Никто из несметного множества иностранцев, съехавшихся со всех концов света к американским берегам, не допускал и мысли, что покинет территорию Соединенных Штатов, не повидав Барбикена, Николя и Мишеля Ардана. Нет, конечно, — и это страстное желание людей было достойным ответом на благородный подвиг. Три представителя человеческого рода, покинувшие земной шар и возвратившиеся из необычного путешествия по пространствам вселенной, принимались с таким же восторгом, с каким был бы встречен сам пророк Илья, спустись он с небес на Землю в своей колеснице. Только бы их увидеть, только бы их услышать — таково было всеобщее желание.

Это желание поголовно всех граждан Соединенных Штатов необходимо было удовлетворить, и при этом как можно скорее.

Барбикен, Ардан и Николь в сопровождении друзей немедленно отправились в Балтимор, где были встречены с неописуемым энтузиазмом. Путевые заметки Барбикена были тотчас же подготовлены к печати. «Нью-Йорк геральд» не замедлил купить эту рукопись за цену, еще не установленную достоверно, но, должно быть, баснословную. И то сказать, пока на страницах газеты печаталось «Путешествие на Луну», тираж ее достиг пяти миллионов экземпляров. Через три дня после того как путешественники возвратились на Землю, малейшие подробности их странствований были уже известны всему свету. Теперь публика жаждала видеть трех героев сверхчеловеческого подвига.

Исследования, произведенные Барбикеном и его спутниками, дали возможность проверить различные теории, относящиеся к земному спутнику. Ведь эти ученые все наблюдали *de visu*¹

¹ Воочию (*лат.*).

и в совершенно особых условиях. Теперь стало ясно, наконец, какие из гипотез относительно строения, происхождения и обитаемости Луны должны быть отброшены, а какие приняты; путешественники открыли последние тайны прошлого Луны, ее настоящего и будущего. Трудно было спорить с исследователями, которые видели гору Тихо, самое поразительное орографическое явление лунного диска, с расстояния сорока километров; трудно возражать ученым, чьи глаза погружались в пропасти цирка Платона... Что можно было противопоставить показаниям трех храбрецов, которые благодаря случайностям своего странствия пролетели над невидимым полушарием лунного диска, до сих пор недоступного зрению человека? Они имели теперь право диктовать законы науке, воссоздающей лунный мир, как в свое время Кювье воссоздавал скелеты ископаемых животных. Они могли сказать: Луна была тем-то и тем-то — обитаемым миром в эпохи, предшествующие появлению жизни на Земле! Теперь Луна — то-то и то-то — мир, непригодный для жизни и потому необитаемый.

Желая отпраздновать возвращение знаменитейшего своего члена и его товарищей, «Пушечный клуб» решил задать пир, но пир такой, который был бы достоин и отважных исследователей и американского народа, — пир, в котором могли бы принять участие все американцы.

Все основные линии железных дорог Америки были соединены рельсами между собою. На всех станциях железных дорог были вывешены одинаковые флаги, сооружены одинаковые пиршественные столы, с совершенно одинаковой сервировкой. В точно вычисленное время, по электрическим часам, отбивавшим секунды во всех концах Америки одновременно, все население приглашалось занять места за столами этого небывалого пира. В продолжение четырех дней, с 5 до 9 января, все движение железных дорог было приостановлено, как это бывает в Соединенных Штатах по воскресеньям, и все пути оказались свободными.

И в течение четырех дней один только паровоз, с прицепленным к нему почетным вагоном, с неимоверной быстротой курсировал по железным дорогам Соединенных Штатов.

На этом паровозе, кроме машиниста и кочегара, было разрешено в виде особой милости поместиться и уважаемому секретарю «Пушечного клуба» — Дж. Т. Мастоу.

Почетный вагон предназначался для председателя «Пушечного клуба» Барбикена, капитана Николя и Мишеля Ардана.

По свистку машиниста поезд тронулся с Балтиморского вокзала, сопровождаемый оглушительным «ура» и всеми восторженными междометиями, какие только существуют у американцев. Поезд летел со скоростью восьмидесяти лье в час. Но что значила такая скорость по сравнению с вылетом наших героев из колумбиады?

Герои торжества мчались из города в город, встречая на сво-

ем пути за пиршественными столами все население, которое приветствовало их восторженными кликами. Таким образом они прокатились по восточным штатам, через Пенсильванию, Коннектикут, Массачусетс, Вермонт, Мэн и Нью-Брансуик; пересекли с севера на запад Нью-Йорк, Огайо, Мичиган и Висконсин; пронеслись на юг через Иллинойс, Миссури, Арканзас, Техас и Луизиану; перерезали юго-восток через Алабаму и Флориду, через Джорджию и обе Каролины; они посетили центры Теннесси, Кентукки, Виргинии, Индианы и, наконец, через Вашингтон возвратились в Балтимор.

Нашим друзьям казалось, что в течение четырех дней вся Америка, восседавшая за одним общим колоссальным пиршественным столом, в одну и ту же секунду приветствовала их мощным единогласным «ура».

Апофеоз был достоин героев. Живи они в древнейшие времена, мифы, несомненно, причислили бы их к полубогам.

Какой же практический результат дало это путешествие на Луну, не сравнимое ни с одним путешествием, увековеченным в летописях человечества? Есть ли возможность завязать когда-либо непосредственные сношения с Луной? Установится ли особаго рода воздушное сообщение по Солнечной системе? Возможен ли перелет с планеты на планету, с Юпитера на Меркурий, а впоследствии — со звезды на звезду, например с Полярной звезды на Сириус? Какой способ передвижения даст людям возможность посетить все светила, которыми усеян небесный свод?

Ответить на все эти вопросы трудно, но, принимая в соображение неисчерпаемую изобретательность англосаксонской расы, никто не удивится, если американцы попытаются извлечь пользу из первого опыта Барбикена.

Спустя некоторое время после возвращения путешественников с Луны появились объявления о создании «Национального общества межзвездных сообщений» с капиталом в сто миллионов долларов, выпустившего сто тысяч акций. Председателем общества был избран Барбикен, вице-председателем — капитан Николь, секретарем по административной части — Масто́н, а директором службы движения — Мишель Ардан.

Население Соединенных Штатов отнеслось к этому начинанию чрезвычайно благосклонно, однако, со свойственной американцам деловой предусмотрительностью, была заранее создана, на случай банкротства, и арбитражная комиссия во главе с судьей-комиссаром Гарри Тролоппом и его помощником синдиком Фрэнсисом Дайтоном.

ВВЕРХ
ДНОМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой рассказывается, с каким извещением обратилась
ко всему свету Арктическая промышленная компания*

— Так вы утверждаете, мистер Мастон, что женщины ничего не могут сделать для развития опытных и математических наук?

— К величайшему моему сожалению, миссис Скорбит, я вынужден это утверждать, — ответил Дж. Т. Мастон. — Конечно, среди женщин, особенно в России, встречались и встречаются замечательные математики — с этим я охотно соглашаюсь. Но у женщины такое строение мозга, что ей никак не стать Архимедом, а тем более Ньютоном.

— О мистер Мастон, позвольте мне возразить от имени всего нашего пола...

— Пола потому и прелестного, миссис Скорбит, что он вовсе не создан для отвлеченных занятий.

— Следовательно, по-вашему, мистер Мастон, ни одна женщина, увидев падающее яблоко, не могла бы открыть закон всемирного тяготения, как это сделал знаменитый английский ученый в конце семнадцатого века?

— Увидев падающее яблоко, миссис Скорбит, женщина просто решила бы съесть его... по примеру прародительницы Евы.

— Ну, вы, мне кажется, отказываете нам во всякой способности к теоретическим размышлениям...

— Во всякой способности? Нет, миссис Скорбит. Но должен вам указать все-таки, что с тех пор как на земле живут люди — а следовательно и женщины, — не рождалось еще женщины, наделенной умом, которому в области научной мы были бы обязаны каким-либо открытием, подобным открытиям Аристотеля, Эвклида, Кеплера и Лапласа.

— А что это доказывает? Разве прошлое всегда определяет будущее?

— Гм! Не стоит больше ждать того, что не случилось ни разу в течение тысячелетий.

— Тогда, мне кажется, нам, женщинам, остается только смириться, мистер Мастон. Видно, мы умеем лишь...

— Быть добрыми! — подхватил Дж. Т. Мастон со всей любезностью, на которую только способен ученый, всецело поглощенный разными иксами.

Впрочем, миссис Эвенджелина Скорбит охотно этим удовлетворилась.

— Ну что ж, мистер Мастон, — продолжала она, — каждому свое на этом свете. Занимайтесь своими необычайными математическими выкладками. Отдайтесь великому делу, которому вы и ваши друзья решили посвятить свою жизнь. А я — как мне и подобает — буду просто доброй женщиной и окажу этому делу денежную помощь.

— Чем и заслужите вечную нашу благодарность, — ответил Дж. Т. Мастон.

Миссис Эвенджелина Скорбит покраснела самым очаровательным образом, потому что она питала если не ко всем ученым вообще, то во всяком случае к Дж. Т. Мастону особо нежные чувства. Поистине неизмеримы глубины женского сердца!

Предприятие, на которое эта богатая вдова решила пожертвовать значительные средства, действительно было великим делом.

Вот в чем оно состояло и вот к какой цели стремились его участники.

По Мальтебрену, Реклю, Сен-Мартену и другим авторитетным географам, собственно арктическими землями считаются:

1. Северный Девон, то есть острова, покрытые льдами Баффина залива и пролива Ланкастера.

2. Северная Георгия, состоящая из земли Банкса и многочисленных островов: Сабайн, Байам-Мартин, Гриффит, Корнуолл и Батерст.

3. Архипелаг Баффина-Парри и некоторые части околполярного континента, то есть Кэмберленд, Саутгемптон, Джемс-Сомерсет, Бутия-Феликс, Мелвилл и другие области, почти не известные нам.

Все эти земли ограничены семьдесят восьмой параллелью; суша занимает здесь один миллион четыреста тысяч квадратных миль, вода покрывает еще семьсот тысяч миль.

К северу от этой параллели отважные исследователи нашего времени прошли почти до восемьдесят четвертого градуса северной широты, нанесли на карту земли, скрытые за высокой грядой ледяных торосов, и дали названия многим мысам, полуостровам, заливам и бухтам этой обширной страны, которую можно было бы окрестить Нагорной Арктикой. Но за восемьдесят четвертой параллелью лежит таинственное пространство, *desideratum* картографов, и до сих пор никому не известно даже, земли или моря скрываются там на пространстве шести градусов под непреодолимыми скоплениями льдов Северного полюса.

И вот в 189... году у правительства Соединенных Штатов возникла довольно неожиданная мысль пустить с торгов эти еще никем не открытые области, а некая американская компания, об-

разованная именно с целью приобретения арктического колпака, старалась получить на них концессию.

Правда, за несколько лет до того на конференции в Берлине¹ были установлены особые правила, на случай, если какая-нибудь из великих держав под предлогом колонизации или приобретения новых рынков вздумает захватить чужое добро. Правила эти, по-видимому, не были приложимы в данном случае, так как полярные земли никто не населяет. Но раз то, что не принадлежит никому, может в равной степени принадлежать всем, новая компания решила не захватывать, а «приобрести» их, чтобы избежать всяких посягательств в дальнейшем.

В Соединенных Штатах всегда найдутся люди, готовые взять на себя практическую сторону любого предприятия, даже самого смелого и трудно выполнимого; найдутся и необходимые для него средства. Так случилось и несколько лет назад, когда балтиморский Пушечный клуб задумал отправить на Луну снаряд, в надежде установить прямую связь с нашим спутником. Разве не нашлось тогда предприимчивых янки, которые предоставили огромные суммы, нужные для исполнения такой увлекательной попытки? И разве ради ее осуществления двое членов названного клуба не отважились сами подвергнуться всем опасностям этого безумного опыта?²

Если какой-нибудь новый Лессепс затеял бы провести канал глубокого профиля через Европу и Азию, от берегов Атлантического океана до китайских морей, или какой-нибудь ловкий специалист по рытью колодцев предложил бы буравить землю, чтобы достичь жидких силикатных слоев, покоящихся поверх расплавленных веществ, и подводить прямо к кухонному очагу жар из недр земного шара, или какой-нибудь предприимчивый электрик захотел бы собрать воедино все рассеянные по поверхности земли электрические токи для получения неиссякаемого источника света и тепла, или какой-нибудь дерзкий инженер задался бы целью сохранить в громадных приемниках излишки летнего тепла и передавать его областям, страдающим от зимних холодов, или какой-нибудь выдающийся гидравлик постарался бы использовать живую силу³ морского прилива, чтобы по желанию применять ее в качестве тепловой или двигательной энергии, — какие только «анонимные компании» и разные «товарищества на паях» не возникли бы для выполнения хоть целой сотни таких проектов! Американцы были бы первыми среди вкладчиков, и реки долларов устремились бы в кассы акционерных обществ, как воды великих американских рек стремятся в лоно океанов.

¹ Берлинская международная конференция 1884 г. по африканским колониальным вопросам.

² Речь идет о романах Жюль Верна «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны».

³ Живой силой до конца прошлого столетия называли кинетическую энергию.

Понятно поэтому, какое волнение вызвал внезапно распространившийся и, по правде говоря, странный слух, будто арктические области будут продаваться с торгов и останутся за покупателем, предложившим самую высокую цену. Впрочем, поскольку деньги вносились сразу, никаких акций выпущено не было. Это предполагалось сделать позже, когда дело дойдет до использования земель, ставших собственностью новых владельцев.

Использовать арктические области! Поистине, такая мысль могла зародиться только в голове безумца!

Однако это был вполне деловой проект.

Действительно, вскоре в газеты Старого и Нового Света, в газеты европейские, африканские, азиатские, в газеты Океании и, конечно, в газеты американские было прислано одно объявление. Это было обращение ко всем заинтересованным — *de commodo et incommodo*¹. Газета «Нью-Йорк геральд» напечатала его раньше других. И многочисленные подписчики Гордона Беннета в номере от 7 ноября прочитали следующее сообщение, быстро обожавшее весь мир, и научный и коммерческий. Впрочем, ученые и коммерсанты отнеслись к нему по-разному.

«К СВЕДЕНИЮ ОБИТАТЕЛЕЙ ЗЕМНОГО ШАРА

Области вокруг Северного полюса, находящиеся за восемьдесят четвертым градусом северной широты, до сих пор не эксплуатируются по вполне основательной причине: они еще никем не открыты.

В самом деле, в северных широтах можно назвать только следующие точки, достигнутые мореплавателями самых различных национальностей:

82° 45', на северной оконечности Шпицбергена, куда в 1847 году, следуя по линии двадцать восьмого меридиана, добрался англичанин Парри;

83° 20' 28'', на скрещении с пятидесятым западным меридианом, в северной части земли Гриннеля; там в мае 1876 года побывал Маркэм из экспедиции сэра Джорджа Нейрза;

83° 35' северной широты и 42° западной долготы на северном берегу земли Нейрза; этой точки в мае 1882 года достигли Локвуд и Брэнард из экспедиции, руководимой американцем — лейтенантом Грили.

Таким образом, это пространство от восемьдесят четвертой параллели до полюса, протяженностью в шесть градусов, можно рассматривать как имущество, нераздельно принадлежащее государствам земного шара. Оно может стать частной собственностью, если его продадут с публичных торгов.

Однако, в соответствии с основами права, ничто не должно оставаться нераздельным. И, опираясь на эти основы, Американские Соединенные Штаты решили произвести отчуждение этого имущества.

В Балтиморе образовалось общество под названием «Арктическая промышленная компания», официально представляющая инте-

¹ Имеющим и не имеющим возражений (лат.).

ресы Соединенных Штатов. Компания предполагает в соответствии с законно составленным актом приобрести в полную собственность эту арктическую недвижимость со всеми ее материками, островами, островками, скалами, морями, озерами, реками, ручьями и потоками любого рода, и притом независимо от того, покрыты ли все они вечным льдом, или в летнее время освобождаются от ледяного покрова.

Особо отмечается, что право собственности не может быть отменено в силу давности, даже если произойдут какие-либо перемены в географическом или метеорологическом состоянии земного шара.

О всем изложенном доводится до сведения обитателей обоих полушарий для того, чтобы все государства могли принять участие в аукционе, причем право собственности остается за предложившим наивысшую цену.

День аукциона назначен на 3 декабря текущего года в городском аукционном зале в г. Балтиморе, штат Мэриленд, Северо-Американские Соединенные Штаты.

За разъяснениями обращаться к Уильяму С. Форстеру, временному агенту Арктической промышленной компании Балтимора, Хай-стрит 93».

Конечно, можно было счесть такое объявление безумием! Но приходилось сознаться, что оно, по крайней мере, было чрезвычайно ясно и определено. А его деловой характер подтверждался тем, что федеральное правительство уже выдавало концессию на арктические области, не дожидаясь, пока аукцион сделает Американское государство их действительным владельцем.

В конце концов мнения разделились. Некоторые предпочитали видеть здесь просто огромный американский «humbug» — дутое предприятие, на этот раз выходившее за обычные пределы, если только можно говорить о пределах человеческого легковерия. Другие думали, что предложение стоит принять всерьез. Они обращали внимание на то обстоятельство, что новая Компания не взывала к общественному кошельку. Она рассчитывала приобрести эти полночные края на собственные средства. Для наполнения своей кассы она вовсе не собиралась вытягивать из проставов доллары, банкноты, золото и серебро. Ничего подобного! Она хотела заплатить за околополярную недвижимость своими деньгами.

Людам расчетливым казалось, что Компании следовало бы, опираясь на «право первого захватившего», просто вступить во владение страной, не устраивая аукциона. Но в том-то и была вся трудность: доступ к полюсу, видимо, по сей день закрыт для человека. И на случай, если Соединенные Штаты приобрели бы эту страну, концессионеры хотели иметь контракт по всей форме, чтобы потом никто не оспаривал их прав. Несправедливо было бы порицать их за это. Они действовали предусмотрительно: поскольку в таком деле обычно заключается договор, законные предосторожности не были лишними.

Между прочим, в объявлении была оговорка, относившаяся к

возможным в будущем случайностям. Эта оговорка давала повод для различных толкований, так как точный ее смысл ускользал даже от самых хитроумных людей. Она гласила, что «право собственности не может быть отменено в силу давности, даже если произойдут какие-либо перемены в географическом или метеорологическом состоянии земного шара».

Что означали эти слова? Какая случайность имелась в виду? Как могла земля подвергнуться таким изменениям, которые отразились бы на географических и метеорологических условиях территории, поступавшей в продажу?

«Наверное,— говорили некоторые дальновидные люди,— здесь что-то кроется!»

Посыпались различные толкования: одни упражняли свою прозорливость, другие тешили свое любопытство.

Филадельфийская газета «Гросбух» тотчас же опубликовала следующую шутливую заметку:

«Будущие покупатели арктических стран, очевидно, узнали о предстоящем и точно вычитанном столкновении Земли с некоей кометой, обладающей твердым ядром, причем удар вызовет географические и метеорологические изменения; это, вероятно, и имеет в виду вышеуказанная оговорка».

Фраза была длинновата, как это и надлежит фразе, которая претендует на научность, и, однако, она ничего не разъясняла. Кроме того, люди рассудительные не могли поверить в возможность столкновения с подобной кометой. И трудно было допустить, чтобы concessionеры беспокоились о такой маловероятной случайности.

«Может быть,— писала новоорлеанская газета «Дельта»,— новая Компания воображает, что предварение равноденствий¹ когда-нибудь приведет к переменам, благоприятным для эксплуатации арктических владений?»

«А почему бы и нет? Ведь это явление изменяет параллелизм осей земного шара»,— замечал «Гамбургский корреспондент».

«В самом деле,— писало парижское «Научное обозрение»,— Адемар в своей книге «Возмущение океанов» допускает, что предварение равноденствий в соединении с вековым перемещением большой оси земной орбиты может в конце концов воздействовать на среднюю температуру различных точек земного шара и повлиять на количество льдов, скопившихся у его полюсов».

«Это еще не доказано,— возражало «Эдинбургское обозрение».— И даже если бы так случилось, то ведь потребовался бы срок в двенадцать тысяч лет, чтобы в результате вышеуказанного феномена Вега стала нашей Полярной звездой и чтобы в арктических областях произошли климатические изменения».

¹ Предварение равноденствий — медленное перемещение земной оси, описывающей в течение 26 тысяч лет конус, вследствие чего «полярными звездами» последовательно являются различные звезды северного неба.

«Ну что же,— подхватывал копенгагенский «День»,— через двенадцать тысяч лет мы и вложим в это дело свои капиталы, а до той поры — ни кроны!»

Во всяком случае, хотя «Научное обозрение» и имело основания ссылаться на Адемара, Арктическая промышленная компания едва ли возлагала надежды на перемены, которые сулило предварение равноденствий.

Так никто и не разобрался ни в том, что значила эта оговорка в знаменитом объявлении, ни в том, какие будущие космические изменения она имела в виду.

По-видимому, для выяснения достаточно было бы обратиться в правление новой Компании, в частности, к ее председателю. Но никто не знал ее председателя! Не знали также ни секретаря, ни членов вышеназванного правления. Не знали даже, от кого исходило объявление. В редакцию «Нью-Йорк геральд» его доставил некто Уильям С. Форстер из Балтимора, почтенный владелец складов трески и агент торгового дома «Ардри-нелъ и К^о» в Ньюфаундленде — лицо, очевидно, подставное. А он был так же нем, как все то, что хранилось в его складах, и самые любопытные, самые ловкие репортеры не могли ничего из него выудить. Словом, Арктическая промышленная компания оказалась настолько анонимной, что никому не удалось выведать ни одного имени. Вот это уж действительно предел анонимности!

Хотя учредители нового коммерческого предприятия упорно хранили свои имена в глубокой тайне, зато их цель была точно и ясно указана в объявлении, которое обошло весь мир.

Дело заключалось в том, чтобы приобрести в полную собственность часть Полярной области, ограниченной с юга линией восемьдесят четвертого градуса и центром которой являлся Северный полюс. Восемьдесят четвертой параллели действительно не переходили даже те из исследователей новейшего времени, которые ближе всех подбирались к этой заветной точке земного шара, а именно Парри, Маркэм и Локвуд с Брэнардом. А прочие мореплаватели, бороздившие арктические моря, были остановлены в своем продвижении к полюсу значительно раньше. Пайец, продвинувшись немного северней земли Франца-Иосифа и островов Новой Земли, дошел в 1874 году до 82° 15', Леу в 1870 году проник к северу от берегов Сибири — до 72° 47', Делонг с экспедицией «Жаннеты» в 1879 году достиг островов, носящих его имя, то есть 78° 45'. Другие исследователи, обогнув Новосибирские острова и Гренландию и поравнявшись с мысом Бисмарка, приближались только к семьдесят шестому, семьдесят седьмому и восьмидесяти девятому градусу северной широты. Стало быть, между точкой, где побывали Локвуд и Брэнард (13° 35'), и восемьдесят четвертой параллелью оставался еще промежуток, измеряемый по градусной сетке двадцатью пятью минутами, и, следовательно, Арктическая промышленная компания, как ука-

зывалось в объявлении, не покушалась на ранее открытые земли — ее планы простирались на область совершенно девственную, где еще не бывали люди.

Вот какова площадь той части земного шара, которая окружена восемьдесят четвертой параллелью:

От 84° до 90° всего шесть градусов; так как расстояние между градусами равно шестидесяти милям, то длина радиуса составляет триста шестьдесят миль, длина диаметра — семьсот двадцать миль. Длина окружности, следовательно, две тысячи двести шестьдесят миль. Вся площадь в круглых цифрах будет равна четыремстам семи тысячам квадратных миль¹. Это почти десятая часть Европы, — изрядный кусочек!

Авторы объявления, как мы видели, считали бесспорным, что поскольку необследованные земли не принадлежат никому, то они принадлежат всем. Возможно, что большая часть государств и не подумает возражать против этого положения. Но следовало опасаться, что государства, граничащие с полярными областями, сочтут их продолжением своих владений к северу и пожелают воспользоваться правом собственности. Такие требования будут тем более основательны, что открытия в арктических областях сделаны благодаря отваге народов, населяющих эти государства. Федеральное правительство в лице новой Компании, предполагая, вероятно, что подобные требования будут предъявлены, рассчитывало возместить убытки этих государств суммой, полученной от аукциона. Как бы то ни было, сторонники Арктической промышленной компании твердили одно: «Это собственность общая, но раз никого нельзя заставить владеть чем-либо сообща, то нельзя и возражать против продажи с аукциона всего обширного владения».

Государств, из-за близкого соседства имевших неоспоримые права на эту территорию, было шесть: Америка, Англия, Дания, Швеция с Норвегией, Голландия и Россия. Но и другие страны могли бы указать на открытия, сделанные их моряками и путешественниками.

Так, вправде была бы вмешаться и Франция, потому что ее сыны участвовали в экспедициях, целью которых было исследование околполярных территорий. Нельзя не упомянуть между другими смелого Белло, умершего в 1853 году около острова Би-чи во время плаванья «Феникса», посланного на розыски Джона Франклина. Разве можно забыть доктора Октава Пави, умершего в 1884 году около мыса Сабайн, во время пребывания экспедиции Грили в Форт-Конгер? А разве справедливо предать забвению экспедицию, с которой в 1838—1839 годах побывали в омывающих Шпицберген морях Шарль Мартен, Мармье, Браве и их доблестные спутники?

¹ То есть почти вдвое больше площади Франции, которая занимает 54 000 000 гектаров. (Примеч. авт.)

И тем не менее Франция решила вовсе не вмешиваться в это предприятие скорее коммерческого, чем научного характера и отказалась от своей доли полярного пирога, о которой другие державы рисковали обломать себе зубы. Быть может, она поступила разумно и правильно.

Так сделала и Германия. Она могла бы похвастать экспедицией на Шпицберген гамбургского жителя Фридриха Мартенса еще в 1671 году и плаванием кораблей «Германия» и «Ганза» в 1860—1870 годах под начальством Кольдервея и Хегемана, которые, держась берега Гренландии, поднялись к северу до мыса Бисмарка. Но, несмотря на блестящие открытия в прошлом, Германия не считала нужным увеличить Германскую империю куском полюса.

Так же поступила и Австро-Венгрия, хотя она и обладала Землей Франца-Иосифа, расположенной к северу от берегов Сибири.

А Италия, не имевшая никаких оснований вмешиваться, не вмешивалась вовсе, хотя это и покажется, пожалуй, неправдоподобным.

Оставались еще самоеды и другие сибирские народы, эскимосы, занимающие обширные территории Северной Америки, туземцы Гренландии, Лабрадора, архипелага Баффина-Парри, Алеутских островов и островов, находящихся между Азией и Америкой; наконец — те племена, которые под именем чукчей населяют старинную русскую Аляску (она стала американской с 1867 года). Но хотя эти народности являются исконным населением Севера и его бесспорными владельцами, им тут вовсе не предоставлялось права голоса.

Да и как, чем бы расплачивались эти бедняки на аукционе, объявленном Арктической промышленной компанией? Раковинами, моржовыми клыками или тюленьим жиром?

Правда, эта арктическая область отчасти принадлежала им, — ведь они впервые ее «открыли», они по праву ею владели, — а сейчас американцы собирались продать ее с публичных торгов! Но ведь они всего-навсего самоеды, чукчи, эскимосы, — их даже никто и не спрашивал...

Таковы уж порядки на земле!

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой читатель знакомится с делегатами Голландии, Дании, Швеции, России и Англии

Объявление заслуживало отклика. В самом деле, если бы новая Компания приобрела северные области, они стали бы полной собственностью Америки, или, вернее сказать, Соединенных Штатов, а эта живучая федерация и без того все время стремится приумножать владения. Совсем недавно Россия уступила правительству Соединенных Штатов территорию к северо-запа-

ду от Кордильер Северной Америки до Берингова пролива, что прибавило к Штатам изрядный кусок Нового Света¹. Можно было предполагать, что великие державы не будут смотреть спокойно на присоединение к Федеральной республике арктических областей.

Однако, как уже говорилось, многие государства Европы и Азии, не граничащие с этими областями, отказались участвовать в необыкновенном аукционе, настолько результаты его казались им сомнительными. И лишь государства, берега которых доходят до восьмидесятой четвертой параллели, решили воспользоваться своим правом и послать официальных представителей. Мы увидим, что они не хотели тратить больше определенной, сравнительно умеренной суммы на сомнительную покупку, ибо вступить во владение этими землями могло оказаться невозможным. Ненасытная Англия все-таки сочла нужным открыть своему представителю довольно значительный кредит. Поспешим объяснить: ведь передача кому бы то ни было полярных стран никоим образом не угрожала европейскому равновесию и не могла вызвать международных осложнений. Даже немецкий Юпитер — Бисмарк («Железный канцлер» тогда еще был в живых) не хмурил из-за этого дела своих густых бровей.

На поле сражения вышли только Англия, Дания, Швеция с Норвегией, Голландия и Россия. На балтиморском аукционе они столкнутся с Соединенными Штатами. Тому, кто предложит больше всех, достанется этот холодный полярный колпачок, рыночная стоимость которого является по меньшей мере весьма спорной.

Вот, впрочем, основания каждого из пяти европейских государств, вполне естественно желавших оставить эту землю за собой.

Скандинавия, владелица Нордкапа, расположенного под семидесятой параллелью, ничуть не скрывала, что считает себя вправе претендовать на обширные пространства, простирающиеся от ее берегов до самого Шпицбергена и даже до самого полюса. Действительно, разве мало сделали норвежец Кейльхау и знаменитый швед Норденшельд на поприще географического исследования этих краев? Тут возражать не приходилось.

Дания говорила, что она уже владеет Исландией и Фарерскими островами, расположенными почти у самого Полярного круга; ей принадлежат колонии, основанные далеко к северу в пределах Арктической области, например, остров Диско в Девисовом проливе, поселения Хольстейнбург, Провен, Годхави, Упернивик в Баффиновом заливе и на западном берегу Гренландии. Кроме того, ведь знаменитый мореплаватель Беринг, датча-

¹ В 1867 г. правительство царской России продало Соединенным Штатам Америки полуостров Аляску (вместе с Алеутскими островами) за ничтожную сумму в семь миллионов долларов.

нин по происхождению, состоявший на русской службе, прошел в 1728 году через пролив, за которым осталось его имя, и тринадцать лет спустя погиб страшной смертью вместе с тридцатью моряками своего экипажа на берегу острова, тоже носящего теперь его имя! А разве еще ранее, в 1619 году, мореплаватель Иенс Мунк не обследовал восточный берег Гренландии и не нанес на карту многие точки, до него бывшие совершенно неизвестными? Поэтому у Дании было неоспоримое право выступать покупателем.

Голландия напоминала, что ее моряки — Баренц и Хеймскерк — побывали на Шпицбергене и Новой Земле еще в конце XVI века. Один из ее сынов, Ян Майен, пустившись в дерзкое плавание к северу в 1621 году, присоединил к своей стране остров, названный его именем, расположенный под семьдесят первым градусом северной широты. И вот Голландия теперь опиралась на подвиги прошлого.

Но зато русские принимали видное участие в исследовании пролива, отделяющего Азию от Америки (ведь русскими моряками были Алексей Чириков (и Беринг под его началом), Павлуцкий, экспедиция которого в 1751 году пробралась в пределы Ледовитого океана¹, и капитан Мартын Шпанберг с лейтенантом Уильямом Уолтоном, побывавшие в этих неизвестных краях в 1739 году. Да разве русские не господствуют над половиной Ледовитого океана уже в силу самого расположения сибирских территорий, протянувшихся по огромному азиатскому побережью на сто двадцать градусов, до самой крайней оконечности Камчатки, — территорий, населенных самоедами, якутами, чукчами и другими племенами, подвластными русскому государству? А на семьдесят пятой параллели, всего лишь в девятистах милях от полюса, разве не владеют они Новосибирскими и Ляховскими островами, открытыми ими в начале XVIII века? Наконец, в 1764 году, раньше англичан, раньше американцев, раньше шведов, русский мореплаватель Чичагов разве не сделал попытку найти новый проход, чтобы сократить путь, разделяющий два континента?

Но американцы все-таки были, по-видимому, более других заинтересованы в приобретении этих недосыгаемых областей земного шара. Во время розысков сэра Джона Франклина, они, не жалея сил, тоже пробовали туда пробраться, — ведь американцами были Гринель, Кейн, Хейс, Грили, Делонг и другие храбрые мореплаватели. Американцы тоже могли ссылаться на географическое положение своей страны, северная часть кото-

¹ Сведения, приведенные здесь, не совсем точны. Чириков Алексей Ильич (1703—1748) — ученый и мореплаватель, виднейший участник 1-й Камчатской экспедиции (1725—1730). Во главе этого крупного русского географического предприятия был поставлен офицер русского флота, выходец из Дании, Беринг Витус (1681—1741). Особенно успешной была 2-я Камчатская экспедиция (1733—1743).

рой, от Берингова пролива до залива Гудзона, переходит за Полярный круг. Все эти земли и острова (такие, как острова принца Уэльского, Виктории, короля Вильгельма, Баффина, а также Уолластон, Банкс, Мелвилл и Кокбэрн, не считая сотен других островков),— разве не являются они как бы связующим звеном между материком и девяностой параллелью? И, пожалуй, земли, которые могут считаться продолжением Азии или Европы, не связаны с Северным полюсом такой непрерывной линией суши, как связана с ним Америка.

Поэтому вполне естественно, что предложение о продаже было выдвинуто федеральным правительством и притом в интересах некоей американской компании,— ведь если у какой-либо державы и были неоспоримые права на приобретение полярных областей, так это у Соединенных Штатов Америки.

Надо признать все же, что владеющее Канадой и Британской Колумбией Соединенное королевство, многие моряки которого отличались в арктических плаваниях, тоже имело основательные причины желать присоединения этой части земного шара к своей обширной колониальной империи. Английские газеты обсуждали вопрос продолжительно и страстно.

«Пусть,— писал известный английский географ Клиптрингэн в своей нашумевшей статье,— пусть себе шведы, датчане, голландцы, русские и американцы хвастаются своими правами! Англия все-таки без урона для себя не может позволить, чтобы эти владения ускользнули от нее. Разве ей не принадлежит северная часть Нового Света? Эти земли, эти острова, относящиеся к ней, разве они не были захвачены ее собственными мореплавателями, начиная с Уилеби, посетившего Шпицберген и Новую Землю в 1739 году, и до Мак-Клора, корабль которого в 1853 году прошел по Северо-Западному проходу?»

«И затем,— объявлял «Стандарт» в статье, подписанной адмиралом Физе,— разве Фробишер, Девис, Холл, Уеймут, Гудзон, Баффин, Кук, Росс, Парри, Бичи, Белчер, Франклин, Мюльгрейв, Скорсон, Мак-Клинтон, Кеннеди, Нейз, Коллинсон, Арчер — по происхождению не англосаксы? У какой страны больше прав на эту часть полярных земель, даже если английским мореплавателям пока и не удалось до нее добраться?»

«Пусть так,— возражал «Курьер Сан-Диего» (Калифорния),— но будем же рассуждать справедливо. Раз идет спор между Соединенными Штатами и Соединенным королевством, то хотя англичанин Маркэм из экспедиции Нейрза и поднялся до 83° 20' северной широты,— американцы Локвуд и Брэнард из экспедиции Грили перегнали его на пятнадцать градусных минут и установили звездный флаг Соединенных Штатов на 83° 35'. Честь наибольшего продвижения к Северному полюсу теперь принадлежит им».

Таковы были атаки нападающих и ответные удары противников.

Наконец, перечисляя смелых моряков, побывавших в этих арктических областях, надо вспомнить также венецианца Кабота и португальца Кортереала, открывших в 1498 и 1500 годах Гренландию и Лабрадор. Но ни Италия, ни Португалия не собирались участвовать в предполагавшемся аукционе и нимало не беспокоились о том, кому достанутся эти земли.

Можно было предвидеть, что борьба разгорится сильнее всего между долларом и фунтом стерлингов, между Англией и Америкой.

Тем временем, по предложению Арктической промышленной компании, страны, граничащие с арктическими областями, рассмотрели этот вопрос вместе с приехавшими для его решения коммерсантами и учеными. Обсудив положение, государства постановили участвовать в аукционе, и открытие его было назначено на 3 декабря в Балтиморе. Делегатам были определены кредиты, которых они должны были придерживаться. Сумма, вырученная от продажи, в виде возмещения за убытки будет разделена между пятью менее счастливыми покупателями с тем, чтобы они отказались в дальнейшем от всяких претензий на продаваемую область.

Не обошлось без споров, но в конце концов дело уладилось. Заинтересованные государства согласились на предложение федерального правительства провести аукцион в Балтиморе. Получив соответствующие полномочия, делегаты из Лондона, Гааги, Стокгольма, Копенгагена и Петербурга выехали в Соединенные Штаты и прибыли туда за три недели до дня, назначенного для торгов.

Америка была представлена все тем же Уильямом С. Форстером, чье имя стояло в объявлении Арктической промышленной компании, появившемся 7 ноября в «Нью-Йорк геральд».

Теперь хоть бегло опишем делегатов, которые приехали из Европы.

От Голландии — Якоб Янсен, бывший советник по делам Голландской Индии: толстяк пятидесяти трех лет, небольшого роста; короткие ручки и короткие кривые ножки, на носу очки в алюминиевой оправе, лицо круглое, красное, волосы торчком, седующие баки, — в общем, человек положительный, относящийся с известным недоверием к предприятию, практические цели которого ему не были ясны.

От Дании — Эрик Бальденак, в прошлом вице-губернатор Гренландии, коренастый, кривобокий, с толстым животом, с огромной головой, близорукий до такой степени, что при чтении он водил носом по страницам тетрадей и книг; он считал свою страну законной владычицей северных областей, а потому и слушать не желал ни о каких претендентах.

От Швеции и Норвегии — Ян Харальд, профессор космографии в Христиании, один из самых горячих сторонников экспедиции Норденшельда, настоящий северянин с румяным лицом, ше-

велюрой и бородой цвета спелой ржи, твердо уверенный в том, что полярный колпачок — это сплошное палеокристическое море и не представляет никакой ценности. Совершенно равнодушный ко всему делу, он явился сюда только для проформы.

От России — полковник Борис Карков, полувоенный, полудипломат, высокий, прямой, пышноволосый и бородатый, весь словно деревянный; его как будто стесняло штатское платье, и по временам он бессознательно искал рукой шашку, которая раньше висела у него на боку. Его очень интересовало, что же скрывалось за предложением Арктической промышленной компании и не грозит ли это в будущем международными осложнениями.

От Англии — майор Донеллан и его секретарь Дин Тудринк. Эти двое воплощали в себе жадные стремления Соединенного королевства, его коммерческие и промышленные инстинкты, его способность считать своими по какому-то закону природы все территории, северные, южные и экваториальные, до сих пор никому не принадлежавшие.

Майор Донеллан — англичанин самого английского склада, высокий, худой, костлявый, узкоплечий, угловатый, с куриной шеей, с маленькой, как у Пальмерстона, головой, с журавлиными ногами, жилистый, еще крепкий для своих шестидесяти лет и совершенно неутомимый, — это свойство он доказал, когда занимался исправлением границ Индии за счет границ Бирмы. Он никогда не смеялся и, может быть, не умел смеяться. Да зачем ему было смеяться? Видано ли, чтобы смеялся подъемный кран, паровоз или пароход?

В этом майор существенно отличался от своего секретаря Дина Тудринка, веселого малого с узкими глазками, говорливого, большеголового и кудрявого. Он был шотландец по происхождению, любил посмеяться, и шутки и остроты создали ему славу в старинных кабаках. Но как ни любил он, шутить и острить, а едва дело доходило до притязаний Англии, даже самых несправедливых, он начинал проявлять, под стать Донеллану, такую же непримиримость и несговорчивость.

Эти двое делегатов должны были оказаться, очевидно, самыми яркими противниками Арктической компании. Северный полюс является их собственностью, он принадлежит Англии с доисторических времен, сам господь бог вверил англичанам ось вращения Земли, и они не допустят перехода ее в чужие руки.

Следует также заметить, что, хотя Франция не сочла нужным послать представителя — ни официального, ни неофициального, — все же некий французский инженер отправился в Америку, якобы желая из чистой любознательности последить за этим интереснейшим делом. Он появится в свое время.

Представители государств Северной Европы прибыли в Балтимор на разных пароходах, как и следовало людям, которые не хотели воздействовать друг на друга. Они были соперниками. Каждый из них вез с собой средства, необходимые для будущего

сражения. Заметим, кстати, что они были далеко не одинаково вооружены. Один располагал суммой меньше миллиона, другой — суммой, превышающей эту цифру. И, по правде сказать, за кусок земли, до которого почти невозможно добраться, не стоило платить слишком дорого! Лучше других был снабжен английский делегат, — Соединенное королевство открыло ему значительный кредит. Благодаря полученным средствам майор Донеллан мог без особого труда победить шведского, датского, голландского и русского соперников. Справиться с Америкой — это дело другое, нанести поражение долларам не так-то просто. Тайнственная Компания, вероятно, имела в своем распоряжении значительные суммы. Главная схватка скорей всего произойдет между Соединенными Штатами и Великобританией; оружием в ней, наверное, будут миллионы.

С приездом европейских делегатов общественное мнение встревожилось еще больше. Газеты были полны удивительнейших россказней. По поводу продажи с аукциона Северного полюса ходили самые странные предположения. Что с ним собирались делать? И какую пользу можно из него извлечь? Разве что подновить льдом глетчеры Старого и Нового Света! Парижская газета «Фигаро» придерживалась именно такого мнения. Но ведь для этого сначала надо перейти восемьдесят четвертую параллель!

Тем временем делегаты, избегавшие друг друга во время переезда через океан, теперь, высадившись и в Балтиморе, начали сблизяться.

И вот по каким причинам.

Прежде всего каждый из них тайком от остальных пытался завязать отношения с Арктической промышленной компанией. Все они хотели получить различные сведения, чтобы использовать их при удобном случае, хотели узнать, каковы были тайные пружины этого дела и какую прибыль надеялась из него извлечь Компания. Но до сих пор никак не удавалось разыскать ее отделение в Балтиморе. Ни конторы, ни служащих. За справками предлагалось обращаться к Уильяму С. Форстеру, на Хай-стрит. Но не похоже было, чтобы почтенный владелец складов для трески знал об этом деле больше, чем простой портовый грузчик.

Здесь делегатам не удалось ничего разузнать. Им оставалось довольствоваться нелепыми предположениями, которые плодила молва. Неужели в секреты Компании не удастся проникнуть до тех пор, пока она сама не обнаружит их? Все терялись в догадках. А Компания, по-видимому, собиралась нарушить свое молчание лишь после того, как сделка будет совершена.

Вот потому-то делегаты стали сначала прошупывать намерения друг друга, затем — встречаться и, наконец, вступили в тесное общение, быть может, не без задней мысли — заключить союз против общего врага, то есть против американской Компании.

Однажды, вечером 22 ноября, они устроили нечто вроде совещания в гостинице «Уолсли», в комнатах, которые занимали майор Донеллан и его секретарь Дин Тудринк. По правде сказать, полковник Борис Карков, бывший, как уже говорилось, тонким дипломатом, положил немало усилий на то, чтобы делегаты перешли наконец к совместным действиям.

Разговор сразу же зашел о тех коммерческих и промышленных выгодах, которые Компания предполагала извлечь из покупок арктических областей.

Профессор Ян Харальд спросил, не удалось ли его коллегам разузнать что-нибудь на этот счет. Один за другим все признались, что они делали попытки подобраться к Уильяму С. Форстеру, у которого, судя по объявлению, следовало наводить справки.

— Однако у меня ничего не вышло,— сказал Эрик Бальденак.

— И я ничего не добился,— заметил Якоб Янсен.

— А я,— заявил Дин Тудринк,— придя от имени майора Донеллана в склад на Хай-стрит, застал там какого-то толстяка во фраке и в цилиндре, занавешенного от подбородка до сапог белым передником. Когда я стал его расспрашивать об этом деле, он мне ответил, что «Южная звезда» как раз прибыла из Ньюфаундленда с полным грузом и что он может устроить мне изрядную партию свежей трески в счет торгового дома «Ардринель и К^о».

— Вот, вот,— как всегда скептически заговорил бывший советник по делам Голландской Индии,— лучше уж покупать треску, чем топить деньги в Ледовитом океане.

— Дело вовсе не в этом,— произнес майор Донеллан обычным своим резким и высокомерным тоном.— Речь идет не о партии трески, а о полярном колпачке...

— ...который Америке хочется нахлобучить на себя,— смеясь прибавил Дин Тудринк.

— Кончится это для нее простудой,— сострил полковник Карков.

— Дело вовсе не в этом,— снова начал майор Донеллан,— и я не понимаю, какое отношение возможная простуда может иметь к нашему совещанию. Очевидно, по той или иной причине, Америка, представленная здесь Арктической промышленной компанией (прошу обратить внимание на слово «промышленной»), хочет купить около полюса площадь в четыреста семь тысяч квадратных миль, площадь, ограниченную в данное время (прошу обратить внимание на слова «в данное время») восемьюдесятью четвертой параллелью северной широты...

— Нам все это известно, майор Донеллан,— заявил Ян Харальд.— Но нам неизвестно, каким же образом вышеуказанная Компания собирается эксплуатировать эти территории (если это территории) или моря (если это моря) — эксплуатировать их в промышленном отношении.

— Дело вовсе не в этом,— в третий раз заговорил майор Донеллан.— Некое государство желает приобрести за деньги часть земного шара, которая по своему географическому положению должна принадлежать Англии...

— России,— сказал полковник Карков.

— Голландии,— сказал Якоб Янсен.

— Скандинавии,— сказал Ян Харальд.

— Дании,— сказал Эрик Бальденак.

Пятеро делегатов ошетинились, и разговор грозил перейти в ссору, но тут вмешался Дин Тудринк.

— Постойте,— сказал он примиряющим тоном,— дело вовсе не в этом, как любит говорить мой начальник майор Донеллан. Поскольку уже решено, что околополярные области будут пушены в продажу, они неизбежно станут собственностью того из государств, вами представленных, которое на этом аукционе предложит за них больше всех. Поэтому, раз Скандинавия, Россия, Дания, Голландия и Англия открыли своим посланцам кредиты, не лучше ли образовать синдикат? Это даст нам возможность располагать такой значительной суммой, что американской Компании окажется не под силу с нами бороться.

Делегаты переглянулись. Дин Тудринк, пожалуй, нашел хороший способ уладить дело.

Синдикат... Нынче без этого не обойтись... Хочешь дышать, есть, пить, спать — на все синдикат! Это слово теперь в моде и в политическом и в деловом мире.

Однако еще требовалось кое-что уточнить, вернее объяснить, и Якоб Янсен отлично выразил чувства своих коллег, спросив:

— Ну, а дальше?

Именно — что же будет, после того как синдикат осуществит покупку?

— Но мне кажется, что Англия...— резко начал майор.

— И Россия! — сказал полковник, грозно нахмурив брови.

— И Голландия! — проговорил советник.

— Раз бог даровал Данию датчанам...— заметил Эрик Бальденак.

— Простите,— вскричал Дин Тудринк,— есть только одна страна, которую ее обитателям даровал бог! Это Шотландия.

— А почему? — спросил шведский делегат.

— Но разве не сказал поэт: «*Deus nobis Ecotia fecit*»¹, — возразил шутник, переделывая на свой лад слова «*haec otia*» в шестом стихе первой эклоги Вергилия.

Все, кроме майора Донеллана, расхохотались, и спор, который грозил окончиться довольно плохо, был прекращен во второй раз. Тут Дин Тудринк сказал:

— Не будем ссориться. К чему? Лучше сразу образуем наш синдикат!

¹ Бог создал для нас Шотландию (искаж. лат.).

— А дальше? — спросил Ян Харальд.

— А дальше, — сказал Дин Тудринк, — все пойдет проще простого. Купив полярные области, вы или оставляете их в нераздельном владении, или, возместив остальным справедливые убытки, передаете их одному из государств соприобретателей. Ведь основная цель — окончательно устранить представителей Америки — будет уже достигнута.

Это было разумное предложение — на ближайшее время по крайней мере, потому что, едва придет пора выбирать владельца для этой спорной и бесполезной недвижимости, делегаты не замедлят вцепиться друг другу в волосы, — а известно, что они отнюдь не были лысы!

Но все же, как проницательно заметил Дин Тудринк, Соединенные Штаты будут решительно отстранены.

— Вот это, по-моему, благоразумно, — сказал Эрик Бальденак.

— Ловко, — сказал полковник Карков.

— Искусно, — сказал Ян Харальд.

— Хитро, — сказал Якоб Янсен.

— Совсем по-английски, — сказал майор Донеллан.

Каждый вставил свое слово, тая в сердце надежду впоследствии надуть почтенных коллег.

— Следовательно, — заговорил Борис Карков, — предполагается, что, входя в синдикат, каждое государство полностью сохраняет за собой право поступать в дальнейшем по своему усмотрению?..

С этим все согласились.

Оставалось только выяснить, какой кредит каждое государство отпустило своему делегату. Эти кредиты они сложат вместе, и несомненно общая сумма будет так значительна, что денежные возможности Арктической промышленной компании не превысят ее.

И Дин Тудринк задал вопрос о кредитах.

Но тут случилось нечто неожиданное. Воцарилось мертвое молчание. Никто не хотел отвечать. Показать, что у тебя в кошельке? Вывернуть карманы в кассу синдиката? Признаться, до какой цифры ты можешь идти? К чему так спешить? А если в дальнейшем между членами нового синдиката возникнут раздоры? А если дело пойдет так, что придется бороться только за самого себя? А если дипломата Каркова оскорбят ухищрения Якоба Янсена, а того обидят происки Эрика Бальденака, которого приведут в раздражение хитрости Яна Харальда, а тот откажется мириться с высокомерными замашками майора Донеллана, а последний нисколько не постесняется интриговать против каждого из коллег? Наконец, объявить свои кредиты — значит раскрыть карты, а их, наоборот, нужно получше скрывать.

В самом деле, ответить Дину Тудринку на его законный, но нескромный вопрос можно по-разному. Надо либо преувеличить

свои кредиты, от чего может произойти великая неловкость, когда придется расплачиваться, либо преуменьшить свои средства курам на смех, чтобы просто ничего не вышло из этого предложения.

Такая мысль возникла сначала у бывшего советника по делам Голландской Индии, который, следует напомнить, не принимал дела всерьез; и его коллеги сразу сообразили, что им лучше присоединиться к нему.

— Я очень сожалею,— сказала его устами Голландия,— но для приобретения арктических владений я располагаю всего пятьюдесятью ригсдалерами.

— А я — только тридцатью пятью рублями,— сказала Россия.

— А я — только двадцатью кронами,— сказала Скандинавия.

— А я — только пятнадцатью кронами,— сказала Дания.

— Ну,— произнес майор Донеллан, и в голосе его послышалась спесь, характерная для Великобритании,— значит, полярная область останется за нами, потому что Англия может вложить в это дело только полтора шиллинга.

И этим ироническим заявлением окончилось совещание посланцев старушки Европы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой производится продажа арктических областей

Почему же продажа, назначенная на 3 декабря, должна была состояться в обычном аукционном зале, где всегда продавалось всякое движимое имущество — мебель, домашняя утварь, орудия и инструменты, разные предметы искусства, картины, статуи, медали и прочие старинные вещи? Почему, раз дело шло о продаже недвижимости, она не производилась в конторе нотариуса или в отделении гражданского суда, где полагается устраивать такие сделки? И, наконец, к чему было участие оценщика, раз в продажу шла часть земного шара? Неужели можно уподобить движимому имуществу кусок земли, нечто самое недвижимое, что только есть на свете?

В самом деле, это казалось нелепым. И, однако, это было так. Арктические области продавались именно таким образом, купчая крепость имела обычную силу. Разве тем самым не доказывалось, что Арктическая промышленная компания считала данную недвижимость движимостью, словно ее можно было переместить? Такая странность вызывала удивление у некоторых особо сметливых людей,— хоть их не так-то много даже в Соединенных Штатах.

Впрочем, уже известен подобный случай. Кусок нашей планеты был продан с молотка в аукционном зале, при посредстве оценщика. И как раз в Америке.

В самом деле, за несколько лет до того в Калифорнии, в городе Сан-Франциско, один тихоокеанский остров, под названием остров Спенсер¹, был продан богачу Уильяму У. Кольдерупу, который дал на пятьсот тысяч долларов больше своего конкурента Дж. Р. Таскинара из Стоктона. Остров Спенсер пошел за четыре миллиона долларов. Правда, то был обитаемый остров, расположенный всего в нескольких градусах от берега Калифорнии, — остров с лесами, ручьями, плодородной и твердой почвой, с полями и лугами, годными для обработки, а здесь — неопределенное пространство, может быть даже море, таящееся за непроходимыми торосами и покрытое вечными льдами. Да еще, по всей вероятности, к нему и не пробраться. Следовало поэтому предполагать, что цена за неведомую полярную область не достигнет на аукционе такой значительной суммы.

Тем не менее необычность дела привлекла в этот день на аукцион множество людей, и если среди них мало оказалось серьезных покупателей, зато много было зевак, жадно ожидавших, чем все это кончится. Борьба действительно обещала быть очень занимательной.

К тому же, едва европейские представители прибыли в Балтимору, как за ними все стали бегать, приставать к ним, и, конечно, все просили у них интервью. Не удивительно, что общественное мнение, как это часто случается в Америке, было возбуждено до крайности. Составлялись безумные пари — обыкновенная форма, в которую выливается общественное возбуждение у американцев, — пример заразительный! — последнее время ему охотно начинают следовать в Европе. Жители Американской федерации, а также Новой Англии, Восточных, Южных и Центральных штатов разбились на группы и придерживались различных мнений, — хотя все они, в общем, стояли за своих соотечественников. Они надеялись, что Северный полюс в конце концов укроется под складками звездного флага. Все же они испытывали некоторую тревогу. Ни Россия, ни Швеция с Норвегией, ни Дания, ни Голландия не внушали особых опасений. Но имелась еще Великобритания с ее территориальными притязаниями, с упорным стремлением все присвоить и поглотить, с ее банкнотами, которых она не жалела. Тут пахло крупными суммами. На «Америку» и «Великобританию» делали ставки, как на скаковых лошадей, и приблизительно поровну. Ставить на «Данию», «Швецию», «Голландию» и «Россию» охотников не находилось.

Торги были назначены на полдень. Стечение любопытных уже с утра мешало движению на Болтон-стрит. Еще накануне в городе царил волнение. По трансатлантическому кабелю газеты получили сведения, что большинство пари, предложенных американцами, было принято англичанами, и Дин Тудринк тот-

¹ См. роман «Школа Робинзонов» того же автора. (Примеч. авт.)

час же велел объявить об этом в аукционном зале. Говорили, будто правительство Великобритании передало значительные фонды в распоряжение майора Донеллана... В «Нью-Йорк геральд» писали, что лорды адмиралтейства настаивали на покупке арктических земель, уже включали их в список английских колоний и т. д.

Что было достоверно в таких слухах и рассказах, никто не знал. Но в тот день в Балтиморе рассудительные люди полагали, что если Арктическая промышленная компания будет представлена только своим собственным силам, то борьба, возможно, закончится победой Англии. И некоторые из самых горячих янки уже старались оказать давление на вашингтонское правительство. А новая Компания в лице своего скромного агента Уильяма С. Форстера, по-видимому, вовсе не разделяла всеобщего возбуждения, словно она была совершенно уверена в своей победе.

Условный час приближался, и толпа на Болтон-стрит все росла. За три часа до открытия дверей к аукционному залу нельзя было и подойти. Все пространство, отведенное для публики, было заполнено до отказа. Только для европейских делегатов было оставлено несколько мест, отгороженных барьером, откуда они могли следить за ходом аукциона и вовремя делать свои надбавки.

Эрик Бальденак, Борис Карков, Якоб Янсен, Ян Харальд и майор Донеллан со своим секретарем Дином Тудринком сбились тесной кучкой, плечом к плечу, как солдаты, готовые идти на приступ: они ведь и правда собрались взять приступом Северный полюс!

Со стороны Америки никто не явился, если не считать рыбака, владельца складов; его грубое лицо выражало полнейшее равнодушие. Казалось, ему было безразлично все окружающее и думал он лишь о том, куда девать грузы, ожидаемые им из Нью-фаундленда. Кто же были те капиталисты, от лица которых этот простак собирался ворочать миллионами долларов? Тут было над чем поломать голову.

Никто и не подозревал, что Дж. Т. Масто́н и миссис Эвенджели́на Скорбит имеют отношение к делу. Да и как об этом можно было догадаться? Оба они были тут, но вместе с некоторыми другими именитыми членами Пушечного клуба, коллегами Дж. Т. Масто́на, скрывались в толпе, не занимая особых мест. По виду они казались обыкновенными, совершенно бескорыстными зрителями. Уильям С. Форстер даже как будто не был знаком с ними.

Разумеется, вопреки порядку, установленному на аукционах, на сей раз предмет продажи не был выставлен для всеобщего обозрения. Северный полюс ведь нельзя, как какую-нибудь старинную вещицу, передавать из рук в руки, рассматривать со всех сторон, разглядывать в лупу, а то и тереть пальцем, чтобы убедиться, старинная ли она в самом деле, или просто подделка.

А полюс все-таки был чрезвычайно старинным предметом,— ведь он возник еще до каменного века, до железного, до бронзового, раньше всех доисторических эпох, потому что существует с начала мира!

Хотя самый полюс и не лежал на столе оценщика, зато на виду у всех заинтересованных висела большая карта, на которой очертания арктических областей были обведены яркой краской. По восемьдесят четвертой параллели, на семнадцать градусов выше Полярного круга, шла отчетливая красная линия, ограничивающая ту часть земного шара, которая, по предложению Арктической промышленной компании, была пущена в продажу. Возможно, она представляла собой море, покрытое ледяной корой весьма значительной толщины. Но это уж дело покупателя. Во всяком случае, обмана тут быть не могло: всякий видел, что он покупает.

Ровно в двенадцать часов из маленькой резной двери в глубине зала вышел оценщик Эндрю Р. Джилмор и занял место у своего стола. Аукционист Флинт, известный своим громоподобным голосом, раскачиваясь, как медведь в клетке, тяжело прохаживался вдоль решетки, за которой была публика. Оба заранее предвкушали, какую огромную сумму положат они себе в карман в виде процента с продажи. Само собой разумеется, что покупка должна была производиться на наличные деньги, «cash», по выражению американцев. Как бы велика ни оказалась сумма, вырученная от продажи, она целиком передавалась в руки делегатов тех государств, которые не станут владельцами продаваемой области.

И вот в зале что было мочи зазвонил колокольчик и оповестил всех, собравшихся снаружи, так сказать *urbi et orbi*¹, что торги начались.

Какой торжественный момент! Во всем квартале, во всем городе дрогнули сердца. С Болтон-стрит и прилегающих улиц в зал донесся отдаленный гул взволнованной толпы.

Эндрю Р. Джилмору пришлось подождать, пока волнение собравшихся уляжется, чтобы начать свою речь.

Наконец он встал и окинул собрание взглядом. Затем скинул пенсне и начал несколько взволнованным голосом:

— По предложению федерального правительства и с согласия государств как Нового, так и Старого Света назначается в продажу целым куском некая недвижимость, расположенная вокруг Северного полюса, ограниченная восемьдесят четвертой параллелью и состоящая из материков, морей, проливов, островов, островков и ледяных торосов, со всем, что там есть твердого и жидкого.

Затем он указал на карту, висевшую на стене:

— Сובлаговолите взглянуть на карту, составленную на осно-

¹ Весь свет (лат.).

вании самых последних данных. Как вы видите, общая площадь всего этого участка равняется, весьма приблизительно, четыреста семи тысячам квадратных миль. Для удобства продажи оценку решено производить из расчета одной квадратной мили. Поэтому при надбавках один цент будет означать в круглых цифрах четыреста семь тысяч центов, а доллар — четыреста семь тысяч долларов. Пожалуйста, потише!

Эта просьба была не лишней, так как нетерпение публики выражалось громким шумом, который оценщику было трудно перекричать. Благодаря вмешательству аукциониста Флинта, голос которого звучал не слабее корабельной сирены во время тумана, спокойствие было отчасти восстановлено, и Эндрью Р. Джилмор получил возможность продолжать свою речь:

— Прежде чем приступить к торгам, я считаю своим долгом напомнить одно из условий продажи, а именно: полярная недвижимость поступает в полную собственность купившего и не может быть оспариваема продавшей стороной в пределах восьмидесяти четвертой параллели северной широты, независимо от каких-либо перемен и географическом или метеорологическом состоянии земного шара.

Опять эта имевшаяся в объявлении странная оговорка, которая, возбуждая шутки одних, у других будила подозрения!..

— Аукцион открыт! — прозвучал голос оценщика.

И, взмахнув молоточком слоновой кости, он по привычке прогнусавил обычное вступление к аукциону:

— Квадратная миля за десять центов!

Десять центов — то есть одна десятая часть доллара — это означало сумму в сорок тысяч семьсот долларов за всю арктическую недвижимость.

Однако оценка Эндрью Р. Джилмора была сразу же перекрыта Эриком Бальденаком, выступавшим от лица датского правительства.

— Двадцать центов! — сказал он.

— Тридцать центов! — сказал Якоб Янсен от лица Голландии.

— Тридцать пять! — сказал Ян Харальд от лица Скандинавии.

— Сорок, — сказал полковник Борис Карков от лица всей России.

Это уже составляло сумму в сто шестьдесят две тысячи восьмьсот долларов, а между тем торги только начинались.

Надо заметить, что представитель Великобритании до сих пор еще не сказал ни слова и даже не раскрыл плотно сжатого рта.

Уильям С. Форстер, владелец тресковых складов, тоже сохранял непроницаемое молчание. Он, видимо, был всецело погружен в чтение «Ньюфаундлендского Меркурия», где печатались сведения о товарах и о ценах на всех американских рынках.

— Сорок центов за квадратную милю! — соловьем заливался Флинт. — Сорок центов!

Четверо коллег майора Донеллана переглянулись. Неужели они исчерпали свои кредиты уже в самом начале борьбы? Неужели дальше им придется молчать?

— Ну, ну, — снова заговорил Эндрью Р. Джилмор, — сорок центов! Кто больше? Сорок центов! А ведь этот полярный колпачок стоит подороже...

Казалось, он вот-вот добавит: «полярный колпачок из чисто пробных вечных льдов».

Но тут датский представитель объявил:

— Пятьдесят центов!

А голландский делегат надбавил еще десять.

— Квадратная миля идет за шестьдесят центов! — выкрикнул Флинт. — Шестьдесят центов! Никто не надбавит?

Эти шестьдесят центов уже составляли почтенную сумму в двести сорок четыре тысячи двести долларов.

Собрание приветствовало надбавку Голландии одобрительными возгласами. Вот странное и вместе с тем частое явление: бывшие в зале бедняки с пустыми карманами, без гроша за душой, казалось, были больше всех увлечены этой схваткой долларов.

Между тем, как только выступил Якоб.Янсен, майор Донеллан поднял голову и посмотрел на своего секретаря Дина Тудринка. Но тот сделал едва уловимый отрицательный знак, и майор так и не раскрыл рта.

Уильям С. Форстер не отводил глаз от своих рыночных отчетов и делал карандашом пометки на полях.

А Дж. Т. Масто́н, в ответ на улыбку миссис Эвенджелины Скорбит, лишь кивнул головой.

— Ну, ну, нельзя ли поживее! Что мы так тянем? Слабо, слабо... — повторял Эндрью Р. Джилмор. — Ну-ка! Никто не даст больше? Можно кончать?

И его молоточек то поднимался, то опускался, как кропило причетника во время церковной службы.

— Семьдесят центов, — неуверенно сказал профессор Ян Харальд.

— Восемьдесят! — сразу же за ним объявил Борис Карков.

— Ну-ну! Восемьдесят центов? — выкрикнул Флинт, круглые серые глаза которого разгорались все ярче с каждой надбавкой.

По знаку Дина Тудринка майор Донеллан вскочил, словно чертик на пружинке.

— Сто центов! — отрубил представитель Великобритании.

Это значило, что Англия предлагала четыреста семь тысяч долларов.

Делавшие ставки на Соединенное королевство закричали «ура», часть публики подхватила их возгласы.

Ставившие на Америку переглянулись довольно разочарованно. Четыреста семь тысяч долларов? Это была уже очень крупная цифра для фантастической области у Северного полюса. Четыреста семь тысяч долларов за айсберги, ледяные поля и торосы?!

А представитель Арктической промышленной компании не издал ни звука, даже головы не поднял! Неужели он не решится сделать ни одной надбавки? Если он хотел дожидаться, чтобы делегаты Дании, Швеции, Голландии и России исчерпали свои средства, то, казалось, сейчас как раз пора было выступить. Действительно, по их лицам было видно, что «сто центов» майора Донеллана заставляют их покинуть поле битвы.

— Квадратная миля идет за сто центов! — два раза повторил оценщик.

— Сто центов! Сто центов! Сто центов! — кричал Флинт, сложив руки рупором у рта.

— Никто не даст больше? — спросил Эндрью Р. Джилмор. — Значит, решено? Все согласны? Жалеть никто не будет? Приступаем?

И, опуская руку с молоточком, он обвел выжидающим взглядом зрителей, в волнении затаивших дыхание.

— Раз! Два! — произнес он.

— Сто двадцать центов, — спокойно сказал Уильям С. Форстер, даже не поднимая глаз и переворачивая газетный лист.

— Гип! Гип! Гип! — закричали те, кто делал большие ставки на Американские Соединенные Штаты.

Майор Донеллан в свой черед горделиво приосанился. Его голова на длинной шее вертелась, как заводная, над угловатыми плечами, а тонкие губы клювом вытянулись вперед. Он окинул испепеляющим взглядом бесстрастного представителя американской Компании, но в ответ не получил ни взгляда. Проклятый Уильям С. Форстер даже не шелохнулся.

— Сто сорок! — объявил майор Донеллан.

— Сто шестьдесят! — сказал Форстер.

— Сто восемьдесят! — прогремел майор.

— Сто девяносто! — пробормотал Форстер.

— Сто девяносто пять центов!.. — завопил делегат Великобритании.

Скрестив руки на груди, он как будто бросал вызов всем тридцати восьми штатам Федерации.

Стало так тихо, что, казалось, можно было услышать, как ползет муравей, как плывет маленькая плотичка, как порхает мотылек, как перебирается с места на место червячок, как движется микроб... Все сердца бились тревожно, как будто самая жизнь присутствующих зависела от слов майора Донеллана. Голова его не вертелась больше. Что до Дина Тудринка, то он ожесточенно скреб затылок и чуть не рвал на себе волосы.

Эндрью Р. Джилмор приостановился на несколько мгнове-

ний, показавшихся всем вечностью. Владелец тресковых складов продолжал читать газету и делать пометки, видимо, не имевшие никакого отношения к аукциону. Неужели он тоже исчерпал свои средства? Неужели он не попытается сделать еще одну, последнюю надбавку? Или заплатить сто девяносто пять центов за квадратную милю, то есть свыше семисот девяноста трех тысяч долларов за всю недвижимость оптом, ему казалось поступком, выходящим за пределы здравого смысла?

— Сто девяносто пять центов,— начал оценщик.— Остается за...

И его молоток повис над столом.

— Сто девяносто пять центов! — повторил аукционист.

— Кончайте! Кончайте!

Это кричали некоторые нетерпеливые зрители, недовольные медлительностью Эндрю Р. Джилмора.

— Раз... два...— воскликнул он.

И все взгляды обратились на представителя Арктической промышленной компании.

Подумать только! Этот удивительный человек не спеша сморкался в большой клетчатый фуляровый платок, уткнув в него оба отверстия своей носовой полости.

Между тем Дж. Т. Мэстон метал на него взгляд за взглядом, да и взоры миссис Эвенджелины Скорбит были устремлены в том же направлении. Их побледневшие лица выдавали, как велико было волнение, которое они старались побороть. Почему же Уильям С. Форстер медлил перекрыть надбавку майора Донеллана?

Уильям С. Форстер высморкался второй, затем третий раз с громом артиллерийских выстрелов. Но напоследок он тихо и скромно пробормотал:

— Двести центов!

Зал содрогнулся. Затем, по американскому обычаю, раздались такие крики: «Гип! Гип!», что стекла задребезжали.

Майор Донеллан, ошеломленный, смущенный, уничтоженный, рухнул на свое место рядом с Дином Тудринком, потрясенным не менее его. Такая оценка за квадратную милю давала в итоге огромную сумму в восемьсот четырнадцать тысяч долларов, и, очевидно, британскому представителю не разрешено было превышать ее.

— Двести центов! — повторил Эндрю Р. Джилмор.

— Двести центов! — провозгласил Флинт.

— Раз!.. два!..— кричал оценщик.— Никто не дает больше?..

Майор Донеллан, движимый невольным побуждением, снова вскочил и посмотрел на остальных делегатов. Но те как раз считали, что только он один может отстоять Северный полюс от американцев. Это усилие было последним. Майор открыл рот, снова закрыл, и Англия тяжело шлепнулась на свое место.

— Три! — прокричал Джилмор, ударив по столу своим молоточком слоновой кости.

— Гип! Гип! Гип! — орали делавшие ставки на победительницу Америку.

Известие о результате торгов мигом разнеслось по всем закоулкам Балтимора, затем по телеграфным проводам разошлось по всей Федерации; а позже, по подводному кабелю, оно ворвалось в Старый Свет.

Собственницей арктических владений, находящихся за восемьдесят четвертой параллелью, стала Арктическая промышленная компания (через свое подставное лицо — Уильяма С. Форстера).

И наутро, когда Уильям С. Форстер пришел объявить, для кого сделана покупка, он назвал имя мистера Импи Барбикена, который представлял вышеупомянутую Компанию под фирмой «Барбикен и К^о».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой появляются старые знакомые наших юных читателей

Барбикен и К^о! Председатель клуба артиллеристов! Но какое дело артиллеристам до таких предприятий? Сейчас мы это увидим.

Нужно ли по всей форме представлять читателю Импи Барбикена, председателя балтиморского Пушечного клуба, и капитана Николя, и Дж. Т. Мастопа, и Тома Хэнтера на деревянных ногах, и непоседливого Билсби, и полковника Блумсбери, и всех остальных? Конечно нет! Эти чудачки, правда, постарели на двадцать лет с тех дней, когда внимание всего мира было приковано к ним, но все-таки остались такими, как были. У них у всех не хватало чего-нибудь, у кого руки, у кого ноги, но, в общем, и теперь это были все те же горячие, отчаянные люди, готовые очертя голову кинуться в любое, самое необыкновенное приключение. Время не одолело этого легиона отставных артиллеристов. Оно щадило их, как щадит старинные пушки, вышедшие из употребления и украшающие музеи старых arsenалов.

Если Пушечный клуб уже в год своего основания насчитывал тысячу восемьсот тридцать три члена (мы говорим о людях, а никак не о членах их тела, не об их руках и ногах, которых многие из артиллеристов не досчитывались) да еще тридцать тысяч пятьсот семьдесят пять человек имели честь состоять корреспондентами вышеозначенного клуба, то теперь эти цифры несколько не уменьшились. Как раз наоборот. Благодаря невероятной попытке установить прямую связь между Землей и Луной¹ слава клуба возросла необычайно.

¹ См. романы «С Земли на Луну» и «Вокруг Луны» того же автора. (Примеч. авт.)

И хотя все, наверное, еще помнят, сколько шуму наделал этот примечательный опыт, о нем следует все же вкратце рассказать.

Несколько лет спустя после войны между Севером и Югом некоторые члены Пушечного клуба, тяготясь своей праздностью, вознамерились при помощи исполинского орудия отправить снаряд на Луну. На полуострове Флорида в городе Мун-Сити прямо в земле была торжественно отлита пушка, так называемая «Колумбиада», длиной в девятьсот футов при внутреннем диаметре, равном девяти футам; на заряд пошло четыреста тысяч фунтов пероксилина. Выпущенный из этой пушки цилиндрикоконический алюминиевый снаряд под напором шести миллиардов литров газа полетел к ночному светилу. В результате отклонения траектории снаряд облетел вокруг Луны, вернулся на Землю и погрузился в Тихий океан под 27° 7' северной широты и 41° 37' западной долготы. Там-то фрегат федерального флота «Сасквегана» подобрал на поверхности океана этот снаряд, вместе с его удачливыми постояльцами.

Да, самыми настоящими постояльцами!

В снаряде-вагоне поместились двое членов Пушечного клуба — его председатель Импи Барбикен и капитан Николь; третьим был один француз, известный сорви-голова. Все трое вернулись из своего путешествия целы и невредимы. Американцы охотно пустились бы сразу в какое-нибудь новое приключение, но с французом дело обстояло иначе. Мишель Ардан (так его звали) возвратился в Европу, кажется разбогател, хотя это удивило многих, и кончил тем, что стал сажать капусту, с удовольствием ел ее, и даже, как утверждали наиболее осведомленные репортеры, она шла ему впрок.

После своего громового выстрела Импи Барбикен и Николь жили, пользуясь славой и относительным покоем. Но, томясь жаждой великих подвигов, они мечтали о новой затее в том же роде. В деньгах у них недостатка не было. От их последнего предприятия из пяти с половиной миллионов, собранных по общественной подписке в Новом и Старом Свете, у них осталось около двухсот тысяч долларов. Кроме того, они разъезжали по Соединенным Штатам и везде показывались публике в своем алюминиевом снаряде, словно некое чудо природы в клетке; заработали они на этом предприятии изрядные деньги да еще достигли громкой славы, о какой только могут мечтать честолюбцы.

Теперь Импи Барбикен и капитан Николь могли бы жить спокойно, если бы их не грызла скука. И вот — вероятно, чтобы нарушить свое бездействие, — они и задумали купить арктические области.

Не нужно забывать, что затратить более восьмисот тысяч долларов на такую покупку оказалось возможным лишь потому, что миссис Эвенджелина Скорбит вложила в дело недоста-

ющую сумму. Благодаря этой щедрой женщине Америка победила Европу.

Вот что было причиной ее щедрости.

Неслыханную славу, которая окружала после возвращения председателя Барбикена и капитана Николя, с ними делил еще один человек. Вы, конечно, догадались, что речь идет о Дж. Т. Масто́не, вспыльчивом секретаре Пушечного клуба. Разве не этот талантливый ученый сделал математические вычисления, позволившие осуществить смелую попытку, о которой говорилось выше? Если он и не сопровождал своих друзей в их межпланетном путешествии, то не из робости, — клянусь ядром! Дело в том, что у почтенного артиллериста не хватало кисти правой руки, а на черепе из-за одной несчастной случайности, которые нередки на войне, он носил гуттаперчевую заплатку. Показать это селенитам значило бы внушить им довольно жалкое представление об обитателях Земли, при которой Луна существует лишь как скромный спутник.

Поэтому, к своему глубокому огорчению, Дж. Т. Масто́н вынужден был отказаться от полета. Но он не сидел праздно. Он принимал участие в сооружении огромного телескопа, и после установления его на самом острiente пика Лонга, одной из высочайших вершин в цепи Скалистых гор, Дж. Т. Масто́н сам переселился туда. Как только снаряд, описывающий в небе свою величественную траекторию, был замечен, Дж. Т. Масто́н уже не покидал своего наблюдательного поста. Не отходя от объектива гигантского инструмента, он всецело предался наблюдению за друзьями, пересекавшими пространство в своем воздушном экипаже.

Многие думали, что отважные путешественники навсегда потеряны для Земли. Действительно, существовала опасность, что снаряд из-за притяжения Луны сохранит свою новую орбиту и будет вечно носиться вокруг ночного светила в качестве субспутника.

Но нет! Некоторое, словно ниспосланное судьбой отклонение изменило направление снаряда. Вместо того чтобы упасть на Луну, снаряд облетел вокруг нее и вернулся к земному шару, все ускоряя полет, так что к моменту своего погружения в глубины моря он достиг скорости более двухсот тысяч километров в час.

К счастью, водные массы Тихого океана смягчили падение, свидетелем которого был американский фрегат «Сасквегана». Новость тотчас же была передана Дж. Т. Масто́ну. Секретарь Пушечного клуба поспешно покинул обсерваторию на пике Лонга и бросился на выручку. В том месте, где упал снаряд, море было обследовано на большой глубине, и верный Дж. Т. Масто́н ради спасения своих друзей не задумываясь решил и сам облечься в водолазный костюм.

Но ему незачем было так стараться. Алюминиевый снаряд, великолепно нырнув в воды Тихого океана и вытеснив количест-

во воды весом больше его собственного, всплыл наверх. А чем же занимались Барбикен, капитан Николь и Мишель Ардан, когда их подобрали на поверхности океана? Они играли в домино в своей плавучей тюрьме.

Возвращаясь опять к Дж. Т. Мастоу, надо сказать, что участие в этих необыкновенных приключениях весьма выдвинуло его.

Заплата на черепе и металлический крючок вместо правой кисти, конечно, не красили Дж. Т. Мастоу. Кроме того, он был уже и не молод: в пору нашего рассказа ему стукнуло пятьдесят восемь лет. Но его своеобразный нрав, живость ума, огненный взгляд, горячность, которую он вносил во все, чем занимался, делали его идеальным человеком в глазах миссис Эвенджелины Скорбит. К тому же его мозг, тщательно прикрытый гуттаперчивой нашлепкой, был в целости и сохранности, и Мастоу заслуженно считался одним из замечательных математиков своего времени.

А между тем миссис Эвенджелина Скорбит, не увлекаясь математикой (простейшие подсчеты вызывали у нее головную боль), питала склонность к математикам. Она считала их существами высшими, особенными. Подумать только! Иметь голову, в которой разные иксы тарахтят, как орехи в мешке, мозг, забавляющийся алгебраическими знаками, руки, жонглирующие тройными интегралами, как жонглируют стаканами и бутылками руки фокусника, и ум, разбирающийся в формулах вроде

$$\iiint \varphi(xyz) \, dx \, dy \, dz.$$

Каково?

Такие ученые казались ей достойными восхищения, они словно нарочно созданы были для того, чтобы женщину влекло к ним «прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния». И как раз Дж. Т. Мастоу был достаточно толст, чтобы притягивать ее с непреодолимой силой, а что касается расстояния, то оно равнялось бы нулю, если бы они наконец поженились.

Надо признаться, что все это не переставало беспокоить секретаря Пушечного клуба, вовсе не собиравшегося искать счастья в таком тесном союзе. К тому же миссис Эвенджелину Скорбит в сорок пять лет нельзя было назвать особой ни первой, ни даже второй молодости. У нее был большой рот и длинные зубы, которые она ухитрилась сохранить все до единого, прилизанные на висках волосы цвета не раз перекрашенной тряпки, плоский стан и неизящная походка. Короче говоря, по наружности она была типичной старой девой, хотя и состояла когда-то в браке — правда, всего несколько лет. Но, в общем, она была отличная женщина и ничего в жизни так не желала, как появляться в балтиморских гостиных в качестве миссис Мастоу.

Состояние вдовы считалось очень значительным. Правда, она не могла равняться с такими богачами, как разные Гульды, Макеи, Вандербилты и Гордоны Беннетты, с миллиардерами, перед которыми даже Ротшильд кажется нищим. Конечно, у нее не было трехсот миллионов, как у миссис Мозес Карпер, или двухсот миллионов, как у миссис Стюарт, или восьмидесяти миллионов, как у миссис Крокер, — вот это вдовы так вдовы! И не была она так богата, как миссис Хамерслей или миссис Нелли Грин, миссис Мэффит, миссис Маршал, миссис Пара Стивенс, миссис Минчэри и некоторые другие! Но во всяком случае она с полным правом могла присутствовать на памятном празднике на Пятой авеню в Нью-Йорке, куда приглашали только тех, у кого было не меньше пяти миллионов. Миссис Эвенджелина Скорбит как раз и располагала пятью миллионами долларов, оставленными ей покойным мужем Джоном Скорбитом, который нажил свое богатство в двух отраслях торговли сразу: он торговал модным платьем и солониной. И вот это состояние великодушная вдова с радостью принесла бы в дар Дж. Т. Мастоу, которому сверх того досталась бы еще ее неистощимая нежная любовь.

А пока, по просьбе Дж. Т. Мастоу, миссис Эвенджелина Скорбит согласилась вложить несколько сотен тысяч долларов в дело Арктической промышленной компании, не зная даже толком, в чем оно заключается. Правда, она была уверена, что предприятие, в котором участвовал Дж. Мастоу, не могло не быть грандиозным, великолепным и необыкновенным. Вся прошлая жизнь секретаря Пушечного клуба утверждала ее в этом мнении.

Можно себе представить, как укрепилось ее доверие ко всему делу, когда после аукциона она узнала, что правление нового общества возглавляет председатель Пушечного клуба под фирмой «Барбикен и К^о».

А раз в эту «... и К^о» входит сам Дж. Т. Мастоу, то ей следовало только радоваться, что она стала самым крупным акционером Компании.

Таким образом миссис Эвенджелина Скорбит оказалась владелицей весьма значительной части полуночных краев, расположенных за восемьдесят четвертой параллелью. Чего уж лучше! Но как будет она, или, вернее, как будет Компания, извлекать прибыль из своих недостижимых владений?

Вопрос продолжал оставаться вопросом, и если он глубоко беспокоил миссис Эвенджелину Скорбит по денежным соображениям, то весь остальной мир интересовался им из обыкновенного любопытства.

Этой превосходной женщине очень хотелось хоть что-нибудь выведать у Дж. Т. Мастоу, прежде чем доверить свои деньги законам Компании. Но Дж. Т. Мастоу хранил упорное молчание. Миссис Эвенджелине Скорбит предстояло узнать, «где

зарыта собака», лишь позднее, когда весь мир поразило сообщение о целях новой Компании!

Несомненно, думала она, дело идет о каком-нибудь таком предприятии, которое, по выражению Жан-Жака Руссо, «не имело примера и не будет иметь подражателей», о предприятии, которое далеко оставит за собой попытку членов Пушечного клуба установить прямую связь между Землей и ее спутником.

Но если она пробовала расспрашивать, Дж. Т. Мэстон прикладывал свой крючок ко рту в знак необходимости молчать и говорил только:

— Имейте ко мне немножко доверия, дорогая миссис Скорбит!

И если уж она соглашалась ему довериться «до», то какую радость испытала она «после», когда пылкий секретарь сказал, что ей одной следует приписать честь победы Соединенных Штатов над северными странами Европы.

— Не могу ли я узнать наконец, для чего все это делается? — с улыбкой спросила она знаменитого математика.

— Вы скоро все узнаете, — ответил Дж. Т. Мэстон и крепко, по-американски, потряс руку соучастнице их общего дела.

И то, что он крепко пожал ей руку, немедленно успокоило великое волнение миссис Эвенджелины Скорбит.

Несколькими днями позже Старый и Новый Свет чрезвычайно потрясло (а какое потрясение ожидало всех в дальнейшем!) известие о совершенно безумном проекте, для выполнения которого Арктическая промышленная компания открыла подписку на свои акции.

Оказалось, что Компания купила приполярные области с целью эксплуатировать... каменноугольные залежи Северного полюса!

ГЛАВА ПЯТАЯ

А можно ли допустить, что около Северного полюса имеются каменноугольные залежи?

Такой вопрос сразу приходил в голову каждому сколько-нибудь логически мыслящему человеку.

— Откуда они взяли, что около Северного полюса есть каменный уголь? — говорили одни.

— А почему бы ему и не быть там? — возражали другие.

Залежи каменного угля, как известно, встречаются на земном шаре во многих местах. Им щедро наделены различные области Европы. Угольных залежей много в обеих Америках, и, пожалуй, особенно богаты ими Соединенные Штаты. Уголь есть также и в Африке, и в Азии, и в Океании.

Но разведка земных недр идет вперед, и пласты каменного угля открывают во всех геологических слоях: антрацит — в наиболее древних, а бурый уголь разных видов — во всех угленос-

ных пластах. Горючие вещества встречаются и в слоях, насчитывающих всего несколько сотен лет.

Однако ежегодная добыча угля во всем мире равняется четыремстам миллионам тонн (из них Англия одна добывает сто шестьдесят миллионов тонн). А ведь с возрастанием нужд промышленности потребление угля, очевидно, не перестает увеличиваться. Замена пара электричеством в качестве двигательной силы покрывает только расход угля для производства этой силы. Брюхо промышленности живет одним углем, ничего другого оно не принимает. Промышленность — животное «угледное», и его надо хорошо кормить.

Уголь, кроме того, не только топливо, но также и вещество, из которого современная наука умеет извлекать множество побочных продуктов для самого различного употребления. Подвергнув уголь всевозможным изменениям в тиглях лабораторий, его применяют для окрашивания, для подслащивания, для придания аромата, для выпаривания, для очистки разных веществ, для отопления и освещения, даже для украшения — из него можно делать алмазы. Он так же полезен, как железо, — и даже больше.

К счастью, нечего бояться исчерпать запасы железа, — оно входит в самый состав земной коры. Ведь Земля представляет собой железную массу, более или менее расплавленную до огненно-жидкого состояния и прикрытую текучими силикатами, поверх которых уже располагаются каменные породы и океаны. Другие металлы, а также камень и вода, входят в состав нашей планеты в гораздо меньшем количестве, чем железо.

Но если в добыче железа мы можем быть уверены на веки вечные, то с каменным углем дело обстоит не так. И далеко не так. Людям осведомленным, заглядывающим на сотни лет вперед, нужно поэтому разыскивать каменноугольные залежи везде, где только в давние геологические эпохи могла их образовать предусмотрительная природа.

— Неужели? — говорили противники новой Компании.

Ведь в Соединенных Штатах, как и везде, немало людей, которые по зависти и злобе любят поносить все и вся, а немало и таких, которые спорят просто ради одного удовольствия.

— Неужели? — говорили эти люди. — Но откуда около Северного полюса взяться каменному углю?

— Как откуда? — отвечали сторонники Барбикена. — Да ведь весьма вероятно, что в эпоху образования земной коры масса Солнца, согласно теории Бланде, была значительно больше и разница температур экватора и полюсов не была столь велика. И вот задолго до появления человека, под постоянным воздействием жара и влаги, в северных областях земного шара произрастали огромные леса...

Газеты и журналы, державшие сторону Арктической компании, развивали это положение в тысячах различных статей, — как в научной, так и в шутиливой форме.

В самом деле, из-за ужасных сотрясений, происходивших до того, как земной шар принял свой окончательный вид, эти леса оказались глубоко в земле и со временем под влиянием воды и внутреннего жара земли должны были, разумеется, обратиться в пласты каменного угля. Поэтому можно легко предположить, что полярные владения богаты углем, который только и дожидается кирки шахтера.

Кроме того, были и факты, неопровержимые факты. Люди благоразумные, не привыкшие полагаться на простое предположение или вероятность, и то не могли подвергнуть их сомнению. Эти факты вполне оправдывали поиски различных видов угля в полных краях.

Как раз обо всем этом и толковали через несколько дней майор Донеллан и его секретарь, сидя в самом темном уголке кабака «Два друга».

— Неужели Барбикен — чтоб его черт побрал! — окажется прав? — говорил Дин Тудринк.

— Возможно, — отвечал майор Донеллан, — больше того, даже наверное.

— Но тогда они наживут огромные деньги на эксплуатации полярных областей!

— Непременно! — ответил майор. — Раз в Северной Америке имеются обширные залежи горючего и к тому же нередки сообщения об открытии там новых пластов, то, без сомнения, в будущем их обнаружится в этой стране еще не мало, дорогой Тудринк. А ведь арктические земли составляют как бы придаток к американскому матерiku. Полное сходство по устройству и по виду. В частности, таким продолжением Нового Света является Гренландия. Гренландия определенно соединена с Америкой...

— Как лошадиная голова, на которую похожа Гренландия, соединена с туловищем лошади, — вставил секретарь Донеллана.

— Добавлю, — сказал майор, — что во время своих изысканий на гренландской территории профессор Норденшельд встретил осадочные образования, состоявшие из песчаника и сланцев с вкраплением бурого угля, содержащего значительное количество ископаемых растений. В одном только округе Диско датчанин Стенstrup нашел семьдесят один пласт с многочисленными отпечатками растений, бесспорно говорящими о мощной растительности, которая когда-то необыкновенно густо покрывала области вокруг полюсов.

— Ну, а дальше к северу?

— Там наличие угля тоже подтверждается новыми находками, — ответил майор, — и, по-видимому, в тех местах уголь попадает на каждом шагу. Если же уголь так часто встречается в этих краях на поверхности, то разве нельзя утверждать почти с уверенностью, что угольные пласты залегают здесь и в глубине земной коры?

Майор Донеллан несомненно был прав. Он глубоко изучил

вопрос о геологическом строении арктических областей, и именно поэтому победа Компании раздражала его больше, чем других англичан. Может быть, они еще долго говорили бы на эту тему, если бы не заметили, что завсегдатаи кабачка с любопытством прислушиваются к их разговору. Тогда Дин Тудринк и майор сочли за благо умолкнуть. Тудринк сделал только еще одно, последнее замечание:

— Не удивляет ли вас здесь кое-что, майор Донеллан?

— А что именно?

— А то, что в этом предприятии дело касается полюса и каменноугольных залежей, и, значит, следовало бы поставить во главе его инженеров или хотя бы моряков, а им заправляют артиллеристы.

— Да,— ответил майор,— действительно, здесь есть чему подивиться...

А газеты каждое утро снова и снова бросались в бой по поводу угольных залежей.

«Залежи? Какие залежи?» — спрашивала газета «Всякая всячина» в своих яростных статьях, инспирированных деловыми кругами Англии, и раздражалась потоком брани против Арктической промышленной компании.

«Как это «какие»? — выражали им решительные сторонники Барбикена на страницах чарлстонской газеты «Новости». — Да те самые залежи, которые были открыты капитаном Нейрзом в 1875—1876 годах у восьмьдесят второй параллели. Он обнаружил также и наслаения, указывающие на существование там флоры миоцена, богатой тополями, буками, калиной, орешником и хвойными».

«А в 1881—1884 годах,— прибавлял научный обозреватель нью-йоркской газеты «Свидетель», — разве во время экспедиции Грили в бухте Леди Франклин нашими соотечественниками не был найден угольный пласт на небольшом расстоянии от Форт-Конгер, в балке Большого потока? А доктор Пави разве не утверждал с достаточным основанием, что те края вовсе не лишены запасов угля, словно сама предусмотрительная природа предназначила эти залежи для того, чтобы люди когда-нибудь с их помощью одолели холода столь пустынных мест?»

Понятно, что на такие факты, хорошо проверенные и подкрепленные авторитетом отважных американских исследователей, противникам председателя Барбикена отвечать было нечего.

И защитники мнения: «Откуда там взяться угольным залежам?» — начали склонять знамена перед защитниками мнения: «А почему бы им не быть там?» Да, угольные залежи там были и притом очень значительные. Земли вокруг Северного полюса таили пласты драгоценного горючего, скрытого в недрах этих областей, которые были покрыты некогда роскошной растительностью.

Но, потерпев поражение в вопросе об угольных залежах в

сердце Арктики, в существовании которых теперь нельзя было сомневаться, враги в отместку стали нападать на вопрос с другой стороны.

— Будь по-вашему! — сказал однажды Донеллан, сойдясь с Барбикеном лицом к лицу во время публичного спора, устроенного в зале самого Пушечного клуба. — Будь по-вашему!.. Я согласен, даже сам утверждаю: во владениях, приобретенных вашей Компанией, эти залежи существуют. Но попробуйте-ка их разработать!

— Вот это мы как раз и сделаем, — ответил спокойно Импи Барбикен.

— Тогда переходите восемьдесят четвертую параллель, северней которой еще не заходил ни один исследователь!

— Мы ее перейдем.

— Дойдите до самого полюса!

— И дойдем.

Видя, с каким хладнокровием, с какой уверенностью отвечает председатель Пушечного клуба, видя, как упорно и логично он защищает свое мнение, заколебались даже самые упрямые. Они понимали, что перед ними человек, ничего не потерявший из своих прежних свойств, спокойный, холодный, сосредоточенный, человек глубокого ума, точный, как хронометр, предприимчивый, дерзкий и неуклонно стремящийся к практическим целям даже в самых своих отчаянных предприятиях...

Все, знавшие бешеный нрав майора Донеллана, понимали, что почтенный джентльмен испытывает неистовое желание задуть своего противника.

А он держался крепко — этот председатель Барбикен. Ведь он был из тех американцев, которые, по образному выражению Наполеона, обладают моральной и физической «плавучестью», и, значит, не боялся штормовой погоды. Его враги, соперники и завистники прекрасно это знали!

Все же, поскольку насмешникам нельзя воспретить насмешничать, именно в этой форме проявилось раздражение против новой Компании. Председателю Пушечного клуба приписывали самые нелепые проекты. Появились многочисленные карикатуры. Особенно распространены они были в Европе, а больше всего — в Соединенном королевстве, где никак не могли переварить поражения, которое фунт потерял от доллара.

Вот как! Этот янки утверждает, что он достигнет Северного полюса! Он ступит туда, куда не ступала еще нога человека! Он водрузит флаг Соединенных Штатов на единственной точке земного шара, вечно пребывающей в неподвижности, тогда как все остальное на земле участвует в ее суточном движении!

На витринах больших книжных магазинов и ларьков, как в столицах Европы, так и в главных городах Американской федеральной республики — в этой свободнейшей стране, — появились наброски и картинки, изображавшие, как Барбикен изы-

скивает самые необыкновенные средства, чтобы добраться до полюса.

Вот дерзкий американец и его коллеги по клубу, вооружившись кирками, долбят туннель сквозь плотные подводные льды от первых ледяных торосов до девяностого градуса, намереваясь вылезти на поверхность как раз в том месте, где проходит земная ось.

Вот Импи Барбикен в сопровождении Дж. Т. Масто́на (очень похоже изображенного) и капитана Николая спускаются на воздушном шаре к этой желанной точке и ценою ужасных усилий, перенеся тысячи опасностей, наконец добывают кусок угля весом... в полфунта. Это все, что оказалось в прославленных угольных пластах приполярных областей.

В одном номере английского журнала «Пэнч» был нарисован Дж. Т. Масто́н, служивший мишенью карикатуристам не реже своего друга. На этом рисунке секретарь Пушечного клуба, влекомый непреодолимым притяжением магнитного полюса, никак не мог оторвать от земли своего железного крючка.

Знаменитый математик, заметим кстати, был человек слишком горячий, чтобы спокойно принять эту насмешку над своим физическим недостатком. Он чрезвычайно негодовал, и легко себе представить, что миссис Эвенджелина Скорбит вполне разделяла его справедливое негодование.

Карикатура в брюссельском журнале «Волшебный фонарь» изображала Импи Барбикена и членов правления Компании в виде несгораемых саламандр среди бушующего пламени: чтобы растопить льды полярного океана, они решили налить поверх льда спирт и затем подожгли спиртовое море, так что полярный бассейн стал похож на огромную миску с пуншем! Играя на слове «punch», бельгийский художник дошел в своей непочтительности до того, что изобразил председателя Пушечного клуба в образе смешного Петрушки!¹

Но наибольший успех имела карикатура, напечатанная во французском журнале «Шаривари» за подписью художника Стоп. В уютно обставленном чреве кита Импи Барбикен и Дж. Т. Масто́н сидели за столиком и играли в шахматы, ожидая благополучного прибытия. Как новоявленный пророк Иона, председатель Пушечного клуба не задумался дать себя проглотить — вместе со своим секретарем — огромному морскому млекопитающему; пройдя подо льдами при помощи этого нового способа передвижения, они рассчитывали добраться до недостижимого полюса Земли.

Но сколько ни бесновались карандаши и перья, невозмутимый председатель Компании сохранял спокойствие. Пусть говорят, кричат, рисуют, насмеются!.. Он продолжал свое дело.

И вот правление Компании, в чьей полной власти было эксплуатировать полярные владения по праву, полученному от фе-

¹ Петрушка — по-английски Punch.

дерального правительства, вынесло решение открыть общественную подписку на сумму в пятнадцать миллионов долларов. Были выпущены акции, по сто долларов каждая, и притом сразу за наличные. И что же? Вера в Барбикена и К^о была так сильна, что подписчики валом валили. Но, надо признаться, они состояли главным образом из обитателей тридцати восьми штатов Федеральной республики.

— Тем лучше! — восклицали участники Арктической промышленной компании. — Предприятие будет чисто американским!

Короче говоря, репутация Компании Барбикена была так прочна, биржевики настолько не сомневались, что Компания выполнит свои обещания, так твердо верили и в существование угольных залежей у Северного полюса и в возможность их разработки, что к 16 декабря акции были раскуплены и капитал Компании составил наличными пятнадцать миллионов долларов.

Эта сумма почти втрое превышала сумму, собранную Пущечным клубом для великого опыта — отправки снаряда с Земли на Луну.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

*в которой внезапно прерывается телефонный разговор
между миссис Скорбит и Дж. Т. Мастоном*

Слова Барбикена о том, что он достигнет своей цели, не были пустым бахвальством, а теперь и средства, которыми он располагал, давали ему возможность достичь ее беспрепятственно; впрочем, он и не решился бы обратиться к выпуску акций, если бы не был заранее уверен в успехе.

Северному полюсу предстояло сдаться перед отвагой и гением человека.

Барбикен и его правление несомненно обладали средством победить там, где столько других терпели поражения. Они делают то, чего не удавалось совершить ни Франклину, ни Кейну, ни Делонгу, ни Нейрзу, ни Грили, — они перейдут восемьдесят четвертую параллель и вступят во владение обширной частью земного шара, приобретенной на аукционе. Они прибавят к американскому флагу тридцать девятую звезду тридцать девятого штата, присоединяемого к Американской федерации.

— Болтуны! — не переставали повторять европейские делегаты и их единомышленники в Старом Свете.

А между тем средство, при помощи которого предполагалось завоевать Северный полюс, было самым верным, надежным, практическим, разумным средством, неоспоримым и простым, как выдумка ребенка, и это средство предложено было Дж. Т. Мастоном. Именно в его мозгу, где все время бурлили всевозможные идеи, и родился замысел великого географического предприятия и способ привести его к успешному концу.

Не раз уже говорилось, что секретарь Пушечного клуба был автором многочисленных вычислений: мы бы добавили «прославленных», если б обыватели не смешивали это определение со словом «ославленных». Он шутя решал самые сложные задачи из области математических наук. Для него сущим пустяком были любые трудности науки о величинах, то есть алгебры, и науки о числах, то есть арифметики. Надо было видеть, как он орудовал символами для записи алгебраических действий, условными знаками, будь то буквы алфавита, представляющие количества, то есть величины, или значки из параллельных или перекрещивающихся черточек, указывающие на отношения, которые могут быть установлены между величинами, и на действия, которым их подвергают.

Ах, эти коэффициенты, показатели степени, радикалы и прочие знаки, какими располагает алгебраический язык! С какой легкостью они выпархивали из-под пера Масто́на, или, вернее, из-под куска мела, мелькавшего на железном крючке, так как он предпочитал работать у черной доски. Здесь, на пространстве десяти квадратных метров (меньше ему бы не хватило), он с жаром совершал алгебраические вычисления. На доске не было обыкновенных мелких цифр: то были цифры огромные, фантастические, начертанные неистойвой рукою. Цифры 2 и 3 выступали важно, как бумажные петушки; цифра 7 возвышалась, как виселица, — не хватало только повешенного; 8 — круглилась, как большие очки, а 6 и 9 — далеко расчеркивались своими длинными хвостами.

А буквы в его формулах, первые буквы алфавита — *a*, *b*, *c*, которыми он обозначал величины известные или данные, и самые последние буквы — *x*, *y*, *z*, которые применялись у него для величин неизвестных или подлежащих определению, — как ясно и четко они были выписаны! Особенно замечательна была буква *z*; она судорожно извивалась, как молния в небе! А какое изящество в греческих буквах π , λ , ω , им позавидовали бы Архимед и Эвклид!

Чисто и безупречно выведенные мелом знаки действия были просто чудесны: + определенно указывал, что он означает сложение двух количеств; — был скромнее, но выглядел все же вполне прилично; знак \times топорщился, как андреевский крест на морском флаге; в знаке = безукоризненно равные черточки говорили о том, что Дж. Т. Масто́н — гражданин страны, где равенство не является пустым звуком, по крайней мере между белокожими. С тем же размахом и так же внушительно и изящно были начертаны знак $>$, знак $<$ и знак \leq .

Но настоящим его триумфом был знак $\sqrt{}$, который обозначает извлечение корня из числа или из количества. Когда Масто́н заканчивал его длинной горизонтальной чертой, вот так:

$\sqrt{}$

казалось, что это протянутая рука выходит за пределы черной доски и угрожает подчинить весь мир своим безумным уравнениям!

Не подумайте только, что математические познания Масто́на ограничивались пределами элементарной алгебры. Нет! Ни дифференциальное, ни интегральное, ни вариационное исчисления не были ему чужды; твердой рукой выводил он пресловутый знак интегрирования, которым обозначают сумму бесконечного числа бесконечно малых элементов, символ простой и страшный своей простотой:

Был там еще знак Σ , представляющий сумму конечного числа конечных слагаемых, знак ∞ , которым математики определяют бесконечность, и другие таинственные знаки, применяемые в этом удивительном языке, непонятном для простого смертного.

Одним словом, этот высокий ум способен был возноситься до самых верхних пределов высшей математики.

Вот каков был Дж. Т. Масто́н! Вот почему его сотоварищи могли вполне ему довериться, когда он брался за разрешение самых запутанных задач, какие только приходили в голову этим сумасбродам! Вот почему Пушечный клуб доверил ему решение задачи о пуске снаряда на Луну! И, наконец, вот почему миссис Эвэнджели́на Скорбит, опьяненная его славой, испытывала перед ним восхищение, граничащее с любовью!

Впрочем, теперь, для того чтобы разрешить задачу завоевания Северного полюса, Дж. Т. Масто́ну вовсе не нужно было забираться в заоблачные выси математического анализа. Чтобы новые концессионеры арктических владений могли их разработать, секретарю Пушечного клуба надо было решить только некую задачу из области механики: задача была, разумеется, довольно сложна, требовала применения хитроумных и, может быть, совершенно новых формул, но все это было ему нипочем.

Да, Масто́ну можно было довериться даже в деле, где самая малая ошибка могла повести к миллионным убыткам. Никогда, еще с тех пор, как в раннем детстве он стал впервые задумываться над начатками арифметики, Дж. Т. Масто́н не сделал ни единой ошибки. И когда в расчетах приходилось иметь дело с мерами длины, он не ошибался и на тысячную долю микро́на. Если бы он допустил хоть малейшую ошибку, то не колеблясь пустил бы пулю в свой гуттаперчевый череп.

Рассказать о такой замечательной особенности Дж. Т. Масто́на было необходимо. Это сделано. Теперь покажем его в действии, а для этого нам надо вернуться назад.

Приблизительно за месяц до появления в газетах обращения к обитателям всего мира Дж. Т. Масто́ну было поручено сделать

необходимые подсчеты для проекта, выполнение которого, как он уверял своих друзей, сулило самые чудесные последствия.

Дж. Т. Масто́н уже много лет жил в доме № 179 на Франклин-стрит, одной из самых тихих улиц Балтимора, вдали от тех кварталов, где кипела деловая жизнь, в которой он ничего не смыслил, и вдали от ненавистного ему шума толпы.

Не имея других средств, кроме пенсии артиллерийского офицера и оклада, который он получал как секретарь Пушечного клуба, Масто́н занимал скромный домик, известный под названием «Баллистик-коттедж». Он жил один со слугой-негром, которого он звал Пли-Пли — прозвище, достойное слуги артиллериста. Негр был не просто слуга, он сам был из артиллерийской прислуги и смотрел за своим хозяином, как смотрел бы за своей пушкой.

Дж. Т. Масто́н был убежденным холостяком и полагал, что только холостякам и живется сносно в подлунном мире. Он знал славянскую поговорку: «Женщина потянет за один волосок сильней, чем четыре вола в упряжке», и держался осмотрительно. Впрочем, если он и жил так одиноко в Баллистик-коттедже, то лишь по своей доброй воле. Говорили, что ему стоило глазом моргнуть, и его одиночество было бы разделено, а скудные средства сменились бы миллионным богатством. Он ничуть не сомневался, что миссис Эвенджелина Скорбит «почла бы за счастье»... Но сам Дж. Т. Масто́н пока что никак не мог «почесть за счастье»... Похоже было, что два эти существа, бесспорно созданные друг для друга (так, по крайней мере, думала нежная вдова), никогда не решатся соединить свою судьбу.

Домик был совсем скромный, двухэтажный, с верандой на первом этаже. Внизу — маленькая гостиная, столовая и кухня; в пристройке со стороны сада — комнатка для слуги. Наверху — спальня с окнами на улицу и рабочий кабинет с окнами в сад, куда не доходил никакой шум из внешнего мира. *Vuен retiro*¹ для ученого и мудреца; а сколько в этих стенах было произведено вычислений, которым позавидовали бы Ньютон, Лаплас и Коши!

Как не похож был этот домик на особняк миссис Эвенджелины Скорбит в богатом квартале Нью-Парка, построенный то ли в готическом стиле, то ли в стиле Возрождения, с балконами по фасаду, украшенный причудливыми лепными орнаментами в духе англосаксонской архитектуры, с богато обставленными комнатами, великолепным холлом, картинной галереей, в которой преобладали произведения французских художников, с лестницей в два крыла, с многочисленной челядью, с конюшнями, каретными сараями, с садом, где расстилались зеленые лужайки, росли высокие деревья, били фонтаны, и с вздымавшейся над всеми строениями башней, на которой развевался по ветру голубой с золотом флаг династии Скорбитов!

Три мили, по меньшей мере три длинных мили, отделяли

¹ Хорошее убежище (исп.).

особняк в Нью-Парке от Баллистик-коттеджа. Однако оба жилища соединялись особым телефонным проводом. Раздавался звонок, слышался призыв: «Алло! Алло!» — и начинался разговор между особняком и коттеджем. Разговаривающие, правда, не могли видеть друг друга, но зато прекрасно друг друга слышали. Разумеется, миссис Эвенджелина Скорбит вызывала Масто́на к телефону чаще, чем он ее. Ученый с некоторой досадой отрывался от своей работы, выслушивал дружеское приветствие, отвечал на него ворчанием — надо надеяться, что не слишком любезный тон смягчался в проводе электрическим током, — и возвращался к своим выкладкам.

Третьего октября после заключительного и довольно длинного совещания в клубе Дж. Т. Масто́н распрощался со своими друзьями и отправился работать. Ему поручалось важное дело: предстояло произвести все технические расчеты, нужные для того, чтобы добраться до полюса и начать разработки залегающих подо льдами угольных пластов.

Дж. Т. Масто́н предполагал за неделю кончить эту таинственную работу — действительно очень сложную и тонкую, требующую решения различных уравнений из области механики, аналитической геометрии трех измерений, полярной геометрии и тригонометрии.

Чтобы избежать всякой помехи в этих трудах, было решено, что секретарь Пушечного клуба уединится в своем коттедже, где его никто не будет тревожить. Это было великим огорчением для миссис Эвенджелины Скорбит, но ей пришлось смириться. И она вместе с Барбикеном, капитаном Нико́лем и их сотоварищами — непоседливым Билсби, полковником Блумсбери и Томом Хэнтером на деревянных ногах — пришла в Баллистик-коттедж, чтобы провести последний вечер с Масто́ном.

— Желаю успеха, дорогой Масто́н! — сказала она перед уходом.

— И смотрите, не наделайте ошибок, — добавил, улыбаясь, Барбикен.

— Ошибок?.. Он?! — воскликнула миссис Эвенджелина Скорбит.

— Не больше, чем наделал ошибок господь бог, создавая законы небесной механики! — скромно ответил секретарь Пушечного клуба.

Затем друзья пожали ему руку, миссис Скорбит вздохнула, еще раз пожелала успеха, посоветовала не утруждать себя чрезмерной работой, и все распрощались с математиком. Дверь Баллистик-коттеджа закрылась, и Пли-Пли получил приказание не пускать никого, даже если б явился сам президент Американских Соединенных Штатов.

Первые два дня своего затворничества Дж. Т. Масто́н обдумывал поставленную перед ним задачу и не брал в руки мела. Он просмотрел некоторые сочинения, относящиеся к Земле, ее массе,

плотности, объему, форме, вращению вокруг оси и движению по орбите,— все это должно было лечь в основу его вычислений. Вот главные из данных, которые надо напомнить читателю.

Форма Земли: эллипсоид вращения, большая полуось которого равна 6 377 398 метрам, а малая — 6 356 080 метрам. Таким образом, разница полуосей вследствие сплюснутости эллипсоида равняется 21 318 метрам.

Окружность Земли по экватору составляет 40 000 километров.

Поверхность Земли равна приблизительно 510 миллионам квадратных километров.

Объем — около 1000 миллиардов кубических километров.

Плотность Земли приблизительно в пять раз больше плотности воды.

Обращения Земли вокруг Солнца совершаются за 365 суток с четвертью, что составляет сидерический (астрономический) год, или, точнее, 365 суток 6 часов 9 минут 10 секунд. Скорость движения Земли по орбите — 30 400 метров в секунду.

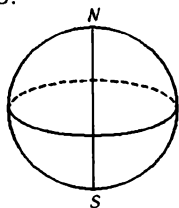
Каждая точка земной поверхности на экваторе при обращении Земли вокруг оси пробегает 463 метра в секунду.

За единицы длины, силы, времени и угла Мэстон принял метр, килограмм, секунду и центральный угол, соответствующий дуге круга, равной радиусу.

Пятого октября, около пяти часов пополудни (точность необходима, когда дело идет о таких важных вещах), Дж. Т. Мэстон после глубоких размышлений приступил к выкладкам. Он начал с самого главного в своей задаче — с числа, выражающего окружность Земли, длину ее большого круга, то есть экватора.

В углу кабинета стояла большая черная доска на дубовой навошенной подставке; свет падал на нее из большого окна, выходившего в сад. Внизу доски на планке лежало рядом несколько мелков. Слева была приготовлена губка, вытирать доску,— это будет делать левая рука. Правой рукой, или, вернее, крючком, ученый будет выписывать формулы и цифры.

Для начала Дж. Т. Мэстон начертил правильный круг — им изображалась окружность земного шара. Чтобы сферичность фигуры выступала рельефнее, лицевая, видимая, линия экватора была обозначена непрерывной линией, а заслоненная, невидимая,— пунктиром. Земная ось, начинаясь у полюсов, шла в виде перпендикуляра к плоскости экватора и на концах обозначена была буквами N и S.

Затем в правом углу доски было написано число, представляющее в метрах окружность Земли.

40 000 000.

Покончив с этим, Мастон собрался приступить к ряду вычислений. Погруженный в свои мысли, он не замечал состояния неба, в котором с полудня произошли значительные перемены. Уже с час как собиралась гроза, так сильно действующая на все живое. По темному небу над городом плыли свинцовые тучи с рваными беловатыми краями. Порой в поднебесье разносились еще далекие раскаты грома, гулко отзвывавшиеся в пустотах Земли. Электрическое напряжение в атмосфере было чрезвычайно сильно, и раза два молнии уже прорезали воздух.

Дж. Т. Мастон, поглощенный своим делом, ничего не видел и не слышал.

Вдруг тишина кабинета была нарушена торопливым позвониванием телефонного звонка.

— Ну вот! — воскликнул Дж. Т. Мастон. — Что за назойливые люди: нельзя в дверь, они врываются по телефонному проводу! Прекрасное изобретение для людей, которые хотят, чтобы их оставили в покое! Надо устроить так, чтобы на все время моей работы выключили ток.

И, подойдя к аппарату, он проговорил:

— Что надо?

— Поговорить с вами, — ответил женский голос.

— Кто говорит?

— Разве вы меня не узнали, дорогой мистер Мастон? Это я — миссис Скорбит!

— Миссис Скорбит!.. Она не даст мне минуты покоя!

Но эти последние слова — не очень приятные для милейшей женщины — он предусмотрительно пробормотал в сторону, чтобы аппарат не передал их.

Затем Дж. Т. Мастон, понимая, что ему следует сказать в ответ хоть одну вежливую фразу, произнес:

— А, это вы, миссис Скорбит?

— Я, я, дорогой мистер Мастон!

— Что угодно, миссис Скорбит?

— Я хочу вас предупредить, что вот-вот разразится ужасная гроза.

— Ну, я никак не могу этому помешать...

— Да нет, я хотела спросить, позаботились ли вы закрыть окна...

Едва успела миссис Эвенджелина Скорбит договорить эти слова, как в небе раздался страшнейший удар грома: казалось, там раздирали огромный, невероятно длинный кусок шелка. Молния упала рядом с коттеджем, и электрический разряд, пробежав по телефонному проводу, с совершенно электрической внезапностью ворвался в кабинет ученого.

Дж. Т. Масто́н, склоненный над аппаратом, получил такую сильную электрическую оплеуху, какая никогда еще не доставалась щеке ученого. Пройдя через его железный крючок, молния швырнула Масто́на оземь, как щепку. Падая, он опрокинул доску, и она отлетела в угол комнаты. После всего этого молния вышла через незаметную щелку в окне и по водопроводной трубе ушла в землю.

Ошеломленный — и было от чего! — Дж. Т. Масто́н поднялся, ощупал себя и убедился, что он цел и невредим. Затем, как и подобало старому артиллеристу — наводчику «Колумбиады», ничуть не утратив своего хладнокровия, он расставил все в кабинете по местам. поднял подставку, водрузил на нее черную доску, подобрал куски мела, разлетевшиеся по ковру, и обратился к работе, так внезапно и грубо прерванной.

Но тут он заметил, что при падении доски написанное на ней справа число, выражающее в метрах окружность Земли по экватору, почти стерлось. Он стал его писать заново, как вдруг снова раздался тревожный телефонный звонок.

— Опять! — вскричал Масто́н и пошел к аппарату. — Кто это? — спросил он.

— Миссис Скорбит.

— Что угодно, миссис Скорбит?

— Не ударила ли эта страшная молния в Баллистик-коттедж?

— Имею все основания полагать, что ударила!

— Ах, боже мой!.. Такая молния...

— Успокойтесь, миссис Скорбит!

— С вами ничего не случилось, дорогой мистер Масто́н?

— Ничего.

— Молния действительно не тронула вас?

— Меня тронула только ваша дружба, миссис Скорбит, — догадался любезно ответить Дж. Т. Масто́н.

— До свидания, дорогой Масто́н!

— До свидания, дорогая миссис Скорбит! — И прибавил, возвращаясь на свое место: — Черт бы побрал эту прелестную женщину; из-за ее дурацкого звонка меня чуть не убило молнией!

Но эта помеха была последней. Никто больше не тревожил Дж. Т. Масто́на в его работе. Впрочем, чтобы обеспечить себе спокойствие, необходимое для его занятий, он решил совсем выключить телефонный аппарат и отсоединил электрический провод.

Положив в основу число, только что им написанное, он вывел различные формулы, получил наконец основную формулу и поместил ее в левом углу доски, предварительно стерев все числа, из которых он ее выводил.

Затем он погрузился в бесконечные ряды алгебраических знаков...

И вот неделю спустя, 11 октября, великолепные расчеты по механике были закончены, и секретарь Пушечного клуба торжественно представил решение задачи своим коллегам, ожидавшим его с весьма понятным нетерпением.

Практический способ достигнуть Северного полюса, чтобы разработать каменноугольные залежи, был математически доказан. И тогда-то было основано общество под названием «Арктическая промышленная компания», которой вашингтонское правительство предоставляло концессию на арктические владения, в случае если на аукционе Компания приобретет их в собственность.

Читателям уже известно, как после аукциона, на котором победили Американские Соединенные Штаты, новая Компания обратилась за сбором средств к капиталистам Нового и Старого Света.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

*в которой Барбикен говорит только то,
что считает нужным сказать*

Двадцать второго декабря акционеры «Барбикена и К^о» были приглашены на общее собрание. Нечего и говорить, что местом собрания были залы Пушечного клуба, в особняке на Юнион-сквере. По правде говоря, даже самый сквер едва вместил бы густую толпу собравшихся акционеров. Но нельзя же было устраивать собрание на одной из площадей Балтимора, на открытом воздухе, когда ртутный столбик показывал десять градусов ниже точки замерзания.

Обширный зал Пушечного клуба — читатели его, вероятно, не забыли — обычно был уставлен всевозможными орудиями, имеющими отношение к благородной профессии членов клуба. Это был настоящий артиллерийский музей. Даже стулья и столы, кресла и диваны напоминали своей причудливой формой смертоносные орудия, переправившие в лучший мир немало порядочных людей, затаенной мечтой которых было умереть своей смертью.

Но в тот день из зала пришлось убрать все лишние вещи: Импи Барбикен вел на этот раз собрание, посвященное отнюдь не воинственным, а мирным, промышленным целям. Для многочисленных акционеров, съехавшихся со всех концов Соединенных Штатов, освободилось немало места. Но все-таки и в большом зале и в других, к нему примыкающих, была теснота, давка, а длинная очередь ко входу тянулась до середины Юнион-сквера.

Первые места, разумеется, занимали члены Пушечного клуба, первыми подписавшиеся на акции новой Компании. Издали можно было различить торжествующие лица полковника Блумсбери, Тома Хэнтера с деревянными ногами и непоседливого Билсби. Для миссис Эвенджелины Скорбит заранее приготовили

удобное кресло; внеся за арктическую недвижимость больше других, она по праву могла восседать рядом с самым председателем Барбикеном. В шумной толпе, теснившейся в зале со стеклянным потолком, виднелось изрядное количество женщин всех сословий, в нарядных шляпках с пестрыми цветами, экстравагантными перьями и разноцветными лентами.

Огромное большинство акционеров, явившихся на это собрание, в сущности, были не только сторонниками, но и личными друзьями Барбикена и других заправил Компании.

Правда, занимая специально отведенные им места, на собрании присутствовали и европейские делегаты — швед, датчанин, голландец, англичанин и русский. Они явились сюда, так как каждый из них подписался на известное количество акций и получил право решающего голоса. Выказав полное единодушие, когда дело шло о покупке арктической области, они теперь не менее единодушно собирались издеваться над теми, кому удалось купить ее. Легко представить, какое жгучее любопытство вызывала в них предстоящая речь Барбикена. Уж, наверное, его речь прольет свет на то, каким способом надеется он проникнуть к Северному полюсу. А ведь проникнуть туда — еще трудней, чем разрабатывать на полюсе угольные месторождения! Если найдется в его речи к чему придраться, Эрик Бальденак, Борис Карков, Якоб Янсен и Ян Харальд не задумаются попросить слова. А майор Донеллан, по подсказке Дина Тудринка, намеревался опровергать все доводы своего соперника.

Было восемь часов вечера. Свет электрических ламп заливал зал, гостиные и площадку перед домом Пушечного клуба. С того мгновения, как публика, осаждавшая двери, ворвалась внутрь, в доме стоял непрерывный гул разговоров. Но все смолкло, как только было объявлено, что члены правления прибыли.

На задрапированных подмостках, за ярко освещенным столом, покрытым темным сукном, появились председатель Барбикен, секретарь Дж. Т. Мастон, их друг капитан Николь. В зале раздалось трехкратное «ура», подкрепленное криками: «Гип! Гип!» По соседним улицам прокатились приветствия.

Дж. Т. Мастон и капитан Николь торжественно, в сиянии своей славы, заняли места за столом.

Председатель Барбикен, оставшийся стоять, сунул левую руку в карман, а правую заложил за вырез жилета и так начал свою речь:

— Владельцы и владелицы акций! Правление Арктической промышленной компании пригласило вас в залы Пушечного клуба, чтобы сделать важное сообщение.

Вы уже знаете из газет, что наша Компания поставила своей целью разработку угольных залежей в арктических областях, концессию на которые нам предоставило федеральное правительство. Эти владения, приобретенные с публичных торгов, являются вкладом собственников в то дело, о котором идет речь.

Средства, поступившие в их распоряжение в результате подписки, закрытой одиннадцатого декабря, позволяют организовать предприятие, которое сулит нам прибыли, еще не бывалые ни в торговле, ни в промышленности.

Здесь речь оратора была прервана одобрительными возгласами.

— Вам небезызвестно,— продолжал председатель,— что привело нас к уверенности в существовании около полюса богатых каменноугольных пластов. Возможно, что околополярные области богаты также и бивнями ископаемых мамонтов. Данные, приводимые в мировой прессе, не позволяют сомневаться в наличии полярных угольных месторождений.

А ведь каменный уголь есть основа всей современной промышленности. Не говоря уже об использовании угля или кокса в качестве топлива и его роли в производстве пара и электричества, можно указать, что из него получают самые разнообразные продукты, например, краски — краповую, индиго, фуксин, кармин; ароматические вещества, заменяющие ваниль и горький миндаль, таволгу, гвоздику, винтер-грин, анис, камфору, тимол и гелиотроп; а также и пикраты, салициловую кислоту, нафтол, фенол, антипирин, бензин, нафталин, гидрохинон, таннин, сахарин, асфальт, деготь, смазочные масла, лаки, цианистые соединения, горечи и так далее.

Окончив эти перечисления, председатель перевел дыхание, как запыхавшийся бегун. Затем, набрав побольше воздуха, продолжал:

— Совершенно очевидно, что из-за чрезмерного расхода каменного угля месторождения, хранящие это драгоценнейшее вещество, будут исчерпаны в довольно короткий срок. Не пройдет и пятисот лет, как эксплуатируемые в настоящее время залежи будут опустошены...

— Даже трехсот! — крикнул кто-то из присутствующих.

— Двухсот! — закричал другой.

— Скажем: в более или менее близком будущем,— продолжал председатель Барбикен,— и постараемся открыть новые места добычи, как если бы уголь должен был истощиться уже к концу девятнадцатого века.

Здесь он сделал остановку, чтобы сильнее возбудить внимание слушателей, и затем объявил:

— А посему, акционеры и акционерши, собирайтесь! Вперед, за мной, к Северному полюсу!

Все в самом деле стали подниматься, готовые схватиться за чемоданы, как будто председатель Барбикен уже показывал им корабль, отходящий в арктические области.

Однако едкое замечание, сделанное пронзительным голосом майора Донеллана, сразу остановило этот первый порыв — порыв столь же пылкий, сколь и безрассудный.

— Но прежде чем отчаливать,— спросил он,— я хочу уз-

нать, как нам попасть на полюс? Вы предполагаете ехать морем?

— Ни морем, ни сушей, ни по воздуху,— спокойно ответил председатель Барбикен.

И слушатели уселись, охваченные вполне понятным любопытством.

— Вам, конечно, известно,— заговорил оратор,— какие попытки предпринимались с целью добраться до этой недостижимой точки земного шара. Все-таки мне придется вкратце напомнить о них. Этим мы только воздадим должное отважным пионерам, и тем, кто остался в живых, и тем, кто погиб, не вынеся сверхчеловеческих трудностей путешествия.

По рядам слушателей, независимо от их национальности, пронесся гул единодушного одобрения.

— В тысяча восемьсот сорок пятом году,— заговорил председатель Барбикен,— англичанин сэр Джон Франклин отправляется в свое третье путешествие с намерением достичь полюса. Экспедиция, в составе кораблей «Эребус» и «Террор», углубилась далеко в северные края, но больше о ней не было вестей.

В тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году американец Кейн и с ним лейтенант Мортон пускаются на поиски Джона Франклина. Правда, они возвратились живыми из этой экспедиции, но их корабль погиб.

В тысяча восемьсот пятьдесят девятом году англичанин Мак-Клинток находит документ, из которого явствует, что никого из отпльвающих на «Эребусе» и «Терроре» больше нет в живых.

В тысяча восемьсот шестидесятом году американец Хэйс покидает Бостон на шхуне «Соединенные Штаты», переходит восемьдесят четвертую параллель и в тысяча восемьсот шестьдесят втором году возвращается, не будучи в состоянии пройти дальше к северу, несмотря на героические усилия, проявленные им и его спутниками.

В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году капитаны Колдервей и Хегеман, оба немцы, отплывают из Бремерхафена на «Ганзе» и «Германии». «Ганза», раздавленная льдами, затонула немного ниже семьдесят первого градуса северной широты, а экипаж спасся благодаря шлюпкам, на которых моряки добрались до гренландских берегов. «Германии» повезло больше, но она вернулась в Бремерхафен, не дойдя даже до семьдесят седьмой параллели.

В тысяча восемьсот семьдесят первом году капитан Холл отплыл из Нью-Йорка на пароходе «Полярис». Через четыре месяца, во время трудной зимовки, этот храбрый моряк пал жертвой перенесенных лишений. Годом позже «Полярис», увлеченный айсбергами, потерпел крушение среди дрейфующих льдин, не перейдя восемьдесят второго градуса северной широты. С борта корабля сошли восемнадцать человек под начальством лейтенанта Тайзона; отдавшись на волю арктических течений, они на

льдине достигли материка; тринадцать человек с «Поляриса» так и не были найдены.

В тысяча восемьсот семьдесят пятом году англичанин Нейрз покидает Портсмут с кораблями «Бдительный» и «Находка». Во время этой прославленной экспедиции экипажи кораблей расположились на зимовье между восьмьдесят второй и восьмьдесят третьей параллелями. Капитан Маркэм, продвигаясь к северу, остановился, не дойдя всего четырехсот миль до полюса. Так далеко не заходил еще никто.

В тысяча восемьсот семьдесят девятом году наш великий соотечественник Гордон Беннет...

При словах «великий соотечественник», относившихся к владельцу газеты «Нью-Йорк геральд», собрание разразилось трехкратным громовым «ура».

— ...снарядил «Жанетту» и доверил ее командиру Делонгу, происходившему из французской семьи. «Жанетта» отплывает из Сан-Франциско с тридцатью тремя моряками и проходит по Берингову проливу; затертый льдами на широте острова Геральда, корабль затонул около острова Беннета, почти у семьдесят седьмой параллели. Единственной возможностью спасения для моряков было направиться к югу на шлюпках, уцелевших при крушении, или идти по ледяным полям. Бедствия их преследуют. Делонг умирает в октябре, многие из его спутников погибают подобно ему, и только двенадцать человек возвратились из этой экспедиции.

Наконец в тысяча восемьсот восемьдесят первом году американец Грили отплывает на пароходе «Протеус» из порта Сент-Джонс в Ньюфаундленде; его цель — устройство постоянного лагеря в бухте Леди Франклин на Земле Гранта, немного южнее восьмьдесят второй параллели. Там основывается Форт-Конгер. Оттуда смелые зимовщики исследуют западную и северные стороны бухты. В мае тысяча восемьсот восемьдесят второго года лейтенант Локвуд и его спутник Брэнард добираются до восьмидесяти трех градусов тридцати пяти минут северной широты, пройдя на несколько миль дальше капитана Маркэма.

Севернее не заходил никто и по сей день. Это Ultima Thule¹ околополярной картографии.

В честь американских исследователей снова раздалось «ура», перебиваемое криками: «Гип, гип!»

— Но,— продолжал председатель Барбикен,— кампания окончилась печально: «Протеус» затонул. Двадцать четыре моряка были обречены на ужасные бедствия. Француза доктора Пави и еще многих постигла смерть. Грили, спасенный в тысяча восемьсот восемьдесят третьем году кораблем «Фетида», привез

¹ Дальняя Фула (лат.) — древнее название одного из островов Северной Европы, по-видимому Ирландии. В представлении древних римлян — северный предел земли.

обратно только шестерых своих товарищей. Один из героев-разведчиков, лейтенант Локвуд, тоже погиб, прибавив свое имя к печальному списку погибших в этих краях.

На этот раз слова председателя Барбикена были отмечены почтительным молчанием всего собрания, разделявшего его вполне естественное волнение.

Затем он продолжал дрогнувшим голосом:

— Итак, несмотря на проявленные мужество и терпение, все-мьдесят четвертая параллель так и не была пройдена. Скажу больше: этого нельзя сделать способами, испробованными до сих пор, то есть продвигаясь на кораблях до торосов, а дальше через ледяные поля на санях. Человеку не по силам такие опасности и такие холода¹. Для завоевания Северного полюса надо избрать другой способ.

Трепет охватил слушателей: оратор, казалось, приближался к самой сущности своей речи, к тайне, раскрытия которой так жадно ожидали все.

— А как вы туда проберетесь? — задал вопрос английский делегат.

— Вы сейчас это узнаете, майор Донеллан, — ответил председатель Барбикен. — А всем нашим акционерам я скажу: вы можете вполне довериться нам, ибо учредители предприятия — это те самые люди, которые осмелились пуститься в цилиндро-коническом...

— ...цилиндро-комическом! — выкрикнул Дин Тудринк.

— ...снаряде на Луну...

— И, видно, вернулись обратно ни с чем! — добавил секретарь майора Донеллана, своими неприличными замечаниями вызывая всеобщее яростное возмущение.

Но председатель Барбикен только пожал плечами и твердо заявил:

— Да, акционеры и акционерши, не пройдет и десяти минут, как вы будете знать, что вам делать.

Это заявление было встречено хором восклицаний, словно оратор сказал собравшимся: «Не пройдет и десяти минут, как вы будете у полюса!»

Барбикен продолжал:

— Прежде всего: является ли этот арктический колпачок материком? Может быть, это просто море и капитан Нейрз справедливо называл его палеокристическим морем, то есть морем древних льдов? На такой вопрос я отвечаю: мы этого не думаем.

— Ответ неудовлетворительный, — вскричал Эрик Баль-

¹ Перечисляя путешественников, пытавшихся добраться до Северного полюса, Барбикен не назвал имени капитана Гаттераса, водрузившего свой флаг на 90°. В этом нет ничего удивительного, так как вышеупомянутый капитан является, вероятно, вымышленным героем. См. «Путешествия и приключения капитана Гаттераса». (Примеч. авт.)

денак.— Тут нельзя говорить «не думаем», тут надо знать на-верное.

— Ну что ж? Мы знаем наверное, отвечу я моему вспылчивому оппоненту. Да, Арктическая промышленная компания приобрела кусок твердой земли, а не водный бассейн! Теперь эта земля принадлежит Соединенным Штатам, и никакие европейские государства не смеют заявлять на нее никаких прав.

Ропот на скамьях представителей Старого Света.

— Вот как! Просто лужа! Лоханка с водой, которой нам, однако, не опорожнить,— снова воскликнул Дин Тудринк.

Коллеги тотчас бурно поддержали его.

— О нет,— горячо перебил Барбилен.— Там есть материк, плоскогорье, которое поднимается, подобно пустыне Гоби в Центральной Азии, на три-четыре километра над уровнем моря. И это легко и убедительно доказывается данными, взятыми из наблюдений над прилегающими землями, простым продолжением которых являются полярные области. Так, во время своих шест-вяти Норденшельд, Пири и Маагард установили, что Гренландия по направлению к северу все поднимается. В ста шестидесяти километрах от острова Диско ее высота равна уже двум тысячам тремстам метрам. Учитывая эти наблюдения, а также разные животные и растительные остатки, встречающиеся в недрах вечных льдов, как, например, скелеты мастодонтов, бивни и зубы мамонтов, стволы хвойных деревьев, можно с уверенностью утверждать, что этот материк, когда-то покрытый плодородной почвой, был населен животными, а может быть, даже и людьми. Густые леса доисторической эпохи, погребенные в недрах земли, образовали пласты каменного угля, которые мы сумеем разработать! Да! Вокруг полюса расстилается материк, материк, на который не ступала нога человека и на котором будет развеиваться флаг Соединенных Штатов!

Гром аплодисментов.

Когда в отдаленных улицах квартала стихли последние отзвуки рукоплесканий, послышался резкий, лающий голос майора Донеллана.

— Прошло уже семь минут из тех десяти,— говорил он,— которые требуются нам, чтобы добраться до полюса.

— Мы и будем там через три минуты,— хладнокровно возразил председатель Барбилен и продолжал: — Но если наша новая недвижимость состоит из суши и если эта суша приподнята над морем, как мы имеем право думать, путь к ней все-таки покрыт льдами, заперт айсбергами и ледяными полями. Эксплуатировать наш материк при таких условиях будет трудно...

— Невозможно! — сказал Ян Харальд, подкрепляя свои слова взмахом руки.

— Невозможно, я согласен,— ответил Импи Барбилен.— Вот мы и стараемся победить эту невозможность. Нам не понадобятся ни корабли, ни сани для того, чтобы добраться до полю-

са; благодаря нашему способу льды — древние и новые — растают, как по волшебству, и притом это не будет нам стоить ни труда, ни денег!

Тут оратор сделал паузу. Слушатели замерли.

Дин Тудринк сразу же стал нашептывать Якобу Янсену, что, мол, дело доходит до «вздорологии», как он изящно выразился.

— Архимеду, — продолжал председатель, — нужна была точка опоры, чтобы перевернуть мир. Мы ее нашли, эту точку опоры. Великому сиракузскому геометру не хватало также рычага, и этим рычагом мы владеем. Следовательно, мы в состоянии переместить полюс...

— Переместить полюс! — вскричал Эрик Бальденак.

— Перетащить его в Америку? — вскричал Ян Харальд.

Председатель Барбикен явно не хотел говорить яснее и потому только сказал:

— А точка опоры...

— Молчите! Молчите! — завопил кто-то из присутствующих.

— А рычаг...

— Не выдавайте тайны! Не выдавайте тайны! — послышалось со всех сторон.

— Хорошо, мы ее не выдадим! — ответил председатель Барбикен.

Можно себе представить, как раздосадованы были представители европейских государств! Но, несмотря на их требования, оратор не пожелал ничего сообщить о своих действиях. Он только прибавил:

— Что касается работ (работ беспримерных в анналах промышленности), которые мы собираемся предпринять и благодаря вашим средствам надеемся довести до благополучного конца, то я доложу вам о них сейчас же.

— Слушайте! Слушайте!

Еще бы не слушать!

— Прежде всего скажу, что замысел нашего предприятия принадлежит одному из наших ученийших, преданнейших и знаменитейших коллег. Ему также обязаны мы вычислениями и расчетами, которые позволят осуществить этот замысел, так как, хотя разработка арктических угольных месторождений и является пустячной задачей, перемещение полюса есть задача, которую может разрешить только высшая механика. Вот почему мы и обратились с этим к уважаемому секретарю Пушечного клуба Дж. Т. Мастону.

— У-р-р-а! Гип, гип, гип! Ура Дж. Т. Мастону! — закричали все собравшиеся, возбужденные присутствием столь выдающегося, необыкновенного человека.

Ах, как миссис Скорбит была потрясена овациями в честь знаменитого математика, как сладостно билось ее сердце!

Сам он ограничился легким кивком головы сначала вправо,

потом влево и, подняв вверх свой крючок, приветствовал взволнованное собрание.

— Еще в тот день, дорогие акционеры и акционерши,— продолжал председатель Барбикен,— когда мы собрались здесь, чтобы отпраздновать прибытие в Америку Мишеля Ардана, за несколько месяцев до нашего отъезда на Луну...

Неугомонный янки говорил о путешествии на Луну, как о простой поездке из Балтимора в Нью-Йорк!

— ...Дж. Т. Мэстон предложил нам: «Изобретем необходимые орудия, найдем точку опоры и повернем земную ось!» Так знаете же все, кто меня слушает! Орудия изобретены, точка опоры найдена, и теперь мы приложим все наши усилия к тому, чтобы повернуть земную ось!

На несколько мгновений воцарилась гробовая тишина. Все оцепенели. Чувства слушателей можно было бы верно передать грубоватым выражением: «Вот это здорово!»

— Как! Вы собираетесь повернуть земную ось? — вскричал майор Донеллан.

— Именно так,— ответил председатель Барбикен.— Точнее, у нас есть способ создать новую ось, вокруг которой отныне будет совершаться суточное вращение Земли...

— Изменить суточное вращение! — повторил полковник Карков, и глаза его загорелись.

— Совершенно изменить, притом нисколько не нарушая его продолжительности! — ответил председатель Барбикен.— Эта операция перенесет полюс к шестьдесят седьмой параллели, то есть поставит Землю в положение Юпитера, ось которого почти перпендикулярна плоскости его орбиты. А такое перемещение на двадцать три градуса и двадцать восемь минут позволит нашей полярной недвижимости получать тепло в количестве, достаточном для того, чтобы растопить льды, накопившиеся там за многие тысячи лет.

Слушатели затаили дыхание. Никто не хотел перебивать оратора даже рукоплесканиями. Всех захватила эта остроумная и вместе с тем простая мысль — переместить ось, вокруг которой движется земной шар.

Что касается европейских делегатов, то, ошеломленные, оглушенные и уничтоженные, они сидели молча, пребывая в крайнем изумлении.

Но какая буря аплодисментов разразилась, когда председатель Барбикен закончил свою речь таким великолепным по своей простоте заключением:

— Стало быть, солнце само растопит айсберги и ледяные торосы и облегчит нам доступ к полюсу!

— Значит,— спросил майор Донеллан,— раз человек не может подойти к полюсу, то полюс подойдет к человеку?

— Именно так,— ответил председатель Барбикен.

*Что же означали слова председателя Барбикена:
«поставить Землю в положение Юпитера»?*

Да, Юпитера!

Когда на достопамятном собрании в честь Мишеля Ардана (собрании, о котором оратор весьма кстати напомнил) Дж. Т. Масто́н пылко вскричал: «Переместим земную ось!», то поводом для такого предложения была речь отважного француза. Спутник председателя Барбикена и капитана Николя, один из героев путешествия «С Земли на Луну», произнес настоящий дифирамб в честь самой значительной из планет солнечной системы. В своем пышном панегирике он не забыл превознести особые преимущества Юпитера; их мы вкратце перескажем читателям.

Итак, вычисления секретаря Пушечного клуба давали возможность старую ось, на которой Земля вертится испокон веков, заменить новой. Более того, эта новая ось вращения будет перпендикулярна плоскости орбиты движения Земли вокруг Солнца. Тогда климат прежнего Северного полюса совершенно уподобится климату Тронхейма в Норвегии в весеннюю пору, и броня древних льдов самым естественным образом растает под лучами солнца. В то же время распределение климатических поясов будет то же, что и на Юпитере.

В самом деле, наклон оси у этой планеты, или, другими словами, угол, который ось вращения составляет с плоскостью его эклиптики, равняется $88^{\circ} 13'$. Если добавить еще $1^{\circ} 47'$, то ось Юпитера стала бы совершенно перпендикулярна плоскости орбиты, которую эта планета описывает вокруг Солнца.

Впрочем, следует заметить, что попытка, которую Компания Барбикена собиралась произвести для изменения настоящего положения Земли, собственно говоря, клонилась не к тому, чтобы выпрямить ее ось. Никакая механическая сила, как бы значительна она ни была, не может этого сделать. Земля — не курица на вертеле, которая крутится на твердой оси и которую можно взять в руки и по желанию насадить на вертел другим манером. Но все же создание новой оси стало бы возможным — следовало бы сказать, стало бы легким, — если бы точка опоры, о которой мечтал Архимед, и рычаг, который мерещился Дж. Т. Масто́ну, были в распоряжении дерзких инженеров.

Но раз они, казалось, решили держать свое изобретение в тайне, приходилось пока ограничиваться изучением следствий будущего перемещения.

Этим прежде всего и занялись газеты и журналы, напоминая в своих статьях ученым и сообщая невеждам, что делается на Юпитере из-за почти перпендикулярного положения его оси относительно плоскости орбиты.

Юпитер вместе с Меркурием, Венерой, Землей, Марсом, Сатурном, Ураном и Нептуном входит в состав солнечной системы;

его путь пролегает на расстоянии свыше восьмисот миллионов километров от Солнца, их общего фокуса; объем Юпитера в тысячу триста раз больше объема Земли.

Если на поверхности Юпитера имеется что-нибудь живое, если там имеются обитатели, то вот какие преимущества представляет для них жизнь на указанной планете, — преимущества, о которых так много и горячо говорилось на собрании, предшествовавшем полету на Луну.

Прежде всего при суточном вращении Юпитера, которое длится только 9 часов 55 минут, дни на любой широте постоянно равны ночам: 4 часа 57 минут длится день, 4 часа 57 минут — ночь.

— Ну что ж, — говорили верившие в существование «юпитерцев», — это подходит людям — сторонникам размеренного образа жизни. Они будут охотно подчиняться такому правильному распорядку!

То же самое происходило бы на Земле, если бы Барбикену удалось осуществить свой замысел. Но так как скорость вращения вокруг оси не увеличилась бы и не уменьшилась, то ночи и дни были бы равны точно двенадцати часам на любой точке земного шара. Пришлось бы постоянно жить при равноденствии, которое случается 21 марта и 21 сентября¹ на всех широтах земного шара, когда лучезарное светило движется по кривой, расположенной в плоскости экватора.

— Но еще любопытней и интересней, — справедливо прибавляли энтузиасты, — была бы отмена времен года!

И правда, только благодаря наклону оси к плоскости орбиты происходят ежегодные изменения, известные под названием «весна», «лето», «осень», «зима». Юпитерцы не знают времен года. Жители Земли тоже не будут их знать. С того момента, когда новая ось станет перпендикулярна эклиптике, не будет больше ни холодных, ни жарких поясов — вся Земля окажется в умеренном поясе.

И вот почему.

Что такое жаркий пояс? Это часть земной поверхности, расположенная между тропиками Рака и Козерога. Все точки этого пояса пользуются счастьем видеть Солнце два раза в году в зените, на самих же тропиках это явление отмечается только раз в год.

Что такое умеренный пояс? Это часть земного шара между тропиками и полярными кругами: от $23^{\circ} 28'$ до $66^{\circ} 72'$, — там Солнце никогда не бывает в зените, но каждый день появляется над горизонтом.

Что такое полярный пояс? Это та часть околполярной обла-

¹ С начала XX в. в связи с календарными особенностями днями равноденствия являются 22 марта и 22 сентября.

сти, в которой Солнце значительный промежуток времени вовсе не показывается, а на самом полюсе ночь длится полгода.

Следствием различной высоты, на которую Солнце поднимается над горизонтом, и является то, что в жарком поясе чрезмерно жарко, в умеренном поясе умеренно тепло, и тем прохладнее, чем дальше от тропиков, а в холодном поясе, от самого Полярного круга до полюсов, царит чрезвычайный холод.

Так вот, на поверхности Земли все пойдет по-иному благодаря перпендикулярному положению новой оси. Солнце будет неизменно находиться в плоскости экватора. Круглый год изо дня в день оно будет невозмутимо проходить свой путь за двенадцать часов, приближаясь к зениту на расстояние, равное широте данного места, и, следовательно, оно будет подниматься все выше по мере нашего приближения к экватору. Так, в местах, расположенных на двадцатой параллели, оно каждый день будет подниматься над горизонтом на высоту семидесяти градусов, в местах, расположенных на сорок девятой параллели, — до высоты сорока одного, а в местах, находящихся на шестьдесят седьмой параллели, — до высоты двадцати трех градусов. Поэтому дни будут всегда одинаковые, отмеренные Солнцем, которое будет подниматься и закатываться все в той же точке горизонта.

— И смотрите, как это удобно! — твердили друзья председателя Барбикена. — Каждый в зависимости от здоровья выберет себе постоянный климат, наиболее подходящий для своего насморка или ревматизма, и никто на Земле не будет больше опасаться неприятных колебаний температуры.

Короче говоря, современные титаны — Барбикен и К^о — решились изменить порядок вещей, установившийся с тех пор, как наша планета начала кружиться по своей орбите и стала той Землей, какую мы знаем.

Правда, астрономы недосчитаются одного-двух созвездий из числа тех, которые они привыкли видеть на небесном своде. Поэты лишатся длинных зимних ночей и долгих летних дней, которые они нынче так любят поминать в своих стихах, злоупотребляя рифмами с «опорной согласной».

Но зато какие выгоды сулит это остальному человечеству!

«К тому же, — твердили газеты, поддерживавшие председателя Барбикена, — урожаи будут упорядочены, и агрономы подберут для всякого растения наиболее подходящую ему температуру».

«Как бы не так! — возражали враждебные газеты. — А разве прекратятся дожди, грады, бури, ураганы, грозы — все эти атмосферные явления, которые подчас подвергают страшной опасности урожай и благоденствие землевладельцев?»

«Без сомнения, эти несчастья будут случаться, — отвечал хор друзей, — но, наверное, гораздо реже благодаря ровному климату, который препятствует дурной погоде. Да, да, человечество весьма выиграет от нового устройства! Да, это будет подлинный

переворот на земном шаре! Да, Барбикен и К^о окажут услугу человечеству и будущим поколениям, покончив с неравенством дней и ночей, с досадными перебоями, какими являются времена года!.. Да, наш земной шар, на поверхности которого всегда то слишком жарко, то слишком холодно, больше не будет планетой, где царят насморки, катары дыхательных путей и воспаления легких! Простудится только тот, кто сам этого захочет, раз каждому всегда можно будет найти себе страну, благоприятную для его бронхов».

И в номере от 27 декабря нью-йоркской газеты «Солнце» автор одной красноречивой статьи восклицал:

«Слава председателю Барбикену и его товарищам! Эти отважные люди не только прибавят новые земли к американскому континенту, увеличив и без того обширную территорию Федерации. Они сделают жизнь на земле более гигиеничной и более продуктивной, — ведь можно будет снова сеять, едва собрав урожай, семена будут произрастать без задержки, и зимой время не пропадет зря! Благодаря разработке новых пластов не только увеличатся угольные запасы и, может быть, на долгие века будет обеспечена добыча этого необходимейшего вещества, но и самые климатические условия нашей планеты изменятся к лучшему. Барбикен и его коллеги переделают мир к наивысшей выгоде всех смертных. Честь и слава этим людям, которые по праву займут почетное место в ряду благодетелей человечества!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

*где появляется важное действующее лицо
французского происхождения*

Вот какие выгоды сулили нововведения, которые Барбикен собирался внести во вращение Земли. Впрочем, по-видимому, эти нововведения почти не должны были отразиться на обращении нашей планеты вокруг Солнца. Земля по-прежнему будет совершать свой неизменный путь в пространстве, и условия солнечного года останутся непреложными.

Разъяснение последствий, которые сулило смещение оси, вызвало во всем мире чрезвычайное волнение.

Сначала все обрадовались этим новостям из области высшей механики. Было чрезвычайно соблазнительно представлять себе, что времена года сравниваются и что, «по желанию клиента», в зависимости от избранной широты, можно будет пользоваться любой погодой.

Наперебой кричали, как люди будут наслаждаться вечной весной, которую певец Телемака даровал острову Калипсо; им останется только выбирать между весной прохладной и весной теплой. Правда, положение новой оси, вокруг которой будет совершаться суточное вращение, оставалось тайной; ни председа-

тель Барбикен, ни капитан Николь, ни Дж. Т. Мэстон, по-видимому, не собирались ее обнародовать. Раскроют ли они эту тайну, или она станет известна, когда уже все совершится? Одного уж этого было достаточно, чтобы общественное мнение стало проявлять беспокойство.

У всех невольно возникал один и тот же вопрос, который стали горячо обсуждать газеты. Какими же механическими средствами осуществится это перемещение, явно требующее приложения огромной силы?

Солидный нью-йоркский журнал «Форум» справедливо замечал следующее:

«Если бы Земля не вращалась вокруг своей оси, возможно, было бы достаточно сравнительно слабого толчка, чтобы придать ей вращательное движение вокруг новой оси, произвольно выбранной; но Земля может быть уподоблена огромному горо- скопу, двигающемуся с довольно большой скоростью, а по закону природы подобный прибор обладает способностью сохранять свое вращение вокруг все той же оси. Леон Фуко доказал это своими знаменитыми опытами. И, следовательно, будет весьма трудно, чтобы не сказать — невозможно, принудить Землю изменить свое движение!»

Это была истинная правда. Да и любопытно было бы узнать, не только какой толчок задумали произвести инженеры Арктической промышленной компании, но и то, как они намерены осуществить перемещение — постепенно или вдруг? И не вызовут ли в последнем случае действия Барбикена и К^о ужасных катастроф на поверхности земного шара?

Было здесь над чем призадуматься и ученым и невеждам обоих полушарий. Ведь толчок есть толчок, и не так уж приятно подвергаться толчкам. Похоже было, что задумавшие это дело люди заботились только о своих прибылях и совсем не беспокоились о потрясениях, которые их опыт вызовет на нашей несчастной планете. И европейские делегаты, взбешенные своим поражением, решили воспользоваться этим обстоятельством и весьма ловко стали возбуждать общественное мнение против председателя Пушечного клуба.

Франция, как уже говорилось, не заявила никаких претензий на околополярные области и не присутствовала среди держав, участвовавших в аукционе. Однако, хотя официально это государство устранилось от дела, говорили, что в Балтимор решил приехать на свои личные средства некий француз, чтобы по своему собственному почину следить за ходом этого гигантского предприятия.

Он был горный инженер, лет тридцати пяти. Он отличился на экзаменах, поступая в Парижскую высшую политехническую школу, и окончил ее отлично, так что его можно смело представить читателям в качестве выдающегося математика. Очень возможно, что он стоял выше Дж. Т. Мэстона, в конце концов знаме-

ни того только своими вычислениями, потому что нельзя ведь сравнивать, например, Леверье с Лапласом или Ньютоном.

Будучи инженером — что нисколько не вредило делу, — он был человек умный и своенравный, из тех чудаков, которые встречаются иногда среди инженеров-путейцев и очень редко среди инженеров-горняков. Говорил он своеобразно и очень забавно. В беседе с друзьями, даже разбирая научные вопросы, выражался лихо, как парижский уличный мальчишка.

Он любил вставлять простонародные словечки и выражения, которые последнее время в ходу у всех парижан. В минуту увлечения его язык будто вовсе не желал согласовываться с академическими правилами: этот инженер подчинялся им только берясь за перо. В то же время он страстно любил свой труд и мог по десять часов сидеть за письменным столом, исписывая целые страницы алгебраическими знаками так быстро, как другие пишут письма. Его любимым отдыхом после многочасовых занятий вышшей математикой была игра в вист; играл он посредством, несмотря на то, что рассчитывал вперед все ходы. И надо было слышать, как он восклицал, заменяя студенческой латынью обычные возгласы игрока: «*Cadaveri poussandum est!*»

Этого чудака звали Альсид Пьердэ, и от пристрастия к математическим сокращениям, — которое он, впрочем, разделял со своими товарищами, — он обычно подписывался просто *АП*. Он так горячился в спорах, что товарищи прозвали его «Альцидус сульфурикус»¹. Альсид Пьердэ был не только величиной, но даже изрядной величиной. Товарищи по школе утверждали, что его рост равняется одной пятимиллионной части четверти меридиана, то есть почти двум метрам, и если они и ошибались, то не очень. Голова его была несколько мала по его широким плечам и мощному телосложению, но зато как весело он ею встряхивал, как живо, через стекла пенсне, смотрели его голубые глаза! Особенностью его серьезного лица было веселое выражение, которому не мешала преждевременная лысина, появившаяся еще в школе из-за усиленных занятий алгеброй при свете газовых рожков. В школе о нем сохранилась память, как о славном и простом малом. Несмотря на свой открытый, независимый характер, он всегда подчинялся неписаным студенческим правилам и был известен в Политехнической школе как прекрасный товарищ, умеющий беречь честь мундира. Его ценили и на прогулках во дворе школы, который потому и назывался «Под акациями», что там не было никаких акаций, и в спальне, где его вещи в студенческом шкафчике всегда лежали в полном порядке, а уже одно это свидетельствовало о вполне методическом уме.

Правда, голова Альсида Пьердэ казалась слишком маленькой для его большого тела! Зато, уж поверьте, она была плотно наби-

¹ Прозвище, созвучное латинскому названию серной кислоты — *acidum sulfuricum*.

та. Он, как и его товарищи по школе, был прежде всего математиком, но занимался математикой ради ее применения к опытным наукам, которые ценил лишь постольку, поскольку они находили себе применение в технике. В этом была — и он это сам вполне сознавал — его слабая сторона, но что поделать? Человеку ведь далеко до совершенства. В общем, его специальностью было изучение таких наук, которые идут вперед быстрыми шагами и все же хранят и будут всегда хранить тайны даже от посвященных.

Заметим мимоходом, что Альсид Пьердэ был холостяк. Как он часто говорил о себе, он был «равен единице», хотя испытывал горячее желание «удвоиться». Друзья уже подумывали, не женить ли его на одной прелестной, веселой и умной молодой девушке, жившей в Провансе. К несчастью, у нее был отец, который на все их подходы возражал колко: «Нет, ваш Альсид слишком учен! Он уморит мою дочку разными непонятными для нее речами...»

Как будто настоящий ученый не бывает скромным и простым человеком!

С досады наш инженер решил уехать подальше от Прованса, — хоть за море. Он попросил годичный отпуск, получил его и не мог придумать ничего лучшего, как на это время отправиться в Америку и посмотреть самому, что затеяла Арктическая промышленная компания. Вот почему он и оказался сейчас в Соединенных Штатах.

Со дня своего приезда в Балтимор Альсид Пьердэ не переставал размышлять о «великом» предприятии Барбикена и К°. Его ничуть не беспокоило, что Земля уподобится Юпитеру. Но каким образом это можно сделать? Вот что возбуждало его законное любопытство.

— Очевидно, — размышлял он вслух наедине с собой, — председатель Барбикен собирается закатить нашему шарiku здоровую оплеуху! Но как? В этом все дело! Черт побери! Похоже, что он хочет двинуть его в бок, словно бильярдный шар. Если это ему удастся, Земля выбьется из орбиты и полетят вверх тормашками наши годы и месяцы! Все спутается! Ну, этим молодцам, видно, ни до чего нет дела — лишь бы заманить старую ось новой! Только никак я не возьму в толк, где они найдут точку опоры и силу для толчка извне! Если бы не существовало суточного вращения, тогда хватило бы простого щелчка. Но оно существует, это суточное вращение! Его никуда не денешь! Тут-то и загвоздка! Во всяком случае, что бы они ни учинили, встряска будет изрядной!

И как ни ломал себе голову наш ученый, он не мог разгадать, что задумали Барбикен и Мاستон. Это было тем досадней, что, реши он только эту загадку, за выведением механических формул дело бы не стало.

Вот почему 29 декабря инженер французского горного департамента Альсид Пьердэ мерял своими большими шагами оживленные улицы Балтимора.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

*в которой начинают выясняться
различные тревожные обстоятельства*

Прошел месяц со дня общего собрания в Пушечном клубе. За это время в общественном мнении произошли значительные сдвиги. Забыты были все выгоды, которые сулило перемещение оси! Зато различные невыгоды стали вырисовываться все явственней. Раз перемещение, по-видимому, предполагалось произвести посредством страшного толчка, то не исключалась возможность катастрофы. Нельзя было только предсказать, какова она будет на деле. А смягчение климата — так ли уж оно нужно? По сути дела, от этого выигрывали только эскимосы, лапландцы и чукчи, и то потому, что им нечего было терять.

Надо было слышать, как теперь поносили предприятие Барбикена делегаты европейских государств! Они представляли отчеты своим правительствам, непрестанно обменивались с Европой депешами по подводному кабелю, запрашивали и получали указания... Что это были за указания, — всем известно, Составленные по незыблемым формулам дипломатического искусства, они заканчивались обычными милыми оговорками: «Высказывайте настойчивость, но не компрометируйте ваше правительство», «Действуйте решительно, но не нарушайте *status quo*!¹».

Время от времени майор Донеллан и его коллеги выступали с протестом от имени своих стран и вообще от имени всего находившегося под угрозой Старого Света.

— Все-таки, — говорил Борис Карков, — американские инженеры, наверное, сделают все возможное, чтобы уберечь территории Соединенных Штатов от последствий толчка.

— Но что они могут сделать? — сказал Ян Харальд. — Когда во время сбора маслин трясут оливковое дерево, разве не вредит это всем его ветвям?

— А если вас ударят кулаком в грудь, — поддержал его Якоб Янсен, — разве не содрогнется все ваше тело?

— Вот что означала пресловутая оговорка в их объявлении! — воскликнул Дин Тудринк. — Вот куда они метили, говоря о географических или метеорологических переменах на земном шаре!

— Да! — промолвил Эрик Бальденак. — И еще может случиться, что от перемещения оси моря выйдут из своих берегов!

— А если уровень океана в иных местах понизится, — заметил Якоб Янсен, — не окажутся ли обитатели этих краев на такой высоте, что для них будет невозможна всякая связь с остальным человечеством?

— Если только они не попадут в слои воздуха, до того раз-

¹ Сущствующего положения (лат.).

реженные,— прибавил Ян Харальд,— что там нечем будет дышать!

— Представьте себе Лондон на высоте Монблана! — вскричал майор Донеллан.

И, расставив ноги, закинув голову, этот джентльмен воззрился вверх, как будто Соединенное королевство уже улетело за облака.

Так или иначе, человечеству угрожала опасность; беспокойство все нарастало, тем более что некоторые последствия перемещения земной оси уже можно было предугадать.

В самом деле, ведь речь шла ни больше ни меньше, как о повороте на $23^{\circ} 28'$, — повороте, который должен был вызвать значительное смещение океанов вследствие сплюснутости Земли на месте старых полюсов. Не угрожали ли Земле потрясения вроде тех, которые, как говорят, недавно отмечались на планете Марс? Целые материки погрузились в воду, между ними Либия, открытая Скиапарелли; на это указывает появление темно-голубой окраски там, где прежде была красноватая. Исчезло озеро Мэрис. Ближе к северу произошли изменения на площади в шестьсот тысяч квадратных километров, а на юге вода океана ушла с тех обширных пространств, которые занимала раньше. И если иные добросердечные люди волновались по поводу наводнений на Марсе и предполагали открыть подписку в пользу пострадавших марсиан, то как же было не волноваться по поводу наводнений на Земле?

Со всех сторон стали раздаваться протесты, и правительство Соединенных Штатов вынуждено было обратить на них внимание. В конце концов лучше уж совсем не допускать этой попытки, чем подвергаться опасностям, которыми она наверняка грозила. Мир устроен хорошо. Нет никакой надобности безрассудно покушаться на его целостность...

И что же? Нашлись легкомысленные люди, осмелившиеся шутить даже с такими серьезными вещами.

— Полюбуйтесь на этих янки! — твердили они. — Насадить Землю на другую ось! Добро бы еще старая стерлась, покрутившись миллионы лет; может быть, тогда и следовало бы сменить ее, как сменяют ось в блоке или в колесе. Но ведь она ничуть не стала хуже, чем была с начала мира?

Ну что тут скажешь?

Под шум этой перебранки Альсид Пьердэ продолжал доискиваться, какой же толчок и в каком направлении задумал Дж. Т. Масто́н и в каком именно месте земного шара он собирался его произвести. Раскрыв это, легко было бы определить, каким странам опасность угрожает прежде всего.

Мы уже говорили, что тревоги Старого Света не разделялись жителями Нового, — по крайней мере жителями Северной Америки, которая принадлежит, собственно говоря, Соединенным Штатам. Неужели Барбикен, капитан Николь и Дж. Т. Масто́н,

будучи американцами, не постараются уберечь Соединенные Штаты от поднятий и опусканий почвы, которые перемещение оси вызовет в различных местах Европы, Азии, Африки и Океании? Ведь все трое были чистокровные янки, чистокровные и чистопородные, как называли Барбикена в ту пору, когда он разрабатывал план своего путешествия на Луну.

Очевидно, этой части Нового Света между арктическими землями и Мексиканским заливом нечего было опасаться предполагаемого толчка: Возможно, что Америка в конце концов даже выиграет от катастрофы, значительно увеличив свою территорию. Как знать! Может быть, на месте бассейнов, покинутых водами омывающих ее теперь океанов, Америка захватит столько новых земель, сколько виднеется сейчас звезд на ее широком флаге?

— Так-то оно так, — возражали робкие души, из тех, что опасаются всего на свете, — но можно ли в этом мире полагаться твердо хоть на что-нибудь? А вдруг Дж. Т. Мэстон ошибется в своих расчетах! А вдруг Барбикен ошибется, применяя их на практике? Это случалось и с самыми искусными артиллеристами! Не всегда удается попасть пулей в середину мишени, а то и бомбой в бочку!

Надо ли говорить, как старательно раздували делегаты европейских государств всеобщее беспокойство? Секретарь Дин Тудринк нарочно напечатал ряд негодующих статей в газете «Стандарт», Ян Харальд проделал то же самое в шведской «Вечерней газете», а полковник Борис Карков — в широко распространенной газете «Новое время». Даже в самой Америке мнения разделились. Если «республиканцы», которые придерживаются либеральных взглядов, оставались сторонниками Барбикена, то «демократы» — консерваторы по убеждениям — выступали против него. Часть американских газет — «Бостонская газета», «Нью-Йоркская трибуна» и другие — присоединялась к европейской прессе. А в Соединенных Штатах, с организацией агентств Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, газеты становятся могучим средством информации; ведь они теперь на одни только местные и иностранные известия затрачивают огромную сумму, намного превышающую двадцать миллионов долларов ежегодно.

Напрасно другие газеты — не менее широко распространенные — пытались вступить за Арктическую промышленную компанию! Напрасно миссис Эвенджелина Скорбит платила по десять долларов за строчку любой научно-фантастической статьи или фельетона, лишь бы там производилась расправа над этими воображаемыми страхами! Напрасно пылкая вдова пыталась доказать, что если где и кроется ошибка, так только в предположении, будто Дж. Т. Мэстон может сделать ошибку в своих вычислениях! Наконец охваченная страхом Америка подняла такой же крик, как и Европа.

Но ни председатель Пушечного клуба, ни его секретарь, ни

члены правления не отвечали ни слова на все эти нападки. Они предоставляли каждому говорить, что вздумается, а сами и в ус не дули. Не было заметно даже, чтобы они занимались огромными приготовлениями, каких требовала такая операция. Может быть, на Барбикена и К^о подействовала перемена настроения и всеобщее недовольство, которое теперь вызывал проект, принятый вначале с таким восторгом? Едва ли.

Вскоре, несмотря на всю преданность миссис Эвенджелины Скорбит, несмотря на огромные суммы, затраченные ею на поддержку Барбикена, капитана Николя и Дж. Т. Мастопа, их стали считать людьми, угрожающими безопасности всего мира. Европейские державы официально призывали федеральное правительство вмешаться в дело и запросить по этому поводу учредителей Компании. Предполагалось, что их заставят открыто объявить свои намерения, сообщить, каким способом они собираются заменить старую ось новой (что позволило бы выяснить возможные последствия для общественной безопасности), и, наконец, назвать части земного шара, находящиеся под непосредственной угрозой; одним словом, рассказать все, что хотели знать перепуганные и просто осторожные люди.

Вашингтонское правительство не заставило себя просить. Волнение, охватившее Северные, Центральные и Южные штаты республики, не позволяло медлить. Девятнадцатого февраля был издан декрет об образовании Комиссии для расследования этого дела, составленной из механиков, инженеров, математиков, гидрографов и географов,— всего в количестве пятидесяти человек, под председательством известного Джона Х. Престиса; комиссия получала полное право требовать отчета от предприятия и в случае надобности вынести запрещение его.

Прежде всего в эту комиссию было предложено явиться Барбикену.

Барбикен не явился.

За ним на его квартиру в Балтиморе по Кливленд-стрит № 95 были посланы полицейские.

Барбикена там не оказалось.

— Где он?

— Неизвестно.

— Когда он уехал?

— Больше месяца тому назад, одиннадцатого января, он вместе с капитаном Николем покинул столицу штата Мэриленд и самый штат Мэриленд.

— Куда он уехал?

Никто не мог этого сказать.

Очевидно, оба члена Пушечного клуба направились к тому таинственному месту, где под их руководством уже производились подготовительные работы.

Но где же оно находится?

Ведь это необходимо узнать и, пока еще не поздно, уничтожить в зародыше замыслы зловредных инженеров.

Исчезновение Барбикена и капитана Николя вызвало великое разочарование. Вскоре, как буря на море в дни равноденствия, волны гнева стали вздыматься против руководителей Арктической промышленной компании.

Однако существовал человек, который должен был знать, куда направились Барбикен с Николем,— человек, который знал, как справиться с гигантским вопросительным знаком, вздымавшимся над земным шаром.

Этот человек был Дж. Т. Мастон.

Дж. Т. Мастон по настоянию председателя Джона Х. Престиса был вызван в комиссию.

Дж. Т. Мастон и не подумал явиться.

Может быть, он тоже уехал из Балтимора? Может быть, он направился к своим друзьям, чтобы помочь им в предприятии, результатов которого весь мир ожидал с понятным страхом?

Нет! Дж. Т. Мастон жил все там же, в своем Баллистик-коттедже, на Франклин-стрит № 109, отдыхая от одних вычислений за другими, и неустанно работал. Лишь иногда по вечерам он посещал гостиные роскошного особняка миссис Эвенджелины Скорбит в Нью-Парке.

Тогда председатель Комиссии по расследованию отправил на Франклин-стрит полицейского с приказом привести Масто́на.

Полицейский подошел к коттеджу, постучал в дверь и вошел, не стесняясь, в дом, где его довольно худо принял негр Пли-Пли, а еще хуже хозяин.

Дж. Т. Мастон не счел возможным отказаться от приглашения. Но, явившись к членам следственной комиссии, он ничуть не скрывал, что ему ужасно досаждают, нарушая его привычные занятия.

Первый вопрос, поставленный ему, был следующий:

— Известно ли секретарю Пушечного клуба, где находится в настоящее время председатель Барбикен, а также капитан Николь?

— Известно,— твердо ответил Дж. Т. Мастон,— но я не считаю себя вправе рассказывать об этом вам.

Второй вопрос:

— Правда ли, что они заняты подготовительными работами для перемещения земной оси?

— Это,— ответил Дж. Т. Мастон,— составляет часть тайны, которую я обязался хранить, и потому я отказываюсь отвечать.

— Не угодно ли вам в таком случае сообщить комиссии результаты своей работы, чтобы комиссия сама решила, можно ли дозволить Компании выполнять свой проект?

— Нет, не угодно! Я не стану их сообщать вам! Я их лучше уничтожу. Мое право свободного гражданина свободной Америки — не сообщать никому о результатах своей работы.

— Но если это ваше право, мистер Мастон,— сказал председатель Джон Х. Престис строго, как будто он говорил от лица всего мира,— то, может быть, ваш долг сейчас, ввиду всеобщего волнения, сказать все откровенно и положить конец смятению народов?

Дж. Т. Мастон не считал этого своим долгом. Он считал, что у него один долг — молчать, и продолжал молчать.

Несмотря на увещания, уговоры и даже угрозы, члены Комиссии по расследованию ничего не добились от человека с железным крючком вместо правой руки. Нельзя, никак нельзя было и предполагать, что под гуттаперчевым черепом может таиться столько упорства.

С тем Дж. Т. Мастон и ушел. Нечего говорить, что миссис Эвнджелина Скорбит не могла нахвалиться его доблестным поведением.

Когда стало известно, чем закончился допрос Масто́на в комиссии, общественное негодование стало принимать формы, поистине угрожающие безопасности отставного артиллериста. Давление общественного мнения на высших сановников федерального правительства и вмешательство европейских делегатов так усилились, что государственный секретарь Джон С. Райт счел нужным потребовать у правительства права действовать *manu militari*¹.

Вечером 13 марта Дж. Т. Мастон, погрузившись в цифры, сидел в своем кабинете в Баллистик-коттедже, как вдруг затрещал телефонный звонок и послышался дрожащий от волнения голос.

— Алло! Алло! — бормотала мембрана.

— Кто говорит? — спросил Дж. Т. Мастон.

— Миссис Скорбит.

— Что вам угодно, миссис Скорбит?

— Предостеречь вас... Я только что узнала, что сегодня вечером...

Едва слова эти достигли слуха Дж. Т. Масто́на, как входную дверь Баллистик-коттеджа с грохотом высадили сильным ударом плеча.

Послышалась ужасная суматоха на лестнице, ведущей к кабинету. Кто-то громко кричал. Кто-то другой приказывал ему замолчать. Затем послышался шум падения.

Это негр Пли-Пли покатился с лестницы после тщетных попыток защитити́ от нападавших неприкосновенность жилища своего хозяина.

Через мгновение дверь кабинета распахнулась, и появился констебль в сопровождении взвода полицейских.

Констебль имел приказ произвести в коттедже обыск, захватить все бумаги Дж. Т. Масто́на и забрать его самого.

¹ Вооруженной силой (лат.).

Вспыльчивый секретарь Пушечного клуба схватил револьвер, грозя выпустить в полицейских все шесть зарядов.

Но благодаря численному превосходству его в одно мгновение обезоружили, и полицейские стали собирать испещренные формулами и цифрами бумаги, которыми был завален стол.

Тогда, внезапно вырвавшись из рук полицейского, Дж. Т. Мастон схватил со стола записную книжку, в которой, вероятно, были итоги его вычислений. Полицейские кинулись к нему, чтобы отнять ее, пусть даже вместе с жизнью...

Но Дж. Т. Мастон успел быстро развернуть книжку, вырвать последнюю страницу и еще быстрее проглотить ее, как глотают пилюли.

— Попробуйте возьмите ее теперь! — закричал он, как Леонид при Фермопилах.

Часом позже Дж. Т. Мастон был заключен в балтиморскую тюрьму.

И, без сомнения, это было счастьем для него, потому что озлобленные жители города могли бы прибегнуть в отношении его особы к крайним мерам, весьма для него печальным, и тут уж полиция была бы не в силах ничем помешать.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

*Что было в записной книжке Дж. Т. Мастона
и чего в ней не оказалось*

Захваченная стараниями балтиморской полиции записная книжка заключала страниц тридцать, испещренных формулами, уравнениями, наконец, числами, подводившими итоги вычислений Дж. Т. Мастона. Эту сложную работу по механике могли оценить только настоящие математики. Там фигурировало, между прочим, и уравнение живых сил¹:

$$v^2 - v_0^2 = 2gr_0^2 \left(\frac{1}{r} - \frac{1}{r_0} \right),$$

которое применялось в задаче о послышке снаряда на Луну и содержало выражения, относящиеся к лунному притяжению.

Обыкновенные люди ничего бы не поняли в работе Мастона. Однако решено было опубликовать из нее некоторые данные и выводы, чтобы успокоить мир, уже несколько недель терзаемый тревогой.

Ознакомившись с формулами знаменитого математика, ученые из Комиссии по расследованию передали в прессу следующее сообщение, которое все газеты, без различия направлений, перепечатали для всеобщего сведения.

¹ Уравнением живых сил до конца прошлого столетия называли Закон сохранения механической энергии.

Но прежде всего заметим, что не могло быть никаких споров о самих вычислениях Мастопа. Есть поговорка, что «ясно изложенная задача — наполовину решенная задача»; здесь как раз так и было. И вычисления были слишком точны, чтобы комиссия могла усомниться в их правильности или в их выводах. Если дело Компании будет доведено до конца, то земная ось неминуемо изменит свое положение и предполагаемая катастрофа разразится с полной силой.

ЗАМЕТКА, СОСТАВЛЕННАЯ БАЛТИМОРСКОЙ КОМИССИЕЙ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ В ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ ОБОИХ ПОЛУШАРИИ

«Арктическая промышленная компания, задавшись целью переместить ось земного шара, выбрала средством для этого отдачу орудия, поставленного в определенном пункте земного шара. Если дуло орудия будет накрепко сращено с почвой, то, без сомнения, оно сообщит отдачу всей массе нашей планеты.

Орудие, избранное инженерами Компании, представляет собой пушку чудовищных размеров, выстрел которой остался бы без последствий, будь он направлен к зениту. Чтобы действие выстрела дало наибольший эффект, надо направить его горизонтально к северу или к югу. Южное направление и выбрали Барбикен и К°. При этом условии отдача сообщит Земле толчок к северу, — такой удар наносят бильярдному шару, чуть задевая его другим шаром сбоку».

Именно такой способ и предугадывал проницательный Альсид Пьердэ!

«Как только выстрел будет произведен, центр тяжести Земли переместится в направлении, параллельном удару, что может изменить плоскость орбиты и, следовательно, продолжительность года, но изменения эти будут незначительны, и их не стоит принимать во внимание. В то же время Земля получит вращательное движение вокруг оси, лежащей в плоскости экватора. Это новое вращательное движение продолжалось бы неопределенно долго, если бы уже не существовало суточного вращения Земли.

И вот суточное вращение, происходящее вокруг линии, соединяющей полюсы, сложится с вращательным движением, приданым Земле в результате отдачи, и оба эти движения создадут новую ось, полюсы которой будут отстоять от старых полюсов на величину x . Если выстрел произойдет в тот момент, когда точка весеннего равноденствия — одно из двух пересечений экватора и эклиптики — будет в надири над местом выстрела, и если отдача окажется достаточно сильной, чтобы переместить полюс на $23^{\circ} 28'$, то новая земная ось будет перпендикулярна к плоскости ее орбиты, то есть займет почти то же положение, что и ось Юпитера.

Следствия такого положения оси уже известны из сообщения,

которое председатель Барбикен счел нужным сделать на заседании 22 декабря.

Однако, учитывая массу Земли и энергию ее вращения, можно ли вообразить огнестрельное орудие такой величины, чтобы отдача была в состоянии сместить полюс, и притом на 23° 28'?

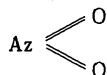
Да, можно, но для этого надо соорудить пушку (или несколько пушек) того размера, который требуется по законам механики. Если же пушку такого размера не удастся отлить, то нужно применить взрывчатое вещество достаточной силы, чтобы сообщить ядру скорость, необходимую для смещения.

Взяв исходным типом французское двадцатисемисантиметровое морское орудие образца 1875 года, выбрасывающее снаряд весом в 180 килограммов со скоростью 500 метров в секунду, и увеличив размеры этого орудия в 100 раз (и тем самым объем его в 1 000 000 раз), можно создать орудие, которое выпустит снаряд в 180 тысяч тонн. Если к тому же сила взрывчатого вещества будет достаточна, чтобы придать снаряду скорость в 5600 раз большую, чем скорость снаряда при употреблении обычного пороха, то искомым результат будет достигнут. В самом деле, при скорости 2800 километров в секунду¹ нечего бояться, что снаряд, опять встретившись на своем пути с Землей, вернет ее в исходное положение.

Как это ни удивительно, но, к несчастью для обитателей земного шара, Дж. Т. Мэстон и его сотоварищи имеют в своем распоряжении как раз такое взрывчатое вещество почти беспредельной мощности, с которым пироксилин, применявшийся для выстрела «Колумбиады», не выдерживает никакого сравнения. Изобрел это вещество капитан Николь. О его составе в записной книжке Дж. Т. Мэстона есть только смутные намеки,— Мэстон предпочитает кратко обозначать это взрывчатое вещество названием «мели-мелонита».

О нем известно только то, что оно образуется из реакции некоей смеси органических веществ и азотной кислоты.

Определенное количество одноатомных оснований

замещается таким же количеством атомов водорода. Получается порох, действие которого, как и пироксилина, зависит от соединения горючих веществ с легковоспламеняющимися, а не от простого их смешения.

Если это вещество, из чего бы оно ни состояло, обладает силой, достаточной, чтобы отправить ядро весом в 180 тысяч тонн в пространство, находящееся вне притяжения Земли, то отдача, которую взрыв передаст пушке, вызовет, очевидно, перемещение оси, то есть смещение полюса на 23° 28', и образует новую ось,

¹ Скорость, достаточная, чтобы в одну секунду долететь от Парижа до Петербурга. (Примеч. авт.)

перпендикулярно к плоскости эклиптики. Тут и произойдут бедствия, которых справедливо опасаются обитатели Земли.

Впрочем, у человечества остается все же надежда избежать последствий эксперимента, который вызовет такие изменения в географическом и климатическом состоянии земного шара.

Можно ли создать пушку, в миллион раз большую по объему, чем двадцатисемисантиметровое орудие? Как бы ни было значительно развитие металлургической промышленности, даже после сооружения мостов через Тай и Форт, виадука Гараби и Эйфелевой башни, трудно поверить, чтобы инженерам удалось изготовить такое гигантское орудие, не говоря уже об ядре весом в сто восемьдесят тысяч тонн, которое будет выпущено в пространство?

В этом позволительно усомниться. Очевидно, здесь кроется одна из причин, по которым затея Барбикена и К^о может окончиться неудачей. И все же положение внушало сильную тревогу, потому что новая Компания, вероятно, уже приступила к делу.

Как известно, вышеназванные Барбикен и Николь покинули Балтимор и вообще Америку. С тех пор как они уехали, прошло уже больше двух месяцев. Куда они отправились? Скорее всего, в какое-то никому не ведомое место на земном шаре, откуда всего удобней произвести выстрел.

Где же оно находится? Этого не знает никто, и, следовательно, нам нельзя пуститься вдогонку за дерзкими «злодеями» (sic!)¹, которые собираются перевернуть вверх дном весь мир под предлогом разработки новых угольных залежей ради своей прибыли.

Наверно, эта точка *x* была указана в записной книжке Дж. Т. Масто́на и, без сомнения, именно на последней странице, где суммировалась его работа. Но последняя страница проглочена сообщником Импи Барбикена, и сообщник этот, заключенный в настоящее время в балтиморскую тюрьму, наотрез отказывается говорить.

Таково положение дела. Если Барбикену удастся соорудить свою чудовищную пушку и изготовить снаряд, словом, если его замысел будет выполнен при вышеуказанных обстоятельствах, то он переместит старую ось и через полгода Земле придется испытать на себе все последствия этого «непростительного эксперимента» (sic!).

В самом деле, уже определен момент, когда выстрел будет иметь полную силу и когда толчок, сообщенный Земле, окажет свое максимальное действие.

Он приходится на 22 сентября, двенадцать часов спустя после прохождения Солнца через меридиан *x*.

Поскольку нам известно:

1) что выстрел будет произведен из пушки, в миллион раз превышающей размером двадцатисемисантиметровое орудие;

¹ Так! (лат.)

2) что пушка будет заряжена снарядами весом и 180 тысяч тонн;

3) что снаряд будет обладать начальной скоростью в 2800 километров в секунду;

4) что выстрел последует 22 сентября, двенадцать часов спустя после прохождения Солнца через местный меридиан, — можно ли, зная все это, определить точку x , где будет произведен выстрел?

«Разумеется, нет!» — отвечают члены Комиссии по расследованию.

В самом деле, высчитать, где находится точка x , нельзя, так как в работе Дж. Т. Масто́на не указано, через какую часть земного шара пройдет новая ось, — другими словами, неизвестно, где окажутся новые полюсы Земли. Нам скажут: на расстоянии $23^{\circ} 28'$ от старого полюса. Это мы, конечно, знаем. Но по какому меридиану? Установить его совершенно невозможно.

Поэтому невозможно определить, какие местности, ввиду изменения уровня океанов, опустятся и какие поднимутся, какие материки обратятся в моря и какие моря станут материками.

А между тем, судя по вычислениям Дж. Т. Масто́на, изменение уровня вод в океанах будет очень значительно. Сразу же после толчка поверхность океанов примет форму эллипсоида, описанного вокруг новой оси, и толщина водяного пласта изменится почти повсеместно.

Действительно, пересечение уровня старого моря с уровнем нового — двух равных площадей вращения, оси которых пересекаются, — составит из двух изогнутых поверхностей, плоскости которых опустятся перпендикуляром к плоскости двух осей полюсов и соответственно двумя биссектрисами к углу двух осей полюсов. (*Текст записной книжки математика.*)

Отсюда следует, что максимальное изменение уровня может вызвать повышение или понижение на 8415 метров сравнительно с прежним уровнем, и различные точки земного шара, различные территории окажутся выше или ниже нового уровня в пределах указанной величины. Величина эта будет постепенно уменьшаться по направлению к линиям разграничения, которые разделят земной шар на четыре сегмента; на самых разграничительных линиях изменения уровня будут равны нулю.

Нужно заметить, что старый полюс тоже погрузится больше чем на 3000 метров в воду, ибо вследствие того, что Земля сплюснута у полюсов, он находится на самом меньшем расстоянии от центра Земли. Таким образом, владения, приобретенные Арктической промышленной компанией, окажутся затопленными и, следовательно, недоступными для разработки. Однако Барбикен и его товарищи не опасаются этой возможности, так как данные последних географических открытий позволяют утверждать, что Северный полюс находится на плоскогорье, высота которого превышает 3000 метров.

Что касается тех пунктов земного шара, где изменение уровня достигнет 8415 метров и, следовательно, тех территорий, которые подвергнутся бедствиям, то нечего и пробовать их определить. Здесь не помогут самые хитрые расчеты. В уравнении есть одно неизвестное, определить которое не может ни одна формула: положение точки x , где будет произведен выстрел и где, следовательно, совершится толчок. Но x является тайной людей, затеявших это злосчастное дело.

Значит, все обитатели земного шара, на какой бы широте они ни проживали, непосредственно заинтересованы в раскрытии этой тайны, потому что всем им непосредственно угрожают махинации Барбикена и К^о.

Пусть обитатели Европы, Африки, Азии, Америки, Австралии и Океании следят за всеми работами по отливке пушек и производству снарядов и пороха, которые могут быть предприняты в их местностях; пусть они также следят за всеми иностранцами, прибытие которых покажется им подозрительным, и тотчас же известят об этом членов Комиссии по расследованию (Балтимор, Мэриленд, США).

Будем надеяться, что такое известие придет до 22 сентября сего года, то есть раньше, чем наступит день, таящий угрозу порядку, установившемуся на нашей планете».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

в которой Мэстон героически хранит молчание

Итак, сначала при помощи пушки отправляли снаряд на Луну, теперь при помощи пушки хотят переместить земную ось! Пушки! Опять пушки! У этих артиллеристов из Пушечного клуба, как видно, нет на уме ничего другого! Они помешались на своих пушках! Они больны «острым пушкизмом»! Для них пушка это все!

Неужели жестокое орудие станет владыкой мира? Неужели канонадное право будет царить в промышленности и во вселенной подобно тому, как каноническое право господствует в теологии?

Да, приходится признать, что пушки все время вертелись на уме у Барбикена и его друзей. Недаром же они посвятили всю свою жизнь баллистике. Сначала они соорудили во Флориде свою «Колумбиаду», чтобы лететь на Луну, теперь, где-то в точке x , они сооружают пушку еще более чудовищную.

Вот они уже объявляют громогласно: «Наводи на Луну! Первое орудие... Огонь!», «Переставляй земную ось! Второе орудие... Огонь!»

И, слушая, как они командуют, всему миру не терпится крикнуть: «В сумасшедший дом! Третье орудие... Огонь!»

Их предприятие действительно нужно обозначить словами,

которые стоят в заглавии этой книги, — «Вверх дном». Все действительно будет поставлено вверх дном — и последует, как выразился Альсид Пьердэ, всеобщая «встряска».

Как бы то ни было, но заметка, опубликованная комиссией, произвела впечатление, которое и описать нельзя. Надо признаться, в выводах комиссии не было ничего утешительного. Судя по вычислениям Дж. Т. Масто́на, задача, во всем, что касалось механики, была им полностью разрешена. Операция, затеянная Барбикеном и капитаном Николем (это было ясно всему свету), внесет самые неприятные изменения в суточное вращение Земли. Старую ось заменит новая... и уж известно, какие последствия будет иметь эта замена.

Предприятие Барбикена и К^о было строго обсуждено, осуждено и предано всеобщему проклятию. И в Старом и в Новом Свете главари Арктической промышленной компании всех восставили против себя. Если у них и оставались приверженцы, то только среди разных американских сумасбродов, да и тех было не много.

Для своей личной безопасности председатель Барбикен и капитан Николь поступили действительно разумно, покинув Балтимор и Америку. Были основания думать, что иначе с ними могла бы приключиться беда. Нельзя безнаказанно пугать полтора миллиарда обитателей Земли, переворачивать вверх дном весь их распорядок, учиняя перемены в условиях жизни на Земле, и угрожать страшной катастрофой самому их существованию!

Но каким образом могли бесследно исчезнуть двое членов Пушечного клуба? А материалы, а люди, без которых не состоялись бы работы, — как можно было не заметить их отправки? Для того чтобы перевезти такие грузы металла, угля и мели-мелонита по суше, потребовались бы сотни вагонов, чтобы отправить их по морю — сотни кораблей. Совершенно непостижимо, как можно было увезти все это втайне. Однако это было сделано. Больше того: по наведенным справкам оказалось, что ни один металлургический завод и ни одна фабрика химических изделий ни в Старом, ни в Новом Свете не получали никаких заказов. Это и в самом деле было необъяснимо. Объяснений надо было ждать от будущего... если только доведется дожить до будущего!

Все же, хотя Барбикен и капитан Николь, таинственно исчезнув, избегли непосредственной опасности, их сотоварищ Дж. Т. Масто́н, вовремя засаженный в тюрьму, мог опасаться общественного возмездия. Ну, он не слишком-то волновался! Удивительный упрямец был этот математик! Он был тверд, как железо, как крючок, заменявший ему правую руку. Ничто не могло заставить его уступить.

В темной камере балтиморской тюрьмы секретарь Пушечного клуба предавался неотвязным думам о своих далеких друзьях, за которыми он не мог последовать. Он живо представлял себе,

как Барбикен и капитан Николь готовят свой великий опыт в неведомом пункте земного шара, где никто не мог им помешать. Он видел, как они сооружают огромное орудие, как составляют мели-мелонит, как отливают ядро, которое Солнце скоро причислит к своим спутникам. Новая звезда будет называться прелестным именем «Скорбетта». Это будет данью уважения и признательности щедрой миллионерше из особняка в Нью-Парке. И Дж. Т. Масто́н уже считал дни (слишком долгие, по его мнению), оставшиеся до назначенного срока.

Было уже начало апреля. Через два с половиной месяца дневное светило, постояв над тропиком Рака, направится вспять к тропику Козерога. А еще через три месяца, в день осеннего равноденствия, оно пересечет экваториальную линию. И тут придет конец временам года, которые столько миллионов лет так правильно и так «глупо» ежегодно сменяли друг друга. В последний раз в 189... году земной шар претерпевал неравенство дней и ночей. Впредь между восходом и заходом солнца в любой точке земного шара будет проходить всегда одно и то же количество часов.

Поистине великое, сверхъестественное, непостижимое предпрятие! Дж. Т. Масто́н, забывая об арктических владениях и разработке угольных залежей полюса, видел перед собой только космографические следствия выстрела. Главную цель новой Компании отодвигали в тень преобразования, которые изменят лицо мира.

И подумать только! Мир вовсе не хотел менять свое лицо. Он был все так же молод и ничуть не постарел со дня творения!

А упорный Дж. Т. Масто́н, одинокий и беззащитный в своей камере, держался по-прежнему стойко, несмотря на всяческое давление. Члены Комиссии по расследованию ежедневно посещали его, но не могли ничего с ним поделать. Наконец председателю комиссии Джону Престису пришлось в голову использовать влияние, которое могло оказаться посильней,— влияние миссис Эвенджелины Скорбит. Все знали, на какое самопожертвование способна была почтенная вдова, когда дело касалось Дж. Т. Масто́на, как безгранично была она ему предана и какое горячее участие она принимала в его судьбе.

Поэтому, посоветовавшись между собой, члены комиссии предоставили миссис Эвенджелине Скорбит право посещать заключенного, когда ей вздумается. Разве выстрел чудовищной пушки был для нее менее опасен, чем для остальных обитателей Земли? Разве ее богатый дом в Нью-Парке не так страдает от грозной катастрофы, как бедная хижина лесного охотника или шалаш индейца в прериях? Разве дело не шло о ее жизни, так же как и о жизни бедного якута или неведомого обитателя какого-нибудь островка на Тихом океане?

Вот это и объяснил ей председатель комиссии, вот потому он

и просил миссис Скорбит употребить свое влияние на Дж. Т. Масто-на.

Если, наконец, он заговорит, если он согласится сказать, где находится председатель Барбикен и капитан Николь, если он укажет, где они (а вместе с ними и многочисленный штат рабочих, которых они, вероятно, увезли с собой) ведут свои подготовительные работы,— то еще не поздно отправиться на поиски, выследить обоих и положить конец страхам и тревогам человечества.

Итак, миссис Эвенджелина Скорбит получила доступ в тюрьму. Больше всего на свете она желала вновь видеть Дж. Т. Масто-на, которого руки полицейских так грубо оторвали от мирной жизни в его коттедже.

Но, должно быть, плохо знали решительную Эвенджелину те, кто предполагал, что она окажется рабой своих человеческих слабостей! И если бы 9 апреля, когда миссис Скорбит впервые вошла в тюремную камеру, чье-нибудь нескромное ухо прикикло к замочной скважине, вот что — не без некоторого изумления — услышал бы подслушивающий:

— Наконец-то, дорогой Мастон, я снова вижу вас!

— Это вы, миссис Скорбит!

— Да, мой друг. Целых четыре недели, четыре долгих недели длилась разлука...

— То есть как раз двадцать восемь дней пять часов и сорок пять минут,— сказал Дж. Т. Мастон, взглянув на свои часы.

— Наконец-то мы опять вместе!

— Но как вас допустили ко мне, дорогая миссис Скорбит?

— С условием, что я буду воздействовать всей своей безграничной любовью на того, кто мне ее внушает...

— Что? Эвенджелина! — воскликнул Дж. Т. Мастон.— Вы решаетесь давать мне такие советы?! Вы могли подумать, что я предам наших друзей!..

— Дорогой Мастон! Неужели вы так дурно думаете обо мне? Я стану уговаривать вас жертвовать честью ради безопасности? Я стану толкать вас на поступок, который мог бы покрыть позором жизнь, всецело посвященную глубоким размышлениям о высших проблемах механики?!

— Ну вот и хорошо, миссис Скорбит! Я рад видеть в вас прежнюю великодушную акционершу нашей Компании! Нет, я никогда не сомневался в вашем мужестве.

— Благодарю вас, дорогой Мастон!

— Ну, а мне самому... разгласить тайну нашего дела, указать, в какой точке земного шара состоится наш чудесный выстрел, выдать тайну, которую, к счастью, мне удалось скрыть, так сказать, в глубине самого себя, позволить этим варварам пуститься по следам наших друзей и прервать их работу, сулящую нам и славу и деньги?! Нет, лучше мне умереть!

— О, благороднейший Масто́н! — воскликнула миссис Эвенджелина Скорбит.

Эти два существа, тесно связанные своей преданностью одному и тому же делу, оба увлеченные им до безумия, не могли не понять друг друга.

— Нет, никогда, никогда не узнать им, какая страна предназначена моими вычислениями для совершения в ней великого замысла! — добавил Дж. Т. Масто́н. — Пусть меня убивают, если угодно, но им не вырвать у меня этой тайны!

— Пусть и меня убьют вместе с вами! — воскликнула миссис Эвенджелина Скорбит. — Я тоже не вымолвлю ни слова...

— К счастью, дорогая Эвенджелина, они не знают, что вам эта тайна известна!

— Неужели вы думаете, дорогой Масто́н, что я способна выдать ее, потому что я слабая женщина? Предать наших друзей и вас? Нет, мой друг, и еще раз нет! Пусть эти пошлые люди поднимают против вас всех и вся, пусть весь мир придет сюда, в эту камеру, чтобы вырвать у вас тайну... что ж! Я буду с вами, и нашим утешением будет сознание, что мы умираем вместе!

И если этим можно утешиться, то Масто́ну не стоило и мечтать об утешении более приятном, чем умереть в объятиях миссис Эвенджелины Скорбит!

Так заканчивалась их беседа всякий раз, когда эта превосходная женщина навещала узника.

А когда члены Комиссии по расследованию спрашивали ее о результате свидания, она отвечала:

— Пока ничего... Может быть, со временем мне удастся добиться...

О женское коварство!

«Со временем!» — говорила она. Но время шагало большими шагами. Недели мчались, как дни, дни — как часы, а часы — как минуты.

Наступил май. Миссис Эвенджелина Скорбит ничего не добилась от Дж. Т. Масто́на, а если уж такой сильной женщине пришлось потерпеть неудачу, то никто другой уже не смел рассчитывать на успех у него. Но неужели оставалось лишь покорно ждать ужасного несчастья? Неужели так и не представится случая предотвратить его?

Нет и нет! В подобных обстоятельствах бездействие недопустимо. И представители европейских государств стали еще деятельней, чем когда-либо. Между ними и членами комиссии, которых теперь винили во всем, шла настоящая война. Вялый Якоб Янсен, несмотря на мирный нрав, присущий голландцам, ежедневно осыпал членов комиссии бранью и упреками. Полковник Борис Карков вызвал на дуэль секретаря комиссии. Дуэль, правда, кончилась тем, что он только ранил своего противника. Майор Донеллан не брался ни за огнестрельное, ни за холодное оружие — это против английских обычаев, — но зато в присутст-

вии секретаря Дина Тудринка он, по всем правилам бокса, обменялся десятком кулачных ударов с Уильямом С. Форстером, флегматичным владельцем рыбных складов, подставным агентом Арктической промышленной компании, который, в сущности, не имел ровно никакого отношения к делу.

Действительно, весь мир считал американцев из Соединенных Штатов ответственными за поступки самого прославленного их соотечественника — Импи Барбикена. Уже толковали о том, чтобы отозвать посланников и послов, аккредитованных при неосмотрительном вашингтонском правительстве, и объявить ему войну.

Несчастные Соединенные Штаты! Они ничего так не хотели, как изловить Барбикена и К^о! Напрасно они заявляли, что Европа, Азия, Африка и Океания могут с полным правом сами засадить его, где бы он ни нашелся, — их никто не желал и слушать. А место, где председатель Пушечного клуба и его коллега занимались подготовкой своей проклятой операции, так и оставалось неизвестным.

Европейские державы твердили одно:

— В ваших руках Дж. Т. Мастон — их соучастник! Ведь Дж. Т. Мастон знает все о Барбикене. Заставьте же Дж. Т. Масто́на говорить.

Заставить говорить Дж. Т. Масто́на! Легче было вырвать слово из уст бога молчания Гарпократа или из уст директора Нью-Йоркского института глухонемых!

Всеобщая тревога все усиливалась, а с нею нарастало и раздражение; наконец некоторые практичные люди вспомнили, что здесь могли бы пригодиться средневековые пытки, например «испанский сапог» палача, клещи и расплавленный свинец, которые развязывали язык самому упрямому молчальнику, а также кипящее масло, испытание водой, дыба и т. д.

Почему бы не воспользоваться этими средствами? Ведь в былые времена суд, не задумываясь, применял их в делах значительно менее важных, очень мало затрагивавших интересы народов.

Но надо все-таки признаться, что эти средства, которые оправдывались нравами прежнего времени, не годится употреблять в век доброты и терпимости, в век столь гуманный, как наш XIX век, озаменованный изобретением магазинных ружей, семимиллиметровых пуль с невероятной дальностью полета, в век, который в международных отношениях допускает применение бомб, начиненных мелинитом, робуритом, беллитом, панкластитом, меганитом и другими взрывчатыми веществами с окончанием на «ит», которые, впрочем, и в сравнение не идут с мели-мелонитом.

Поэтому Дж. Т. Масто́ну нечего было бояться пыток ни первой, ни второй степени. И оставалась лишь надежда на то, что он наконец сам уяснит свою ответственность и решит заговорить, а если нет — то, может быть, хоть случай скажет за него свое слово.

Между тем время двигалось вперед, и, весьма вероятно, продвигались вперед, неведомо где, также и удивительные работы Барбикена и капитана Николя.

Как же все-таки могла совершаться втайне постройка целого завода и сооружение доменных печей, необходимых для отливки орудия в миллион раз большего, чем двадцатисемисантиметровая морская пушка, а также снаряда весом в 180 тысяч тонн? Ведь при этом еще понадобилось бы нанять тысячи рабочих, понадобилось бы их отправить, устроить на месте. В какой части Старого или Нового Света Барбикен и К^о могли обосноваться так скрытно, что этого не заметил никто из живущих по соседству? Может быть, они поселились на каком-нибудь острове, затерянном в Тихом океане? Но в наши дни не осталось необитаемых островов, — они все захвачены англичанами. Разве что новая Компания открыла его нарочно для этого дела! Предположить, что завод построен где-нибудь в Арктике или Антарктике, просто нелепо. Ведь именно потому, что к таким широтам нельзя пробраться, Арктическая промышленная компания и задумала их переместить.

Впрочем, искать Барбикена и Николя по всем материкам и островам — даже относительно доступным — значило бы попусту терять время. Ведь в записной книжке, захваченной у секретаря Пушечного клуба, упоминалось, что выстрел надо произвести у самого экватора. А в тех местах имеются обитатели, хотя и не очень цивилизованные. Если Барбикен и Николь устроились около линии экватора, то во всяком случае не в Америке — то есть не на пространстве, занимаемом Перу и Бразилией, — и не на Зондских островах, не на Суматре, Борнео, Целебесе, не на Новой Гвинее. Если бы там велись подобные работы, население знало бы о них. Весьма вероятно, что такие работы нельзя провести тайно и в Центральной Африке — в области великих озер, пересекаемой экватором. Правда, остаются еще Мальдивские острова и Индийском океане, острова Адмиралтейства, Гилберта, Рождества и Галапагос в Тихом океане, остров Сан-Педро — в Атлантическом. Но розыски, предпринятые во всех этих местах, не привели ни к чему. Приходилось довольствоваться смутными предположениями, которыми нельзя было успокоить всеобщую тревогу.

А что думал обо всем этом Альсид Пьердэ? Со свойственной ему «введивостью» он не переставал размышлять о различных сторонах проблемы. Чтобы капитан Николь изобрел сильнейшее взрывчатое вещество, чтобы он действительно открыл свой мелимелонит, взрывная мощь которого в три-четыре тысячи раз превышает мощь самых страшных взрывчатых веществ, применяемых на войне, и который в пять тысяч шестьсот раз сильнее до-

брого старого ружейного пороха наших предков, — это само по себе было бы весьма удивительно и даже скоропалительно, рассуждал он, но все же не невозможно. Кто знает, какой прогресс в этом деле сулит нам будущее? Быть может, скоро найдут средства уничтожать целые армии на любом расстоянии. Во всяком случае, перемещение земной оси посредством отдачи орудия не поставило бы в тупик французского инженера. Он обращался *in petto*¹ к зачинщику всего дела со следующей речью:

«Разумеется, председатель Барбикен, Земля отзывается на все толчки, которые каждодневно происходят на ее поверхности. Конечно, когда сотни тысяч людей развлекаются тем, что выпускают в воздух тысячи снарядов, весом в столько-то килограммов, или миллионы пуль, весом в столько-то граммов, когда я просто хожу, прыгаю, вытягиваю руку, даже когда маленький кровяной шарик прогуливается по моим артериям, — все это сказывается на массе нашей планеты. Стало быть, и твоя большая пушка, Барбикен, в состоянии нанести нужный удар. Однако — клянусь интегралом! — хватит ли силы этого удара, чтобы повернуть Землю? А надо признать, что скотина Мастон в своих вычислениях это определенно доказывает».

Впрочем, Альсид Пьердэ не мог не восхищаться искусными вычислениями секретаря Пушечного клуба: члены следственной комиссии не скрывали их от тех ученых, которым они были по силам. И Альсид Пьердэ, читавший алгебраические вычисления, как другие читают газету, перечитывал их с истинным удовольствием.

Но если эта встряска случится, сколько катастроф произойдет на поверхности земного шара! Страшные потрясения, города в развалинах, обвалившиеся горы, миллионы погибших, воды, покинувшие свое ложе и несущие с собой ужасные бедствия!

Это будет как бы землетрясение неслыханной силы.

— Если бы еще, — ворчал Альсид Пьердэ, — если бы еще проклятый порох капитана Николя оказался недостаточно сильным, можно было бы надеяться, что снаряд, облетев земной шар, снова упадет на Землю — перед пушкой или позади нее. В таком случае все довольно скоро встанет на свое место, хотя, впрочем, и тут не обойдется без порядочных бедствий. Но попробуй положиись на это! Благодаря их мели-мелониту снаряд опишет полуветвь гиперболы и не подумает возвращаться к Земле ни с извинениями по поводу учиненного беспорядка, ни с предложением расставить все по местам!

И Альсид Пьердэ размахивал руками, как семафор, рискуя перебить все вокруг себя на расстоянии двух метров.

— Если бы, — говорил он, — узнать место выстрела, я скоро определил бы, на каких широтах все останется по-прежнему и где смещения достигнут максимума. Удалось бы хоть предупре-

¹ В мыслях (*итал.*).

дить людей, чтобы они выехали вовремя, пока дома и целые города не начнут валиться им на головы. Но как это узнать?

И, запустив пальцы в остатки волос, украшавших его череп, он восклицал:

— Ох, я думаю, что последствия толчка будут сложнее, чем можно себе представить! Почему бы вулканам не воспользоваться случаем и не предаться неистовым извержениям, изрыгая из себя все, что накопилось у них во чреве, как это случается с пассажирами на корабле во время морской качки? Почему бы вздыбившимся водам не ринуться в их кратеры? Черт побери! Тут последуют такие взрывы, от которых разлетится вся земная машина! А проклятый Мастон упрямо молчит! Он, видите ли, играет с нашим шариком, пробует разные хитрые удары на бильярде Вселенной!

Так рассуждал Альсид Пьердэ. Вскоре эти предположения подхватили и стали обсуждать газеты обоих полушарий. Что по сравнению с бедствиями, которыми грозит операция Барбикена и К^о, все смерчи, потопы и наводнения, иногда опустошающие тот или иной кусок Земли! Это катастрофы местного значения! От них погибает всего несколько тысяч человек, и это ничуть не тревожит покоя неисчислимого количества оставшихся в живых! Теперь, с приближением рокового срока, тревога охватывала даже самых храбрых. Разные проповедники по всем углам предсказывали конец мира. Можно было подумать, будто снова наступал ужасный тысячный год нашей эры, когда люди воображали себе, что будут заживо ввергнуты в царство мертвых.

Вспомните только, что произошло тогда. Основываясь на пророчестве Апокалипсиса, люди верили, что приближается день Страшного суда. Все ожидали знамений гнева, предсказанных в Писании. Вот-вот должен был появиться сын погибели — Антихрист.

«В последние годы X века,— пишет А. Мартэн,— все остановилось: развлечения, деловая жизнь,— все, даже земледельческие работы. «Зачем,— говорили,— думать о будущем, которого не будет? Подумаем о вечности, которая наступит завтра!» Все ограничивались исполнением дел первой необходимости. Люди завещали свои земли, свои замки монастырям, желая приобрести покровителей в небесном царстве, куда всем скоро придется отправиться. Многочисленные дарственные грамоты церквям начинались словами: «Близится конец мира, и гибель его неминуема...» Когда наступил роковой срок, население бросилось толпами в базилики, часовни, в здания, посвященные богу; охваченные ужасом, люди прислушивались, не звучат ли с неба семь труб семи ангелов последнего суда».

Как известно, первый день тысячного года начался, а законы природы ничем не были нарушены. Но на этот раз дело шло не о перевороте, предсказанном темными Библейскими писаниями. Теперь дело шло о попытке нарушить равновесие Земли,— по-

пытке, основанной на вычислениях точных и неоспоримых, попытке, которую развитие баллистики и механики делало вполне исполнимой. На этот раз море не только не выдаст своих мертвых, но миллионами поглотит живых и скроет их в глубине своих новых бездн.

И хотя в умах человеческих под влиянием новейших идей произошли большие перемены, тревога доводила людей до потери рассудка, и они, как в тысячном году, бросались составлять завещания. Никогда еще не готовились в такой спешке к переходу в лучший мир. Никогда в исповедальни не тянулись такие длинные вереницы грешников! Никогда не давалось столько отпущений грехов *in extremis*¹. Хотели даже просить папу дать своей грамотой общее отпущение грехов всем добрым людям на земле,— и не только добрым, но и очень перепуганным.

При таких обстоятельствах положение Дж. Т. Масто́на с каждым днем становилось все затруднительней. Миссис Эвенджелина Скорбит трепетала, как бы он не пал жертвой народного гнева. Возможно, теперь у нее самой мелькала мысль посоветовать ему произнести слова, которые он с беспримерным упрямством отказывался вымолвить. Но миссис Эвенджелина Скорбит не осмеливалась просить об этом, и хорошо делала. Она все равно получила бы решительный отказ.

Понятно, что в Балтиморе, охваченном страхом, становилось все трудней сдерживать население, возбуждаемое многими американскими газетами и телеграммами «со всех четырех концов света», выражаясь апокалиптическим языком святого Иоанна Евангелиста, жившего при Домициане. Наверное, если бы Дж. Т. Масто́н жил в царствование этого гонителя христиан, его дело было бы решено очень скоро. Его просто отдали бы на растерзание диким зверям. А он сказал бы только: «Я и так живу среди них!»

А непоколебимый Дж. Т. Масто́н по-прежнему не соглашался указать место *x*; ведь стоило ему только раскрыть рот, и председатель Барбикен с капитаном Нико́лем были бы лишены возможности продолжать свою работу.

Все-таки было что-то величественное в таком поединке одного человека с целым миром. Это еще более поднимало Дж. Т. Масто́на в мнении миссис Эвенджелины Скорбит и его коллег по Пушечному клубу. Надо сказать, brave boys, упрямые, как и надлежит отставным артиллеристам, стояли грудью за проект Барбикена и К°. Секретарь Пушечного клуба достиг такой известности, что ему, словно знаменитому преступнику, многие коллегционеры уже писали письма, в надежде получить в ответ несколько строк, начертанных рукой, которая собиралась перевернуть мир.

Но хотя положение Масто́на и было величественно, оно ста-

¹ В последнюю (перед смертью) минуту (лат.).

новилось все опасней и опасней. Вокруг балтиморской тюрьмы днем и ночью толпился возбужденный народ. Раздавались яростные крики. Взбешенные люди хотели his et pips¹ линчевать Дж. Т. Масто́на. Полиция опасалась, что наступит час, когда она не будет в силах защитить его.

Желая удовлетворить и американцев и жителей других стран, Вашингтонское правительство решило наконец предать Дж. Т. Масто́на уголовному суду.

Охваченные безумным страхом, присяжные заседатели «управились бы с ним в два счета», как говорил Альсид Пьердэ, начиная чувствовать даже некоторое уважение к твердому характеру математика.

И вот утром 5 сентября председатель Комиссии по расследованию появился в камере узника.

По настоятельной просьбе миссис Эвенджелины Скорбит ей тоже было разрешено посетить заключенного. А вдруг в последнюю минуту влияние этой милой женщины возьмет верх? Не следовало ничем пренебрегать. Здесь все способы были хороши, лишь бы наконец разгадать загадку.

— А если ничего не выйдет, тогда увидим! — говорили члены комиссии.

— Что же это вы увидите? — возражали прозорливые люди. — Какой прок вешать Дж. Т. Масто́на, если ужасная катастрофа все равно разразится!

Итак, около 11 часов перед Дж. Т. Масто́ном появились миссис Эвенджелина Скорбит и Джон Х. Престис, председатель Комиссии по расследованию.

Сразу же приступили к делу. Разговор состоял из вопросов и ответов — вопросов весьма резких, ответов совершенно спокойных.

И кто бы поверил, что спокойным окажется Дж. Т. Масто́н!

— В последний раз спрашиваю вас: будете ли вы говорить? — спросил Джон Х. Престис.

— О чем? — иронически осведомился секретарь Пушечного клуба.

— О том, куда уехал ваш друг Барбикен.

— Я уже говорил об этом сто раз.

— Повторите в сто первый!

— Он там, где будет произведен выстрел.

— А где будет произведен выстрел?

— Там, где сейчас мой друг Барбикен.

— Берегитесь, Дж. Т. Масто́н.

— Чего же?

— Последствий записательства, которое может...

— Помешать вам узнать то, чего вам и знать не следует.

— Но мы имеем право знать!

¹ Тут же на месте (лат.).

— Я этого не считаю.
— Мы привлечем вас к уголовной ответственности!
— И привлекайте!
— Суд осудит вас!
— Это дело судей.
— Приговор будет тотчас приведен в исполнение.
— Ну и пусть!
— Дорогой Мастон!..— осмелилась произнести миссис Эвенджелина Скорбит, чье сердце сжалось при этих страшных словах.

— О... миссис! — сказал Дж. Т. Мастон.

Она склонила голову и замолкла.

— Угодно вам узнать, каков будет приговор? — спросил председатель Джон Х. Престис.

— Если уж вам так хочется...— сказал Дж. Т. Мастон.

— Вы будете присуждены к высшей каре... Чего вы и заслуживаете!

— Вот как!

— И будете повешены, сударь. Это так же верно, как то, что два да два четыре!

— Ну тогда, сударь, у меня есть еще надежда,— хладнокровно ответил Дж. Т. Мастон.— Будь вы хоть немного сведущи в математике, вы не сказали бы «так же верно, как то, что два да два четыре». Не все математики безумны настолько, чтобы утверждать, будто сумма двух чисел равна сумме их частей, то есть что два и два дадут ровно четыре!

— Сударь! — воскликнул председатель, совершенно сбитый с толку.

— Если бы вы сказали,— возразил Дж. Т. Мастон,— «так же верно, как то, что один и один будет два»,— тогда другое дело! Это совершенно очевидно, потому что это вовсе не теорема, а просто определение!

Получив этот урок арифметики, председатель комиссии повернулся и ушел, а миссис Эвенджелина Скорбит послала самый пламенный взгляд властителю своих дум!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*очень короткая, но в которой Х получает наконец
географическое значение*

К счастью для Дж. Т. Масто́на, федеральное правительство вдруг получило следующую телеграмму от американского консула в Занзибаре:

«Государственному секретарю Джону С. Райту,
Вашингтон, США.

Занзибар, 13 сентября, 5 часов утра по местному времени.

В Вамасаи, к югу от горной цепи Килиманджаро, произво-

дятся большие работы. Председатель Барбикен и капитан Николь с многочисленными рабочими-неграми уже восемь месяцев как обосновались во владениях султана Бали-Бали, о чем имею честь довести до сведения правительства.

Ричард У. Траст, консул».

Вот как обнаружилась тайна Дж. Т. Масто́на. И вот почему, хотя секретарь Пушечного клуба и содержался в заключении, он не был повешен.

Но — как знать? — может быть, впоследствии ему самому пришлось пожалеть о том, что он не умер во всем блеске своей славы!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

*которая содержит кое-что чрезвычайно важное
для обитателей земного шара*

Итак, вашингтонскому правительству стало теперь известно, где действовали Барбикен и К^о. Не приходилось сомневаться в точности указаний, — занзибарский консул известен был как человек положительный, и его слова следовало принять на веру. К тому же сообщение подтверждалось и другими телеграммами. Именно там, в Африке, в Вамасаи, среди гор Килиманджаро, в сотне миль к западу от берега, немного южнее линии экватора, инженеры Арктической промышленной компании заканчивали свои гигантские работы.

Как они могли тайно пробраться в эти места, к подножию знаменитой горы, о которой впервые сообщили в 1849 году доктор Ребвиани и доктор Крапф и первое восхождение на которую было совершено путешественниками Отто Элерсом и Абботом? Как удалось устроить там мастерские, соорудить литейный завод, собрать необходимое количество рабочих? Каким способом завязаны были отношения со свирепыми племенами этой страны, с их коварными и жестокими повелителями? Этого никто не знал. Да и едва ли это могло открыться когда-нибудь, потому что до 22 сентября остались считанные дни.

По этой же причине, узнав от миссис Эвенджелины Скорбит, что телеграмма из Занзибара раскрыла тайну Килиманджаро, Дж. Т. Масто́н фыркнул, гордо взмахнул своим железным крючком и объявил:

— Не беда! По телефону и телеграфу пока еще нельзя передвигаться, а через шесть дней — трах-тарарах, и дело в шляпе!

Всякий, услышав, как звучно выпалил это Масто́н (так выпалила когда-то «Колумбиада»), только подивился бы, сколько еще жизненной силы сохранилось в старых артиллеристах!

По-видимому, Дж. Т. Масто́н был прав. Посылать в Вамасаи полицейских с приказом арестовать Барбикена было уже поздно. Даже если допустить, что такой отряд, отправившись из Алжира или из Египта, из Адена, из Массуана, с Мадагаскара или

Занзибара, быстро перебрался бы на африканский берег, — надо еще принять во внимание трудности передвижения по этой стране, всякие задержки из-за различных препятствий, обычных при переходе по гористой местности, и, наконец, сопротивление американцев и их рабочих, которое, наверно, поддержит в своих корыстных целях совершенно самовластный и совершенно черных султан.

Поэтому нечего было и надеяться, что удастся арестовать Барбикена и предотвратить выстрел.

Но если это оказывалось невозможным, зато легко было определить роковые последствия выстрела, потому что теперь стало известно точно, откуда он будет произведен. Теперь это дело вычислений — вычислений, очевидно, довольно сложных, но с ними все-таки вполне могли справиться алгебраисты и вообще математики.

Телеграмма занзибарского консула прибыла в адрес государственного секретаря в Вашингтоне, и федеральное правительство держало ее сперва в секрете. При ее опубликовании оно предпочитало указать, как смещение оси повлияет на изменение уровня морей, чтобы каждый мог сразу определить, какая судьба его ожидает и что случится с той или другой частью земного сфероида.

Можно себе представить, как жадно все стремились узнать, что им делать в этом случае!

Четырнадцатого сентября телеграмма была препровождена на Вашингтонскую обсерваторию, с просьбой выяснить последствия, учитывая законы баллистики и все географические данные. Через день они были точно установлены. По подводному кабелю заключение было немедленно доведено до сведения держав Нового и Старого Света. Затем тысячи газет перепечатали его под самыми громкими заголовками, и во всех больших городах мира газетчики стали выкрикивать их.

— Что же будет?

Этот вопрос задавали на всех языках жители всего земного шара.

И вот каков был ответ обсерватории.

«СРОЧНОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ

Замысел председателя Пушечного клуба Барбикена и капитана Николя состоит в том, чтобы 22 сентября в полночь по местному времени произвести смещение земной оси, используя для этого отдачу орудия. Выстрел будет сделан из пушки, в миллион раз превышающей французскую двадцатисемисантиметровую пушку; предположено зарядить ее ядром весом в 180 тысяч килограммов и применить взрывчатое вещество, которое сообщит снаряду начальную скорость в 2800 километров в секунду.

Если выстрел будет произведен несколько южнее линии эк-

ватора, примерно на тридцать четвертом градусе восточной долготы (считая от Парижского меридиана), у подножия горной цепи Килиманджаро, и если он будет направлен к югу, то вот что случится на поверхности земного шара.

В результате толчка в сочетании с суточным вращением Земли мгновенно возникнет новая ось, которая, согласно расчетам Дж. Т. Масто́на, займет перпендикулярное положение относительно плоскости эклиптики.

Но через какие точки земной поверхности пройдет новая ось? Раз место выстрела определено, высчитать это нетрудно. Вычисления уже сделаны. На севере конечная точка новой оси придется между Гренландией и Землею Гриннелла, в том месте Баффинова залива, где его теперь пересекает Северный полярный круг. На юге конечная точка придется на черте Южного полярного круга, несколькими градусами восточнее Земли Адели.

При таких обстоятельствах новый нулевой меридиан, проведенный от нового Северного полюса, пройдет через Дублин в Ирландии, через Париж во Франции, через Палермо в Сицилии, по заливу Большого Сирта у берегов Триполитании, затем через Обеид в Дарфуре, через горную цепь Килиманджаро, через Мадагаскар, остров Кергелен в южной части Тихого океана, через новый Антарктический полюс, через антиподы Парижа, острова Кука и Общества в Океании, острова Квадра и Ванкувер у берега Британской Колумбии, по территории Новой Англии в Северной Америке — и далее к полуострову Мелвилл в северной полярной области.

Вследствие образования новой оси вращения возникнет новый экватор, над которым Солнце будет совершать свое суточное движение, никогда не отклоняясь от него. Линия нового экватора пересечет горы Килиманджаро в области Вамасаи, Индийский океан, Гоа и Чикакол несколько южнее Калькутты в Индии, Мангалу в королевстве Сиам и Кешо в Тонкине, пройдет через Гонконг, остров Раза, Маршалские, Гаспар-Рико и Уокер в Тихом океане, пересечет Кордильеры в Аргентине, Рио-де-Жанейро в Бразилии, острова Троицы и Святой Елены в Атлантическом океане, Сан-Паоло-де-Лоанда в Конго и вернется в область Вамасаи с другой стороны Килиманджаро.

Зная положение нового экватора, нетрудно разобраться в вопросе об изменении уровня морей,— вопросе столь важном для безопасности жителей Земли.

Прежде всего следует заметить, что главари Арктической промышленной компании стараются по возможности смягчить последствия выстрела. В самом деле, если стрелять в сторону севера, последствия выстрела будут особенно страшны для наиболее цивилизованных стран земного шара. Если же стрелять в сторону юга, эти последствия скажутся сильнее в странах малонаселенных и более диких. Затоплению во всяком случае подвергнутся именно такие страны.

Вот как вследствие сплюсненной формы сфероида у старых полюсов распределятся воды смещенных со своих мест морей.

Представим себе, что земной шар опоясан двумя большими кругами, которые пересекаются под прямым углом у гор Килиманджаро, а с противоположной стороны земного шара — в южных морях. Получится четыре сегмента: два в Северном полушарии и два в Южном, разделенных линиями, на которых уровень воды останется прежним.

1) В Северном полушарии:

Первый сегмент к западу от Килиманджаро будет включать Африку от Конго до Египта, Европу от Турции до Гренландии, Америку от Британской Колумбии до Перу и Бразилию на широте Сан-Сальвадора, затем всю северную часть Атлантического океана и больше половины южной его части.

Второй сегмент, к востоку от Килиманджаро, вместит большую часть Европы от Черного моря до Швеции, Европейскую Россию, Азиатскую Россию, Аравию, почти всю Индию, Персию, Белуджистан, Афганистан, Туркестан, Китайскую Срединную империю, Монголию, Японию, Корею, Черное море, Каспийское море, северную часть Тихого океана и территорию Аляски в Северной Америке, а также полярные области, столь неосмотрительно уступленные американской Арктической промышленной компании.

2) в Южном полушарии:

Третий сегмент к востоку от Килиманджаро будет включать Мадагаскар, острова Марион, Кергелен, Морис, острова Соединения и все острова Индийского и Антарктического океана вплоть до нового полюса, полуостров Малакку, Яву, Суматру, Борнео, Зондские острова, Филиппины, Австралию, Новую Зеландию, Новую Гвинею, Новую Каледонию, всю южную часть Тихого океана и многочисленные архипелаги приблизительно до теперешнего сто шестидесятого меридиана.

Четвертый сегмент, к западу от Килиманджаро, охватит Южную Африку от Конго и Мозамбикского пролива до мыса Доброй Надежды, южную часть Атлантического океана до восьмидесятой параллели, всю Южную Америку от Пернамбуку и Лимы, Боливию, Бразилию, Уругвай, Аргентину, Патагонию, Огненную Землю, острова Малуинские, Сандвичевы, Шетландские и южную часть Тихого океана на восток от сто шестидесятого градуса долготы.

Теперь укажем, что произойдет из-за смещения океанов на поверхности каждого из этих четырех сегментов.

В каждом из них имеется некий центральный пункт, где последствия толчка скажутся максимальным образом как при подъеме уровня воды, так и при падении его.

Вычисления Дж. Т. Масто́на с совершенной точностью устанавливают, что этот максимум достигнет 8415 метров в каждой такой точке. Начиная от них, смещение уровня будет все умень-

шаться по направлению к нейтральным линиям, образующим границы сегмента. Предприятие Барбикена и К^о грозит более всего безопасности именно этих мест.

Рассмотрим подробно, что произойдет из-за опускания и поднятия океана.

На двух сегментах, расположенных один против другого в Северном и Южном полушариях, моря отойдут, затопив два другие сегмента, подобным же образом расположенные против них.

В первом сегменте: Атлантический океан опорожнится почти весь, и так как максимальная точка понижения морского уровня будет находиться почти на широте Бермудских островов, то, если глубина моря в этом месте окажется меньше 8415 метров, здесь обнажится дно. Поэтому между Америкой и Европой выйдут на поверхность обширные территории, которые, соответственно их географическому расположению, Соединенные Штаты, Англия, Франция, Испания и Португалия могут присоединить к своим владениям, если сочтут нужным. Но следует заметить, что вместе с понижением водного уровня понизится и слой воздуха. Города, расположенные в прибрежной полосе Европы и Америки даже на расстоянии двадцати — тридцати градусов от максимальных точек, окажутся на высоте, где воздух будет разрежен в такой же мере, как разрежен он сейчас на высоте одной мили. Этой участи подвернутся (мы назовем только самые крупные города): Нью-Йорк, Филадельфия, Чарлстон, Панама, Лисабон, Мадрид, Париж, Лондон, Эдинбург, Дублин и другие. Лишь Каир, Константинополь, Дандиг и Стокгольм с одной стороны, и города западного побережья Америки с другой, сохранят свое прежнее положение относительно уровня моря. А на Бермудских островах человеку будет так же не доставать воздуха, как не достаёт его воздухоплавателю, поднявшемуся на высоту 8000 метров, как не достаёт его на высочайших горах Тибета. Следовательно, жить там будет совершенно невозможно.

То же произойдет и в противоположном сегменте, охватываемом Индийский океан, Австралию и четвертую часть Тихого океана, воды которого хлынут на южные берега Австралии. В этом сегменте изменение уровня скажется сильнее всего у берегов Земли Нюйтса, а города Аделаида и Мельбурн окажутся на восемь километров выше уровня океана. Несомненно, воздух, в слой которого они при этом попадут, будет очень чист, но от этого он не станет достаточно плотным и не будет пригоден для дыхания.

Таковы в общих чертах изменения, которым подвергнутся части земного шара в тех двух сегментах, где из-за более или менее окончательного опустошения морских бассейнов произойдет поднятие почвы. В тех местах, откуда море не совсем уйдет, наверное, появятся новые острова, образованные вершинами вышедших из воды гор.

Но если уменьшение плотности воздуха представит неудобст-

ва для тех частей суши, которые окажутся в верхних слоях атмосферы, то что же станет с материками, которые будут затоплены вышедшим из берегов океаном? При давлении воздуха меньшем, чем давление атмосферы, можно еще как-то дышать. Но, имея над собой многометровый слой воды, дышать, разумеется, нельзя вовсе, а это как раз и произойдет в остальных двух сегментах.

В сегменте на северо-восток от Килиманджаро максимальная точка придется у Якутска, в глубине Сибири. От этого города, покрытого слоем воды в 8415 метров (за вычетом его теперешней высоты), водный слой, все понижаясь, распространится до нейтральных линий, затопив большую часть азиатской России и Индии, Китай, Японию и американскую Аляску по ту сторону Берингова пролива. Может быть, Уральские горы выступят из воды островком над Восточной Европой. Что касается Петербурга и Москвы с одной стороны, и Калькутты, Бангкока, Сайгона, Пекина, Гонконга, Токио с другой, — то эти города исчезнут под слоем воды разной глубины, — впрочем вполне достаточным, чтобы утопить русских, индусов, сиамцев, кохинхинцев, китайцев и японцев, если они не успеют покинуть свои страны до катастрофы.

В сегменте к юго-западу от Килиманджаро бедствия не будут столь велики, потому что большая его часть занята Атлантическим и Тихим океанами, уровень которых поднимется на 8415 метров около Малуинского архипелага.

Но все-таки этим искусственным потоком тут тоже будут залиты большие пространства суши, в том числе угол Экваториальной Африки от Нижней Гвинеи и гор Килиманджаро до мыса Доброй Надежды, а также треугольник всей Южной Америки, который занимают Перу, Центральная Бразилия, Чили и Аргентина вместе с Огненной Землей и мысом Горн. Патагонцы, хотя они и очень высокого роста, не избегнут затопления; им не спастись на Кордильерах, потому что даже вершины этой части хребта скроются под водой.

Таковы будут последствия смещения вод на земном шаре: придется либо возноситься вверх, либо падать на дно. К таким возможностям должны подготовиться все заинтересованные лица, если не удастся вовремя остановить преступные замыслы Барбикена!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

*в которой хор недовольных поет crescendo и rinforzando*¹

Судя по напечатанному предостережению, надо было принять меры против грозивших бедствий, предотвратить их или по крайней мере постараться избежать опасности, переселившись

¹ Увеличивая силу звука, усиливая (итал.).

на нейтральные линии, где она будет наименьшей. Ведь людям угрожало либо удушение, либо потопление.

Одни расценивали сообщение так, другие иначе, но все одинаково выражали бурное негодование.

Среди тех, кому предстояло задохнуться, были американцы, французы, англичане, испанцы и т. д. Согласиться с такой возможностью не могла их вынудить даже перспектива захвата территории бывшего морского дна. Париж, оказавшись почти на том же расстоянии от нового полюса, на каком он теперь находится от старого, ничего не выиграл бы. В Париже, правда, будет тогда царствовать вечная весна, зато воздух над ним поредеет значительно. А это не очень обрадует парижан, которые за отсутствием озона привыкли без счета пользоваться кислородом, — с какой стати им ограничивать себя!

Среди подлежащих затоплению были обитатели Южной Америки, а также австралийцы, канадцы, индусы и жители Зеландии. Ну, Англия-то, конечно, не потерпит, чтобы Барбикен и К^о лишили ее самых богатых колоний: там англосаксы с успехом начинают вытеснять туземцев! Наверное, когда на месте опустевшего Мексиканского залива образуется обширное Антильское королевство, янки предъявят на него свои права, опираясь на доктрину Монро — Америка американцам! И, конечно, когда море отступит от Целебеса, от Зондских и Филиппинских островов, англичане и испанцы потребуют себе обнажившиеся там обширные пространства. Какие пустыни! Этим ведь не возместить убытков и потерь от ужасного наводнения.

Если бы под новыми морями исчезли только лапландцы или сибирские якуты, жители Огненной Земли, патагонцы, даже монголы, китайцы, японцы и аргентинцы, может быть, цивилизованные государства и согласились бы на такую жертву! Но катастрофа грозила самим великим державам, и поэтому они не собирались молчать.

Так, оказывалось, что центральная часть Европы останется почти в целости, но запад ее приподнимется, а восток опустится, — то есть одна ее сторона будет полузадушена, а другая полупотоплена. Вот это было уже вовсе неприемлемо. К тому же Средиземное море почти опустеет, а на это никак не согласятся ни французы, ни итальянцы, ни испанцы, ни греки, ни турки, ни египтяне, которые, как жители побережья, владеют неоспоримыми правами на это море. И к чему будет тогда Суэцкий канал, который не пострадает, оказавшись как раз на нейтральной линии? Какой будет прок от удивительного творения Лессепса, если по эту сторону перешейка почти исчезнет Средиземное море, а по другую сторону останется очень мало от Красного? Неужели придется рыть канал еще на сотни лье дальше?

Да ведь и Англия никогда, никогда не допустит, чтобы Гибралтар, Мальта и Кипр превратились в скрытые за облаками горные вершины, к которым не пристать английским военным

судам. Нет, нет! Ее не примирит с этим даже присоединение территорий, которые придутся на ее долю из земель, лежащих на дне бывшего Атлантического океана. Все-таки майор Донеллан уже подумывал о возвращении в Европу, чтобы от имени своей страны заявить права на новые территории, на случай, если предприятие Барбикена и К^о увенчается успехом.

Со всех сторон неслись протесты, протестовали даже государства, расположенные на нейтральной линии, где почти не предполагалось смещения уровня воды, потому что даже и они — хоть в разной степени — должны были пострадать. Протесты стали, пожалуй, еще яростнее, когда телеграмма из Занзибара, указав место выстрела, позволила составить вышеуказанное малоутешительное сообщение.

Одним словом, на председателя Барбикена, капитана Никола и Дж. Т. Мастопа ополчилось все человечество.

Зато какие счастливые дни наступили для газет всего мира! Какой спрос! Какие дополнительные тиражи! Выражая всеобщее возмущение, пожалуй впервые, высказали единоголосые газеты, до сих пор не сходившиеся ни в одном вопросе: «Новости», «Новое время», «Кронштадтский вестник», «Московская газета», «Русское дело», «Гражданин», «Карлскронская газета», «Хандельсблат», «Фатерланд», «Фремденблат», «Новая Баденская крестьянская газета», «Магдебургская газета», «Нейе фрейе прессе», «Берлинер тагеблат», «Экстраблат», «Почта», «Народная газета», «Биржевой курьер», «Сибирская газета», «Газетт де ля круа», «Газетт де Восс», «Рейхсцейгер», «Германия», «Эпоха», «Корре», «Независимый», «Корреспонденция», «Иберия», «Тан», «Фигаро», «Энтрассижан», «Голуа», «Юнивер», «Жюстис», «Републик Франсэз», «Оторитэ», «Пресс», «Матэн», «Девятнадцатый век», «Либертэ», «Иллюстрацион», «Мир в картинах», «Ревю де дё Монд», «Космос», «Голубое обозрение», «Природа», «Трибуна», «Оссерваторе романо», «Эссерсито романо», «Фанфулла», «Капитан Фракасс», «Реформа», «Пестер Ллойд», «Эфимерис», «Акрополис», «Палингенезия», «Кубинский курьер», «Аллахабадский колонист», «Српска независность», «Независимость Румынии», «Норд», «Независимость Бельгии», «Сидней морнинг геральд», «Эдинбургское обозрение», «Манчестер гардиан», «Шотландец», «Стандарт», «Таймс», «Трутс», «Сан», «Сентрал ньюз», «Пресса Аргентина», бухарестская «Ромынул», «Курьер Сан-Франциско», «Коммерческая газета», калифорнийская «Сан-Диего», «Манитоба», «Эхо Тихого океана», «Наука в Америке», «Вестник Соединенных Штатов», «Нью-Йорк геральд», нью-йоркская «Уорлд», «Дейли кроникл», «Буэнос-Айрес геральд», «Заря Марокко», «Ху-Пао», «Цинг-Пао», «Курьер Гонконга», «Вестник республики Кунани». Даже «Мак Лейн экспресс» — английская газета, посвященная только вопросам политической экономии, — и та высказывала предположение о голоде, который охватит разоренные территории. Ведь под угрозой оказывалось не европейское

равновесие — это было бы пустяком! — а равновесие целого мира. И поэтому легко себе представить, что творилось с обезумевшими обитателями земного шара, и без того, по чрезмерной нервозности, характерной для XIX века, склонного ко всяким глупостям и припадкам! Сообщение было бомбой, попавшей в пороховой погреб!

Для Дж. Т. Масто́на, казалось, пробил последний час. Вечером 17 сентября взбешенная толпа ворвалась в тюрьму, намереваясь линчевать его, и, надо сказать, полицейские не чинили ей никаких препятствий.

Камера Дж. Т. Масто́на оказалась пуста. Миссис Эвенджели́на Скорбит устроила его побег, несмотря на то, что тюремщик оценил почтенного артиллериста на вес золота. Страж мистера Масто́на легко поддался искушению, ибо рассчитывал пользоваться свалившимся на него богатством до глубокой старости. Ведь Балтимор, так же как Вашингтон, Нью-Йорк и другие крупнейшие города этой части Америки, должен был подняться вверх не очень высоко, и жителям вполне хватило бы воздуха для ежедневного потребления.

И вот Дж. Т. Масто́ну удалось тишком скрыться и ускользнуть от расправы возмущенной толпы. Так жизнь великого нарушителя мирового порядка была спасена любящей и преданной женщиной. Да кроме того, оставалось выдержать четыре дня — всего четыре дня! — и замысел Барбикена и К^о будет приведен в исполнение!

Разумеется, срочное оповещение, насколько это было возможно, уразумели все.

Если раньше находились скептики, не верившие в близкую катастрофу, то теперь их больше не осталось. Каждое правительство спешило предупредить жителей своей страны: и тех, кому предстояло подняться в разреженные слои воздуха (их было сравнительно немного), и тех, чьи территории должны были скрыться под водой (последних было значительно больше).

После предупреждений, разнесенных телеграфом по всем пяти материкам, началось переселение, какого свет не видывал — даже во время великого переселения народов с востока на запад. Это был исход племен и ветвей их. Двинулись — готтентоты, меланезийцы, негры, двинулись красные, желтые, черные, белые...

К несчастью, было уже поздно. Оставались считанные часы. Имея отсрочку на несколько месяцев, китайцы успели бы покинуть Китай, австралийцы — Австралию, патагонцы — Патагонию, жители Сибири — Сибирь и так далее.

Однако, когда опасность определилась, когда выяснилось, что на земном шаре есть места почти безопасные, кое-где страхи начали униматься, некоторые области, даже целые государства, стали успокаиваться. И тех, кто не жил в местности, которой грозила непосредственная опасность, мучила лишь смутная тревога, которую каждый испытывает в ожидании ужасного удара.

Тем временем Альсид Пьердэ все повторял, размахивая руками, как сигнальщик былых времен:

— Но как этому дьяволу Барбикену удалось соорудить пушку в миллион раз больше нашей двадцатисемисантиметровой? Проклятый Масто! Попадись он мне — уж я бы его повыспросил! Ну куда же это годится, ведь здесь ни на волос смысла нет! Нас просто-напросто хотят взять на пушку!

Как бы там ни было, а для многих стран единственная надежда избежать страшной катастрофы состояла в неудаче предприятия Барбикена и К^о.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

*Что происходило у подножия Килиманджаро
в продолжение восьми месяцев этого памятного года*

Страна Вамасаи лежит в восточной части Центральной Африки, между занзибарским берегом и областью великих озер, из которых Виктория-Ньянца и Танганьика являются настоящими внутренними морями. Отрывочные сведения об этой стране сообщали посетившие ее англичанин Джонсон, граф Текели и немец — доктор Мейер. Горная страна эта подвластна султану Бали-Бали, ее население состоит из тридцати — сорока тысяч негров.

В трех градусах к югу от экватора высится горная цепь Килиманджаро, вздымающая отдельные свои вершины (между ними — Кибо) на высоту пяти тысяч семисот метров¹. К югу, северу и западу от этого горного массива лежат плодородные равнины Вамасаи, простирающиеся через область Мозамбика до озера Виктория-Ньянца.

Неподалеку от первых склонов Килиманджаро находится Кисонго — обычная резиденция султана. Эта столица, по правде говоря, похожа просто на большую деревню. Население ее — очень даровитое и сообразительное. Под железным игом султана Бали-Бали трудятся и свободные и рабы.

Султан справедливо слывет одним из выдающихся вождей Центральной Африки, которым до сих пор удается избежать английского влияния, или, вернее, английского господства.

В начале января в селение Кисонго прибыли председатель Барбикен и капитан Николь, которых сопровождали всего лишь десять отлично обученных и преданных рабочих. Об их отъезде из Соединенных Штатов знали только миссис Эвенджелина Скорбит и Дж. Т. Масто. Они отправились из Нью-Йорка на корабле, шедшем к мысу Доброй Надежды, и пересели там на другой корабль, который доставил их в порт Занзибар на острове того же названия. Оттуда тайно зафрахтованное судно переправило их в порт Момбаса на африканском берегу, по ту сторону пролива. В этом порту их уже ожидал отряд воинов, высланный султаном. Сделав около ста миль мучительно трудного

¹ На тысячу метров выше Монблана. (Примеч. авт.)

пути по местности, то прегражденной лесами и трясиными, то изрезанной руслами высохших рек, они достигли наконец резиденции султана.

Ознакомившись с вычислениями Дж. Т. Масто́на, Барбикен через одного шведского исследователя, несколько лет прожившего в этой части Африки, тотчас вошел в деловые сношения с Бали-Бали. Со времени знаменитого путешествия на Луну, отголо-ски которого дошли и до этой отдаленной страны, султан был горячим поклонником Барбикена и теперь сразу вступил в дружбу с предприимчивым янки. Не раскрывая своей цели, Импи Барбикен легко добился от повелителя Вамасаи разрешения произвести необходимые работы у южного подножия Килиманджаро. За изрядную сумму в триста тысяч долларов Бали-Бали обязался предоставить и нужных рабочих. Кроме того, он дал Барбикену право делать с Килиманджаро все что угодно. Барбикен мог распоряжаться Килиманджаро по своему произволу, мог срыть все горы, если бы ему захотелось, и унести их с собой, если бы достало силы. Подписав ряд солидных договоров, которые султан считал для себя выгодными, Арктическая промышленная компания вступила во владения этими африканскими горами, как раньше она стала собственницей арктических земель.

Барбикен и его друг встретили в Кисонго самый радушный прием. Два знаменитых путешественника, смело пустившихся в межпланетное пространство, чтобы достичь Луны, внушали султану восхищение, казались ему чуть ли не богами. К тому же Бали-Бали ужасно нравилось, что эти люди собираются производить в его государстве такие таинственные работы. И за себя и за своих подданных, обязанных работать у американцев, он обещал хранить полное молчание. Ни один из негров, под страхом самых мучительных наказаний, не смел даже на день уйти из мастерских.

Вот почему работы были окружены такой тайной, что даже самым ловким сыщикам Америки и Европы не удалось проведать о них. Если эта тайна и была под конец обнаружена, то, в-первых, из-за того, что султан ослабил строгости по окончании работ, а во-вторых, из-за того, что предатели и болтуны всюду найдутся даже среди негров. Тут занзибарский консул Ричард Траст и пронюхал о том, что творилось у гор Килиманджаро. Но тогда, 13 сентября, нечего было надеяться помешать Барбикену: было уже слишком поздно.

Но почему же работы Барбикена и К^о происходили в Вамасаи? Барбикен выбрал это место прежде всего потому, что, ввиду своего расположения в малоисследованной части Африки и своей отдаленности от мест, обычно посещаемых путешественниками, оно было удобно для выполнения этого замысла. Кроме того, горы Килиманджаро по своему расположению и по плотности породы удовлетворяли всем требованиям его предприятия. И, наконец, здесь имелись необходимые ископаемые, а условия добычи были особо благоприятны.

За несколько месяцев до своего отъезда из Нью-Йорка председатель Барбикен как раз узнал от упомянутого шведского путешественника, что у подножия горной цепи Килиманджаро железо и каменный уголь встречаются в изобилии на самой поверхности земли. Незачем было ни пробивать шахты, ни определять залегания угольных пластов в глубине земли. Угля и железа там было даже больше, чем требовалось по расчетам, только нагнись и поднимай. Поблизости от горы имелись богатейшие залежи селитры и железного колчедана, необходимого для производства мели-мелонита.

Председатель Барбикен и капитан Николь, как уже говорилось, привезли с собою только десяток опытных рабочих. Зато на них вполне можно было положиться. Эти рабочие должны были руководить тысячами негров, предоставленных в их распоряжение султаном Бали-Бали. Им-то и выпало на долю изготовить чудовищную пушку и не менее чудовищный снаряд.

Через две недели после приезда Барбикена и его товарища в Вамасаи у южного подножия Килиманджаро были выстроены три обширных помещения — одно для отливки пушки, другое для отливки снаряда и третье для производства мели-мелонита.

Прежде всего как председатель Барбикен решил задачу отливки орудия столь громадных размеров? Это сейчас будет объяснено, и тогда станет ясно, что последняя надежда на спасение, которая держалась на сомнении в возможности соорудить такую пушку, исчезла для обитателей земного шара.

Действительно, отлить орудие, по объему в миллион раз превосходящее двадцатисемисантиметровую французскую пушку, — дело, превышающее человеческие силы. Значительные трудности представляет собою даже сооружение сорокадвухсантиметровых пушек, при снарядах в семьсот восемьдесят килограммов, с затратой двухсот семидесяти четырех килограммов пороха на заряд. Но Барбикен и Николь и не собирались сооружать такую пушку. Им не нужна была ни пушка, ни мортира, — они намеревались просто пробуровать в толще Килиманджаро галерею, своего рода шахту. Такая шахта, такой огромный туннель, разумеется, с успехом мог заменить металлическое орудие, гигантскую «Колумбиаду», соорудить которую было бы очень трудно и дорого, так как для предотвращения всякой возможности взрыва пришлось бы придать стенкам ствола невероятную толщину. Барбикен и К° с самого начала предполагали выполнить свой проект именно таким образом, а если в записной книжке Дж. Т. Масто́на упоминалась пушка, то лишь потому, что за основу вычислений было принято двадцатисемисантиметровое орудие.

Место выбрали на высоте ста футов по южному склону хребта, у подножия которого лежала бескрайняя равнина. Здесь ничто не могло препятствовать полету снаряда, когда он вырвется из ствола, просверленного в толще Килиманджаро.

Долбить туннель надо было соблюдая чрезвычайную точность, а работа требовала тяжелого труда. Но Барбикен сумел быстро изготовить сверла, представлявшие собой довольно простой инструмент: они приводились в действие сжатым воздухом, для производства которого применялась сила мощных горных водопадов. В скважины, пробуравленные сверлами, закладывался затем мели-мелонит. Только при помощи этого сильнейшего взрывчатого вещества и взлетали на воздух скалы, образованные из необычайно твердой породы — сиенита, в состав которого входят полевой шпат и роговая обманка. Впрочем, эта твердость была кстати: ведь скале предстояло выдержать огромное давление расширяющихся при взрыве газов. Но при высоте и ширине горной цепи Килиманджаро можно было не опасаться образования трещин или расщелин.

И вот тысячи работников, под началом десяти мастеров и под общим надзором самого Барбикена, взялись за дело так усердно и умело, что работа была закончена меньше чем в полгода.

Галерея имела двадцать семь метров в диаметре и уходила на шестьсот метров в глубину. Так как снаряд во избежание потери силы взрывных газов должен был пройти по совершенно гладкому стволу, то внутри галереи была сделана литая полированная облицовка.

По правде сказать, все это было гораздо трудней соорудить, чем знаменитую «Колумбиаду», в городе Мун-Сити, из которой был выпущен на Луну алюминиевый снаряд. Но разве есть что-либо невозможное для современных инженеров?

Пока в толще Килиманджаро сверлили галерею, во второй мастерской люди тоже не сидели сложа руки: там одновременно изготавливались и металлическая облицовка галереи и огромный снаряд, а сделать его — значило отлить цилиндрико-коническое тело весом в сто восемьдесят миллионов килограммов, то есть в сто восемьдесят тысяч тонн.

Разумеется, нечего было и пытаться отлить такой снаряд целиком. Его отливали отдельными частями по тысяче тонн каждая и одну за другой подвозили к отверстию галереи, где укладывали перед камерой, предварительно наполненной мели-мелонитом. Скрепленные между собой болтами, эти части образовали цельный снаряд, который мог легко скользнуть по каналу галереи.

Во вторую мастерскую необходимо было доставить около четырехсот тысяч тонн руды, семьдесят тысяч тонн известкового флюса и четыреста тысяч тонн жирного каменного угля, который после переработки в коксовых печах дал бы двести восемьдесят тысяч тонн кокса. Так как угольные пласты находились поблизости от Килиманджаро, все дело сводилось почти к одной доставке.

Пожалуй, наибольшую трудность представляло сооружение доменных печей для выплавки руды. И тем не менее к концу ме-

сяца были готовы десять доменных печей высотой в тридцать метров и производительностью в сто восемьдесят тонн в день. За сто рабочих дней они должны были дать сто восемьдесят тысяч тонн.

В третьей мастерской, где изготовляли мели-мелонит, работа велась успешно и в такой тайне, что состав этого взрывчатого вещества и по сей день не удается определить окончательно.

Одним словом, все шло гладко. С большим успехом эти работы нельзя было бы выполнить даже на заводах Крезо, Кайля, Индрета, Сейна, Биркенхеда, Вулвича и Кокерилла. На каждые триста тысяч франков, затрачиваемых на работы, приходился едва один несчастный случай.

Разумеется, султан был в восторге. Он с неутомимым вниманием следил за работой. Можно себе представить, как рвение верноподданных подгонялось присутствием его грозного величества.

По временам, когда Бали-Бали спрашивал, чего ради ведутся работы, Барбикен отвечал:

— Ради того, чтобы изменить лицо мира!

— И упрочить за султаном Бали-Бали неувядаемую славу меж государями Восточной Африки! — прибавлял капитан Николь.

Нечего и говорить, как это льстило гордости повелителя Вамасаи.

К 29 августа работы были полностью закончены. Шестисотметровая галерея на всем протяжении была облицована полированной сталью. В глубине канала заложили две тысячи тонн мели-мелонита, к которому протянули провод от взрывателя. Затем лежал снаряд длиной в сто пять метров. За вычетом места, занимаемого взрывчатым веществом и самим снарядом, последнему оставалось пройти до самого жерла еще четыреста девяносто два метра, и этим обеспечивалось его полезное действие под влиянием напора расширившихся газов.

Далее возникал вопрос — вопрос из области чистой баллистики: не отклонится ли снаряд от траектории, назначенной для него в вычислениях Дж. Т. Масто́на? Никоним образом! Вычисления были точны. Они указывали, насколько снаряд должен отклониться к востоку от меридиана Килиманджаро из-за вращения Земли вокруг своей оси, и определили форму гиперболической кривой, которую он опишет вследствие своей огромной начальной скорости.

Второй вопрос: будет ли снаряд видим во время полета? Нет, не будет видим, потому что, вырвавшись из галереи, он погрузится в тень, отбрасываемую Землей, и, кроме того, при небольшой высоте полета его скорость будет слишком велика. Когда же он выйдет на освещенное пространство, то не будет замечен даже в самый мощный телескоп, так как его размеры слишком малы

для этого. Не виден он будет и позже, когда, разорвав узы земного притяжения, станет вечно вращаться вокруг Солнца.

Барбикен и капитан Николь, безусловно, могли гордиться делом, которое они таким образом довели до самого конца.

Зачем не было здесь Дж. Т. Масто́на? Он полюбовался бы прекрасным выполнением этой работы, выполнением, достойным тех точных расчетов, которые легли в ее основу. Зачем он будет находиться так далеко-далеко, когда ужасный взрыв отзовется эхом по всей Африке до крайних ее пределов?

Вспоминая о Дж. Т. Масто́не, его друзья и не подозревали, что секретарь Пушечного клуба, бежав из балтиморской тюрьмы, не смел показаться в Баллистик-коттедже и вынужден был скрываться, спасая свою драгоценную жизнь. Они и не предполагали, до какой степени общественное мнение было возбуждено против инженеров Арктической промышленной компании, не знали, что, попадись они только, их зверски убили бы, четвертовали, сожгли на медленном огне. Поистине, счастье, что их выстрел будут приветствовать только клики одного африканского племени!

— Наконец-то! — сказал капитан Николь Барбикену, когда вечером 22 сентября они гордо взирали на законченную работу.

— Да... Наконец-то!.. Уф! — И Барбикен с облегчением вздохнул.

— А если бы пришлось начинать сызнова?

— Ну что ж... Мы начали бы сызнова!

— Какая удача, — сказал капитан Николь, — что у нас есть этот чудесный мели-мелонит!

— Его одного достаточно, чтобы прославить ваше имя, Николь!

— Без сомнения, Барбикен, — скромно ответил капитан Николь. — Но знаете ли вы, сколько галерей пришлось бы пробуровать в склоне Килиманджаро ради той же цели, если бы у нас был только пироксилин, вроде того, который отправил наш снаряд на Луну?

— Не знаю, Николь.

— Сто восемьдесят галерей, Барбикен.

— Ну что ж! Мы пробуровали бы их, капитан!

— И понадобилось бы сто восемьдесят снарядов весом в сто восемьдесят тысяч тонн каждый!

— И мы тоже отлили бы их, Николь!

Вот и попробуйте убедить людей такого закала! Уж если эти артиллеристы облетели вокруг Луны, то они способны решительно на все!

.....

В тот же самый вечер, за несколько часов до срока, назначенного для выстрела, пока Барбикен и Николь занимались взаимными поздравлениями, Альсид Пьердэ в своем кабинете в Бал-

тиморе вдруг яростно завопил, как настоящий краснокожий. Выскочив из-за стола, заваленного листами, исписанными алгебраическими формулами, он закричал:

— Мошенник Масто! Ах, скотина! Ну заставил он меня посидеть над своей задачей! И как мне это раньше не пришло в голову! Клянусь косинусом! Если бы только знать, где он сейчас, я пригласил бы его поужинать, и мы выпили бы по бокалу шампанского как раз в ту минуту, когда будет палить его всеокрушающая махина!

Альсид Пьердэ испустил еще несколько диких воплей, словно выиграв партию в вист, и прибавил:

— Нет, старик был не в себе, когда рассчитывал свою килиманджарскую пушку!.. А ведь это — условие *sine qua non* или *sine сапоп*¹, — как говаривали у нас в школе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

*в которой население Вамасаи с нетерпением ждет,
чтобы Барбикен скомандовал капитану Николу: «Огонь!»*

Был вечер 22 сентября — памятное число, от которого все ожидали не менее гибельных последствий, чем в свое время их ждали от 1 января тысячного года.

Через двенадцать часов после прохождения Солнца через килиманджарский меридиан, то есть в полночь, капитан Николь должен был собственноручно произвести вспышку у заряда своего ужасного орудия.

Надо заметить, что так как Килиманджаро отстоит на тридцать пять градусов к востоку от Парижского меридиана, а Балтимор на семьдесят девять градусов к западу от него, то между ними получается разница в сто четырнадцать градусов, а во времени — в четыреста пятьдесят шесть минут, то есть семь часов двадцать шесть минут. Следовательно, в тот миг, когда произойдет выстрел, в столице штата Мэриленд будет пять часов двадцать четыре минуты пополудни.

Погода была великолепная. Солнце только что село. Небо над равнинами Вамасаи было совершенно чисто, и чтобы отправить снаряд в звездное пространство, нельзя было желать ночи ни яснее, ни тише. Единственным облаком над Землей будет искусственное облако от взрыва мели-мелонита.

Как знать? Может быть, Барбикен и капитан Николь сожалели, что не могли сами залезть в этот снаряд. За одну секунду они пролетели бы две тысячи восемьсот километров. Проникнув сначала в тайны лунного мира, они теперь изучили бы тайны солнечной системы, и притом при обстоятельствах чрезвычайно

¹ Непременное (*синэ ква нон*) — *лат.* Без пушки (*синэ канон*) — *са поп* — по-французски пушка.

любопытных, свидетелем которых не был даже француз Гектор Сервадак, перенесенный на планету Галлия¹.

Султан Бали-Бали и самые важные лица его двора, то есть министр финансов и придворный палач, а также все чернокожие рабочие, принимавшие участие в грандиозных работах, собрались посмотреть, как будет производиться выстрел. Однако, чтобы не пострадать от страшного сотрясения воздуха, все они предосторожно расположились в трех километрах от галерей, пробуравленной в склоне Килиманджаро.

Позади них толпились тысячи туземцев, явившихся из Кисонго и других селений, лежащих в южной части страны, чтобы по приказу султана Бали-Бали присутствовать при этом изумительном зрелище.

От электрической батареи к взрывателю в глубине галерей тянулась проволока для передачи тока, который вызовет искру и заставит вспыхнуть мели-мелонит.

Для начала султан, американские гости и именитые люди столицы сошлись за столом. Угощение было прекрасное, и все за счет Бали-Бали, который не скупился на расходы, потому что их взялась оплатить Арктическая промышленная компания.

Пиршество, начавшееся в половине восьмого, закончилось в одиннадцать тостом Бали-Бали, провозглашенным за инженеров Арктической промышленной компании и за успех предприятия.

Еще час, и изменение географических и климатических условий Земли станет совершившимся фактом.

И вот Барбикен, его товарищ и десять старших рабочих подошли к будке, в которой была установлена электрическая батарея.

Поглядывая на свой хронометр, Барбикен отсчитывал минуты; они тянулись как никогда,— каждая минута казалась ему вечностью!

Без десяти минут двенадцать. Барбикен и капитан Николь приблизились к аппарату, соединенному проводом с галереей Килиманджаро.

Султан и его двор стояли тут же, толпа туземцев окружала их всех огромным кольцом.

Выстрел надо было произвести, по вычислениям Мастопа, как раз в то мгновение, когда Солнце будет пересекать экватор, по которому ему отныне надлежало всегда описывать свой видимый путь вокруг Земли.

До полуночи остается пять минут!.. Четыре! Три! Две! Одна!

Барбикен следил за стрелкой своих часов, которые освещал фонарем один из старших рабочих. Капитан Николь держал палец над кнопкой аппарата, готовясь включить электрический ток.

¹ См. роман «Гектор Сервадак» того же автора. (Примеч. авт.)

Осталось только двадцать секунд! Десять! Пять! Одна!

Рука невозмутимого капитана ни разу не дрогнула. Он и его сотоварищи выказывали не больше волнения, чем в ту минуту, когда, сидя внутри снаряда, они ожидали выстрела «Колумбиады», который должен был переправить их в лунные области.

— Огонь! — крикнул Барбикен.

И указательный палец капитана Николя нажал кнопку.

Раздался страшный взрыв, раскаты которого отдались эхом у дальних пределов Вамасаи. С пронзительным свистом огромное тело прорезало воздух. Гонимый миллиардами миллиардов литров газа, возникшего от мгновенного взрыва двух тысяч тонн мели-мелонита, снаряд пролетел над Землей, как некий метеор, несущий с собой все бедствия, какими только располагает природа. Впечатление было такое ужасное, будто пушки всех артиллерий земного шара загрохотали враз со всеми небесными громами!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой Дж. Т. Мастоу приходится пожалеть о тех временах, когда толпа собиралась предать его суду Линча

Все столицы Старого и Нового Света, большие города и даже самые скромные селения с ужасом ожидали этого момента. Благодаря вездесущим газетам каждый человек на земле точно знал, какой час по местному времени, в зависимости от различий по долготе, соответствует полуночи у Килиманджаро, расположенного на тридцать седьмом градусе.

Так как Солнце проходит один градус в четыре минуты, то в главных городах в это время было:

в Париже	9 ч 40 м	вечера
в Петербурге	11 ч 31 м	"
в Лондоне	9 ч 30 м	"
в Риме	10 ч 20 м	"
в Мадриде	9 ч 15 м	"
в Берлине	11 ч 20 м	"
в Константинополе	11 ч 26 м	"
в Калькутте	3 ч 04 м	утра
в Нанкике	5 ч 05 м	"

В Балтиморе, спустя двенадцать часов после прохождения Солнца через килиманджарский меридиан, должно было быть пять часов двадцать четыре минуты вечера.

Не стоит и говорить, какой ужас охватил всех в это мгновение. Самый талантливый из современных писателей не сумел бы передать, это не удалось бы даже изощреннейшему стилисту декадентской школы.

Пусть жителям Балтимора не грозила опасность, что их сметут взбаламученные воды поднявшихся морей! Пусть им только предстояло увидеть, как Чесапикский залив опустеет, а замыка-

ющий его мыс Гаттераса горной вершиной поднимется над высохшим Атлантическим океаном! Но не будет ли самый город, подобно другим городам, которым не угрожает ни потопление, ни вознесение, не будет ли сам город разрушен этим толчком? А если обвалятся здания и разверзшиеся в земле пропасти проглотят целые кварталы? А значит, жители тех частей земного шара, которые не будут залиты сместившимися водами, тоже имели полное основание испытывать страх?

Очевидно, имели!

Каждый в этот роковой час чувствовал, что его до мозга костей пробирает дрожь ужаса. Да, все трепетали, за исключением одного человека — инженера Альсида Пьердэ. Не успев огласить сделанное им только что открытие, он отправился в один из лучших ресторанов города, чтобы выпить там бокал шампанского за здоровье старого мира.

Пять часов двадцать четыре минуты — время, соответствующее полуночи у гор Килиманджаро... Двадцать четвертая минута минула...

В Балтиморе — ничего!

В Лондоне, в Париже, в Риме, в Константинополе, в Берлине — ничего!.. Ни малейшего сотрясения!

Джон Милн, следивший за тропометром¹, помещенным им в шахте угольных копей Такашима в Японии, не отметил никаких ненормальных колебаний земной коры в этой части света.

В Балтиморе — по-прежнему ровно ничего.

Впрочем, хотя и наступил вечер, но небо, затянутое облаками, не давало возможности проверить, изменилось ли видимое движение звезд, что указывало бы на смещение земной оси.

Какую ночь провел Дж. Т. Мастон в своем тайном убежище, известном только миссис Эвенджелине Скорбит! Нетерпеливый артиллерист сходил с ума! Он места себе не мог найти! Как ему не терпелось стать старше на несколько дней и увидеть наконец, что путь Солнца изменился. Это неопровержимо доказало бы успех предприятия! Ведь утром 23 сентября изменение не могло быть установлено, потому что в этот день светило поднимается неизменно на востоке во всех точках земного шара.

Наутро Солнце, по свойственной ему привычке, показалось на горизонте.

Все европейские представители собрались на террасе своей гостиницы. Они взяли с собой точнейшие инструменты, чтобы определить, движется ли Солнце в плоскости экватора.

И вот через несколько минут выяснилось, что сияющий диск начал склоняться в сторону Южного полушария.

Его видимый путь, следовательно, остался прежним.

¹ Тропометр — род маятника, колебания которого отмечают микросейсмические движения земной коры. По примеру Японии многие другие страны установили такие же аппараты в каменноугольных шахтах. (Примеч. авт.)

Майор Донеллан и его товарищи приветствовали небесное светило дружными возгласами, как приветствуют появление любимого актера. Небо в эту минуту было ясное, последние остатки ночного тумана исчезли, и никогда еще ни один великий актер не появлялся на такой прекрасной сцене, в таком великолепном наряде и перед такими восхищенными зрителями.

— Солнце-то снова на месте, назначенном ему астрономическими законами! — крикнул Эрик Бальденак.

— А эти безумцы, — заметил Борис Карков, — собрались было отменить старушку астрономию!

— Да, они безумцы, к своему стыду и на свою собственную голову! — добавил Якоб Янсен, устами которого, казалось, говорила сама Голландия.

— И арктические области останутся навеки под скрывающими их льдами! — подхватил профессор Ян Харальд.

— Да здравствует Солнце! — воскликнул майор Донеллан. — Мир доволен Солнцем, таким, какое оно есть!

— У-р-р-а! У-р-р-а! — хором закричали представители старой Европы.

Но Дин Тудринк, до сих пор не промолвивший ни слова, выступил с довольно здравым соображением:

— А может быть, они и не стреляли?

— Не стреляли? — воскликнул майор. — Надеюсь, что стреляли, и даже не один, а два раза!

Как раз об этом толковали и Дж. Т. Мастон с миссис Эвенджелиной Скорбит. И такой же вопрос, объединившись под давлением обстоятельств, задавали себе и ученые и невежды.

Об этом же размышлял Альсид Пьердэ, решивший в конце концов:

— Стреляли они или не стреляли — это не важно! Суть в том, что Земля не перестала вертеться и кружиться на своей оси по-старому!

И никто не мог догадаться, что же случилось у гор Килиманджаро. Но к вечеру был получен ответ на вопрос, который мучил все человечество.

В Соединенные Штаты пришла телеграмма от занзибарского консула Ричарда У. Траста. И вот что в ней было сказано:

«Занзибар, 23 сентября.

Семь часов двадцать семь минут утра.

Джону С. Райту, Государственному секретарю.

Выстрел произведен вчера ровно в полночь из жерла, пробуровленного в южном склоне Килиманджаро. Снаряд вылетел со страшным свистом. Ужасный взрыв. Страна опустошена смерчем. Воды моря поднялись до Мозамбикского пролива. Много кораблей сорвано с якорей и выброшено на берег. Уничтожены селения и деревни. Все обстоит благополучно.

Ричард У. Траст».

Действительно, все обстояло благополучно, потому что в мире не произошло никаких изменений, если не считать бедствий, учиненных в области Вамасаи, почти сметенной с лица земли этим искусственным ураганом, да гибели нескольких кораблей от сотрясения воздушных слоев. Не то ли случилось, когда знаменитая «Колумбиада» швырнула свой снаряд к Луне? Сотрясение передалось почве всей Флориды и ощущалось на сто миль вокруг! И еще как! Разумеется, на этот раз действие должно было быть в сто раз сильнее.

Как бы то ни было, население Старого и Нового Света узнало из этой телеграммы две вещи: во-первых, что огромная пушка была сооружена в самом склоне Килиманджаро, во-вторых, что выстрел был произведен в назначенный час.

И тогда весь мир испустил вздох облегчения; затем последовал невероятный взрыв смеха.

Попытка Барбикена и К^о провалилась самым плачевным образом! Формулы Дж. Т. Мастоно годились лишь на растопку печей! Арктической промышленной компании оставалось только объявить о своем банкротстве!

Что же случилось? Может быть, секретарь Пушечного клуба ошибся при вычислениях?

«Скорее я поверила бы, что ошиблась, полюбив его», — говорила себе миссис Эвенджелина Скорбит.

И уж наверное не было в этот день на свете человека более смущенного и растерянного, чем Дж. Т. Мастон. Увидев, что условия, в которых испокон веков совершается движение Земли, остались прежними, он тешил себя надеждой, что, быть может, Барбикен и Николь по какой-нибудь случайности отложили исполнение замысла...

Но после телеграммы из Занзибара ему пришлось все-таки признать, что предприятие не удалось..

Не удалось!.. А уравнения, а формулы, которые предвещали ему успех предприятия? Неужели орудие в шестьсот метров длины и с внутренним диаметром в двадцать семь метров, выбросившее силою взрыва двух тысяч тонн мели-мелонита снаряд весом в сто восемьдесят миллионов килограммов с начальной скоростью в две тысячи восемьсот километров в секунду, — неужели такое орудие не могло вызвать смещения полюсов? Нет! Этого быть не может!

И все-таки...

Объятый страшным волнением, Дж. Т. Мастон заявил, что желает покинуть свое убежище. Напрасно миссис Эвенджелина Скорбит пыталась удержать его. Она больше не боялась за его жизнь, потому что опасность миновала. Но ей хотелось уберечь его от насмешек, которым подвергнут автора злополучных вычислений, от шуток, которые посыплются на него со всех сторон, от издевательств, которые обрушатся на его великое дело.

И, что еще важнее, как его примут коллеги по Пушечному

клубу? Не станут ли они обвинять своего секретаря в неудаче, так опозорившей их всех? Не на него ли — автора вычислений — падет вся ответственность за провал предприятия?

Дж. Т. Мастон и слушать ничего не желал. Он остался глух к мольбам и слезам миссис Эвенджелины Скорбит. Он вышел из дома, где скрывался. Он появился на улицах Балтимора. Его узнали. И те, чьей жизни и имуществу он угрожал и чьи страхи он еще усиливал своим упрямым молчанием, теперь, в отместку, старались всячески осрамить его и поднять на смех.

Надо было послушать американских уличных мальчишек! Они оказались не хуже парижских:

— Эй, ты! Выпрямитель оси!

— Ну что, подправил наши часы?

— А ну-ка покопайся в моем будильнике!

Растерянный, испуганный, секретарь Пушечного клуба вынужден был укрыться в особняке в Нью-Парке, и миссис Эвенджелина Скорбит исчерпала все запасы своей нежности, стараясь его утешить. Но все было напрасно. Дж. Т. Мастон, по примеру греческой Ниобеи, *poluit consolari*¹; ведь действие его пушки оказалось для земного шара не страшнее треска елочной хлопушки!

Через две недели мир, избавленный от былых страхов, и думать перестал о проектах Арктической промышленной компании.

И за эти две недели — никаких известий о Барбикене, о капитане Николе! Может быть, они погибли от сотрясения при выстреле, опустошившем страну Вамасаи? Может быть, они заплатились жизнью за эту величайшую мистификацию нашего времени?

Ничуть не бывало!

Сбитые с ног взрывом, они кувырком полетели наземь вместе с султаном, его двором и несколькими тысячами туземцев, но поднялись с земли целые и невредимые.

— Ну что, вышло? — спросил Бали-Бали, потирая себе плечи.

— А вы сомневаетесь?

— Я? Ничуть! Но когда это выяснится?

— Через несколько дней! — ответил Барбикен.

Догадался ли он, что предприятие не удалось? Может быть! Но он ни за что не сознался бы в этом перед правителем Вамасаи.

Через двое суток оба американца распростились с Бали-Бали. Правда, им пришлось заплатить кругленькую сумму за опустошения, произведенные в его государстве. Так как все деньги попали в личную казну султана, а подданным не досталось ни доллара, то его величеству нечего было жаловаться на это прибыльное дело.

¹ Не желал утешиться (*лат.*).

Затем оба друга и сопровождении десяти мастеров переправились в Занзибар, где оказался корабль, отплывавший в Суэц. Отсюда, под чужими именами, на французском пассажирском пакетботе «Морис» они были доставлены в Марсель, и почтовый поезд без всяких крушений и несчастий быстро привез их в Париж; затем по западной железной дороге они добрались до Гавра и, наконец, на трансатлантическом пароходе «Бургонь» прибыли в Америку.

В двадцать два дня друзья добрались из Вамасаи в Нью-Йорк.

И 15 октября, в три часа пополудни, они стучались у дверей особняка в Нью-Парке.

Спустя мгновение они стояли перед миссис Эвэнджелиной Скорбит и Дж. Т. Мастоном.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой эта любопытная история, столь же правдивая, сколь и невероятная, заканчивается

— Барбикен? Николь?

— Мастон?

— Мы.

В этом слове, произнесенном обоими товарищами одновременно с довольно странным выражением, слышалось очень много иронии и упрека. Дж. Т. Мастон провел по лбу железным крючком. Затем спросил, задыхаясь:

— Ваша галерея в Килиманджаро имела точно шестьсот метров длины при диаметре в двадцать семь метров?

— Да!

— А весил ли ваш снаряд сто восемьдесят миллионов килограммов?

— Да!

— И орудие было заряжено двумя тысячами тонн мели-мелонита?

— Да!

Эти три «да», как три тяжких удара, упали на череп Мастоно.

— Тогда я полагаю...— начал было он.

— Что? — спросил председатель Барбикен.

— А вот что,— сказал Дж. Т. Мастон.— Если операция не удалась, значит порох не придал снаряду начальной скорости в две тысячи восемьсот километров.

— Вот как? — сказал капитан Николь.

— И вашим мели-мелонитом только игрушечные пистолеты заряжать!

При этом кровном оскорблении капитан Николь даже подпрыгнул.

— Мастон! — закричал он.

— Николь!

— Если вы хотите стреляться мели-мелонитом...

— Нет, пироксилином! Это вернее!..

Миссис Эвенджелине Скорбит пришлось вмешаться и утихомирить разгорячившихся артиллеристов.

— Ведь вы же друзья! Ведь вы же друзья!..— повторяла она.

Тогда председатель Барбикен сказал уже гораздо спокойнее:

— К чему эти ссоры? Правильность вычислений нашего друга Мастоно несомненна. Несомненно и высокое качество взрывчатого вещества, изобретенного нашим другом Николем! И мы в точности осуществили на деле все требования науки! И все же опыт не удался! По какой причине? Возможно, мы никогда не узнаем этого...

— Ну что ж! — воскликнул секретарь Пушечного клуба. — Начнем сызнова!

— А деньги, потраченные зря? — сказал капитан Николь.

— А общественное мнение? — прибавила миссис Эвенджелина Скорбит. — Кто позволит вам второй раз ставить на карту судьбу всего мира!

— Что будет с нашими приполярными владениями! — прибавил капитан Николь.

— Как упадут акции Арктической промышленной компании! — воскликнул ее председатель.

Полный крах!.. Он уже совершился, и акции предлагали пачками по цене оборточной бумаги.

Таков был исход этой гигантской затеи. Таков был памятный провал, к которому свелось великое предприятие Барбикена и К^о.

Никогда еще никто не подвергался такому открытому и беспощадному осмеянию, как незадачливые инженеры; ни на кого не обрушивались с такой силой газетные фельетоны, карикатуры, песенки и пародии. Председатель Барбикен, заправилы новой компании, их коллеги из Пушечного клуба были буквально оплеваны. Им давали насмешливые клички, подчас настолько галльские, что их неудобно воспроизвести даже на латинском языке, даже на языке воляпюк. В Европе так изощрялись на их счет, так издевались над ними, что янки под конец обиделись. И припомнив, что Барбикен, Николь и Мастоно все-таки соотечественники и являются членами знаменитого Балтиморского клуба, американцы чуть было не заставили федеральное правительство объявить войну Старому Свету.

Наконец последний удар был нанесен французской песенкой, которую пустил в ход знаменитый Паулюс, — он был еще жив тогда. Эта песенка обожала кафе всего мира.

Вот один из куплетов, пользовавшихся особым успехом:

Чтоб дать толчка Земле-старушке,
Дыру пробили в ней насквозь
И выстрелом из адской пушки

Хотели сбить земную ось.
Трепещут люди и зверюшки.
Все ждут, что ось качнется вкось...
Ба-бах!.. Но старенькой вертушке
Все ж отвертеться удалось.

Выяснится ли когда-нибудь, что было причиной неудачи этого предприятия? Свидетельствует ли самая неудача о невыполнимости такой попытки, о том, что человечество никогда не будет располагать средствами, при помощи которых можно изменить суточное движение Земли, и что арктические области нельзя сдвинуть на другие широты, где льды и торосы сами растают от солнечных лучей?

Все разъяснилось спустя несколько дней после возвращения председателя и его друга в Соединенные Штаты.

Издатель Гебрар 17 октября напечатал в своей газете «Тан» короткую заметку, которая помогла всему миру разобраться в деле, важном для всеобщей безопасности.

Вот что в ней говорилось:

«Всем известна неудача предприятия, целью которого было создать для Земли новую ось. А между тем вычисления Дж. Т. Масто́на, основанные на точных данных, привели бы к искомому результату, если бы по необъяснимой рассеянности он с самого начала не допустил бы в них ошибки.

В самом деле, взяв основанием окружность земного шара, знаменитый секретарь Пушечного клуба посчитал ее равной *сорока тысячам метров*, вместо *сорока тысяч километров*, что привело к неправильному решению.

Откуда взялась подобная ошибка? Что могло ее вызвать? Как мог совершить ее человек, известный своими замечательными вычислениями? Просто теряешься в догадках.

Ясно одно: будь задача смещения оси поставлена верно, она, без сомнения, была бы и решена верно. Но три забытые нуля дали в конечном итоге ошибку в *двенадцать нулей*.

И для того, чтобы сдвинуть полюс на $23^{\circ} 28'$, допуская даже, что мели-мелонит обладает той силой, которую ему приписывает капитан Николь, нужна не одна пушка, в миллион раз превышающая двадцатисемисантиметровую, но триллион таких пушек, заряженных соответственно триллионом снарядов весом в сто восемьдесят тысяч тонн.

Один-единственный выстрел, произведенный при данных обстоятельствах в горах Килиманджаро, передвинул полюс только на три микрона (три тысячных доли миллиметра), а уровень морей сместился не больше чем на девять тысячных микрона.

Сам снаряд в виде новой маленькой планеты отныне войдет в нашу систему, где его будет удерживать солнечное тяготение.

Альсид Пьердэ.

Так, значит, причиной позорной неудачи Барбикена и К^о бы-

ла рассеянность Дж. Т. Масто́на, ошибка в три нуля, сделанная им в начале вычислений!

Но если члены Пушечного клуба теперь впали в ярость и стали осыпать его проклятиями, то общественное мнение повернулось в пользу бедняги. В конце концов в его ошибке было все несчастье, вернее, все счастье, потому что она избавила мир от ужаснейшей катастрофы.

И теперь со всех сторон посыпались приветствия, и в миллионах писем Дж. Т. Масто́на поздравляли с ошибкой в три нуля.

Смушенный и подавленный, Дж. Т. Масто́н не радовался бешеным рукоплесканиям, которыми награждал его весь мир. Ведь председатель Барбикен, капитан Николь, Том Хэнтер на деревянных ногах, полковник Блумсбери, непоседливый Билсби и их коллеги никогда не простят ему...

Правда, рядом была миссис Эвенджелина Скорбит. Эта превосходная женщина не питала к нему никакой вражды.

Первым делом Дж. Т. Масто́н решил наново сделать все свои вычисления, не веря, что он мог оказаться до такой степени рассеянным.

Однако это было именно так. Инженер Альсид Пьердэ был прав. Вот почему, обнаружив ошибку в последнюю минуту, когда уже не было времени сообщить о ней всему человечеству, этот чудак и был совершенно спокоен вопреки всеобщему смятению. Вот почему в тот миг, когда у гор Килиманджаро раздался выстрел, он спокойно пил вино за здоровье старого мира.

Да! Три нуля были пропущены в числе, выражающем длину земной окружности!..

Внезапно Дж. Т. Масто́ну пришло на ум одно воспоминание. Это случилось в самом начале его работы, когда, замкнув дверь своего кабинета в Баллистик-коттедже, он старательно выписывал на черной доске число 40 000 000...

Вдруг раздается нетерпеливый телефонный звонок... Дж. Т. Масто́н подходит к аппарату... Обменивается несколькими словами с миссис Эвенджелиной Скорбит... Удар грома... Молния повергает его наземь и опрокидывает доску... Он поднимается... Он снова берет мел, чтобы восстановить число, полустертое при падении доски. Едва он успевает вывести 40 000...», как звонок раздался вновь... и, опять принявшись за работу, он забывает приписать три последних нуля к числу, выражающему длину окружности земного шара!

Вот как! Значит, всему виной миссис Эвенджелина Скорбит! Если бы не ее звонок, Масто́н, вероятно, и не был бы задет электрическим разрядом! И тогда молния не сыграла бы с ним такой подлой шутки, из-за которой он теперь опозорен на всю жизнь, — он, чьи вычисления всегда были безупречны.

Каким ударом это было для бедной женщины, когда Дж. Т. Масто́н сообщил ей, отчего произошла ошибка. Да, она виною несчастья! Из-за нее Масто́ну предстоят долгие годы бесчестия;

ведь члены почтенного Пушечного клуба умирали не иначе как столетними стариками.

После этого разговора Дж. Т. Мاستон убежал из особняка в Нью-Парке. Он вернулся в Баллистик-коттедж. Он шагал по своему рабочему кабинету, приговаривая:

— Теперь я не гожусь больше ни на что!

— Даже на то, чтоб жениться? — слышался голос, полный душевиздающей печали.

Это была миссис Эвенджелина Скорбит. Потрясенная, вся в слезах, она пришла к Дж. Т. Мастону.

— Дорогой Мастон!.. — начала было она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

очень короткая, но успокоительная для будущего всего мира

Пусть обитатели Земли не тревожатся больше! Председатель Барбикен и капитан Николь не примутся больше за свое так плачевно окончившееся предприятие. Дж. Т. Мастон не будет больше делать никаких — даже вполне правильных — вычислений. Это был бы напрасный труд. В своей заметке Альсид Пьердэ говорил правду. По законам механики, чтобы сместить земную ось на $23^{\circ} 28'$ хотя бы и с помощью мели-мелонита, нужен триллион пушек, подобных той, которая была выдолблена в толще Килиманджаро. Им не уместиться на нашей планете, даже если бы ее поверхность вся состояла из суши.

Итак, обитатели земного шара могут спать спокойно. Человечеству не под силу изменить условия, в которых происходит движение Земли: людям не переделать порядок, установленный Создателем в строении вселенной.

1889 г.

СОДЕРЖАНИЕ

- С ЗЕМЛИ НА ЛУНУ. Прямой путь за 97 часов
20 минут. Роман.
Перевод с французского М. Вовчок.
- ВОКРУГ ЛУНЫ. Роман.
Перевод с французского М. Вовчок.
- ВВЕРХ ДНОМ. Роман.
Перевод с французского Е. Лопыревой

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том второй

Редактор *Н. Пономарева*
Художественный редактор *И. Марев*
Технические редакторы *Н. Кленова, Г. Шитова*
Корректоры *С. Ковалева,*
Н. Проплетина, Н. Халикова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.
Подписано в печать 08.08.97 г.
Гарнитура Литературная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 26,65.
Цена для членов клуба 13 200 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.